

Леонид СЛОВИН
ОБРАТНЫЙ СЛЕД

Леонид СЛОВИН

ОБРАТНЫЙ СЛЕД

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1984

84P7
C 48

C 4702010200—322 195—85
078(02)—84

© Издательство «Молодая гвардия», 1984 г.

ОДНОДНЕВНАЯ КОМАНДИРОВКА

— Сержант Денисов! — вполголоса сказал подполковник.

Место Денисова было в последнем ряду у окна. Услышав свою фамилию, он встал, одернул китель и, стараясь не спешить и не выказывать волнения, пошел меж рядами столов.

Была в скуластом рыжем подполковнике, руководителе семинара, внутренняя сила, которую Денисов не мог объяснить. Держал себя подполковник так же, как и другие преподаватели, может, только шутил реже. И еще: даже когда отходил от темы семинарского занятия, говорил обо всем серьезно и самую суть.

— ...Разыскивается вооруженный преступник, левша, — сказал подполковник. — Вы несете службу в почное время на окраине. Впереди показался человек, схожий по приметам с разыскиваемым. Возникла необходимость проверить документы... Прошу!

Преподаватель подал знак, и маленький юркий крепыш с предпоследнего ряда выкатился на середину класса. Будущие милиционеры сразу оживились, ожидая поединка.

Денисов встретил партнера чуть в стороне от свисавшей с потолка лампы, обозначающей во время занятий уличный фонарь.

— Извините, прошу предъявить документы! — Он козырнул. Против предполагаемого левши Денисов, как и следовало, держался левой стороны.

Задача не относилась к числу сложных: проверяя удостоверение, нужно было только следить за мелкими предметами, которые партнер быстро достает из карманов, и скороговоркой называть их классу, демонстрируя остроуту и цепкость бокового зрения. В случае внезапного нападения полагалось отразить его отретпетированным болевым приемом, обезоружить преступника и лишить возможности к сопротивлению.

Класс ждал схватки, но партнер предпочел не нападать.

— Закончили! — В голосе подполковника звучал

особый командирский тон. Партнер Денисова пошел на свое место в предпоследнем ряду. — Товарищ сержант! Не вспомните, сколько машин вы видели сегодня перед школой, когда возвращались из тира?

— Кажется, четыре... Да, четыре.

— Что можете о них сказать?

— «Жигули» серого цвета с надписью мелом «Транзит»... Такси областное, заднее стекло испачкано глиной...

Денисову нравились и преподаватель, и занятия в школе подготовки младшего и среднего начальствующего состава.

Будущих постовых учили здесь замечать малейшие изменения окружающей обстановки, быть внимательными, запоминать десятки, а то и сотни всякого рода мелочей, каждая из которых могла оказаться в будущем единственно важной при раскрытии преступления.

«Не смотри по сторонам!», «Не отвлекайся», «Занимайся своим делом!» — всего этого просто не существовало для тех, кто посвятил себя работе милиции. Только: «Смотри по сторонам», «Будь внимательнее», «Стремись ничего не упустить».

И, вступая в новый для себя мир, пока еще, правда, не в уголовный розыск, как мечталось, а только в службу охраны общественного порядка, Денисов чувствовал, как понемногу становится другим — более сдержанным, внимательным и дружелюбным по отношению к людям, которые как бы попадали теперь под его опеку.

— Товарищ подполковник! Пусть Денисов проверит мои документы! — Смуглый, словно только что с черноморского пляжа, Черкаев, один из «старичков» взвода, тех, кому больше тридцати, поднял руку.

Черкаев, считавшийся в восьмом взводе лучшим после Денисова, был напорист, умен, безукоризненно исполнителен и словно рожден для того, чтобы командовать и подчиняться, хотя на гражданке пять лет проработал в таксомоторном парке, где строгих порядков не замечалось.

— Разрешаю, — сказал преподаватель.

Они встали друг перед другом — с виду узкоплечий и худощавый, но с крепкими, привычными ко всякой тяжелой работе руками Денисов и плотный, но верткий Черкаев.

Черкаев протянул удостоверение, Денисов раскрыл его и сразу заметил — верхнюю часть загоразивала

вложенная под слюдяную обложку бумага. Этого не предполагалось и скорее всего сделано было намеренно, но Денисов не мог тратить время на замечания: Черкаев уже показывал взводу содержимое своих карманов.

— Ключ, неполная пачка сигарет «Шипка», записная книжка, — перечислял Денисов, уткнувшись в удостоверение: печать есть, дата, подпись — все на месте... коробка спичек, свисток, юбилейный рубль, брелочки, пуховица, карандаш...

Зная характер Черкаева, он готовился к защите, но и этот партнер не стал нападать.

— Все? — напряженно спросил он Денисова.

— Все...

— Посмотри, чье удостоверение держишь!

Тишина вмиг сменилась взрывом хохота. Многие еще не поняли, в чем дело, но над промахом лучшего ученика смеются особенно охотно. Денисов выдернул бумагу. На ладони лежало удостоверение милиционера, сидевшего за одним столом с Черкаевым.

Смех стих не сразу.

— Люди смотрят, сыщики наблюдают, — подытожил подполковник. Он сделал вид, будто не заметил уловки Черкаева с удостоверением. — Наблюдательному человеку на платформе не нужно расспрашивать, скоро ли поезд, — он поймет по поведению окружающих. На какой путь принимают состав — подскажет суета носильщиков. Их тележки точно отмерят границы вагонов...

Оставшуюся часть урока Денисов внимательно слушал преподавателя, но чувство досады не оставляло его. Ребята иногда оборачивались, чтобы посмотреть, как он там. Черкаев тоже оглянулся, подмигнул: «Знай наших!»

Подполковник объяснял основы словесного портрета, особенности строения носов и ушных раковин. Это было новым и интересным.

— Решил рекомендовать тебя на работу в милицию... — Комсомольский секретарь разговаривал с Денисовым в электроцехе, у верстака, за которым Денисов паял концы провода.

— Не понял! — Денисов оставил паяльник.

Смысл сказанного не дошел до него. Это было как гром с ясного неба. Никто ни разу не говорил с ним о том, что ему следует сменить профессию, уйти с завода. Здесь, в электроцехе, работал в свое время и его отец,

и сам Денисов никогда не мыслил себя в другом месте.

— Есть разнарядка на лучших комсомольцев... — Секретарь поправил ручку паяльника, сделал вид, будто не видит ничего необычного в своем предложении. — Надо помочь укомплектовать милицию района передовыми кадрами.

— Но я в этом ничего не понимаю!

— Научат! Не беспокойся. Ты один из лучших комсомольцев, член комитета комсомола, штаба дружины... Кого же рекомендовать?!

Денисову еще казалось, что разговор этот останется без последствий, что все как-то образуется.

Одно дело дежурить после работы в отделении, патрулировать с участковым инспектором по набережной... Но совсем уйти с завода?!

— И когда должно решиться? — спросил он.

— Уже решилось. С утра позвони по этому телефону. — Денисов только теперь заметил листок бумаги в руке секретаря. — Партком одобрил твою кандидатуру.

Работник отдела кадров, которому Денисов позвонил, пригласил его к себе, он оказался поджарым пожилым человеком в звании майора. О поступлении Денисова в милицию майор говорил как о совершившемся факте, дал заполнить анкету, послал на медицинскую комиссию.

Вместе с Денисовым у кабинетов специалистов стояли десятки таких же, как он, ребят с заводов, сверстников, и все-таки ему верилось, что-то должно произойти — по какой-то причине он должен вернуться в электроцех.

Чуда не произошло. Майор-кадровик пригласил Денисова на беседу к начальнику отдела — подполковнику. В конце разговора подполковник поднялся из-за стола, пожал Денисову руку.

— Поздравляю.

«Прощай, завод! Здравствуй, милиция».

Он запомнил первый день на новой работе, начавшийся ознакомлением с ориентировками о совершенных преступлениях, оставшихся нераскрытыми: каждая телеграмма была сообщением о чьей-то трагедии, чьей-то подлости, чьем-то равнодушии, призывом о помощи. Фамилии разыскиваемых и их приметы потом повторялись на каждом инструктаже, Денисов скоро знал их наизусть. Стоя на посту, он внимательно приглядывался к

окружающим, но преступники, казалось, предпочитали обходить зону его поста стороной. Так было до самого дня направления его в школу подготовки младшего и среднего начальствующего состава.

Перед окончанием занятий дверь открылась, в аудиторию вошел милицейский капитан. Он чему-то улыбался, словно в коридоре, перед тем как войти в класс, услышал смешную историю. Милицейская форма сидела на нем щегольски.

— Я звонил вам, — сказал капитан.

— Капитан Кристинин? — Подполковник протянул руку, здороваясь. — Помню: осмотр местности... Одно место в машине...

— Можем взять с собой хорошего парня, если у него острый взгляд и он, конечно...

— ...внимательный и находчивый, — закончил преподаватель и обвел глазами восьмой взвод.

Прошло несколько коротких секунд. Денисов чувствовал, как уверенный спокойный взгляд подполковника прошел над ним по направлению к углу, где сидел Черкаев, и заскользил обратно, никого не задев.

— Сержант Денисов, — подполковник не смотрел на него, поднес руку к рыжим, без единого седого волоса вискам, — вы поступаете в распоряжение старшего инспектора * МУРа Кристинина. Можете идти. По возвращении доложите лично мне. Желаю успеха.

Молча покидая класс, Денисов скорее почувствовал, чем увидел потускневшие глаза Черкаева.

— Работа, товарищ сержант, предстоит тонкая, — сказал капитан Кристинин, сидя за рулем новенькой, песочного цвета «Волги», — мы должны осмотреть за городом небольшой безымянный овраг. Преступник после кражи спрятал в нем фомку... Можно сказать, ювелирная работа. — Кристинин скорее всего шутил.

— Мы едем в МУР? — спросил Денисов.

— И в МУР тоже.

Жаркий летний день только входил в силу. В машине было душно, Денисов осторожно поправил воротник рубашки, но снять галстук и расстегнуть верхнюю

* Должности оперативных сотрудников уголовного розыска в ОБХСС — инспектор, старший инспектор — указаны в их наименовании до марта 1984 года, в настоящее время — оперативный уполномоченный, старший оперативный уполномоченный.

пуговицу не решился, хотя по летней форме это и разрешалось.

— Найдём — и все свободны! В управлении можно переодеться. — Кристинин обогнал несколько машин и неожиданно сбавил скорость, когда обгонять стало некого. — До милиции где работал?

— На заводе, электриком.

— Хорошо.

Денисов вздохнул:

— А преступник? Не ушел? Тот, что с фомкой...

Кристинин скосил глаза в зеркало над кабиной:

— Преступник задержан. Кража была неделю назад. А про фомку он сказал только вчера.

Он вел машину легко, с профессиональной небрежностью мастера, заканчивающего привычную работу. На Садовом кольце по неуловимым мелочам Денисов догадался, что ехать осталось немного. Действительно, свернув с кольца, они сделали несколько поворотов и остановились у большого серого здания.

— Нам сюда.

Во дворе, сразу за проходной, к ним подошли двое: пожилой, с мешочками под глазами — Старик, сразу окрестил его Денисов, — и молодой парень. Оба были в живописных, выгоревших на солнце ковбойках.

— Позвольте представить, — церемонно и чуть насмешливо сказал капитан Кристинин, кивая в их сторону. — Майор милиции...

— Горбунов Михаил Иосифович, — назвался Старик.

— Лейтенант Губенко.

— Денисов.

Молодой коснулся пальцами ладони Денисова и, продолжая прерванный разговор с Горбуновым, сказал о ком-то:

— Вы, Михаил Иосифович, зря с ним возитесь, он же вас форменным образом эксплуатирует. Я бы его в два дня отшил...

Денисов позавидовал самоуверенности, с какой держался его сверстник.

— Сейчас мы тоже переоденемся, — сказал Кристинин. В это время стоявший у входа милиционер его окликнул:

— Товарищ капитан, к дежурному!

— Меня?!

Привыкшие ко всяким неожиданностям своей служ-

бы, Михаил Иосифович и Губенко не прервали разговора, Денисов чуть отошел, чтобы не мешать.

Кристинин появился через несколько минут.

— Михаил Иосифович! — крикнул он еще с лестницы. — Тот объявился!

— Тот?! Не путают? — Старик и Губенко разом обернулись.

— На даче! Уже несколько дней!

Горбунов взглянул на часы.

— Надо что-то делать.

— Мы поедem, как только удастся кое-что организовать... — сказал Кристинин.

— Неплохо бы Удальцова взять! — Губенко встрепенулся. — Или Спирина! Ну и сила у него! Но лучше Удальцова.

Денисов ждал, когда, решив другие вопросы, капитан вспомнит о нем.

— Удальцов твой сегодня выходной, Спирин в поликлинике. Про остальных ты знаешь, — Кристинин с секунду помолчал, — нет никого. Вот он поедет. — Кристинин кивнул на Денисова. — Идите пока наверх, я скоро приду.

После его ухода разговор больше не возобновился, Губенко молчал. В эти минуты Денисов понял, что будет участвовать не в прочесывании дна оврага в поисках брошенного орудия взлома, а в настоящей, может быть, даже опасной операции.

В кабинете оказалось сумрачно и прохладно. Сбоку от стола висела на стене фотография бенгальского тигра: огромная кошка брезгливо потягивалась после сна, седые усы ее воинственно топорщились.

Кристинина ждали долго. Он появился минут через сорок и бросил на диван ворох одежды. Денисову досталась куртка из водоотталкивающей материи, когда-то белая или кремовая, с красным вязаным воротником и такими же манжетами, старые джинсы с ржавыми наклепками и кеды. Кристинин надел изрядно потертый серый костюм и летние туфли с пряжками.

— Нам дадут «газик» вместе со всем снаряжением. — В новом одеянии Кристинин выглядел старше, но так же щеголеват. — Придется некоторое время скалывать на новом поприще.

Смысл сказанного дошел до Денисова не сразу.

Покончив с переодеванием, Кристинин вытянулся в кресле, закурил. Денисов обратил внимание на то, что, затянувшись, Кристинин не относит сигарету в сторону, а лишь чуть приподнимает ее над верхней губой, не отрывая большого пальца от подбородка, и на лице его, насмешливом и живом, появляются тревога и озабоченность.

— Значит, вы — Денисов...

— Денисов Игорь. — Он встал.

— Садитесь. Двадцать четыре года.

— Двадцать три.

— Двадцать три, служил на флоте...

Денисов сел, искоса взглянул на свой синий якорек на кисти.

— На Севере.

— Вернулся на завод. Потом решил пойти работать в милицию, — Кристинин наверняка думал о том, как можно будет использовать биографию Денисова в предстоящей операции, — попал в школу подготовки... Ученик десятого класса рабочей молодежи? — Кое-какие наметки у него уже были. — Хобби?

— Я занимался рисованием в студии.

— А на заводе вы кем работали? — спросил Михаил Иосифович. Он сидел в кресле, положив ногу на ногу, откинувшись всей спиной назад, и был совершенно спокоен.

— Электриком по шестому разряду. И на флоте тоже.

— Вам о приметах Новожилова рассказывали? — И тут все трое впервые взглянули на Денисова с интересом.

«Значит, я в группе, которая будет брать Новожилова! Вооруженного! — сообразил Денисов. — Это уже не занятия, это то самое, настоящее!»

— А как же?! — Он припомнил: — «На вид сорок лет, плотный...» У меня записано!

За окнами и стенами кабинета была жизнь, здесь — ожидание.

— Какого калибра у него пистолет, товарищ майор? — спросил Губенко у Михаила Иосифовича.

— Семь шестьдесят пять. — Старик пожал плечами. — Не представляю, где Новожилов его откопал? Моделль девятьсот девятого года...

— Мы как-то изъяли «борхардт» восьмьсот девяно-

сто третьего года, — сказал капитан Кристинин. — Помните?

— Как же! Я стрелял из него. И из «люгера» тоже. Денисову нравилось, что Кристинин держался с ним и с Губенко как с равными, а к Старику обращался почтительно, как младший.

Позвонили не скоро — минут через двадцать. За это время Кристинин успел вычертить на листе бумаги план местности. В центре листа он нарисовал квадрат, который должен был обозначать дом, справа волнистой линией определил границу леса.

— Расстояние от дома до леса по прямой сто метров.

Денисов перевел для себя расстояние на время: двенадцать-тринадцать секунд, но вслух ничего не сказал.

Левую часть листа Кристинин заполнил короткими черточками и написал: «Луг». Затем между домом и лесом изобразил машину и человечка с большой головой, длинными руками и короткими ножками, под которыми размашисто вывел: «Денисов».

— Похож? — спросил он, не поднимая головы.

Еще через минуту на лугу появился большой квадрат с надписью: «Фундамент школы-интерната» — и неподалеку три человеческие фигурки.

— Нолик, точка, огуречик, вот и вышел человечек, — удовлетворенно констатировал Кристинин, — это Губенко, а это дом с Новожиловым...

Телефон здесь был со странным глухим звонком, похожим на жужжание осы.

— Кристинин слушает...

Когда Кристинин положил трубку, телефон отозвался неожиданным мелодичным перезваниванием.

— Итак, желание лейтенанта Губенко, — Кристинин поднялся довольный, — чтобы арест Новожилова поручили именно нашей оперативной группе, руководством Московского уголовного розыска удовлетворено! Поздравляю.

— Я согласен еще сто лет не видеть этого типа! — в сердцах сказал Губенко.

— Новожилов — подонок, — Михаил Иосифович пожал плечами, — абсолютное дерьмо. Не стоит о нем говорить.

— Но у него пистолет! — Губенко поднялся. — А в голове сквозняк!

— Слушай Михаила Иосифовича, — ответил Кристинин. — Определить явление правильно — значит напо-

ловину приблизиться к решению задачи... А теперь прошу внимания. — Он придвинул рисунок. — С этой минуты мы с вами топографы. Полдня честно «вкалываем» на краю деревни, на глазах у всех, перед домом, потом усталые входим в дом и берем Новожилова...

В переулке, неподалеку от здания управления, у забора, стоял потрепанный зеленый «газик», затянутый брезентом. Чуть поодаль, на двух положенных друг на друга кирпичках, с хмурым видом сидел шофер «газика». Кристинин ему сочувственно подмигнул на свой манер — не улыбнувшись, на секунду зажмурил один глаз.

— Все есть, я проверил, — шофер поднялся, отряхивая комбинезон, — бензина достаточно, инструменты на месте.

Денисов и Губенко устроились в кузове. Между ними на полу оказался тяжелый деревянный ящик и ведро с картошкой. Под сиденьями гроыхали лопаты, а наружу из-под задней брезентовой шторки кузова на полметра высывалась рейка с делениями.

— Теодолит, — ткнул Губенко ногой в ящик, — геодезический инструмент для измерения на местности горизонтальных и вертикальных углов...

— Знаю, — отозвался Денисов.

Ему показалось, что лейтенант держится высокомерно.

По дороге капитан Кристинин и Михаил Иосифович Горбунов разговаривали между собой. Старик, понял Денисов, собирался в отпуск куда-то далеко, в горы, и каждый раз, называя незнакомые Денисову места, улыбался и радостно потирал руки.

— ...В краеведческом музее до сих пор сохранилось пианино дочери коменданта Хорогской крепости. Представляете? Его принесли на Памир на руках. Транспортировка заняла два месяца.

— «Крыша мира». — Кристинин понимающе кивнул.

— Первый автомобиль там, наверху, появился только в тридцать четвертом году...

Но и хладнокровные сотрудники уголовного розыска, занятые разговором, не могли, видимо, полностью отрешиться от предстоящей операции и незаметно для себя снова возвращались к ней, потому что майор Горбунов вдруг сказал:

— Надо вдолбить Новожилову, что мы им не интересуемся. Для нас он как прошлогодняя трава.

— Если б мы смогли выманить его из дома к дороге...

— Это было бы отлично.

— Помните, как вы брали в Химках Сухого Барона? — Разговаривая со Стариком, Кристинин на время оставлял иронию, и в голосе его звучали почтительные нотки.

— Как же...

По его тону Денисов понял, что, несмотря на свой предпенсионный возраст, а может, благодаря ему Горбунов в милиции человек очень уважаемый и нужный, решил впредь более внимательно прислушиваться ко всему, что Старик будет говорить. Вскоре, однако, Денисов заинтересовался топографическим снаряжением. Проверил, как открывается ящик с теодолитом, на всякий случай пощупал картошку в ведре, заглянул в висевшую на крючке сумку. Там лежали инструменты на все случаи жизни, и Денисов, как знакомым, улыбнулся отвертке и монтерским кусачкам, мотку изоляции и новеньким проводам. Губенко в это время поправил висевший под мышкой пистолет и посмотрел, не выпирает ли сквозь куртку ствол.

Горбунов снова вернулся к своей поездке на Памир, к Хорогской крепости:

— ...В восемнадцатом году царский гарнизон вместе с комендантом крепости бежал, а старый «Беккер» попал в музей.

— Мне как-то попалась небольшая книжечка, — заметил Кристинин, — она называлась «На Памирах»...

— Я от нее не в восторге. Вот если бы вы могли достать «Памирские походы» Рустам-бека!

Денисов позавидовал этим людям. Не их командирскому положению, не образованию, а чему-то, чего сам еще не мог толком понять и что сразу отличало их от него самого, от Черкаева и даже от бывшего лейтенанта Губенко.

Чем дальше отъезжали они от центра, от здания на Садовом кольце, тем выше поднимались крыши домов, все больше становилось подъемных кранов, блоков, плит, кирпичей по обе стороны шоссе. Город кончился. Шоссе стало перерезать маленькие лесные речушки, втягивающиеся в широкие бетонные трубы под насыпью.

Мелькнула московская кольцевая дорога внизу и красные стрелы, указывающие дорогу к аэропорту.

За бензозаправочной станцией Кристинин свернул на проселочную дорогу. Прохожих здесь не было, только один раз, недалеко от школы, встретила группа старшеклассников с рюкзаками, и кто-то из них, увидев высывавшуюся из кузова рейку, крикнул вслед:

— Привет топографам!

Как ориентировался Кристинин среди переплетающихся проселочных дорог, было непонятно. По сторонам тянулись одинаковые березовые рощицы. Дорога была ухабистой, проложенной, казалось, десятки лет назад.

Конец пути предстал неожиданно.

— Внимание! — обернулся вдруг Михаил Иосифович к Денисову и Губенко. — Подъезжаем! Вон, на краю леса, территория будущей школы-интерната... А вон тот дом. Рядом с лесом.

Впереди виднелась заросшая травой красная кирпичная кладка. Справа, метрах в ста пятидесяти, старый деревенский дом-пятистенка, с колодцем у крыльца и зеленоватой давно не крашенной крышей. Дом показался Денисову необычным и даже зловещим. У кирпичной кладки Кристинин затормозил.

Вдвоем с Михаилом Иосифовичем они вышли из машины, некоторое время постояли у фундамента и о чем-то поговорили. Потом Кристинин снова сел за руль, а майор стал рядом с ним на подножку, показывая рукой направление. «Газик» проехал еще метров пятьдесят и остановился между домом и лесом. Майор спрыгнул на траву.

— Выгружайся!

Денисов и Губенко отстегнули брезентовую шторку сзади кузова и стали выгружать на землю лопаты, ящик с теодолитом.

Кристинин снова слезил в кабину и достал тетрадку и карандаш, а Михаил Иосифович, воспользовавшись свободной минутой, мгновенно скинул с себя ковбойку вместе с майкой и опустился на траву спиной к дому: загорать.

День был жаркий.

Помня инструктаж, Денисов не смотрел на дом. Ни для него, ни для Губенко, предупредил Кристинин, этого дома не существует в природе, иначе может получиться так, что все четверо, не сговариваясь, могут в

одно и то же время их разных положений бросить взгляд на окна, и тогда там, в доме, все сразу станет ясно. И кроме того, сказал Кристинин, непосредственного участия в захвате Новожилова Денисов принимать не должен.

Денисов тоже прилег около машины, просматривая старую «Вечерку», подобранную в кузове. Он понимал, что не должен браться за дело слишком рьяно. Иногда по зову Губенко Денисов поднимался, брал в руки лопату и срывал какой-нибудь бугорок, на который указывал ему тот же Губенко. Кристинин в это время смотрел в окуляр трубы и делал пометки в тетради, Губенко ходил чуть поодаль с рейкой.

Михаил Иосифович несколько минут дремал, накиннув себе на лицо носовой платок, потом встал и принялся помогать Кристинину, записывая в тетрадь обмеры.

Денисов опасался вначале, что работа, лишенная внутреннего смысла, скажется на них угнетающе, но Кристинин оказался неплохим режиссером: спектакль, который он ставил для Новожилова, шел весело, динамично, нервность Денисова прошла, ему стало весело, как перед экзаменом. Это было то неудержимое веселье, которое может пройти неожиданным холодком по сердцу. Он рыхлил землю, чинил Кристинину карандаш, носил за Губенко рейку и вдруг был совершенно сражен одной короткой фразой, которую Михаил Иосифович бросил Кристинину:

— Новожилов, по-моему, нас разгадал.

С того момента как «топографы» расположились на лугу, хозяин дома, которого в деревне называли Лукьянычем, и его постоялец не отходили от окна.

— Наконец-то возьмутся за школу-интернат, — заметил по поводу «топографов» Лукьяныч. — Оно бы хорошо.

Пенсионеру, бывшему бухгалтеру совхоза, живущему уже несколько лет бобылем, Лукьянычу изрядно надоело однообразие его теперешней жизни, и он жаждал вокруг себя движения, многолюдия, даже шума. Его постоялец, приехавший на пару недель из Москвы,³ чтобы «подлечить нервы», был настроен иначе. Он мрачно наблюдал за работавшими.

— Это еще бабушка надвое сказала.

— Детям будет неплохо, — продолжал Лукьяныч, —

речка рядом, лес тоже, земляника, грибы... Только дорожку подремонтировать. Интернату законно автобус положен и полуторка. Учителя бы в деревне молоко покупали, яйца. На два месяца и мне, пенсионеру, пойти в интернат работать...

Лукьяныч оглядел стены своего запущенного дома. Отсутствие хозяйки чувствовалось здесь в каждом углу: полы давно уже не подметались, со стен свешивались почерневшие провода, а стоявшая у окна металлическая кровать с панцирной сеткой была прикрыта фланелевым одеяльцем.

— Да, — пробурчал постоялец. Он с самого начала поразил Лукьяныча своей угрюмой неприязнительностью, отсутствием даже малейшего намека на багаж и сменное белье («Нервы есть нервы!» — вздыхал Лукьяныч). — Сейчас здесь будет дело!

С Новожиловым действительно было не все в порядке. Не в меру вспыльчивый, завистливый и недалекий, он словно жил в особом мире, заполненном до краев подозрительностью, опасениями, постоянными личными счетами с сообщниками и какой-то дремучей неосведомленностью обо всем, что происходит вне его узких повседневных забот и интересов. Поэтому даже в делах простых и понятных Новожилов постоянно попадал впросак, отчего его обычная неуравновешенность с годами становилась все заметнее для окружающих и принимала характер заболевания. Дерзкое ограбление, которое стоило жизни сторожу ювелирного магазина и за которое Новожилова теперь разыскивали, было, по существу, задумано другими, а Новожилов оказался втянутым в число участников, причем на роль главного исполнителя. И вот, вынужденный скрываться в глуши, не получая ни от кого ни помощи, ни вестей, он проклинал и воров и милицию, а больше всего ту цепь неблагоприятных для него обстоятельств, которые приковывали его теперь к окну дома Лукьяныча и заставляли сжимать в руке старый и весьма ненадежный в этой ситуации «дамский» пистолет.

За свою беспокойную, швырявшую его как щепку из стороны в сторону жизнь Новожилов не раз сталкивался с геологами, и геофизиками, и топографами. И все же, наблюдая за «работягами», возившимися у теодолита, он так и не мог понять, кто перед ним, и, повинувшись од-

ному инстинкту самосохранения, заранее решил, что перед ним именно те люди, встреча с которыми не сулит ему ничего хорошего.

— Сколько детей могут поместить в школу-интернат? — спросил Лукьяныч. — Человек триста? Пятьсот?

— Интернат! Разуй глаза! Здесь сейчас такой интернат начнется, только держись!

Лукьяныч недоуменно посмотрел на своего обычно сдержанного постояльца и ничего не сказал. Новожилов быстро прошел во вторую комнату, где жил сам Лукьяныч. Отсюда к лесу выходили три окна, и дорога была недлинной, но между домом и лесом у машины прилег с газеткой парень в светлой куртке. Он, безусловно, сразу заметил бы Новожилова, если бы тот попытался вылезть из окна. А к крыльцу было обращено лицо второго парня, переносившего рейку. Нет, бежать из дома невозможно.

Теперь Новожилов уже ни на секунду не мог обрести способность трезво осмысливать происходящее. Он чувствовал себя как на иголках, одно предположение сразу сменялось другим, противоположным, и на несколько секунд каждое из них поочередно казалось ему правильным и единственно верным.

Когда же они думают его брать? Видимо, под вечер. Закончат работу, невзначай подойдут к дому, попросят воды. Или останутся ночевать. А может, подойдут только двое, а остальные будут прикрывать путь к лесу и луг... Во всяком случае, парень у машины должен остаться, в дом пойдут другие. Тут сразу все и станет ясно. Стоп! Новожилов заметил, как парень в светлой куртке не торопясь встал, взял лопату и, таща ее по земле, пошел к теодолиту. Путь к лесу свободен! Неужели в угрозы стали набирать дураков?! А может, он, Новожилов, ошибается?! Может, люди, которые бродят по лугу с рейкой, все-таки самые обыкновенные работяги?! Нет, бежать опрометью в лес и тем самым выдавать себя ни к чему, решил Новожилов. Надо ждать.

Он отвернулся к стене, осторожно, чтобы не задеть свесившуюся с кровати электропроводку, достал из кармана свой маленький «байярд», загнал патрон в патронник и снова спрятал пистолет в карман. Потом подошел к окну.

Старый работник уголовного розыска, добрейший Михаил Иосифович отмерил пятьдесят метров по направле-

нию к дому. Он только на секунду случайно встретился глазами с Новожиловым, но даже издали ощутил его изгиб, тяжелый, неустойчивый, короткий, по которому в любой сутолоке, в самой людной толпе сыщики и преступники на протяжении многих веков безошибочно узнают друг друга.

— Может, нам сегодня уехать? Приучить его к мысли, что на лугу ведутся работы, а завтра приехать снова и взять? — спросил Губенко с надеждой.

— Завтра можно и не приезжать — его не будет. — Кристинин быстро исписывал страницу своей «топографической» тетрадки.

— Надо бы еще дальше оттянуть Денисова от машины, — сказал Старик. — Эта классическая расстановка сил выдает нас с головой.

Они подождали, пока подойдет Денисов.

— Обычно, — Кристинин выпрямился и отер пот со лба, — настоящие землемеры, и геофизики, и просто нормальные люди в этот час думают об обеде. В нашем положении они командировали бы самого молодого для переговоров в ближайший дом, поставив перед ним ответственную задачу — сварить картошку. Как, Игорь?

Денисов кивнул.

— Чего мы этим добиваемся? Первое: ликвидируем пост у леса, чем вводим в недоумение гражданина Новожилова. Второе: представляем нашему молодому другу возможность ввести Новожилова в круг флотских и заводских новостей — надо его слегка отвлечь? И здесь Игорь окажется как нельзя кстати, — он провел рукой по короткой прическе, — гораздо необходимее, чем здоровяк Удальцов и Спирин, будь они с нами... Наконец, третье: мы получаем реальную возможность пообедать. Предварительно все остальные начинают оттягиваться с теодолитом на приличное расстояние от дома и от машины. Новожилов, друзья, он вовсе не дурак, он понимает, что мы не пошлем Денисова одного его арестовывать. Пока все. Иди, Игорь, чистить картошку. И свободнее, расслабься!

— Хороший план, — сказал Губенко. Он первый двинулся с рейкой дальше к лесу. Вслед за ним потянулись остальные.

Почистив картошку, Денисов пошел к дому, стараясь не смотреть на окна. Ведро в колодце оказалось погну-

тым и ржавым, а толстая цепь из фасонных звеньев напомнила Денисову о морской службе на Севере.

Он не спеша выпрямил смятое ведро, потом опустил цепь. В это время на крыльце появился Лукьяныч, который не сумел повлечь своего постояльца в разговор о строительстве и поэтому никак не хотел упустить нового собеседника. На старике была красная рубашка, заправленная в широкие, сантиметров сорок у манжет, синие, с искоркой брюки. В этом одеянии Лукьяныч имел вид ухарский, можно сказать, пижонский.

— Вот это да! — вырвалось у Денисова.

Воспоминания о бухте, громы цепи и нелепый вид Лукьяныча сделали больше, чем напутственная инструкция Кристинина: «Расслабься!»

— Где вы такие клеши отхватили, отец?

— Эти брюки, молодой человек, — с достоинством ответил бывший бухгалтер, — я купил одиннадцатого мая девятьсот сорок пятого года, на второй день окончания войны, во Львове. Материал стоил тогда по девятьсот рублей за метр. Это стопроцентная манчестерская шерсть. И сшил их львовский частник за две банки свиной тушенки.

— О-о-о! — удивился Денисов. — И не подумаешь! Такое впечатление, что сработаны в настоящей флотской швальне. Прекрасная вещь, слово! А мы тут картошку у вас не сварим?

— Сварить бы можно, — сказал Лукьяныч, — да только печка с утра топлена, а электричество не работает. Все хожу за монтером, да он у нас человек непьющий...

— Это мы сделаем! — обрадовался Денисов. — Ведь я до этой чертовой рейки с полосками электриком был. Шестой разряд!

Он прошел в дом впереди старика, краем глаза отметив всю запущенность обстановки, металлическую кровать в углу и Новожилова, еще более низкорослого и плотного, чем Денисов представлял его себе по ориентировке. Новожилов стоял у окна, сунув правую руку в карман. Выражение лица у него было злое и раздраженное.

— Привет! — сказал Денисов.

Его интересовала только проводка. Старый, с рваной обмоткой закопченный провод свисал со стены почти до кровати.

— Вот это проводочка! — Он даже присвистнул. — Подождите, сейчас изоляцию притащу и отвертку.

Денисов пошел к машине, по дороге снова зачерпнул воды из колодца — напиться и смочить голову. В ящике с инструментом он нашел необходимое и снова повернул к дому.

У теодолита словно и не заметили его маневра.

Вернувшись, Денисов увидел маленькую шаткую лешку, которую откуда-то притащил Лукьяныч. Новожилов оставался в той же позе — насквозь фальшивой и вызывающей. Его так и подмывало на безрассудный шаг. Не хватало только привычного импульса: Новожилову нужна была ссора.

— Сначала проверим проводку, — сказал Денисов.

Он заметил нетерпение Новожилова и сразу почувствовал себя намного хитрее и спокойнее своего врага.

— Все-таки решили строить интернат? — спросил Лукьяныч.

— Наверно, будут, раз нас пригнали.

— Беспокойная работа.

— Зато деньги большие, — неожиданно охотно ввязался в разговор Новожилов, — форма хорошая, проезд бесплатный. Каждый год сапоги — год хромовые, год иловые... Две фуражки.

— Видишь ли, — Денисов пристроился на верхней перекладинке лестницы, чуть в стороне от Новожилова и в то же время над ним и над кроватью. — Деньги не то чтобы большие. Так... А форму не дают. Может, раньше давали? Правда, когда на болоте работали, сапоги выдавали на сезон. Потом забрали. А кто себе захотел оставить — деньги внес: стоимость минус амортизация. Полевые и командировочные — шиш, мы здесь на ночь не остаемся. Ну, машина у нас своя, проезд бесплатный.

— Это мы знаем, товарищ начальник, — Новожилов передернулся. — Наслышаны...

— Вот именно, — не поняв, согласился Лукьяныч, — без машины вам нельзя.

— Я и на заводе неплохо зарабатывал, но не то... Дисциплина, мастер, наряды, а здесь — по деревьям. Сами себе хозяева. — Он подмигнул Лукьянычу. — Ничего, отец, сейчас свет будет и картошка тоже... Мы у себя в электроцехе, между прочим, всегда картошку варили или пельмени. Лучше, чем в любом ресторане!

Денисов рассказывал о хорошо знакомой ему жизни электроцеха и чувствовал, как в поведении Новожилова

появляются признаки успокоения. Он уселся на кровать поглубже, так, что сетка под ним прогнулась, однако руки из кармана не вынул.

— Электричество — штука опасная... — признал Новожилов.

Как только Денисов умолкал, он снова начинал беспокоиться.

— Я и говорю: электрик — большое дело. Но рискованное...

— Вам за то и деньги платят, чтобы рисковали. — Новожилов сделал легкое движение рукой в кармане. — Тут ведь раз — и карта бита!

— Это верно, — согласился Денисов.

Он вдруг ясно понял, что в состоянии руководить своим плохо владеющим собой противником, у которого нет ничего, кроме навязчивых подозрений. Надо только внимательно продолжать игру, не допуская ни одной ошибки.

— ...Дело рискованное, опасное... Мастер как-то говорит: «В лифте темно! Полезай после смены наверх, сменишь трансформатор!» Там трансформаторчик стоял — триста восемьдесят вольт на двенадцать. Сменить — пара пустяков: напряжение отключил, четыре винта отвинтил, новый трансформатор подключил, четыре винта закрутил. Работы всего ничего. А дело было в конце месяца, авральчик. Лифт без конца туда-сюда в работе. Мне бы действительно дождаться конца смены... А я на футбол спешу — «Торпедо» играет. «Сделаю под напряжением!» Залез наверх, трансформатор снял — все хорошо. Стою на резиновой прокладке, держусь только за один выход, не страшно. Ставлю новый трансформатор. Ну, низкий конец сделал, берусь за высокий. Вдруг лифт включили — а я, видно, задумался, что ли? — и щекой к железной стойке... Тут меня и приласкало. Как шибанет! Я через барьер — об стенку... И скорей снова к трансформатору. Как в драке: сначала даже не чувствуешь — ударили, а ты опять в гущу! Законтачил второй конец, завинтил винты и вниз. Пошел умываться — шея не ворочается. И голова пустая, и на футбол неохота. «Старичкам» рассказал: они меня на кушетку — лежи! Потом в больницу — две недели отвалялся!

Рассказывая, Денисов нашел повреждение в проводке, оно оказалось близ кровати, на которой сидел Новожилов. Привычными ловкими движениями Денисов за-

чистил один конец провода, бросил его вниз на спинку кровати и взялся за другой. Новожилов опасливо отодвинулся от шнура, вынул наконец руку из кармана и сел ближе к окну. Теперь он лишь искоса поглядывал на электрика, не выпуская из виду «топографов», которые все еще возились на лугу. Денисов был поглощен возней с электричеством, что-то насвистывал. Потом он выпустил второй конец провода, и тот упал на ржавую панцирную сетку. Бывший заводской электрик переставил стремянку и перешел к пробкам.

— Да, электрический ток — штука серьезная, — снова заговорил он, — а научно говоря, перемещение электрических зарядов в телах или в вакууме...

— Учился где? Или так, самоучкой? — спросил Новожилов.

— Учился. Ты про электрический стул слышал?

— Слышал. — Постоялец зябко передернул плечами. — Сразу насмерть или мучаешься?

«Да он же совсем-совсем темный! — подумал Денисов. — Рассказать кому-нибудь — не поверят!»

— Сразу... — Он поднялся на стремянку. — В момент!

Новожилов покосился на почерневшие оголенные провода, лежавшие на кровати, и тихо подался в сторону.

— Не двигайся! — сказал вдруг Денисов, изумившись странному звучанию своего голоса. — Сиди тихо, Новожилов, а то поверну пробку — и будет электрическая кровать!

Первым движением Новожилова было сунуть руку в карман за «байярдом». Направленное на него черное дуло было не так страшно — это в его жизни уже случилось. Но сила, таившаяся в полусгнивших проводах, фарфоровый изолятор — копеечная штука, чуждая обычного его круга вещей, парализовали Новожилова...

— Вверх руки!

Он медленно поднял руки в ожидании неминуемого электрического разряда.

— Я сразу догадался, что он из уголовного розыска! — восхищенно рассказал Кристину Лукьяныч, когда Новожилов и остальные были уже в машине. — Когда еще лестницу попросил! Я и топор в дом принес... Если что, думаю, я своего постояльца по башке!

— А вот этого нельзя, — сказал Кристинин.

Кружа по лугу с теодолитом и заполняя тетрадку черточками и значками, он еще раньше понял, что Денисов может рискнуть на задержание в одиночку. Сам Кристинин так бы и поступил: преступник вряд ли мог ожидать, что трое инспекторов будут возиться у теодолита, когда четвертый начнет действовать. Но одно дело — старший инспектор МУРа Кристинин, другое — новичок, слушатель учебных сборов!

— ...Я попрошу Денисова подсоединить проводку... Ничего, мы подождем. — Кристинин попрощался с хозяином и пошел к машине.

— А все-таки хорошо, если бы интернат! — вздохнул Лукьяныч.

Обратная дорога из деревни показалась короче и быстрее утренней. Равномерно покачивалась высунувшаяся из кузова рейка, постукивало пустое ведро. Инспектора почти не разговаривали между собой, только Новожилов, сидевший между Горбуновым и Губенко, не умолкал ни на минуту: ругал Лукьяныча, Денисова, не так, по его мнению, посмотревшего на него Кристинина. Он по-прежнему бессмысленно и глупо искал ссоры. А вот о том, что в сторожа у магазина он не попал, а попал его сообщник, тоже вооруженный «байярдом», Новожилов молчал, хотя сделать заявление об этом было для него крайне важно: арестованный несколькими неделями раньше Косой Федор уже валил все на скрывавшегося Новожилова.

На шоссе их встречал закрытый светло-серый фургон. Старший конвоя приветствовал Новожилова как старого знакомого. Тот сразу успокоился, выходя из «газика», сложил руки за спину.

Когда Новожилова увели, в машине стало просторно и тихо.

— Ты где будешь работать после школы подготовки? — спросил Денисова Губенко. Всю обратную дорогу он упорно молчал.

— У себя на вокзале.

— Понимаю. А кем? Младшим инспектором уголовного розыска?

Денисов пожал плечами.

— Постовым. Для розыска, пожалуй, опыта мало.

— Так.

Денисов не уловил в этом «так» особого сожаления. Больше Губенко ни о чем не спрашивал. Кристинин высадил его из машины на Садовом кольце, у площади Маяковского. Простился он с Денисовым весьма дружелюбно.

Неприятный разговор произошел в кафе, куда Кристинин, Горбунов и Денисов, переодевшись, зашли поужинать.

Слегка ослепленный крахмальной чистотой скатертей и хрустальным великолепием фужеров, Денисов подумал, что работники уголовного розыска хотят отметить успех. Может, даже он, как удачливый дебютант, был обязан пригласить их сюда, а не догадался?!

Но усталое лицо Кристинина погасило мысль о празднестве и веселье. Они выпили молча.

— Я хочу тебе рассказать о гибели самолета... — заговорил Кристинин. — Это было в тридцать четвертом году. Ты слышал о таком самолете — «Максим Горький»?

Нет, Денисову не приходилось слышать о нем.

— Большой был самолет. Самый большой в мире. Восьмимоторный. И сейчас таких нет — восьмимоторных... — Он помолчал. — ...В этом рейсе на самолете были ударники производства. Некоторые с детьми. Он совершал праздничный рейс, эскортируемый истребителем. И вот летчику истребителя пришла в голову мысль — совершить мертвую петлю вокруг крыла самолета, несмотря на категорический приказ не совершать в полете никаких фигур высшего пилотажа. — Кристинин показал рукой. — Выходя из петли, он врезался в крыло... Весь экипаж, женщины, дети... Все погибли из-за недисциплинированности одного человека. Советую тебе сходить на Новодевичье кладбище. Там на стене можешь все прочесть...

Кристинин смотрел на Денисова. Теперь в нем не было ничего от насмешливого, немного снисходительного человека, к которому Денисов уже успел за день привыкнуть и привязаться.

— Что могло произойти, если бы Новожилов застрелил тебя и ушел из дома с оружием? Что он мог еще натворить?! О последствиях думал? Ведь терять ему было нечего!

Денисову уже не хотелось есть, и желал он теперь только одного: чтобы обед прошел быстрее. Но официант обслуживал не спеша, как будто специально испытывая

Денисова, и даже дважды поменял вилки, найдя их недостаточно чистыми.

Когда обед наконец закончился, Кристинин вызвал машину.

По пути в школу об операции никто не говорил, но Денисов все равно почувствовал себя отвратительно. Даже когда молодой вихрастый шофер сказал:

— Слышали, товарищ капитан, Новожилова задержали! Который убил сторожа магазина...

— Это вот он задержал, — без улыбки сказал Кристинин, кивнув на Денисова.

— Один?

— Один.

Шофер воспринял это как шутку, и самое удивительное — Денисову слова капитана Кристинина тоже показались шуткой.

Изрядно надоевшее за время учебы здание школы подготовки за кирпичным забором Денисов увидел с каким-то радостным облегчением: видно, что-то не до конца успел он узнать от рыжего скуластого подполковника, учившего быть наблюдательным и сильным.

Закончатся сборы, подумал Денисов, он будет снова дежурить в зале для транзитных пассажиров или на платформе, и ему не придется особенно часто решать такие головоломки, как сегодня.

Денисов уже принял это успокоившее его решение, когда машина затормозила и Кристинин протянул руку через сиденье:

— Давай... А инспектор из тебя, между прочим, будет толковый. Потом вспомнишь меня... Есть и решительность, и главное — фантазия. Пока это у тебя не от знаний, а... от бога. А нужно и от знаний и от опыта...

Сердце Денисова странно забилося. Он смотрел, как разворачивается машина, как улыбается ему вихрастый шофер и медленно подымает ладонь Михаил Иосифович.

Больше всего на свете ему хотелось снова прожить этот удивительный день — не похожий ни на какой другой в его жизни.

Крик, прорезавший тишину грузовой станции, был безнадежен и жуток.

Стрелок, шедший впереди Денисова по узкой, протоптанной между сугробами тропинке, обернулся, отогнул ворот тулупа.

— Слышали?

Денисов замер.

Так, с болью, надсадно, вдруг вскрикивали голодные чайки, кружа над низкой волной в бухте, на Севере, где Денисов служил.

Никого не было вокруг. Несколько железнодорожных путей и столько же длинных черных пакгаузов тянулись в темноту. Отсюда грузовая станция только начиналась — разбросанная, простиравшаяся на несколько километров, молчаливая и пустая в ранних зимних сумерках.

«Странный крик, — подумал Денисов. — Что он означает? Призыв о помощи? Предупреждение? Боль?!»

Он огляделся.

У забора, между пакгаузами и путями, белели недавно выгруженные, с низко подобранными дугами троллейбусы. Мимо тельферных установок к выездным воротам катил грейдер. Еще дальше, в контейнерном отделении, с мачт били по площадке первые неяркие огни.

Они постояли немного. Крик не повторился. Денисов понял: отнесенный ветром вопль догнал их сзади, от Дубниковского моста.

Денисов повернул назад.

Пришлось обходить высокий, недавно собранный из шитов забор.

Вокруг стоял покой промерзшей стальной колеи. Высоко над головой виднелся рано взошедший узкий лунный серп. Отчетливая прозрачность воздуха свидетельствовала о морозе.

Все время, пока они двигались вдоль забора грузо-

вой станции и дальше, по путям, им не встретился ни один человек. Только впереди, у подъездной ветки ситценабивной фабрики, по другую сторону полотна, было заметно движение, суета у маневрового локомотива, но звук не мог долететь с той стороны.

Они вернулись под Дубниковский мост, где Денисов еще раньше обратил внимание на десяток вагонов со знаками Министерства связи. Почтово-багажный поезд, задержанный из-за заносов, казался покинутым. Под колесами намело снега. Одинокий след тянулся сюда от товарной станции: кто-то подходил к поезду, топтался у вагонов, потом повернул под мост.

Денисов и стрелок прошли вдоль следа, но ничего подозрительного не обнаружили.

— Ушел. — Стрелок показал на дорожку следов, тянувшуюся через пути. Он снова разогнул воротник. — Ну, мороз!

В вагонах было темно, только в последнем за шторами в решетчатом окне теплел огонек.

«7270», — прочитал Денисов на стенке кузова.

Они подошли ближе. Из вагона доносился шум, свистки, быстрая, захлебывающаяся речь.

Стрелок насторожился.

— Телевизор, — сказал Денисов, — трансляция со стадиона.

— Заходить будем? — спросил стрелок.

— Непременно.

Денисов достал ключи, постучал по боковой обшивке. Стальной лист отозвался неожиданно низко и гулко.

— Э-э-эй! — крикнул стрелок. — Кто есть?

Никто не ответил. Денисов поднялся к двери, но она оказалась закрытой изнутри на горизонтальный ригельный запор — ключ был бесполезен. Денисов спрыгнул с подножки, снова застучал по кузову.

Время тянулось медленно.

— Зайдите с другой стороны тамбура, — предложил Денисов стрелку.

— Сейчас.

— Идут! — крикнул он через минуту. — Занавеску отдернули!

Но Денисов и сам услышал. Внутри громко хлопнула дверь сортировочного зала, потом тамбура. Щелкнул поворачиваемый ригель.

— Кого вам? — Малорослый, нескладный с виду человек стоял в тамбуре.

Почтовик был без шапки, в накинутаой поверх пиджака овчинной безрукавке, на вид ему было около сорока — заросший подбородок поблескивал сединой.

— Денисов, инспектор уголовного розыска, — Денисов назвал себя, — транспортная милиция участка.

— Ольшонок, начальник вагона.

Рейсовая бригада была не московской — Денисов видел его впервые. Периферийные бригады приезжали, сдавали почту и уезжали, долго на вокзале не задерживались.

— Все в порядке в вагоне? — спросил Денисов.

— Полный порядок. А что?

— Не слышали крик?

— Ничего не слышал... — На щетинистом, давно не бритом лице было трудно что-либо прочитывать. — Я смотрю телевизор. ЦСКА — «Спартак». Там на стадионе такой крик!

— Я думал, они завтра играют! — Стрелок был приятно удивлен.

Почтовик буркнул неразборчиво. Он явно отличал инспектора: отступил, давая ему дорогу.

Денисов поднялся в вагон, внимательным взглядом прошелся по тамбуру. В глаза бросился откинутый горизонтальный ригель на противоположной двери: выход на другую сторону был открыт. Пока они шли к вагону, кто-то мог его незаметно покинуть, кто-то мог подняться с междупутья в вагон.

Ничего другого Денисов не отметил. Дверь в маршрутную, или, как ее называли почтовики, трактовую кладовую, — для почты, которую принимали и сдавали в пути следования, — была закрыта. Свет в ней не горел. От котельного отделения, в углу, тянуло теплом.

— У вас не замерзнешь, — похвалил стрелок.

Ольшонок подтвердил безразлично:

— Ни в коем случае...

Начальник вагона открыл дверь в коридор, называвшийся большим, в отличие от малого — по другую сторону. Несмотря на название, они едва поместились. Почтовик и стрелок сразу пошли дальше, в сортировочный зал, откуда неслся шум невыключенного телевизора, Денисов задержался в коридоре. Он не был уверен в том, что теряет зря время, осматривая почтовый вагон.

Кроме двери сортировочного зала, в большой коридор выходили еще две — из туалета и служебного купе. Против них размещался крошечный «кухонный узел» — электрический самовар, плитка — обязательный инвентарь вагонов Министерства связи; на столике, рядом, виднелась горка немытой посуды.

«А остальные члены бригады? — подумал Денисов. — У телевизора?»

Он постучал в служебное купе — никто не ответил, осторожно приоткрыл незапертую дверь. Внутри было полутемно, для экономии тепла окно завешено одеялом.

В проникшем из коридора свете Денисов увидел у столика средних лет женщину — проводницу. Она повернула голову, ничего не сказала. На женщине было пальто, воротник которого она тут же подняла выше к лицу.

— Добрый день. — Денисов поздоровался.

— Здравствуйте. — Голос проводницы звучал спокойно — с ней, видимо, было все в порядке. — Это вы сейчас стучали? — спросила она.

Денисов не успел ничего сказать. За стеной, в туалете, раздались толчки в умывальнике. Дверь в коридор отворилась, человек лет пятидесяти пяти — в куртке с капюшоном, в очках, в вельветовых брюках — вопросительно взглянул на Денисова, поздоровался, шагнул в купе.

— Вы слышали крик? — спросил Денисов, обращаясь одновременно к обоим.

Женщина отрицательно качнула головой, плотнее закуталась в пальто. Мужчина в куртке посмотрел на Денисова.

— Я ничего не слышал.

«Непонятно...» — подумал Денисов.

Он закрыл дверь, открыл следующую — в зал для разборки почтовой корреспонденции и ценных отправлений.

Здесь было чисто, светло и жарко. Сортировочные шкафы с клетками для раскладки корреспонденции, похожие на многократно увеличенные соты, были пусты; простая и заказная почта подобрана для сдачи.

Начальник вагона и стрелок сидели на винтовых табуретках у портативного телевизора «Шилелис», установленного на столе, в углу, смотрели хоккейный матч. На стадионе действительно стоял сильный шум, лишь

изредка его заглушали гулкий стук клюшек и удары врезавшихся на скорости в борт хоккеистов.

— Садитесь. — Начальник почтового вагона махнул на свободный табурет рядом, поправил меховую безрукавку. Под ней — Денисов снова обратил внимание — угадывалась узкая, сильная грудь, не бросающаяся в глаза мускулатура. — Здорово режутся!

— Жмет «Спартак», — подтвердил стрелок.

Мимо сортировочных шкафов Денисов прошел дальше, в малый коридор, по направлению ко второй кладовой транзитной, располагавшейся симметрично, как и маршрутная, в крайней трети вагона.

Дверь в купе отдыха бригады была открыта. Похожее на каюту небольшое помещение показалось Денисову вначале пустым; инспектор заглянул внутрь. На окне — привычное одеяло, растрепанный журнал на нижней полке, в углу; сбоку, на стене, репродукция — незнакомый вокально-инструментальный ансамбль: девушка в окружении длинноволосых парней.

Присмотревшись, Денисов увидел справа, на верхней полке, четвертого связиста, он лежал лицом вниз поверх одеяла. Длинные темно-рыжие волосы рассыпались по подушке.

Почтовик не шевелился, Денисов положил руку ему на плечо — парень встрепенулся, зевнул. Он словно имитировал внезапное пробуждение.

Внизу, на столике, Денисов увидел еще связку массивных железнодорожных ключей; дыню — обычную в это время года у почтовиков, возвращающихся из Средней Азии, и новую, купленную, по-видимому, совсем недавно женскую головную заколку.

Запах дыни Денисов почувствовал еще в коридоре. «Бригада на месте», — подумал он.

Инспектор мельком оглядел дверь транзитной кладовой в торце вагона, она была тоже закрыта. Свет внутри не горел.

Денисов вернулся в сортировочный зал.

— Счет пять — один... — не отрываясь от экрана, сообщил стрелок. — Чудеса!

— Давно здесь стоите? — спросил Денисов начальника вагона.

— Что? — Ольшенок уменьшил звук. — А-а... Больше суток!

— Когда обещают загрузить?

— Еще вчера. — Он снова махнул рукой.

В атмосфере вагона чувствовалась напряженность. Денисов вернулся в большой коридор, к кухонному узлу. Электрический самовар был пуст и холоден, чай, по крайней мере, в ближайшие часы — в такой-то мороз! — не пили. В кастрюле лежали ложки, несколько разварившихся картофелин в мундире, в ведре — пустые бутылки: две из-под «Старорусской», одна от марочного портвейна — на ее этикетке Денисов рассмотрел фиолетовый штамп вокзального ресторана.

«Что-то определенно произошло», — подумал Денисов.

Рядом с ведром он увидел еще сметенный в угол сор, обрывки бумаг. У самой двери лежала пуговица от мужского пальто. Все бумажки, даже самые мелкие, не был скручены, как это бывает, лежали полуразвернутые либо развернутые полностью.

«Что-то искали. Такое впечатление... Будто по ошибке порвали какие-то нужные записи».

В купе проводницы слышался тихий разговор. Когда Денисов постучал, разговор прекратился.

— Входите, — крикнула проводница.

Она сидела в той же позе у столика, по-прежнему закутавшись в пальто. Денисову был виден ее профиль, поднимающаяся вокруг головы к затылку аккуратная укладка. Мужчина в куртке располагался рядом, спиной к двери.

Неожиданно Денисов увидел цвет подбоя на капюшоне куртки. Подкладка была огненно-красная. Марка.

— Вы не работник вагона?! — Денисов сразу насторожился.

— Нет. Зашел в гости. — Мужчина улыбнулся, поправил очки.

— Откуда вы?

— Из Клайпеды. — Подумав, он представился: — Ричард Вайдис, экономист.

— Давно здесь?

— Со вчерашнего вечера.

Мужчина достал бумажник, извлек заключенный в кожаные корки паспорт, раскрыл на первой странице.

«Вайдис...» — было проставлено крупным каллиграфическим почерком.

Денисов возвратил паспорт, повернул назад, в сортировочный зал. Начальник вагона ждал его: он сразу поднялся.

— Где четвертый человек? — спросил Денисов. — Что с ним?

Стало тихо.

В то же время по обе стороны сортировочного зала Денисов почувствовал осторожное движение, еле уловимые звуки. Молодой почтовик, дремавший в купе отдыха, скользнул с верхней полки, начал обуваться; в купе проводницы тихо стукнула дверь.

Обитатели почтового вагона спешили привести себя в порядок, словно знали, что им предстоят долгие объяснения, и готовились к ним.

— Где все-таки он?

Денисов заметил — хоккеисты на экране телевизора катали совершенно бесшумно. Пока он отсутствовал, Ольшонок, догадываясь о предстоящем разговоре, полностью убрал громкость.

— Вы о Косове? — Ольшонок скрестил на узкой груди руки. — А кто его знает! Был здесь. А теперь, наверное, катит домой, в Ржаково! Он мне не очень докладывается!

Денисов уже не сомневался в том, что странный и безнадежный крик, который он и стрелок слышали на грузовой станции, донесся отсюда, из вагона 7270, и голос принадлежал исчезнувшему — четвертому работнику почты.

— Откройте кладовые, — сказал он.

Ольшонок пожал плечами.

Транзитная кладовая — в дальнем торце вагона — была аккуратно прибрана; Денисову показалось, что страховые мешки, постпакеты, посылки и другие отправления словно перебрали здесь по нескольку раз.

«Искали? — снова подумал он. — Но что? Документы?»

В маршрутной кладовой, напротив, оказался хаос. Почта здесь была свалена на пол, в темноте невозможно было что-либо разобрать.

— Включите свет! — крикнул Денисов.

— Сейчас! — Проводница бегом вернулась в купе.

Вспыхнувший свет вырвал вначале из темноты грозную надпись на висевшем под потолком трафарете: «Смертельно! Не закладывайте проходы в кладовых к дверям и между дверями!»

Приглядевшись, внизу, в гряде ящиков, Денисов внезапно увидел обращенный рифленой подошвой к дверям высокий мужской ботинок. Еще дальше видне-

лась неподвижная рука со скрюченными побелевшими пальцами.

Денисов опустился на колени, начал быстро отбрасывать груз в сторону.

— Помогайте!

— Сейчас... — Начальник вагона нагнулся, ухватил сразу несколько ящиков — сколько мог загрести раскинутыми руками. Денисов не ошибся, предположив в нем недюжинную физическую силу.

Вдвоем они быстро освободили грудь, затем голову лежавшего.

— Косов! — ахнула сзади, из-за плеча Денисова, проводница. — Господи! То-то он на сердце жаловался...

— Атеросклерозом страдал, — вставил Ольшонок. Казалось, все были потрясены.

Человек на алюминиевых листах, закрывавших пол маршрутной кладовой, не двигался. Денисов мельком заметил приятное, чуть одутловатое лицо, хорошо очерченный рот. На вид Косову можно было дать не больше тридцати пяти лет. Он был без шапки, на голове Денисов увидел еще небольшую, но заметную ссадину справа, уходившую в височную область.

— Искусственное дыхание! Скорее... — Бледность кожного покрова и отсутствие дыхания были очевидны. Инспектор уступил место стрелку: — Я вызову «скорую»!

— Что с ним?! — обернулся начальник вагона.

Проводница не выдержала, бросила зло:

— Молчи уж!

Денисов выскочил в тамбур, спрыгнул вниз — здесь было меньше помех для радиосвязи, включил скрытую под курткой рацию.

— Я — двести первый!..

Несколько секунд ответом было хриплое дыхание радиоволны. Денисов ждал, вглядываясь в черноту поверх почтово-багажного вагона, поверх распростертого над ним моста.

Воздух вверху казался по-прежнему прозрачным. Мороз и не думал спадать.

— Слышу хорошо... — неожиданно близко отозвался вдруг дежурный по отделу внутренних дел Антон Сабодаш. — Что хотели?

— «Скорую помощь»! Срочно... Под Дубниковский мост.

- Состояние пострадавшего?
- Тяжелое.
- Понял. Как подъехать «скорой»?
- На Дубниковку. Дальше — под мост.

Антон несколько минут отсутствовал в эфире — наконец включился снова:

— Выехали... Что с пострадавшим? — Сабодаш решил, что речь идет о поездной травме. — Локомотив установлен?

— Потерпевший в вагоне 7270. Связист. Возможны криминальные обстоятельства.

— Понял.

Объяснить открытым текстом все Денисов не имел права, но по голосу Сабодаша он догадался, что понят правильно. Антон привычно нервничал, как это бывало с ним всегда во время чрезвычайных происшествий. Тяжелотелет, человек физической исключительности, он трудно переносил эмоциональные перегрузки.

— Есть подозреваемые? — спросил Антон.

— Ничего определенного.

Когда Денисов поднялся в тамбур, обитатели вагона находились у маршрутной кладовой: Ольшонок, его второй помощник, Вайдис и проводница.

— Все бесполезно. — Стрелок показал на лицо пострадавшего. — Видите? — Косов лежал в той же позе. На губах тонким налетом белела едва заметная серая пленка. — Так? — Он обернулся к начальнику вагона за подтверждением.

Ольшонок не ответил.

В кладовой включили люминесцентное освещение и обе фары, обращенные к наружным дверям.

В их свете Денисов разглядел, что начальник вагона Ольшонок крайне возбужден, хотя и пытается это скрыть. Несмотря на мороз, у него с лица сбегали быстрые струйки пота. Молодой помощник его тоже нервничал, несколько раз он явно хотел встретиться взглядом с Вайдисом, но ничего у него не получилось — тот не спускал глаз с Косова.

Денисов услышал еще, как проводница открыла холодильник в тамбуре, внизу на полке должна была находиться аптечка. Раздался стук передвигаемых банок, потом ее удивленный голос:

— Икры нет, которую Косов вез! Кто-то взял!

— Много икры? — спросил Вайдис.

— С килограмм.

— Значит, кто-то приходил!

— Нет! — сказал помощник Ольшонка. — Не то... Когда я подходил к кладовой, икры уже не было. А Косов был жив, я говорил с ним.

— Когда это было? — спросил Ольшонок.

— Перед тем как милиции войти. Минут за десять. Все было в порядке.

— А кладовая?

— Я думал, он заперся изнутри.

Приглядевшись, Денисов заметил еще, что проводница кутается в длинное, не по размеру, пальто, воротник которого упирается в искусно уложенную прическу. А слева под глазом у нее синяк.

Технический контролер отделения перевозки почты на вокзале Ремизов, костистый, с плоским лицом и воловьими крупными глазами, протянул инспектору твердую, как доска, ладонь.

— Неизвестно? Может... спекуляция? Вот она, наша жизнь. Живешь и не ведаешь, что ждет...

В тамбуре было тесно.

— Знали его? — Денисов кивнул на дверь кладовой, за которой работала оперативная группа.

— Косова?! Как же! Все бригады через нас проходят... — Ремизов переступал короткими для его высокого костистого туловища ногами, следил, чтобы случайно ничего не коснуться, не наследить на месте происшествия.

Из маршрутной кладовой слышались голоса, стук отодвигаемых посылочных ящиков. Там осматривали труп и, насколько это представлялось в данный момент возможным, кладовую. Более тщательный осмотр предполагали произвести одновременно с выгрузкой почты.

— ...Он первый раз с этой бригадой. Обычно ездил со Стасом. Я и то удивился, когда увидел его у Ольшонка!

— А там что за бригада?

— Пестрая публика... Да вы должны знать! Стас работал в камере хранения ручной клади на вокзале. Бывший футболист! Помните?

С футболистом Денисов действительно был знаком: тот играл за вокзал в товарищеском матче против вокзальной милиции.

— Помню.

— Косов, говорят, решил уйти от них. Сколько можно? Там и выпивки бывали.

— А как характеризовали Косова?

— Опытный работник. Дисциплинированный.

— Он давно здесь?

— Лет десять. — Контролер не знал, что делать с руками, достал тяжелые железнодорожные ключи, повертел, сунул в карман. — Перерыв, правда, у него был. Работал в Москве, в отделении. Ездил начальником почтового вагона. Потом уволился.

— Почему? Известно?

Ремизов вздохнул:

— Какая-то неприятность. — На малоподвижном лице мелькнуло подобие мимики. — Главное: работа трудная! Корреспонденции много, в пути все время сортировка, выдача... Спать мало приходится. Видели, сколько почты в кладовой! Да еще транзит!

— Там, кажется, работы поменьше, — заметил Денисов.

— Это да... Тут вы правы. — Ремизов снова попытался помочь себе мимикой, глазами, но на лице только возникла гримаса старания. Голубоватые глаза были пусты. — Выдача транзита производится на основных станциях. По списку. Я ведь тоже ездил. Семь лет! — Он наконец нашел точную мысль. — Эта работа хороша для тех, кто далеко живет. Они неделю ездят — месяц дома сидят!

— У Косова семья есть?

— Под Москвой. — Ремизов подвинулся, пропуская вышедшего из кладовой эксперта-криминалиста. — Двое детей, жена.

— Большие дети?

— В школу еще не ходят... — Он качнулся назад, на свое место к двери кладовой.

— А ваше личное мнение о нем?

— Неплохой человек. Душевный. Как кому, конечно... — Он шевельнулся под легким пальто, лицо осталось спокойным. — Всем не угодишь!

— Чем вы объясните случившееся? — поинтересовался Денисов.

— Кто знает? — Ремизов понизил голос. — Бригада эта...

— Ольшонка?!

— Да. Тоже не ахти! Не особенно рвутся с ним ездить.

— Не любят?

— Самодур...

Подумав, Ремизов круто изменил тему разговора:

— Я ведь сам тоже чуть под подозрение не попал... — Он рассказал о причине, по которой дежурный по отделению перевозки почты звонил о нем в милицию. — Бес попутал! Заказал с этой бригадой килограмм икры из Астрахани...

— С кем?

— С Косовым. Под Астраханью икра дешевле. У рыбаков.

— У браконьеров, — поправил Денисов.

— Правильно, конечно. Теперь жалею... — Непривыкшее передавать чувства мимикой, лицо его осталось «голым», как определил для себя Денисов, «словно циферблат без секундной стрелки». — Мать у меня после облучения. Врач сказал: «Необходимо черной икры и гранатового сока!..» Вот и попал!.. Хорошо, что после того, как Косов мне икру отдал, один человек из бригады видел его живым! А то бы...

«Второй помощник Ольшонка», — подумал Денисов.

На всякий случай уточнил:

— Мать в больнице?

— В Боткинской. Я и в объяснительной записке указал дежурному по отделению. Можно проверить!

— Дежурный попросил объяснительную?

— Конечно! «Будем, — говорит, — обсуждать на коллективе». Он меня увидел у поезда, когда я икру нес. И попер на меня, и попер...

— А икру? Вернул?

— Вернул. Я попросил девчат из буфета, который на антресоли... Знаете? Сейчас икра у них. В холодильнике.

Денисов знал буфет и буфетчиц.

— Когда вы приходили за икрой к Косову?

— Как раз Москва — Камышин подавали на посадку. Иду из вагона — и дежурный ко мне! Такой принципиальный сегодня... Кубасов. Конечно, он правильно требует... — Ремизов брякнул ключами в кармане. — «Что в свертке?» Я назвал — «икра». Зачем скрывать? И Косов, думаю, все равно правду скажет! По-честному. Я деньги платил.

— Вы разговаривали с Косовым, когда пришли за икрой?

Ремизов задумался.

— Ничего такого. Только вот, пожалуй... — Контролер оживился. — Настроение мне его не понравилось. Спрашиваю: «Что случилось?» Он только рукой махнул: что, мол, говорить? Понял я, что у них неприязни с Ольшонком. Ушел. Тут как раз камышинский.

Получалось, что контролер был в вагоне за несколько минут до разыгравшейся трагедии.

В свою очередь, Ремизов спросил:

— А что врачи?

Денисов процитировал прибывшего с машиной хирурга отделения реанимации:

— «Начался необратимый процесс...»

— Не мучился? — Ремизов посмотрел с участием. — Вы ведь здесь с самого начала. Хотя немного пожил еще?

— Как сказать...

Жил ли Косов после прибытия на место сотрудника милиции, а следовательно, мог ли о чем-либо сообщить, являлось частью следственной тайны. Контролер, естественно, мог об этом не знать.

— ...Врачи приняли все меры.

Ремизов кивнул:

— А нет человека! И повреждений-то, говорили, всего-то ма-аленькая ссадина! Это... — Он поискал образ. — Как вагон на сортировке! Минует стрелку — и уже на другом пути! Не повернешь и назад не сдашь! Все!

Ремизов, в чью обязанность входило обеспечение технической исправности вагонного парка, не подозревал о высказанных в «Диалектике природы» глубоких мыслях: «Смерть как существенный момент жизни...», а следовательно, и о знаменитом — «Жить — значит умирать» Энгельса. Все это изучали на юрфаке на семинарах по судебной медицине.

«И все-таки обстановку в вагоне Ремизов охарактеризовал, видимо, точно», — подумал Денисов.

— Там, в кладовой, трафарет, — спросил еще инспектор. — Не заставлять грузом проходы — иначе смертельно. Действительно опасно?

Ремизов внимательно посмотрел на него. Он производил впечатление человека малоразвитого, но весьма искушенного. Сейчас технический контролер явно пытался понять, какой ответ больше устраивает Денисова.

— Конечно. — Он тревожно переступил с ноги на

ногу. — Каждая посылка в среднем шесть-восемь килограммов. А сколько их в штабеле?!

— Полагаете, Косова могло завалить?

Подумав, Ремизов принял решение:

— Не-ет! — Он отрицательно закачал головой. — Косов — человек опытный. Ездит давно. Ничего такого с ним не могло быть! Здесь надо виновного искать! — добавил контролер.

Вызванная Антоном машина реанимации приехала быстро, тело помощника начальника вагона перенесли в реанимобиль. Однако помочь пострадавшему уже никто не мог. Не прошло и получаса, как свет внутри машины погас. Это был сигнал. Ткани организма еще продолжали свою жизнедеятельность, но уже без взаимной регуляции. Первой прекратила свою деятельность нервная ткань — кора головного мозга, наиболее чувствительная к недостатку кислорода. Записи биотоков констатировали известные медикам достоверные признаки.

Теперь Косов лежал на носилках, в которых его перенесли из машины реанимации назад, в маршрутную кладовую. Рядом, среди сваленных на пол мешков с почтой, пакетов и посылок, сотрудники, прибывшие с оперативной группой, производили осмотр. С ними был дежурный.

В сложной оперативной обстановке, особенно в присутствии начальства, Антон Сабодаш, как обычно, выглядел заурядным. Кроме Денисова, мало кто знал способность Антона сопереживать. Это напрочь перечеркивало Сабодаша как сыщика, но помогало тем, кто работал с ним рядом.

Труп осматривали две женщины из оперативной группы — следователь и судебно-медицинский эксперт, а также приглашенные понятые, монтеры пути, женщины — могучие, в ярко-оранжевых куртках и ватных брюках. Дежурный следователь отдела должен был вот-вот прибыть, он находился в пути.

Осмотр кладовой и трупа заканчивался. Денисов еще раз взглянул на покойного — моложавый, чуть начавший заплывать жирком; на груди — синеватая выцветшая татуировка: шатровая церковь или часовня, несколько старых шрамов. В юности Косов, безусловно, отдал дань уголовной романтике — на коленях то-

же виднелись наколки. Вдоль голени тянулось выколото-е неровно, обычное в таких случаях: «Они устали!»

Сбоку, рядом с носилками, на газете, лежали немногочисленные вещественные доказательства, обнаруженные при осмотре одежды, — двадцать двадцатипятирублевых купюр, новый импортный платок с блестящей ниткой — люрексом — очевидно, подарок; несколько сигарет.

— Одежда... — диктовала женщина-эксперт. — Драповое пальто деми, ориентировочно пятидесятого размера, с разрезом сзади, на трех пуговицах, одна из которых в момент осмотра отсутствует...

«Наверное, та, которую я видел в большом коридоре, у кухонного узла», — подумал Денисов.

Он снова привычно оглядел помещение. Стальные двустворчатые погрузочные двери кладовой, открывающиеся наружу, повреждений не имели и были заперты на вертикальные и горизонтальные запоры, поддерживаемые фиксаторами.

«Снаружи в кладовую никто не мог попасть...»

Денисов повернул назад, в большой коридор.

На помещение, по которому еще час назад он свободно ходил, теперь было наложено табу. Передвигаться разрешалось лишь по узкой дорожке, застеленной принесенными из отделения перевозки почты плотными бумажными мешками — крафт-пакетами, закрывавшими от уничтожения остававшиеся еще, возможно, на полу вагона следы.

— Обзорные снимки делали? — ни к кому не обращаясь, спросил сотрудник, прибывший с оперативной группой, раскрывая дверь из тамбура. Второй — эксперт-криминалист — на всякий случай дважды щелкнул блицем.

— Здесь, на полу, пуговица... — Денисов передвинулся, освобождая место. Он снова обратил внимание на аккуратно замеченный сор, несколько сломанных сигарет в углу, развернутые клочки бумаги рядом с кухонным узлом. — Видимо, от пальто потерпевшего.

Эксперт кивнул, не отрываясь от видеоискателя, скользнул объективом вниз. Дальнейшее предстояло следователю, производившему осмотр.

Денисов прошел в сортировочный зал. Работников почтового вагона внутри не было, кроме Ольшонка, которому предстояло давать пояснения, остальных препроводили в отдел внутренних дел.

Телевизор продолжал беззвучно работать. На маленьком экране хоккеисты совершенно бесшумно врезались в бортики, неслышно, без единого звука схлестывались клюшками.

Денисов попытался представить себя на месте человека, смотрящего или делающего вид, что внимательно наблюдает по телевизору за хоккейным матчем. Вот он включил звук на полную громкость. Теперь никто не слышит ни шагов, ни стука открываемых дверей сортировочного зала, большого коридора, кладовой.

«Практически каждый, находившийся в вагоне, — констатировал Денисов с сожалением, — мог быть причастен к гибели Косова. Каждый мог втайне от остальных пройти в маршрутную кладовую, неслышный за шумом, несшимся со стадиона. Кроме того, кто-то мог войти в вагон через незапертую дверь тамбура с противоположной стороны... — Он задумался. — Наконец, преступник, находившийся в вагоне, мог просто открыть дверь тамбура, чтобы направить розыск по ложному следу...»

Дорожкой из бумажных мешков Денисов дошел до малого коридора, заглянул в служебное купе. Здесь по-прежнему ощущался запах узбекской дыни. Железнодорожные ключи и заколка все еще лежали на столе.

Денисов подошел к шкафам в коридоре — они были открыты. Он провел рукой по верхним полкам, проверяя внезапно пришедшую в голову мысль, потом взглянул на пальцы. Следы пыли на них отсутствовали, было похоже, что кто-то до него тоже шарил рукой по полкам.

«Изолированность каждого да еще чистота везде, точнее, прибранность, больше, пожалуй, не за что зацепиться. Искали бумаги. Это факт...»

Внизу, в шкафах, лежало еще несколько зимних дынь — мягкий аромат наполнял коридор.

Денисов вернулся в тамбур, открыл дверцу холодильника «Ладога», вмонтированного в перегородку, кладовой. Холодильник был наполовину пуст — несколько батонов колбасы, масло, консервы, корейская капуста «чим-ча» в полиэтиленовых пакетах.

— Что-нибудь интересное? — спросила Денисова в открытую дверь женщина-следователь. Ей все еще не удалось выбраться из маршрутной кладовой.

— Нет, по-моему.

— Здесь тоже пока ничего. Сначала надо выгрузить почту.

— Это мы сделаем. Ночью, — пообещал Денисов.

— Тогда же нужно будет произвести дополнительный осмотр.

— А вообще? — спросил Денисов. — Какое мнение?

Следователь постучала ногами в пол, чтобы согреться. Рифленные металлические листы ответили приглушенным гулом.

— Не страдал ли он гипертонической болезнью или атеросклерозом... — сказала она. — Эксперт не исключает скоропостижную смерть.

— Бригада говорила об этом: атеросклероз.

— Ну вот. И пена на губах... — Следователь снова взялась за протокол. — Проверку продолжайте, но самым важным будут результаты вскрытия трупa.

Денисов захлопнул холодильник, спустился из тамбура вниз — на заснеженный путь. Впереди, у щитового забора, он увидел младшего инспектора Ниязова. Денисов махнул ему рукой, Ниязов сразу подошел — он искал Денисова, чтобы сообщить о результатах своего звонка в Боткинскую больницу.

— Там она, — кивнул младший инспектор. — Ремизова Клавдия... Послеоперационная. Икра и гранатовый сок. Правильно.

Собственно, Денисов не сомневался в том, что контролер сказал правду, но проверять несущественное, лежащее на периферии, чтобы судить о целом, стало его системой.

— Что-нибудь еще? — спросил Ниязов.

Денисов показал на железнодорожное полотно:

— Осмотр прилегающей местности.

— Ясно.

Под Дубниковским мостом было темно, но дорожка следов, тянувшаяся вдоль забора мимо почтово-багажного поезда, сохранилась — узкая, почти вытянутая в линию. Вверху слышались голоса, потом музыка — по мосту кто-то шел с транзистором. Потом слышался шум машины.

Денисов и младший инспектор прошли вдоль пути, обогнули вагон. Здесь их ждало разочарование. Позади вагонов проходила хорошо утоптанная тропинка, которой пользовались железнодорожники.

Судить по ней о том, поднимался ли кто-нибудь в вагон и выходил из него на тропинку — увы! — не представлялось возможным.

— Бригада наша сборная... — Ольшонок поднял голову, словно прислушивался. Денисов внимательно рассмотрел его: втянутая в плечи голова, медвежья природная сила в угловатой фигуре. — Из постоянной бригады сейчас только проводница. Кладовщикова. Несколько лет уже вместе ездим...

— А другой помощник?

Они разговаривали в кабинете уголовного розыска. Стрельчатые окна отражали арочный свод, колонну в середине — весь необычный вид кабинета, оставшегося от первой дореволюционной постройки вокзала: то ли придел, то ли монастырская трапезная; едва попав в кабинет, все невольно начинали ломать над этим словом.

Ольшонок едва ли обратил внимание на необычный интерьер.

— Салов? Вообще в третий раз едет. Он после курсов... Косов в этот рейс сам напросился.

— Почему?

— Не знаю: свои дела... Его бригада уехала перед нами за три дня. Он не поехал. В отпуск собирался, потом отставил. — Ольшонок жестко провел ладонью по подбородку. — А людей всегда не хватает. Вот и съездил! — Он снова прислушался.

В коридоре и во всем здании было тихо, только внизу, в дежурной части, время от времени хлопала входная дверь.

— Давно знаете Косова? — Денисов поправил лежавшие перед ним бумаги.

— Года четыре.

— Бывали вместе в поездках?

— Иногда... — Ольшонок что-то поискал взглядом на денисовском столе, не найдя, отвел глаза. Нервно чал. — С десятков раз. Не более.

— Косов был с самого начала поездки?

— А как же! — Он снова поискал на столе взглядом.

— Хотите курить?

Почтовик кивнул.

— Вообще-то дома я не курю. Только на работе.

— Бывает. — Денисов достал сигареты.

— Спички у меня есть, — сказал Ольшонок.

Денисову был известен этот тип курильщиков, начинали курить они, как правило, уже работая. В зрелом возрасте.

— Кто из вас первым приехал на вокзал?

Он не торопил начальника вагона. Следовательно, по существу, предоставила в его распоряжение достаточно времени — до получения результатов судебно-медицинского вскрытия трупа.

— Косов. — Ольшенок с жадностью затянулся.

— Он курит?

— Сигареты без фильтра. «Астру».

— Кто-нибудь был с ним?

— Перед отправлением? Жена и девочки. Они приехали на микроавтобусе. На «пазике». Он часто им пользовался. Когда я погрузился, жена с девочками были в купе. Пили чай. Потом уехали.

— Что у Косова было с собой?

— Как обычно. — Денисову показалось: Ольшенок хотел что-то добавить, но только затянулся глубже. — Чемодан, сумка. В купе переоделся в рабочее.

— Одежду привез с собой?

— Рабочая у нас здесь, на складе. У Косова старенький чемодан. В нем и хранит.

— Косов проводил жену? Или она оставалась до конца?

— Постояли у вагона. Тут сразу дали отправление.

— Отправились вовремя? — Денисову не удалось задать вопрос, который оказался бы для начальника вагона трудным или хотя бы застал Ольшонка врасплох.

«Не за что зацепиться...»

— Отправились по расписанию. — Ольшенок поискал пепельницу, Денисов подвинул ее ближе, на край стола. — Спасибо... — Он посмотрел на инспектора: — Все не верю в то, что случилось... Не могу поверить!

— Поездка проходила нормально? — Вопросы Денисова по-прежнему касались общих деталей.

— Морозы только! Говорят, где-то даже рельсы полопались. А вообще в этот рейс не везло. В Ташкент тащились неделю. В Ургенче стояли почти сутки. До этого в Бейнеу, в Кунграде... Теперь в Москве!

— Почему?

— В это время всегда тянешься. Ашхабадский скорый на сутки опоздал! А мы за ним шли... — Тема Ольшонка устраивала. — Обычно время в поездке идет быстро — не успеваешь обернуться. Сортируешь, выдаешь, принимаешь... А тут — еле шло! Несколько книг

было с собой, «Вокруг света» — подшивка. «Сельская молодежь». Все прочли.

— Расскажите об обратном пути, — попросил Денисов. — Где вы взяли последнюю почту?

— За два с половиною часа до Москвы. В Ожерелье.

— Кто принимал?

— Сам. Кладовщикова помогала.

— А остальные?

— Чем занимаются в дороге? Шли с опозданием, работы не было. Про заносы еще в Мичуринске предупредили. Кто спал, кто так валялся.

— Разговаривали?

— Обо всем переговорили. По-моему, с Приволжской дороги уже молчали.

— Что было дальше, по прибытии в Москву? В город ходили? В магазины?

— Косов один ходил.

— А вы?

Ольшенок погасил сигарету.

— Никуда. Да и куда идти?

— Не знаю. В столовую, например.

— Я вообще не ем в столовых! — Денисову послышалось нескромное — похожее на хвастовство.

Давала ли вагонная жизнь другие поводы к самодовольству?

— А остальные?

— У нас все с собой: картошка, сало, капуста. Теперь дыни «кара кыз», Зимний сорт. По-ихнему — «черная», по-нашему — «старая дева»... С утра занимались кто чем. Валера спал. Кладовщикова разговаривала в купе с Вайдисом.

— Вы знали его раньше? — спросил Денисов.

— Вайдиса? — Ольшенок повертел пепельницу толстыми пальцами, поставил на место. — Никогда. Кладовщикова попросила за него: порядочный человек, земляк, ночевать негде... Понимаю: нарушение! А как отказать?! Столько лет вместе ездим. Всяко было!

— Чем в это время занимался Косов?

— Не помню. Наверное, возился с посылками.

— Это его ключи — на столике, в служебном купе?

— Его. Я все ключи знаю.

— Когда и где вы в последний раз видели Косова? Можете вспомнить? — Денисову пришлось прибегнуть к прямым вопросам, которых обычно избегал и от кото-

рых не ждал пользы, — выхода не было. — Когда и где?

Ольшонок отвел глаза, постучал пальцами по столу.

— Да я все время его видел! Постоянно перед глазами. Вагон — это ведь как квартира! Трехкомнатная квартира с подсобными помещениями.

— И в сортировочном зале? — Денисов хотел определенности, в то время как Ольшонок ее явно избегал.

— И в купе! — Ольшонок занервничал. — И в большом коридоре. И в малом. В маршрутной кладовой, если вам интересно...

«Теперь теплее, — констатировал Денисов. — Определенно теплее... — Едва только появлялась «информация к размышлению», он мысленно обращался к себе как бы со стороны. — Надо постараться не потерять направление!»

Однако сразу потерял его, спросив:

— Говорили о чем-нибудь?

Ольшонок огладил ворс мохнатой шапки.

— Говорить?! О чем?!

Одновременно исчезла и надобность во внутреннем денисовском диалоге.

— Что делал Косов?

— Раскладывал посылки по «группам».

— Их не успели разложить?

— Я не стал интересоваться! — Ольшонок снова искал сигареты. — Косов не новичок!

— Что вы делали?

— Сидел у телека. Сначала фильм показывали. Промарала и русскую лайку. Потом ЦСКА — «Спартак»! ЦСКА — чемпион, а «Спартак» выигрывает! Тут я вообще не отходил от экрана...

«Начальнику вагона все-таки удалось укрыть свою тайну...» — вынужден был констатировать Денисов.

— Когда включили телевизор?

— Не могу сказать. У вас программа передач есть? Тогда можно было бы определить точно... — Ольшонок чувствовал себя уверенней. В первую очередь это отразилось на ответах — они становились все свободнее, обстоятельнее. Денисов, видимо, удалялся от критической точки. — Могу сказать про каждую шайбу... Вплоть до вашего прихода в вагон! Кто забил, когда, с чьей подачи.

Денисов задумался.

— Кроме вас, кто-нибудь смотрел матч?

— Я один. Включил звук на полную мощность, — Денисов знал, что Ольшенок не преминет сообщить эту деталь, — и смотрел. И ничего не слышал. Пока в вагон не застучали...

Ольшенок вздохнул как всадник, успешно миновавший все возможные препятствия на дистанции и благополучно достигший финиша. Он даже позволил себе взглянуть в сторону, на поддерживавшую арочный свод колонну: «Зачем? Как попала сюда?»

— Вагон убирали? — спросил Денисов.

— Сегодня? — Ольшенок посмотрел удивленно. — Нет... — Он покачал головой. — У нас как? Сдадим почту, потом уборка.

Удивление не было наигранным, Денисов поздравил себя. Это был его маленький успех. Ольшенок не понял, почему инспектор интересуется уборкой, а главное: раскрученные бумажки в углу «кухонного узла» и признаки поисков внутри вагона — с уборкой не связаны.

— Чем объяснить, что кладовая, в которой обнаружили Косова, была закрыта снаружи?

Вопрос застал начальника вагона врасплох.

— Не знаю. Может, закрылся?

— Кладовую изнутри можно закрыть только с помощью ключа?! А Косов оставил ключи в купе.

— Кто-нибудь проходил мимо — закрыл машинально?

— И выключил свет?!

— Свет включается не из тамбура — из купе проводницы!

Их прервал телефонный звонок.

Снизу, из дежурного помещения, звонил Сабодаш:

— Начальник почтового вагона у тебя?

— Здесь.

— Приехал следователь. — Денисов понял, что речь идет о следователе отдела, которого вызвали из дома. — Хочет поговорить с Ольшонком.

В коридоре слышались шаги.

— Я направил к тебе человека, — Антон спешил, на пульте оперативной связи в дежурке некоторое время слышался прерывистый зуммер. — Он все объяснит.

Дверь в кабинет открылась. Человек в ушанке, ватных брюках и телогрейке стоял на пороге.

— Можно? Я с ситценабивной фабрики. Вы интересуетесь, кто слышал крик из вагона...

Денисов кивнул.

— Я слышал. Сидорчук моя фамилия. Но я не могу быть у вас долго. — Он говорил сбивчиво. — Я работаю составителем поездов. Мне нельзя надолго отлучаться. Могу все рассказать на месте...

Денисов поднялся.

— Мне подождать? — спросил Ольшенок.

— Вас хочет видеть следователь.

Втроем спустились вниз, Денисов проводил Ольшонка в линейно-следственное отделение, вернулся. Составитель поездов ждал у входа в дежурку.

— Градусов под тридцать... — Сидорчук кивнул на дверь. — Крещенские морозы.

— Стужа.

Денисов не мог освободиться от мысли, что Ольшенок по какой-то причине предпочел держаться полуправды — худшего варианта лжи.

Под мостом было темно, но составитель поездов сразу нашел следы, на которые Денисов еще раньше, не зная о случившемся в вагоне, обратил внимание.

— Мои... Я шел из столовой. С товарной станции... — Дорожка следов шла вдоль запасного пути, к месту стоянки почтово-багажного поезда, потом круто сворачивала поперек путей, огибая вагон 7270. — Вдруг слышу: репортаж! Остановился... А у них радио в вагоне! Или телевизор?

Денисов проследил взглядом путь Сидорчука — мимо недавно поставленного забора из щитов, мимо площадки тяжеловесных грузов, новых с подвязанными дугами троллейбусов.

— Телевизор.

— Слышу, забивают лидеру! ЦСКА!..

Впереди, за пакгаузами, на главном пути, показалось желтоватое рассеянное пятно. Из-за вагонного депо к платформе Москва-Товарная приближалась электричка. Она шла в направлении Москвы, до вокзала оставался короткий последний перегон.

— Постоял у вагона, пока не объявили счет. «Три — один!» Спартак впереди! Даже не поверил! Думаю, подожду, может, повторят?! — Счет в матче был словно бакен в остром, в то же время однообразном для Денисова, как исследователя событий в вагоне, течении игры.

— Долго стояли здесь?

— Минут пять-семь. Счет так и не повторили. Потом слышу — разговаривают!

— Подробнее, пожалуйста.

— Идет разговор! А слов не разобрать.

— Это очень важно, — сказал Денисов. — Где, вашему, шел разговор? В купе? В кладовой? Где вы стояли?

Составитель примерился к дорожке следов.

— Кажется, здесь. — Получалось, что Сидорчук стоял между сортировочным залом и купе проводника, прежде чем двинуться в обход маршрутной кладовой на другую сторону вагона.

— Сколько людей участвовало в разговоре?

— Мужчина, по-моему, и женщина. Женщина что-то объясняла. Когда я уходил, был еще стук двери. Разговор... И вдруг крик!

— Вы хорошо его слышали?

Составитель передернул плечами.

— И сейчас в ушах! Будто с жизнью прощался!

— Теперь покажите место, где вы в тот момент стояли.

— Можно.

Они прошли к главным путям. Желтоватое пятно, замершее было на минуту у платформы, теперь заметно увеличивалось в окружности.

— Электричка, — предупредил Денисов.

— Я вижу.

Они остановились, вглядываясь в темноту.

Вслед за ярким пятном из вихря поднятого снега показалась отчетливо видная округлая кабина локомотива с прожектором вверху и светлыми пятнами по бокам — словно многократно увеличенная зеленая голова гигантского насекомого. Вокруг все было по-прежнему тихо. Голова насекомого приближалась. Через минуту-другую раздался грохот, похожий на обвал, и снова все стихло.

Составитель и Денисов двинулись дальше через главные пути к ситценабивной фабрике.

— Здесь.

Место, на которое указал составитель поездов, находилось примерно в ста пятидесяти метрах от вагона.

Можно было предположить, что крик последовал через минуту после слышанного Сидорчуком разговора и явился его завершением. Составитель, собственно, так и считал.

— Видимо, ударили чем-то тяжелым... — сказал он. — Крик был сильный. Но короткий.

— После того как вы слышали стук двери... — Денисов вернул его на несколько минут назад. — Разговор прекратился?

— По-моему, нет. — Он не был уверен. — Но ведь я уже шел вокруг вагона. Мне кажется, я все время слышал мужской голос. Пока не отдалился.

«Странно... — подумал Денисов. — Ольшенок обрисовал обстановку по-другому».

— Что за ощущение от услышанного? Хотя бы примерно... — спросил он Сидорчука. — Хоть что-нибудь! Что вам показалось? Ссора? Объяснение в любви?

Составитель пожал плечами.

— Не объяснение.

— Значит, ссора? Или повествование. Обмен мнениями...

— Ручаться не могу. — Сидорчук помялся. — Мне кажется, одно слово я разобрал: «Отдай!»

— «Отдай!» — Денисов был озадачен. — А голос?

— Мужской.

— С угрозой?

— Пожалуй. — Он снова не был уверен.

— После того как раздался крик... Вы обернулись. Из вагона кто-нибудь появился?

— Нет... — Составитель понимал, что значит его отрицательный ответ. Он вздохнул: — Вернее, не знаю. С товарной станции подавали состав на посадку. Как раз между мной и почтово-багажным... Ничего не было видно.

— Я понял.

На закруглении подъездных путей они расстались.

Сидорчук пошел вдоль колеи к себе, на ситценабивную, — там, у будки составителей поездов, рядом с полосатым шлагбаумом, уже несколько минут чернела неправдоподобно вытянутая тень маневрового тепловоза. Денисов вдоль восьмого пути повернул к отделению перевозки почты.

По дороге он по рации связался с Сабодашем:

— Возвращаюсь на базу. Какие у вас новости? — Выходя в эфир, считаясь с возможностью быть услышанным, Денисов обращался к Антону сугубо официально и преимущественно на «вы».

— Все по-прежнему, — отозвался Антон.

— Второй помощник начальника вагона у вас?

— Да. Закончил писать объяснение.

— Что-нибудь интересное? — Денисову не хотелось терять времени.

Антон процитировал по документу:

— «Отдыхал у себя в купе, где и был разбужен вошедшим в вагон сотрудником милиции...»; «Играл на гитаре, занимался сольфеджио, читал...»; «Явилось полной неожиданностью...»

— Он свободен?

— Сейчас? Да.

— Буду с ним говорить, — предупредил Денисов. — Конец связи.

— Салов Валера... — представился второй помощник. Мельком оглядев кабинет, помощник Ольшонка принял за должное и арку, и колонну, и ступени у входа.

На вид Салову можно было дать не меньше двадцати семи — двадцати восьми, в действительности, судя по анкетным данным объяснения, не было и двадцати четырех лет.

Зеленоватые, бутылочного цвета глаза, темно-рыжие вьющиеся волосы. Одет он был в приталенное пальто с подложенными плечами и погончиками.

— Садитесь. — Денисов с любопытством следил за ним.

— Благодарю. — Он сел, подобрав под стул ноги.

Туфли, заметил Денисов, были на высоченном каблучке, белые от пыли, которая была совершенно немыслимой в Москве при почти тридцатиградусном морозе.

«Еще одна загадка, лежащая, возможно, на периферии всего, связанного со смертью Косова...» — подумал Денисов.

— Серьезно занимаетесь гитарой? — Инспектор кивнул на лежавшие перед ним бумаги — собственноручное объяснение Салова по поводу случившегося.

— Только думаю. — Он сидел напряженно.

— Очно или по самоучителю?

— Сначала попробую по книге. Там решу.

— В вагоне, кроме вас, никто не играет?

— Нет. — В конце каждого ответа Салов словно ставил большую жирную точку.

— Учебники возите с собой?

— Да. Иванова-Крамского. Еще Тарреги.

— Мне надо поговорить с вами о том, что произошло... В какой момент вы видели Косова в последний раз?

Салов подумал.

— Перед тем как вам прийти. Он стоял в маршрутной кладовой.

— Вы входили туда?

— Нет, подходил к холодильнику. В тамбуре.

— А Косов?

— Он был у окошка. По другую сторону двери... — Салов неполно и не особенно старательно, по-ученически, отвечал на вопросы.

— Вы разговаривали с ним?

— Он спросил: «Чего ты хотел?»

— Именно так?

— Что-то в таком роде.

— Вы подходили к окошку?

— Он сам окликнул.

— А вы?

— Я что-то сказал. Пошел к себе.

— Вас ничего не удивило в поведении Косова?

— Был он какой-то странный.

Денисов обратил внимание на пристрастие Салова к простым предложениям, да и артикуляция показалась неадекватной.

— Зачем вы приходили в тамбур?

— Что-то понадобилось в холодильнике.

— Где в это время были другие?

— Кто где... — Он не стал многословнее. — Олышок у телевизора, а проводница в купе. Вместе с пассажиром.

— Косов не просил открыть кладовую?

Салов щелкнул языком. Цокающий звук выдал жителя Средней Азии.

«Отсюда особенности построения фраз и артикуляция...» — подумал Денисов. В объяснении Салов значился уроженцем Волгограда.

— Росли в Средней Азии? — спросил Денисов.

Салов посмотрел вопросительно.

— В Ургенче.

— А как оказались здесь? В наших краях?

— После службы, списался с девушкой.

— Женаты?

— Заявление подали, — постепенно он разговорился. — Звал к себе жить, в Ургенч! Не хочет: родители!

— А у вас? — спросил Денисов.

— Мать. Две сестры.

— В Ургенче?

— В Хиве. Там недалеко.

Денисов вспомнил: «В Ургенче сутки стояли...»

— Успели повидать своих?

— Успел. — Салов смутился.

— Были в Ичан-Кале? В архитектурном заповеднике? — Денисов кивнул на его туфли, закрытые белой мучной пылью. Он все понял. — Прах веков?

— Потому и не чищу! Как-никак две тысячи лет истории... Пыль прошлого!

— Не первый раз в поездке?

— После курсов? Третий раз.

— Раньше тоже удавалось заезжать к своим?

Салов покачал головой:

— Обычно они приходили на станцию. Но для них не очень удобно. Мы прибываем в двадцать два по московскому. Ночью.

— На этот раз по-другому?

— Даже в ресторане были... — Салов усмехнулся.

— Потому, наверное, и пошли в почтовое ведомство, чтобы бывать у своих?

— Ну! — отозвался Салов. Его заинтересованность в разговоре заметно пошла на убыль.

— Невеста видела ваши места? — спросил еще Денисов. — Нравятся?

— Не очень. Жара. И пыли много.

— Где она работает?

— В бюро туристических перевозок. Проводница на международных рейсах.

— Не встречала вас вчера? — Денисов хотел, чтобы вопрос прошел вскользь, но ничего не получилось.

Салов стал еще малословнее:

— Сейчас она в поездке. — Денисову так и не удалось снять с него напряжение.

Пришлось ограничиться общими вопросами:

— Вы представляете обстановку в кладовой, когда Косов был обнаружен мертвым... — Денисов взял со стола объяснение Салова, положил в папку. — Она отличалась от той, в которой вы видели Косова живым?

— Отличалась.

— Чем?

Салов подумал.

— Вначале почта была вся отсортирована. — Он посмотрел вниз, на туфли, качнул ногой. — Потом, когда мы вошли, все было свалено в кучу.

— Смогли бы вы это объяснить?

— Себе?! Не знаю. — Он посмотрел на Денисова. — Может, Косов опрокинул, когда падал. Кладовщикова говорила, что он нездоров.

Оставшись один, Денисов достал с полки «Судебную медицину», нашел нужную главу:

«Скоропостижная смерть наступает неожиданно для окружающих... В одних случаях наблюдается у людей, у которых заболевание протекало скрыто. Такие люди считаются практически здоровыми... Взрослые чаще всего умирают скоропостижно от заболеваний сердечно-сосудистой системы. Первое место среди них наряду с гипертонической болезнью занимает атеросклероз...»

— Денис! — Антон предпочитал обращаться по имени, образованному из фамилии. — Проводницу я направил в медкомнату для освидетельствования. — Он провел взглядом по пульту оперативной связи — от какой-нибудь из многочисленных клемм всегда шел громкий прерывистый зуммер. На этот раз звонили из следственного отделения. — Извини... — Антон снял трубку. — Вас слушаю, Сабодаш...

Денисов прошел за барьер, отделявший святая святых — комнату дежурного по отделу — от остального помещения дежурной части. Пока Антон говорил, Денисов с другого пульта позвонил домой.

К телефону подошла жена.

— Как вы там? — спросил Денисов.

— Ничего. Наташа ушибла коленку, — пожаловалась Лина.

— Что вы делаете?

— Смотрим мульты. Она от себя не отпускает. Такая у меня дочь.

*Лина немного играла. Это был взрослый вариант детской игры в «дочки-матери».

— Сильно ушиблась? — Денисов подумал, что должен сначала переговорить со всеми, кто был в вагоне, прежде чем выберет одного, с которого начнет: «Пока все только пристрелка!» — Как это получилось? — спросил он.

— В детском саду. Забралась на стул, всех отталкивала. Это нашему ребенку урок. Тебя ждать?

— Нет, пожалуй.

— ЧП? А кто дежурит?

— Антон.

— Понятно.

Они еще поговорили. Игра была испорчена. Денисов слышал, как Наташка закапризничала. Видимо, окончились мультики.

— Ты сходишь утром в магазин? — попросила Лина. — Я хотела бы убежать пораньше. Заодно заглянешь в прачечную.

Антон объяснился со следователем, теперь нетерпеливо поглядывал на Денисова.

— Получишь. И кое-что сдашь, — объяснила Лина.

— Постараюсь.

— Завтрак в холодильнике...

— Ну ладно... — Он положил трубку. Сразу почувствовал: разговор закончил не так, не тем, но менять что-то было поздно.

— Распоряжение следователя, — сказал Антон. — Направить инспектора, то есть тебя, в медкомнату. Надо поговорить с врачом по результатам освидетельствования проводницы...

— Она еще там?

— Там. С ней младший инспектор.

— Ниязова надо послать к вагону. Усилить охрану места происшествия. Ничего нового? — Денисов показал на пульт.

— Нет. Сразу звони, если что...

Денисов кивнул.

Из телетайпной доносился непрекращавшийся стук. Антон должен был ориентировать о случае в почтовом вагоне все органы транспортной милиции по пути следования поезда.

У выхода, в боковой комнате, сидел за столом Ольшенок. Следователь разрешил ему собственноручно заполнить бланк протокола допроса — Ольшенок писал, поминутно отвлекаясь и перечитывая написанное. Рядом лежал второй бланк — для беловика.

«Будто составляет дипломатическую ноту... — Денисов оглядел нескладную фигуру начальника почтового вагона. — Но почему он так осторожен? Что за нарушения он допустил? Привели ли они в конце концов к гибели Косова?»

Он вышел на перрон. Дробно стучали тележки носильщиков. Свисавшие на невидимых нитях светильники казались пронзительно яркими. Сверху, из установленных вдоль платформ динамиков, непрерывающимся потоком поступала привычная информация:

— ...соблюдать чистоту. Не курить, не сорить...

— ...в комнате матери и ребенка есть свободные места...

В толпе, текущей к поездам, мелькали знакомые лица — электрики, дежурные. У центрального зала технический контролер Ремизов, в холодном пальто, в шапке с опущенными наушниками, в чем-то оправдывался перед дежурным по отделению перевозки почты Кубасовым. Кубасов, тучный, постоянно задыхающийся от одышки, не слушал его, тер рукавицей нос.

«Наверное, насчет браконьерской икры... — подумал Денисов. — Одно к одному!»

Через зал для транзитных пассажиров Денисов прошел к медкомнате, открыл обитую клеенкой дверь. В приемной было пусто. Несколько женщин негромко разговаривали в кабинете заведующей. Перед входом в бокс стоял младший инспектор Ниязов. Увидев Денисова, он показал на перегородку.

— Кладовщикова там, чувствует себя нормально. — Ему не терпелось получить более серьезное задание. — Я нужен здесь?

— Надо обеспечить охрану места происшествия.

— Идти к вагону? — Ему явно не везло. — Он еще под мостом?

— На площадке.

— Есть! Побежал.

— Насчет проводницы? — Знакомая Денисову медсестра выглянула из кабинета, поздоровалась. — Сейчас с ней заведующая. Придется чуть обождать. Мы дали ей успокоительного... — Лицо медсестры, всегда невозмутимое, неожиданно расплылось в улыбке. — А у нас гость! Хотите познакомиться? Зайдите.

Времени было в обрез, но Денисов вошел. В кабинете, кроме женщин — дежурной по залу и старшего администратора, — находился еще мужчина лет пятидесяти в зимнем, чересчур толстом, пальто и суконных ботинках «прощай, молодость». Сидя на кушетке, он пил чай.

— Шарков Дмитрий Михайлович, — представила его медсестра. — Тот самый...

Денисов посмотрел на нее.

— В журнале писали! Умеет читать кожей!

— И экстрасенс. — Дежурная по залу, строгая дама, взглянула на часы — ей не хотелось уходить. — Не может быть, чтобы не слышали! Специалист по биополу... Ставит диагноз по голосу!

— Очень приятно.

Мысли Денисова были далеко. Он действительно что-то читал или слышал. Скорее всего рассказывала Лина, а ей кто-то говорил на работе.

— Сейчас произвели научный, так сказать, эксперимент, — сказала дежурная по залу. — Перед самым вашим приходом. Дали Дмитрию Михайловичу прочитать название статьи.

— Темновато здесь, — глядя в сторону, буркнул сенс.

Денисов посмотрел на часы: проводница продолжала находиться с заведующей в боксе. ЧП в вагоне 7270 отбирало все его внимание и любопытство.

— Я и стихи могу! Экспромтом! На любую тему! — Почувствовав обидное безучастие, предложил вдруг экстрасенс. — Хотите? — Ему словно было недостаточно удивительного дара — умения ставить диагноз по телефону и читать пяткой.

— «Сейчас в медкомнате сидим... — забормотал он, — товарищи вокруг, и вот приходит гражданин, садится в тесный круг, чтоб вместе ехать хоть куда, нам дружба всех нужней, но и билет само собой...» — Он не закончил.

Скрипнула дверь. Из бокса появилась заведующая медкомнаты и с ней проводница.

— Обширная гематома под правым глазом, — сказала Денисову заведующая, — ссадины на левом и правом предплечьях, на горле... — Она отошла к умывальнику, послышался удар сильной струи. — Будете направлять в бюро судебно-медицинской экспертизы?

— Сейчас уже поздно.

— Думаю, я ничего не упустила, но пусть там посмотрят.

В течение разговора проводница не произнесла ни слова и смотрела в сторону, будто речь шла не о ней.

— Кроме того, небольшое кровоизлияние в сетчатку, — заведующая резко выключила воду. — Женщина пойдет с вами?

— Мы еще не разговаривали.

— Подождите, я запишу в книгу.

С появлением заведующей экстрасенс как-то сразу притих, дежурная по залу заторопилась к себе.

— Какова, по-вашему, давность повреждений? — спросил Денисов.

Врач подвинула мензурку на столе, послышался царапающий звук стекла о стекло.

— Не менее восьми-десяти часов.

— Восьми-десяти?!

— Безусловно. Изменена пигментация, кое-где активно идет заживление...

«Выходит, смерть Косова и нанесение повреждений проводнице разделены во времени! — подумал Денисов. — Связаны ли одно с другим?! И каким образом?!»

В углу затрещал телефон прямой связи с милицией. Врач подняла трубку, передала Денисову.

— Вас.

— Слушаю, Денисов.

— Денис... — начал Антон. — Сейчас представитель отделения перевозки почты едет домой к Косову, чтобы поставить в известность родственников. Я решил, что лучше будет...

Денисов и сам думал об этом.

— Пусть подождет меня.

— Это в Ржаково.

— Я знаю. Как там подъезды?

— Неизвестно. На всякий случай возьмите «газик».

Все?

— Ориентировки везде даны? — поинтересовался Денисов. За действия наряда милиции по горячим следам он отвечал совместно с дежурным.

— О преступлении? — Антон щелкнул зажигалкой, прикуривая. — Везде. В управление, по вокзалам. В Клайпеду — насчет Вайдиса. Кстати, у него заказан разговор с домом. На двадцать один час. Как быть?

— Время еще есть! А телеграммы по пути следования?

— Послали. Бейнеу, Кунград... — под конец Антон спросил: — Как со справкой о медицинском освидетельствовании?

— Сейчас будет.

— Не удалось установить, кто ударил проводницу?

— Нет.

— А ты как считаешь?

— Я? — Денисов понизил голос, чтобы Кладовщикова не могла его слышать. — Думаю, это сделал Ольшенок, начальник вагона.

2

Сразу за домом, у забора из металлической сетки, шла хорошо укатанная лыжня с цветными картонными указателями по бокам — здесь проводились соревнования.

Тянуло дымком. Была пятница. В Ржакове топили бани.

Дежурный по отделению перевозки почты Кубасов, которого Денисов видел до этого на вокзале вместе с техническим контролером, страдающий от одышки и мороза, первым направился в дом. Следом прошла приехавшая с ними женщина в дубленке — представитель месткома.

Денисов еще несколько минут оставался во дворе. Ему хотелось составить себе представление о погибшем и его быте.

Дом был двухэтажный, с верандой, с резными балясинами на балконе и кирпичным гаражом. Фруктовые деревья на участке вырублены. Росшие на меже сосны казались посеребренными, словно каждую иголку предварительно окунули в серебристую краску.

Напоследок Денисов взошел на крыльцо, внимательно оглядел приступки. Сбоку в снегу валялся бумажный фантик «Ну-ка, отними!», сломанная сигарета «БТ». Денисов поднял ее — обе половинки оказались совершенно промерзшими.

«Трудно сказать, когда ее бросили...» — подумал.

Через небольшую прихожую он прошел в комнату.

— Разрешите?

Никто не ответил. У входа стоял дежурный по отделению Кубасов. Представительница месткома, молодая женщина, успела снять шубу, пройти к дверям второй комнаты. Она жалостливо поглядывала кругом.

Под люстрой сидела у стола старая, но еще крепкая сухощавая женщина. Две белобрысые девочки-дошкольницы прижимались с двух сторон к ее коленям.

— Хозяйка еще не знает? — жестко спросила старуха. Денисов подумал, что это мать Косова, потом понял: теща. Нервный шок, казалось, прошел, уступив место горестному анализу. — Вы к ней не заезжали?

— Нет, — сказал Кубасов. — Сразу к вам. А где она?

— На работе.

— Здесь? В Ржакове?

— Универмаг видели? На площади. Большой каменный... Она там, заведующая секцией культтоваров.

— Приходит поздно?

— Как когда, — старуха хрустнула пальцами, — то в Видное на склад едет, то в Москву. Вчера говорила: собрание пайщиков.

— Кого? — не понял Кубасов.

— Пайщиков. Универмаг у них от райпотребкооперации. — Пока она говорила, девочки затеяли возню, при этом обе не отпускали старухины колени. — Идите к себе! — неожиданно сказала им старуха. — Займитесь своим.

Денисов мельком оглядел комнату, она показалась примечательной.

Почтовик, довольствовавшийся в вагоне самым необходимым, в домашней своей жизни явно предпочитал высокую степень комфорта. Вдоль стены тянулась секция темного дерева, до верху заполненная фарфором и хрусталем. По двум стенам и полу были пущены ковры. У окна, в углу, стоял цветной телевизор. Еще Денисову бросились в глаза черные японские или китайские миниатюры по обе стороны окна: в овальных деревянных тарелках были изображены женщины в ярких кимоно с прозрачными красочными зонтами.

— Давно не видели зятя? — спросил Денисов.

— Как в поездку ушел. — Старуха посмотрела ничего не выражавшими выцветшими глазами. — Больше недели... — Она вдруг заговорила быстро, сокрушенно: — Холода пройдут, скоро надо снег с крыши сбросить. Картошку поднять с подпола... Никто не знает своей судьбы! — Старуха темной рукой вытерла глаза. — Велел пораньше баню истопить, в четверг. «Приеду!» — сказал. И вот приехал.

— Когда он не был в поездке, — спросил Денисов, — то обычно жил здесь?

Старуха обиделась:

— Куда ж ему идти? Здесь его дом! Жена, дети!

— Я к тому, что он прописан по другому адресу!

Она ответила уклончиво:

— Уж привыкли!

— Сам не хотел прописываться? Или отказали в прописке?

— Вообще-то тетка его прописана там. Ну и судили тоже.

Денисов вспомнил татуировку «Они устали!» и изображение то ли шатровой церкви, то ли часовни.

— За что?

— Продал кому-то чего... Уж не помню!

Денисов подумал.

— Там, где он прописан, у него есть родственники?

— Нет. Сестренка здесь, в Ржакове. Была тетка и та умерла.

— Отчего?

Глаза у нее совсем просохли.

— От атеросклероза. И мать его от него умерла... В одночасье! Пошла за водой — и не вернулась. У них вся родня страдала. И он думал, от него помрет.. А видишь как обернулось!

— Выпивал? — спросил Кубасов.

— Случалось. С хозяйкой, бывало, посидят... А компаний не водил. Самостоятельный!

Денисов посмотрел на часы: надо было ехать, если они надеялись перехватить Косову в универмаге.

Он задал еще несколько вопросов:

— Знакомые здесь бывали у него? С работы, например?

— Да нет. — Она покачала головой.

— Но кого-нибудь вы все-таки видели? Хотя бы за последнее время?

Старуха хотела снова качнуть головой, но Денисов сказал:

— Там, на крыльце, сигарета лежала. Это ведь не его... Он курит без фильтра!

Старуха подумала.

— Вчера, как ему приехать, был один.

— Рано?

— После обеда.

— Расскажите, пожалуйста, — попросил Денисов.

— Постучал. — Старуха говорила неохотно, явно по привычке избегала подробности. — А дома я и девочки. Шумлю ему из избы: «Кого, мол? Кто?» — «Косова! С работы...» — «Нет его, — кричу, — не приезжал!»

— А кто? По какому поводу?

— Не знаю. Только и поговорили.

— Какой из себя?

— Не посмотрела. По голосу не особо старый...

— Вода у вас на кухне? — спросил еще Денисов.

Прием был стар, как профессия сыщика.

— Там. — Старуха показала рукой.

Ничего заслуживающего оперативный интерес за стеной, в доме Косова, Денисов действительно не обнаружил. Еще одна секция с хрусталем, вторая люстра с подвесками. Стены кухни были оклеены холодными, зеленоватого цвета обоями с изображением кирпичной кладки. В детской оказались фотообои, цветные, во всю стену. Изображение осеннего леса.

У газовой плиты на гвоздике висел знакомый импортный платок с блестящей ниткой.

«В кухне, наверное, никогда не бывает тепло. Из-за обоев!» — подумал Денисов. Зелень рисованных кирпичей напоминала о холодном заплесневелом погребе.

— Едем? — спросил он, возвращаясь.

Кубасов и женщина из месткома уже ждали его в коридоре.

В сенях они слышали, как позади них скользнул в петлю тяжелый дверной крючок.

Центральную площадь нашли быстро. К ней сходились несколько дорог, подходивших к станции.

Кирпичное здание универмага с большими квадратными окнами вместо витрин было залито светом, и тем не менее внутри оказалось почти пустым. Только в отделе игрушек да еще у трикотажного стояли несколько покупателей.

В секции культтоваров, рядом со входом, работал цветной телевизор. Здесь происходил учет товаров. От двери к углу прилавка был протянут шпагат. Молоденькая продавщица в безрукавке поверх халата перекладывала фотобумагу, кюветы, бачки; женщина постарше — в высокой норковой шапке — щелкала на счетах.

— Могу я видеть Косову? — Денисов поднырнул под шпагат, подошел к прилавку.

— Кого? — Женщина в норковой шапке удивилась.

— Заведующую.

— Грубовникову, — поправила она. — У них с мужем разные фамилии. Она еще со склада не вернулась. Я могу помочь как заместитель?

— У нее беда. Погиб муж.

— Господи...

— Может, подождете? — Женщины за прилавком заволновались. — Грубовникова скоро придет. Как все случилось?

— В вагоне, несчастный случай. Пусть она позвонит. — Денисов вырвал лист из блокнота, записал телефон дежурного. — А еще лучше, если сразу подъедет на вокзал!

— Какое несчастье!

— Знали его?

— Сколько раз вместе были! Именины, праздники. Сюда приходил! С какого он года? Вдруг выскочило из головы...

Денисов назвал. Заместитель отложила на счетах четыре аккуратных столбика костяшек, привычно сильно отбросила количество, соответствовавшее году рождения Косова. Костяшки со стуком ударили в деревянную рамку.

— Совсем молодой! — Она взглянула на оставшуюся разность.

— Скажите. — Кубасов, с трудом преодолевший шпагат, показал на невыключенный телевизор. — Этот цветной «Темп»... Продается?

Женщина покачала головой:

— Только пайщикам.

— Исключений не делаете?

— А вы вступайте! Будет и телевизор, и многое другое.

— А головные платки? — спросил Денисов.

Он прошел глазами по полкам соседнего отдела. Выбор товаров в райпотребкооперации был и в самом деле больше обычного. Над сумками и японскими зонтиками он увидел импортный платок, переливающийся яркой нитью — люрексом, такой же, как в кармане пиджака мертвого Косова. Третий такой же платок висел на гвоздике в доме, здесь, в Ржакове.

— Платки? — переспросила заместитель. — Кончились. Сейчас все спрашивают. Мода! Это бракованный висит. Косов тоже им интересовался...

Когда они вышли из универсама, площадь была заполнена людьми: только что прибыла электричка. Кубасов и его спутница сели в «газик». На переезде звенел предупредительный звонок. В темноте морозно похрустывали ветки.

Сквозь щель в заборе Денисов заглянул во двор

универмага. Вдали виднелось несколько алюминиевых лодок и мотоциклов в деревянных клетках, новый «Жигуленок». От угла из темноты шел человек в тулупе с собакой — очевидно сторож. Ни грузчиков, ни шума разгружающейся машины Денисов не услышал — заведующая секцией культтоваров находилась, видимо, где-то в пути.

— Крепкий был мужик, — вздохнул Кубасов, когда Денисов сел в «газик», — хозяйственный. Такой же, пожалуй, как начальник вагона, с которым он приехал.

— Ольшонок? — Денисов обернулся.

— Тот, по-моему, тоже каждую копейку в хозяйство кладет. Постоянно что-нибудь покупает. Слышал: даже обедать в столовую не ходит.

— На одной экономии такое богатство, как у Косова, не накопишь! — вставила женщина. — Сколько хрустала!

— О мертвом надо говорить хорошо либо ничего не говорить, — сказал Кубасов.

По пустынной улице шофер «газика» свернул на шоссе, развил скорость. Высокие сосны вырывались из темноты и стоя, с заснеженными верхушками бросались навстречу фарам. Скоро впереди обозначились огни кольцевой автомобильной дороги.

— Конечно, на работе в вагоне соблазнов много, — подумав, дежурный по отделению все-таки нарушил традицию. — Скажем, попросили его икру привезти в больницу. Разве он за свою цену отдаст? Немного, но заработает. — Кубасов зашевелился, устраниваясь удобнее на сиденье. — Но с этим борются... Сейчас все-таки не то! Слышали: в Бейнеу бригаду нашу задержали за спекуляцию... Всех до одного!

— Бригаду? — переспросил Денисов. Как работник уголовного розыска, он непосредственно спекулянтами не занимался. — Чью же?

— Стаса! Помните: бывший футболист! И Косов с ним ездил!.. Сейчас все задержаны. Начальник отделения выехал разбираться. Нет! — повторил Кубасов. — Как хотите... Сейчас берутся за них.

— Давно их задержали? — спросил Денисов.

— Перед Ольшонком они уехали. Дня за три.

— Как вы думаете, — поинтересовался Денисов, — кто мог вчера приезжать к Косову с работы?

— От нас? — Машину трянуло, Кубасов схватился за сиденье впереди. — Не представляю. Я даже не

знал, что у него были друзья на узле. С другой стороны, зачем в Ржаково? Тем более что почтово-багажный пришел с опозданием?!

— Приняли, как обычно, на первый путь, потом перетащили на товарку, под Дубниковский мост... — Кладовщикова поправила все то же бывшее на ней черное пальто, в которое она поминутно куталась.

Приглядевшись, Денисов лучше рассмотрел его — это была большого размера форменная шинель Министерства связи. Проводница носила ее с несомненным кокетством — не застегивая, только ту же перехватывая на талии. Огромные рукава и поднятый воротник подчеркивали непритязательность Кладовщиковой и — до некоторой степени — ее миниатюрность и женственность.

— Давно здесь работаете? — спросил Денисов.

Она заговорила охотно:

— В почтовом ведомстве? Пять лет! Я по образованию не связист. Закончила три курса факультета дошкольного воспитания...

— Работали по специальности?

— Начала было... Но скоро сказала себе: «Дети — не твое призвание, Кладовщикова! Стоп! Одного — и того никак на ноги не поставишь!» И вот ушла в связисты.

— У вас ребенок?

— С родителями живет... У нас хорошая семья. Родители медики. Оба брата хирурги. Одна я бродяга. Они меня так и называют.

На вид Кладовщиковой можно было дать около тридцати: морщины на верхней губе, прямой с горбинкой нос, черные, уложенные недавно опытной рукой мастера волосы. Держалась она как человек, привыкший к исключительному положению в мужском коллективе.

— ...Проснешься дома, ждешь гудка и думаешь: «Почему стоим? Встречный пропускаем?» Интересная жизнь! Сегодня — на Каспии, завтра — где-нибудь в Мургабе! Какая у нас бригада была! Отличная!

— Распалась? — спросил Денисов.

— Первый помощник ушел на пенсию, второй на заводе. Теперь Салов за него.

— Косов не постоянно был в бригаде?

— На один рейс! Ольшонок не взял бы на все время!

— Почему? Как вы думаете?

Она поправила прическу, подтянула ворот шинели.

— Не знаю.

— Это ваша? — Денисов показал на шинель.

— Что вы?! — Кладовщикова улыбнулась. — Пятьдесят второй размер! Ольшонка! Мороз вон какой! А я в пальтишке... Он говорит: «Одевай! И чтоб не снимала!»

— Заботится?

Она засмеялась:

— Говорят: неравно... дышит! Ко мне в поездках все хорошо относились!

— И Косов?

Она обошла вопрос:

— Важно, как я к нему отнеслась! Ольшонок — это человек... А Косов? Хоть и нехорошо о мертвом... Типичный кулак. У них вся бригада была такая. Если бы к нам не попал, сидел бы вместе с ними в Бейнеу.

— Спекуляция?

— Все на свете. — Она махнула рукой. — Ничем не брезгует. Пьяница вещи с себя пропивает — он купит! Колечко, перстенок!

— И в этот раз?

— В эту поездку ему не везло.

— Что-нибудь мешало?

Кладовщикова усмехнулась:

— Опаздывали! Бывает, должны утром прибыть, а являемся через сутки вечером! Кто ж будет ждать?! Поэтому ничего не вез, кроме дынь. И злился поэтому! И сердце болело!

— Сильно болело?

— Брал у меня сердечное. Значит, сильно.

Денисов поднялся из-за стола, подошел к окну, оглядел кактусы на подоконнике. Метровые стены заглушали звуки со стороны.

«Замечали ли в начале века сходство между вокзальными стенами и крепостными...»

— Косову, наверное, не нравилось то, что вы во всем предпочитаете Ольшонка?

Проводница махнула рукой:

— Какое дело...

— А что Ольшонок?

— Умный, но вспыльчивый. Сначала вспылит, по-

том начинает взвешивать... Тут еще Вайдис! — Она, безусловно, не договаривала.

Денисову поневоле пришлось вернуться к началу:

— Когда прибыли в Москву, поезд долго стоял у перрона? Кто-нибудь подходил к вагону?

— Только дежурный по отделению: так и так, мол. Придется, друзья, в Москве зимовать. Затор с разгрузкой. Как обычно. Потом технический контролер...

— Ремизов?

— Ремизова не было. Другой.

— Дальше.

— А что дальше? Мы народ дисциплинированный, связисты. «Надо, значит, надо».

— Из вагона уходили?

— Только Косов. Купил на Дубниковке колбасы, масла. Сложил в холодильник.

— Водку? — уточнил Денисов.

— Водки он не пьет. Вино. И то купил не вчера, а сегодня.

— Что делал второй помощник?

— Валера? — Она снова подтянула шинель к подбородку. — Лег спать. Ольшенок включил телевизор. Потом Косов пришел, стали чистить картошку.

— Вы убирали вагон?

— В Москве? — Кладовщикова удивилась. — Нет! Убираем обычно потом, после разгрузки.

«Непонятно, — снова подумал Денисов, — я убедился в обратном! Тем не менее все совершенно искренне это отрицают!»

— Так никто и не отлучался вчера, кроме Косова? Ни на вокзал, ни в магазины?

— Только я. И то уже вечером... — Она поправила волосы. Они слегка вились вокруг головы, оставляя макушку как бы прилизанной. — Думаю: сбегая в парикмахерскую!

— Как называется ваша прическа?

— В стиле «диско»... — Кладовщикова взглянула с благодарностью. — Пришла в парикмахерскую — людей много. Спрашиваю: «Девочки, меня возьмете? Стоит ждать?» — Она рассказывала долго, со многими подробностями и отступлениями.

«Выходит, заколка, которую я видел на столике в служебном купе, принадлежит не Кладовщиковой, — подумал Денисов, — кому-то другому. Кому? Проводнице сменной бригады?!»

— Они опять: «Ждите!» — Кладовщикова запахла шинель. — Думаю: «Буду сидеть до победы!»

— В это время вы и познакомились с Вайдисом? — предположил Денисов. — В парикмахерской?

— Он сидел на мужской половине. Разговорились. Я когда-то жила в Клайпеде. Со вторым мужем... Сейчас у него другая семья, дети. — Она положительно не могла говорить коротко. — Теперь встречаемся как друзья, даже поздравляем друг друга с праздниками... — Проводница тряхнула головой. — Спросила Вайдиса, как порт, как город. Слово за словом... Он рассказал, что не устроился с гостиницей. «Подождите, — говорю, — постригусь, что-нибудь придумаем...»

— Дальше.

— Вайдис подождал... Так он и попал в вагон!

— Это, видимо, не положено делать.

— А сидеть на вокзале?! Документы в порядке, вы видели. Ольшонок и Косов тоже их проверили. Определили в купе на вторую полку. У Вайдиса оказалось с собой две бутылки «Старорусской»...

— И вино?

— Вино он потом купил. В ресторане.

— Что он делал в вагоне?

— Ничего. Все время в купе.

— А как с Косовым?

— Сошлись! Не разлей вода!

— Чем это объяснить? — Денисов удивился.

— Не знаю. — Кладовщикова подумала. — Вайдис — человек вежливый, обеспеченный. В жестокие игры не играет, выгоды не ищет. Косов это сразу понял. За версту чует, где пожить! Может, в Клайпеду задумал съездить?!

— Жену Салова вы знаете?

— Хорошая девочка... — Она неожиданно показала на колонну, поддерживавшую свод. — Что же здесь было раньше? Церковь? Эти окна и арка...

— Вокзал, — объяснил Денисов. — Один из первых в России.

— Как монастырь. — Кладовщикова поправила ворот шинели, еще выше подтянув его вверх. Машинально провела рукой по лицу. — Арки, купола.

Пятно у нее под глазом начинало заметно желтеть и растекаться, пройти оно должно было не скоро.

— Будете писать заявление? — Денисов кивнул на спяк.

— По поводу этого? — Она покачала головой. — Нет.

— Почему?

В качестве основания для возбуждения дел такого рода закон требовал заявление потерпевшего о привлечении виновного к ответственности.

— У меня ни к кому нет никаких претензий. Сама виновата... — Проводница поправила шинель. Подумав, она добавила серьезно: — Тот человек и без того наказан. И сильно.

Разговор Вайдиса с Клайпедой состоялся из кабинета Денисова.

Междугородная включилась ровно в двадцать один час, слышимость была преотличной. Не только Вайдис, но и сидевший напротив Денисов слышал все, о чем спрашивали из Клайпеды.

— Ты в гостинице, Ричард? — поинтересовался дребезжащий голос.

— Конечно, — не моргнув глазом, соврал Вайдис.

Он сидел за соседним столом перед Денисовым в модной курточке с огненно-красным подбоем на капюшоне, мятых вельветовых брючках; на редкость мягкий, ухоженный, благополучный.

— Хорошая гостиница? — спросили недоверчиво.

— Прекрасная.

— Не холодно?

— Жара... Пока нигде не был, никого не видел. — Вайдис намеренно закруглял разговор. — Буду звонить завтра, отец. В это же время.

— Как там кормят? — подумав, не спеша спросил Вайдис-старший. — Будь осторожен. Помни, что врач рекомендовал...

— Конечно. Ничего соленого и жареного... Привет маме. Все! Целую. — Он положил трубку, взглянул на Денисова. — Что с того, что тебе за пятьдесят?! У вас с родителями тоже так?

Даже при беспощадном свете двухсотсвечовой лампы Вайдис выглядел значительно моложе своих лет.

— Я рано лишился отца, — подумав, ответил Денисов.

Вайдис выждал паузу.

— Сочувствую. И все-таки... Я лично предпочел бы узнать от родителей больше, чем просто: «Не ешь жареное».

ного, мучного!» или «Мой кипяченой водой фрукты!..» До этого можно и самому додуматься. Понимаете? Или вот еще: «Лучше купить вещь большего размера, ее можно перешить, в то время как малую ни для чего не приспособишь...» Этого недостаточно. Правда? С таким запасом все-таки неуютно в жизни. Тем более когда уже не надо покупать одежду на вырост!

— В этом тоже не вся мудрость.

— И все-таки одну я открыл. Совершенно самостоятельно. Хотите? — Вайдис взглянул на Денисова. — Есть заповедь, которую переводят как «Не клянись!». Слышали? Но что значит «Не клянись!»? Почему она идет в ряду с такими, как «Не убий!» и «Не укради!» — Он переждал. — И вот я понял: имеется в виду «Не зарекайся!».

— А в чем разница?

— Не чувствуете? «Не зарекайся!» — значит: не забывай, что завтра обстоятельства могут оказаться выше, чем ты думаешь сегодня. А «Не клянись!» — значит, не клянись!

— Личный опыт?

— Была одна неприятность. Правда, еще в молодости...

Денисов снова перелистал паспорт: прописан, работает, военнообязанный.

— Сколько вы дней в Москве?

— Второй, кажется. Забыл счет.

— Где были?

— Может показаться смешным... В почтовом вагоне! — Он кивнул на окно, в направлении Дубниковского моста. — Приехал в Москву, и вместо Третьяковки, Большого театра, Бородинской панорамы...

— Цель вашего приезда?

— Я в отпуске. Но есть, конечно, и цель. Походить, посмотреть. Кое-что приобрести...

— Как вы попали с Белорусского на наш вокзал?

— Случайно. Могу закурить? — Он достал сигарету.

Денисов обратил внимание на марку — «БТ».

— Курите.

— Спасибо. Сюда я приехал двадцать восьмым, скорым. Сразу подался в «Минск», затем в гостиничный комплекс «Останкино», оттуда в «Турист». Все без пользы.

— Мест не было?

— Нигде. — Он прикурил, убрал зажигалку и си-

гареты. — В «Туристе» сказали про гостиницу «Загорье». Это в Бирюлеве, по вашей дороге. И там ни одного места. Из Бирюлева и попал сюда.

— Потом?

— Не знал, куда приткнуться... — Дальнейшее Денисов знал, однако внимательно дослушал до конца. — От нечего делать пошел в парикмахерскую. Все-таки теплее! На женской половине сидела женщина. Разговорились. Оказалось, проводница почтового вагона, раньше жила в Клайпеде. Рассказал про свое бедственное положение. «Хорошо, — она сказала, — познакомлю вас со своими коллегами. Понравится, оставят ночевать». У меня с собой были две бутылки «Старорусской». Пока она делала укладку, я купил еще марочного. В ресторане.

— Таким образом...

— Я здесь. Начальник вагона, конечно, не обрадовался. Нарушение инструкции и прочее. И все-таки!

— А Косов?

— Этот был категорически против. Видите ли... — Вайдис помолчал. — Я считаю, что цель у всех людей... У вас, у меня, у Косова одна! Только мы подходим к ней с разных позиций. И окольными путями.

Денисов посмотрел вопросительно.

— Чего мы все хотим? Лучшего для себя и для других! Правда? Это ведь всех устроит?! Только идем мы каждый по-своему, со своих позиций... Об этом, кстати, мы проговорили весь вечер и часть ночи. И я их убедил. Выпили, конечно. Спать легли уже на рассвете.

В нем чувствовался махровый эгоцентризм большого избалованного ребенка, до старости опекаемого родителями.

— А утром?

— Проснулись к полудню. — Он поправил капюшон курточки, чтобы тот не топорщился сзади. — За вагоном пурга, стужа. Косов сходил за вином. Не подумайте, что мы напились. Просто для беседы. Ни у кого ни в одном глазу. Говорили, играли на гитаре.

— На гитаре играл Салов? — спросил Денисов.

— И другая женщина.

— Не Кладовщикова?!

— Татьяна... — Вайдис ничего не заметил. — Молоденькая, симпатичная...

— По-вашему, ей сдали полку?

Вайдис покачал головой:

— Нет...

— Где она спала?

— В служебном купе.

Денисов подумал о заколке на столике в служебном купе рядом с зимней дыней «кара-кыз».

— Не помните, она пользовалась заколкой?

Вайдис кивнул:

— Красного цвета.

Стала ясной причина, по которой почтовики дружно отказывались упоминать пассажира: все были хорошо знакомы между собой.

— Когда Татьяна ушла?

— Из вагона? Утром. Когда и Косов.

— То есть до его гибели?

— Они рано ушли. Потом Косов вернулся с вином.

В схеме, к которой Денисов успел привыкнуть, появилось новое лицо. Надо было решить: принимать его во внимание или отбросить.

Денисов спросил:

— Когда вы увидели Кладовщикова в парикмахерской... У нее на лице был синяк?

Вайдис покачал головой.

— Не было.

— Он появился потом? В вагоне?

— Она сказала, что стукнулась о полку.

Несколько минут Денисов сидел молча. Неожиданная мысль пришла ему в голову.

«Из всех обитателей почтового вагона только один человек мог оказаться вчера в послеобеденное время в Ржакове, у дома Косова, — подумал он. — Этот человек — Вайдис. Если бы не опоздание почтово-багажного поезда, Косов был бы к тому времени тоже дома...»

В углу затрещал телефон прямой связи.

«...Но что за счета могли быть у экономиста Клайпедского порта со связистом — помощником начальника почтового вагона из Ржакова?!»

Он взял трубку. Звонил Сабодаш.

— Слушаю, Денисов.

— ...Надо изъять в вагоне личные вещи пострадавшего, — сказал Антон. — Сейчас позвонили. Жена Косова выехала из Ржакова, едет сюда. Тебе слышно? Чего молчишь?

— Слышу. — Он все еще думал о Вайдисе. — Надо, чтобы кто-то помог из почтовиков! Тот, кто знает вещи!

— С тобой будет Ольшонок. И дежурный по отделению Кубасов. Он уже там!

Площадка отделения перевозки почты была временной, скученной; щитовой забор отделял ее от полотна главных путей и дежурки отдела внутренних дел.

По другую сторону вокзала уже несколько месяцев высились современные, из стекла и металла стены — только что выстроенный прирельсовый железнодорожный почтамт. Однако связисты, казалось, не спешили переезжать на новое место — здесь все было знакомым, приспособленным, выверенным.

По два почтовых работника у каждого вагона — один вверху, в кладовой, у раскрытой погрузочной двери, второй — под навесом, внизу, рядом с транспортером и почтовым контейнером, размеренно касались руками пакетов и посылочных ящиков; опускаясь из вагонов, почта размеренно переключивалась из кладовых в контейнеры.

Морозный пар таял у неярких светильников под навесом.

Денисов, за ним Ольшонок поднялись в вагон, прошли в сортировочный зал. Здесь их уже ждали — Ниязов, охранявший место происшествия, и дежурный по отделению почты. Кубасов отдыхал, полулежа на двух винтовых табуретах и оперевшись о стол.

— Давление вроде упало, — сообщил он. — Не чувствуете?

— Нет пока.

— Это хорошо... Все вещи Косова будете изымать?

— Все. Составим протокол и передадим родственникам. — Денисов открыл дверь в малый коридор, показал начальнику вагона на шкафы. — Откройте, пожалуйста.

По-медвежьи ступая, Ольшонок подошел ближе.

— Косова вещи в среднем ящике, — сказал он.

Дверца шкафа заперта не была — Ольшонок достал с полки продавленный чемодан, передал Денисову, потом ворохом, не разбирая, молча, вместе с вешалками снял с крючков вещи — костюм, сорочку, пальто.

— Это то, в чем он поехал бы домой, а рабочую одежду оставил бы на складе в чемодане.

Они переместились в купе для отдыха, где началь-

ник вагона достал еще из рундука хозяйственную сумку и сетку. Из тамбура к вещам прибавились продукты: колбаса, дыни, несколько банок лосося и сайры, лежавшие в холодильнике, какие-то еще свертки.

— Здесь и от нас, — сказал Ольшенок. — На поминки.

— Все? — спросил Кубасов.

— Все. К остальному он отношения не имеет.

— А телевизор?

— И к телевизору. Мы без него покупали.

Когда Денисов заканчивал писать протокол, хлопнула дверь. В большом коридоре показался милиционер.

— Товарищ лейтенант, — обратился он к Денисову, — дежурный послал... Там приехали родственники убитого!

Из возможных вариантов — «пострадавшего», «потерпевшего», «умершего» — он воспользовался леденящим — «убитого».

Денисов заметил: Ольшенок нервно зевнул.

— Сейчас идем.

Подписав протокол, они вышли из вагона. Денисов, Ольшенок и милиционер, обгоняя двигавшиеся черепашьим шагом вереницы тележек, электрокары, машины с утренними газетами, быстро направились к отделу внутренних дел.

У въездных ворот им встретился еще один посыльный Сабодаша, который сказал Денисову только одно слово:

— Ждут!

На стоянке служебного автотранспорта Денисов уже видел аккуратный микроавтобус с областным номером, видимо, тот самый, в котором Косов с семьей приезжал на вокзал, собираясь в поездку. В автобусе негромко играл магнитофон, шофер в надвинутой на лоб ондатровой шапке в такт музыке постукивал рукой по рулю.

Поручив Ольшонка Антону, Денисов вошел в комнату помощника дежурного, поставил чемодан и сумки на стол. Помощника на месте не было, сбоку, у стола, сидели две похожие чем-то друг на друга женщины. Обе тотчас узнали вещи, не сводили с них глаз. Женщина постарше отвела слезу тыльной стороной ладони.

— Я — жена, — Грубовниковой на вид было не больше тридцати пяти: светлые глаза, сизоватая, словно продубевшая, на скулах кожа. Она показала головой на сидевшую рядом: — Это родная сестра.

Вторая женщина — с выбеленной челкой — сидела молча, глаза ее были устремлены в одну точку, в низ стены, в нескольких сантиметрах от пола.

— Это его... — Жена Косова сдержала слезы. — Чемодан, сумка. Чемодан он обычно оставлял на складе с рабочей одеждой. А сумку вез домой. Я всегда собирала ее в поездку.

— Что он брал с собой?

— Всегда одно: картошку, сало, лук.

— А еще?

Она не поняла:

— Все.

— Денег было много с собой?

— Не смотрела. Он всегда брал в дорогу. Бывает, купит, если попадется что стоящее.

— Рублей пятьсот?

— Возможно. Лишнее не потратит.

— Не выпивал?

— Сейчас кто не выпивает? — Сестра Косова неожиданно оторвала взгляд от стены. Денисову показалось, что она успела выпить с горя. — Не стало чело-ве-ка! Понимаете? — Она замолчала. Беспокойное течение мысли тотчас увело ее в сторону. — Надо еще телеграммы дать родственникам! Все подготовить, чтоб по-людски. Когда успеем? А тут еще учет в универмаге! Как нарочно...

— Вы тоже там работаете?

— Нет. Я — через площадь. В овощном.

Пока сестра Косова сбивчиво суммировала внезапно свалившееся на их головы, жена молчала. Денисов уловил, как она несколько раз тихо кивнула, словно отмечая необходимые ей в ее новом вдовьем положении заметы.

— Говорил вам когда-нибудь муж... — обратился к ней Денисов, — о каких-либо недоразумениях с товарищами по работе? Об угрозах, ссорах?

— Нет. — Она покачала головой. — С этим всегда было в порядке.

— Были у него недоброжелатели?

— Наоборот! — Она снова отвела слезы рукой. — Только друзья! Бывает, надо выручить кого-то, съездить в поездку... Деньгами помочь! Вот и недавно тоже. Просили у него, я отсоветовала, а то б... — Она смотрела перед собой, словно в зеркало, в котором была видна ее прошлая семейная жизнь. — Сердце у него

простое! Поэтому и не выдержало. — Она не знала всех обстоятельств.

— Жить бы да жить! — вставила сестра.

— Оба работали. Мать пенсию получает...

Денисов раскрыл чемодан, стал выкладывать все, что собрали в шкафу, в купе, в холодильнике. Особняком, в носовом платке, лежало содержимое карманов.

— Проверьте, — предложил он.

Женщина развернула узелок, мельком оглядела. Также между прочим пересчитала деньги, заглянула в чемодан, потом в сумку. Сунула на дно чемодана узелок и посмотрела на Денисова:

— Больше ничего?

— Все. Тут кое-что от бригады. На похороны.

Она вздохнула. Денисов вопросительно взглянул на нее. Грубовникова ничего не сказала.

В дверях появился Антон.

— Сейчас распишитесь в протоколе, — сказал он, — но я прошу на несколько минут задержаться. Сюда идет следователь.

Денисов оставил их с Сабодашем, направился к выходу.

За дверями, в морозном проеме, открылся вид на перрон и стоянку служебного автотранспорта.

Денисов подошел к микроавтобусу с областным номером. Шофер — в надвинутой на лоб ондатровой шапке — по-прежнему сидел с включенным магнитофоном, слушал «Машину времени».

— Из Ржакова? — спросил Денисов через стекло. — Жену Косова привез?

— Знаешь ее? — Шофер выключил магнитофон, приоткрыл дверцу. — Как хоть дело было? — Он с любопытством посмотрел на инспектора.

Денисов обошел кабину, взобрался в салон. Шофер спрятал магнитофон под сиденье.

— Это с ее работы машина?

— Ржаковского универмага. Как там дела?

— Пока трудно обо всем судить. Что за человек он был?

— Косов? — шофер помялся. — Деловой мужик. Достать что-нибудь, устроить. — Водитель потарабанил по рулю коротким, с врезавшимся толстым обручальным кольцом пальцем. — Эту машину тоже он пробил...

— Работал в универмаге?

— Зачем? Ездил к начальству. Потом начальство

приезжало. У нас в Ржакове питомник по разведению садовых растений. Яблони, карликовые вишни. Всем надо! На дачу, в деревню. У него там знакомые. Вы — нам, мы — вам! Все мог! А так, глядишь, числится простым работягой!

— Друзья были у него?

— Близко ни с кем не общался. Сделал дело — и как у Шекспира: «Прощай и помни обо мне». — Он остался доволен сравнением.

— Вчера к нему человек домой приезжал, — начал Денисов. — Значит, есть и общение.

— Приезжал — значит, по делу!

— А как у тебя с ним?

— Я — другое дело. Я нужен! Машина!

— Микроавтобус?

— Конечно! Не пешком же ходить!

— А его собственная?

— Только летом. И то больше в гараже. Я не только микроавтобус... — Парень посмотрел на Денисова. — Я — на все руки от скуки. Магнитофон починить, приемник. Недавно ключ ему сделал по слепку!

— Силен!

— От кладовки! Привез оттиски на пластилине...

— Почему не ключ?

— Ключ у них один. И все время в работе... А мне без разницы! Я сделал!

— Давно?

— Принес-то? Недавно. На следующий день он должен был ехать. Но не уехал — поехал на третий день. С новой бригадой. И вот!

Денисов принялся уточнять: шофер «пазика» мимоходом рассказывал об удивительных вещах.

— На другой день он должен был ехать, но не уехал... Ты видел его?

— Как же?! Тот день я хорошо помню! — Он улыбнулся заговорщически. — Меня про него ваши товарищи расспрашивали! Не в курсе? Так тонко подступили...

— Милиция? Какая?!

— Этого я не знаю. Не положено! Может, ваша... — Он хитро посмотрел на Денисова. — Дней через пять стою у себя у универсама, подходят. То, се. Я уже чувствую, в чем дело. «Пожалуйста, — говорю, — ваша служба такая! Спрашивайте. Чем могу, — помогу...» Они посмеялись. Двое. Ребята крепкие, молодые. Сна-

чала вроде: «Ничего не надо!» Потом про тот день стали расспрашивать: «Куда ездил? В Москву? С кем?»

— Фамилию Косова назвали?

— Я сам сказал. Какой интерес скрывать? Мне прикажут — я еду.

— Про ключ был разговор?

— И про ключ. С него и пошло, «Сначала, — говорю, — поехали с Косовым на вокзал. Отдали ключ». — «Какой? Откуда? Нарисуй...»

Денисов предпочел уточнить:

— Почему думаешь, что Косов ключ отдал?

— А иначе зачем приезжать? — удивился шофер. — Ведь в поездку он не собирался! И приезжал без вещей. Логично?

Денисов только вздохнул.

— Ну вот! Ключ отдал — и поехали,

— Далеко? — Денисов теперь тоже интересовался тем днем.

— В ГУМ. Кеды дочкам купил. Потом на Кирова, где Главпочтамт.

— Зачем?

— Вот и инспектор, который расспрашивал, тоже: «Зачем?» Откуда я знаю? Там рядом и переговорный пункт — междугородная телефонная станция. И фирменный магазин «Чай». «Звонил?! Кому?!» Да мало ли? Я в машине сидел. Потом домой махнули, в Ржакowo...

— Косов сказал что-нибудь?

— Когда вернулся в машину? Обронил что-то. Вроде: «Заказывать надо...»

— «Заказывать»?! Что именно?

— Не знаю. — Водитель снова хитро взглянул на Денисова. — По-моему, фирменный чай на прилавках особо не залеживается. Как?

— Те, в Ржакове, тоже об этом знают?

— Как же?! Скрывать не собирался!

«Чтобы переварить этот объем информации, нужно время...» — подумал Денисов. Он поглядывал на крыльцо: жена и сестра погибшего все еще находились в здании.

— Ключ сможешь нарисовать?

Шофер вытащил из ящичка блокнот, карандаш, не спеша принялся набрасывать чертеж. Он провел прямые, очерчивавшие многоступенчатые бороздки, сбоку указал размеры в миллиметрах.

— Настоящий чертеж!
— Кое-что умеем.
— После того дня ты видел Косова?
— Когда в поездку провожал... Завез с женой, с детьми на вокзал.

— Он что-нибудь вез с собой? Помимо сумки.

Шофер подумал.

— Коробку.

— Большую?

— Из-под сигарет. От «Мальборо».

Дверь дежурки в это время приоткрылась, кто-то разговаривал в коридоре, собираясь идти.

— Пойду... — Инспектор не хотел, чтобы Грубовникова видела его с шофером. — Поговорим потом.

Он простился, вышел из машины.

«Ого!..» — Мороз сразу проник под куртку.

Денисов взбежал на крыльцо. В коридоре с обеими женщинами из Ржакова стоял следователь. Он был без пальто и шапки. Женщины уходили и все никак не могли уйти.

— ...А врач... — Говорила в основном сестра Косова. — Одно доказывает... Поражены, дескать, крупные артериальные сосуды. Внутренняя поверхность бугристая! И возникает препятствие нормальному току крови...

Денисов это хорошо себе представлял.

— Вы упомянули... — Он воспользовался тем, что жена Косова в разговоре не участвовала. — Как отказали в деньгах кому-то, кто просил в долг у вашего мужа. Давно это было?

Грубовникова не сразу поняла.

— А-а... Недавно. Неделю назад. — Она уточнила. — Я почему отказала? К ремонту готовимся. Нижние бревна перебрать да еще венцы! Расходы большие!

— Помните? Кто именно просил?

Грубовникова кивнула.

— Как же?! Из их организации. Начальник вагона! Ольшо... — Она запнулась, выговаривая трудную фамилию.

— Ольшонок?!

Табло на перроне показывало начало второго часа.

Денисов поднялся в буфет. Несколько завсегдатаев — экипажи патрульных машин, таксисты — ужинали за высокими столиками, друг против друга.

Денисов подошел к стойке, поздоровался. Буфетчица, переговаривавшаяся со знакомым диспетчером такси, тотчас прервала разговор.

— Поужинать?

Денисов взял бутербродов, студень, сметану и чай, отошел к краю антресоли. Уборщица, собиравшая посуду, поставила перед ним горчицу. Она была расположена к сотрудникам милиции, работавшим в ночное время, как могла, по-своему, их отличала.

Он огляделся.

За угловым столиком собирались отъезжавшие в аэропорт летчики и стюардессы, там, как обычно, звучал транзистор. Буфетчица снова занялась диспетчером. Внизу, за стеклом, была ночь. Казалось, зал для транзитных пассажиров и высвеченный светом перрон расположены в разных часовых поясах.

Он ел и думал о ЧП в вагоне:

«Что произошло? Что Ольшенок и другие пытаются скрыть? Имеет ли это отношение к гибели Косова?»

Он достал авторучку, записал на салфетке:

«Что искали в вагоне? Кто такая Татьяна? Кто ударил Кладовщикову? Что означает «Отдай!», услышанное составителем поездов Сидорчуком? К кому относится?»

Отдельно Денисов выписал вопросы, связанные непосредственно с Косовым:

«Кто приезжал накануне в Ржаково? От какого помещения ключ? Зачем изготовлен? Что Косов делал на Главпочтамте? Куда делась коробка от «Мальборо»? Что в ней было?»

Перечень получился неполный и непоследовательный. Перо увязало в бумажных волокнах, чернила расплывались.

«Как милиция на станции Бейнеу узнала про бригаду почтовиков-спекулянтов во главе со Стасом?»

Денисов перечитал вопросы, остался недоволен. Можно было представить ответы, которые не помогут проникнуть в тайну случившегося. На ум тут же с ходу пришло несколько вариантов:

«В Ржаково приезжал посторонний, кому Косов обещал привезти из Узбекистана дыню... Ключ изготовил для кого-то из знакомых... На Главпочтамте произвел спонсирование почтовых марок для коллекции дочерей... А коробку от «Мальборо» привез под сухофрукты или по просьбе пожилой женщины — стрелка ВОХР, изве-

стной под именем «Мадам Бовари», чтобы мотки шерсти, когда она вяжет для внуков, не катались бы по грязному полу проходной...»

Все же Денисов не смял салфетку, не выбросил, а даже приписал внизу:

«Лина. Магазин. Прачечная».

Впереди, за несколько столиков, ужинал экстрасенс, с которым вечером он познакомился в медкомнате. Шарков запивал водой бутерброд.

«А ведь собирался ехать, — подумал Денисов. До утра, правда, оставался еще поезд. — Уедет на нем?»

Мысли, связанные с почтовым вагоном, снова увели в сторону. Он бережно свернул салфетку с вопросами, спрятал в карман:

«Интересно, как сложились отношения Косова и Ольшонка после того, как Косов отказал начальнику вагона в требуемой сумме? Знала ли об этом Кладовщикова?»

Денисов отнес посуду на раздачу, подошел к буфетчице. Она все говорила с ночным диспетчером такси.

— Ремизов — из отделения перевозки почты... — Денисов снова отвлек ее. — Оставлял в холодильнике икру. Как она?

— Ничего, — сказала буфетчица, — я сказала бы, вполне приличная.

Она достала пакет, выложила на прилавок. Пока Денисов исследовал его, он чувствовал ее напряженный взгляд.

— Спасибо, — он вернул пакет.

Качество икры было низким — обычная продукция браконьеров. Работали под девизом: «Быстрее! Пока не появился рыбнадзор, уголовный розыск, ОБХСС! Поймать, засолить, продать...»

Знакомый начальник отделения, обслуживавший акваторий заповедника, как-то рассказывал: «...Браконьеры вырезают икру, а к рыбе привязывают груз и сразу отправляют на дно, чтоб не оставить в лодке следы! Представляешь?»

Но это была уже другая тема.

— Можно положить на место? — Буфетчица, принимая назад икру, взглянула вопросительно: «Или следовало отказать почтовику?!» — Он сказал, мать у него в больнице, завтра повезет передачу, а холодильник разморожен. Все в порядке? — спросила она.

— Порядок, — Денисов помолчал. Надо было возвращаться к себе. — А у вас?

Диспетчер со скучающим видом обозревал в это время зал.

Она усмехнулась:

— С переменным успехом.

Диспетчер был холост, и все смены настойчиво, пока безуспешно испытывали на нем свои чары.

Транзистор у летчиков, в углу, продолжал играть.

«Почему дверь в кладовую вагона оказалась закрытой? — подумал Денисов, спускаясь с антресоли вместе с десятками других людей. — Изнутри дверь можно закрыть только с помощью ключа... Ключа у Косова не было. Снаружи кладовая запирается вручную — поворотом ригеля. Но кому это потребовалось?!»

Он вышел на перрон. Здесь было почти безлюдно. Из-за мороза уборщики спешили с очисткой урн — шли всей командой, с метлами, с тележкой. Из-за центрального здания показался бегун-чудак, бегавший по ночам. Он тяжело дышал.

— Добрый вечер... — услышал Денисов.

Он увидел экстрасенса.

— Ну и холодина! — Шарков растерянно улыбнулся. — Сейчас пошел за билетами, вывернул карманы... Восемь рублей не хватило! Мне б, конечно, дали! Полно знакомых — кандидаты, доктора. Все на мне защились. Но ночь! Кому звонить, куда?

— Бывает, — согласился Денисов.

Насчет «сейчас» экстрасенс определенно схитрил. В стихотворении, выданном экспромтом в медкомнате, в беспомощном наборе слов уже присутствовал намек на денежные затруднения, медики не обратили тогда на это внимания.

— Вы можете мне? — спросил Шарков.

Полагалось направить его к Антону, составить бумагу, решить вопрос. Сейчас было не до этого. Судьбу сенса решило его толстое на вате пальто, на которое Денисов еще раньше обратил внимание. Пальто чудака.

«Если бы он был в розыске, с такой приметой его бы давно задержали. Не говоря о том, что служило бы ему только помехой...»

— Помогу.

«Хочу умиловить свирепого бога уголовного розыска? — подумал Денисов, доставая бумажник. — Я

выручу экстрасенса, а жестокий бог поможет раскрыть дело Косова?!»

Они вернулись в зал, обменялись адресами. Шарков спрятал бумажку с адресом во внутренний карман пальто.

— Обязательно вышлю, — он улынулся.

Денисов снова окинул взглядом его одежду — бродяги и «перекати-поля».

— Могу чем-то помочь? — предложил Шарков. Получив возможность приобрести билет, он повеселел. — Отвести биополе. Или узнать болезнь по голосу. Недавно помог больному, страдающему атеросклерозом... — сказал Шарков.

По странному совпадению он назвал болезнь, от которой умерли родственники Косова, от которой тот предполагал умереть сам.

— Вы ведь из милиции? — спросил Шарков.

Денисов кивнул.

— Я догадался. Вам интересно, наверное, каким образом я ставлю диагноз. Не знаю. — Он подумал. — Вы всегда знаете, почему спросили так, а не иначе? Почему вам ответили именно в этих выражениях, не в других. — Чудак в толстом пальто пожал плечами. — Так идет наша жизнь... Вы следовательно или инспектор?

В доверительном разговоре никогда не обходилось без этого вопроса.

— Инспектор.

— Разницы я, правда, не вижу.

— Примерно то же, что конструктор и технолог... Вы едете без вещей? — спросил Денисов, в свою очередь. Ему пора было идти.

Собеседник улыбнулся:

— Иной уходит на час и набивает полные карманы. Да еще «дипломат» или портфель. А я — когда искал деньги — только и нашел всего: билет — в кино ходил, квитанцию из гостиницы, щетку да пасту.

— Вы жили в гостинице?

— В «Загорье», — он назвал ту же гостиницу, что и Вайдис. — Недалеко от вас. Помочь кого-то устроить? — Он был рад услужить. — Там теперь меня все знают.

— Спасибо. — Денисов отказался. — Как у них с местами?

— Эти два дня были.

«Были...» — отметил Денисов. Он обратил внимание и на другое. Шарков назвал: «Билет, квитанция, щетка и паста. Только и всего...» Фраза эта каким-то образом соседствовала с восклицанием, вырвавшимся у жены Косова при получении вещей мужа. «Это все? Больше ничего?»

«Как все переключается вокруг... — подумал Денисов. — Чего-то не оказалось в вещах Косова! Но чего именно?»

Он подал Шаркову руку:

— Я рад, что познакомились.

3

Под навесом между деревянными стойками, в тесноте, маневрировали тащившие вереницы груженых тележек электрокары. Стойки навеса несли на себе глубокие зарубки — следы прикосновений жестких металлических конструкций.

У почтового вагона Денисова и тех, кто был с ним, снова встречали — дежурный по отделению Кубасов и младший инспектор. Ниязов так всю ночь и не отходил от вагона.

— Понятых пригласили? — спросил Сабодаш.

Младший инспектор кивнул на вагон.

— Монтеров пути. Тех, что были на осмотре труп. Они рядом живут, в общежитии.

Кубасов тем временем обернулся к Кладовщиковой:

— Не замерзла? — Они давно знали друг друга.

— Конечно, сейчас лучше бы туда, где теплее. В Ташкент, например. Или Душанбе!

— А что скажет начальник вагона? — Кубасов подал на перчатки.

— Сначала надо почту сдать. — Ольшонок был не склонен шутить. Кроме того, соответствующая инструкция возлагала на него ответственность за весь находившийся в вагоне груз. — Можно заходить? — спросил он.

— Можно, — Денисов пропустил почтовиков и Антона первыми, знаком показал Ниязову, чтобы остался.

Вдвоем они отошли в сторону. Денисов достал чертеж ключа, изготовленного шофером ржакковского университета.

— Пойдешь в табельную отделения перевозки поч-

ты, — сказал он, — потом в новое здание. Под благовидным предлогом посмотришь все ключи. Интересует этот. Надо узнать, от какого он помещения.

— Под благовидным предлогом? — Ниязов поднял взгляд на Денисова. Он начал работать младшим инспектором недавно, обоим еще предстояло притереться друг к другу. — А как лучше?

— Скажи, что потерял ключ от кабинета, который нужно срочно открыть.

— Понял. — Он был рад покинуть вагон, который ему изрядно надоел: — Все?

— Все.

Денисов посмотрел ему вслед.

Хвост почтовых контейнеров, похожих на игрушечные домики на колесах, ждал очереди на загрузку. Почту грузили по направлениям — Казанский, Курский, Белорусский...

На рубеже ночи — с прибытием опоздавшего на пять часов астраханского поезда — работы почтовикам заметно прибавилось. Мимо вагона суетливыми шажками в легком, не по сезону пальто пробежал Ремизов. Плоское малоподвижное лицо технического контролера было красным с мороза.

— Погоди подавать! — еще издали, не замечая Денисова, закричал он кому-то в сторону локомотива.

Денисов присоединился к Антону в сортировочном зале. Кроме Сабодаша и связистов, он увидел еще обеих знакомых уже женщин в ватных брюках и куртках — монтеров пути, участвовавших в осмотре трупа. Их колоритные фигуры выделялись кажущейся ватной статью.

— Мы начали с документов, — предупредил Антон.

В углу, у сейфа, Ольшонок показывал дежурному по отделению документацию. Оба знали дело — дежурный, борясь с привычной одышкой, быстро, одну за другой, просматривал накладные, отбрасывал в сторону. Потом принялись за лежавшие в сейфе ценные отправления.

Время поползло медленно, главное же состояло в том, что с почтовой документацией, с ценными отправлениями — Денисов был уверен — все обстояло благополучно.

— Документация в ажуре, — подтвердил Кубасов, сдергивая маленькие в тонкой анодированной оправе очки. — У вас ничего не будет к Ольшонку?

Денисов поймал недоумевающий взгляд Антона: Са-

бодаш был убежден в том, что Денисов придает значение осмотру груза и кладовой, следовательно, ждет невероятного.

— Нет, — сказал инспектор.

— Будем выгружать? — спросил начальник вагона. За несколько часов Ольшонок, казалось, зарос еще больше, голова в огромной собачьего меха шапке словно втянулась в узкую грудную клетку.

Денисов кивнул.

Из тепла сортировочного зала потянулись в маршрутную кладовую. Здесь было морозно и царил тот же хаос, что и во время первого осмотра места происшествия. Ящики сдвинуты в стороны, мешки свалены в кучу. Теперь, после выгрузки, предстоял дополнительный, более тщательный осмотр.

— Транспортер готов? — крикнул Кубасов кому-то внизу, на площадке.

— Готов!

Ольшонок убрал фиксаторы, державшие запоры, открыл погрузочную дверь. В кладовую ворвалась стужа. Снизу в проем двери тотчас выдвинулся транспортер. Ольшонок и Кладовщикова заняли места по обе его стороны, Денисов встал между ними. Поодаль, внизу, под навесом, тоже произошло движение.

— Внимание! — предупредил Денисов. — Перед тем как выгружать посылки, каждую прошу показать мне. И еще! Подмосковье к какому сектору относится?

— Смотря какое Подмосковье? — буркнул Ольшонок.

— Ближайшее к нам.

— Люберецкий сектор.

— Когда пойдет Люберецкий сектор, дайте мне знать. — Он поймал недоуменные взгляды обоих почтовиков, но пояснять не стал.

Лента транспортера поползла вниз. Начальник вагона показал Денисову первую отправку — ящик с черным контуром рюмки с надписью «Осторожно! Стекло!».

— Поехали! — отозвались снизу, с площадки.

Денисов осматривал каждый ящик, каждый мешок перед тем, как им попасть на движущуюся серую ленту, уходившую к контейнерам.

«Состояние упаковки... — Денисов переворачивал груз, осматривал со всех сторон. — Состояние бечевы... Адрес получателя... Адрес отправителя... Все в норме».

Выгрузка шла медленно. Почтовики простаивали, но Денисову не в чем было себя упрекнуть — в куртке, он мерз больше всех.

Он и сам не мог бы толково объяснить, на что надеется.

«Состояние упаковки... Состояние бечевы... Адреса... Дальше...»

«Разве вы всегда знаете — почему так, не иначе?» — вспомнились ему слова чудака, рекомендовавшего экстрасенсом. — В самом деле! Совсем не всегда, скорее наоборот...»

И все-таки гора груза медленно таяла, обнажая рифленые листы, лежавшие в основании кладовой. В проеме двери, на перекрестке огней, бывших из вагона и проникавших из-под навеса, тени почтовиков казались черными птицами, махавшими огромными крыльями.

— Вот закончат строительство почтамта... — Кубасов порывался помогать — брал очередной ящик, подолгу держал на весу. — Пригласим — покажем современный уровень почтовых операций...

— Люберецкая секция пошла! — предупредил Ольшенок.

— ...Вся сортировка и погрузка автоматические. Удивитесь!

— Минуту! — Денисов взглянул на трафарет посылки, которую дежурный поставил на транспортер, и дернул на себя.

То, что он искал.

Небольшой, аккуратно сколоченный ящик. На трафарете стоял знакомый адрес:

«п/о РЖАКОВО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
УЛ. ВОСТРЯКОВСКАЯ, 32
ГРУБОВНИКОВОЙ К. М.»

Антон удивился:

— Сам себе послал?!

Ольшенок искоса взглянул на посылку в руках Денисова:

— Что б не тащить в электричке! Почта доставит! Денисов отставил ящик в сторону. Разгрузка продолжалась.

Через несколько минут Денисов нашел вторую посылку, адресованную в Ржаково, и тут же Сабодаш увидел третью.

Больше ничего интересного в кладовой не обнаружи-

ли. Почтовики освободили место вокруг квадрата, в котором был обнаружен труп Косова.

Рифленые листы пола теперь можно было впервые осмотреть полностью.

— Сколько же у него было ключей? — спросил вдруг Антон. — Под последним ящиком блеснула «тройчатка» железнодорожных ключей — «трехгранник», «отвертка» и «специалка». — Они же остались в купе!

— Не трогать! — предупредил Денисов. Он осторожно, перчаткой, поднял ключи, обернулся к почтовикам. — Проверьте! Вы уверены, что это его ключи? Не ваши, не Салова?!

Кладоушикова вместо ответа похлопала по карману шинели — раздался глухой металлический звук.

— Ключи Салова в дежурке, — сказал Антон. — И начальника вагона тоже. Я запер в сейф.

— Разрешите. — Ольшенок с минуту смотрел на ключи. — Нет, — сказал он наконец, — это не нашей бригады.

— Или у Косова были две пары? — Вопрос о принадлежности ключей Денисов считал одним из важных. — В пути вы видели их?

Ольшенок покачал головой.

— Ни разу.

— Приступаю...

Антон аккуратно, ножом, разрезал бечеву, поддел крышку ящика. Гвозди легко поддались, освободив фанерку. Дежурный снял ее, положил на стол. Содержимое посылочного ящика было завернуто в старый номер «Гудка».

— Вот так груз! — сказал Антон, убирая газету.

В ящике до самого верха лежали пестрые платки с блестящей ниткой — люрексом, такие, как те, что Денисов видел в доме Косова и потом в ржакловском универмаге. Такой же платок Косов вез с собой.

— Надо считать, — Антон обернулся к понятным.

Женщины подсели ближе, Антон помог разложить платки на столе — они оказались разных расцветок и рисунков и, судя по ценникам, разной стоимости. Вначале их следовало рассортировать.

— Каким образом Косов смог бы отправить посылки из вагона? — поинтересовался тем временем Денисов у дежурного по отделению.

— Это просто. — Кубасов шумно отдышался. —

Если заранее приготовить ящики. Уложил, заполнил дубликат бланка. У нас их полно. И приложил к «группе». В данном случае — к Люберецкому сектору.

— А общий итог посылок? Их ведь на три больше!

Пока считали платки, Антон нажал клавиш телевизора. В центре обрамленного красной пластмассой экрана зажглась блестящая точка, которая тут же начала удаляться, прежде чем исчезла совсем.

— Косов сдал бы их со всей почтой по отдельной накладной, — объяснил Кубасов. — И они пошли бы дальше, как все остальные отправления.

— А штемпель?

— Штемпель?! В почтовом вагоне свой!

Как и следовало ожидать, в других посылках Косова тоже оказались платки. Пока Антон составил протокол осмотра, Денисов еще раз прошел по вагону, заглянул в углы. Коробку от «Мальборо», о которой рассказывал шофер ржакковского универмага, он нашел не сразу. Она оказалась сверху, над крайней полкой в купе отдыха бригады. Стандартная коробка с надписью «Marlboro». Видимо, в ней Косов доставил платки в вагон. Когда Денисов вернулся назад в сортировочный зал, подсчет платков во втором ящике подходил к концу.

— Четыреста! — объявил Сабодаш. — Да еще там штук двести. — Он кивнул на третий ящик. — Спекуляция в крупном размере!

— Этим у нас та бригада отличалась... — вздохнул Кубасов. — С которой Косов ездил! Которых арестовали в Бейнеу...

— Сколько веревочка ни вейся!.. — шепнула одна из понятых.

Сабодаш не ошибся: в третьей посылке действительно оказалось почти двести платков — сто девяносто два.

— Это не все! — Антон вытащил газету, закрывавшую дно.

Между стенкой ящика и газетой лежали два зеленых листка плотной глянцевой бумаги. Антон осторожно достал их, положил на стол.

— «Аккредитив на предъявителя...»

— Сумма большая? — спросил дежурный по отделению.

— Каждый по шесть тысяч. Всего двенадцать.

— А когда выписаны?

— Вчера!

— Наверное, после прибытия поезда. — Денисов вгляделся в надпись на печати: «Государственная трудовая сберегательная касса 5284/0809». Он знал сберкасу, она находилась у самого вокзала.

— Не слабо, — Кубасов покачал головой.

Ольшенок и проводница промолчали.

Денисов был уверен, что они уже видели раньше аккредитивы, обнаруженные в посылке.

В ожидании младшего инспектора, который должен был вернуться в вагон с минуты на минуту, Антон курил. Денисов по привычке положил голову на стол, закрыл глаза.

— С платками понятно. — После двух ночи голова Антона начинала работать ясно. — Со своими коллегами, арестованными в Бейнеу, Косов занимался спекуляцией по-крупному. Только случайно он не был задержан вместе с ними. Судьба дала ему шанс: он не попал в рейс вместе со Стасом...

Денисов молчал — Антон продолжил:

— У Косова вдруг появилась возможность «завязать»! Стать тише воды и ниже травы. Он эту возможность игнорировал. Закупил платки и взялся за старое...

— Думаю, платки были закуплены раньше, — не открывая глаз, сказал Денисов, — просто он решил разом от них избавиться.

— Возможно. Он вез их для известного ему дельца. Но сделка по какой-то причине расстроилась.

— Опаздывали, — снова подсказал Денисов. — Почтово-багажный поезд выбился из графика. В Бейнеу стояли. В Кунграде. В Ургенче около суток. Между прочим, можно примерно предположить, куда он их вез. Туда, где опоздания стали особенно ощутимыми. БХСС, во всяком случае, сможет раскопать!..

— Платки с самого начала находились в посылочных ящиках, это было сделано для маскировки. На всякий случай... — Антон не спеша, один за другим вводил в систему имевшиеся в их распоряжении факты. — Скорее всего так они делали в бригаде Стаса... Но где связь? Если оглянуться назад... — Историк по образованию, он оседлал любимого конька. — Убийство, как ни одно преступление, сохранилось почти в первобытном его виде! Остались, так сказать, те же внутренние и внешние черты этого гнусного действия...

Качнуло. Денисов понял, что спал. Маневровый поставил под навес очередной вагон. Он словно все сместил в рассуждениях Сабодаша.

— Но аккредитивы... — сказал Антон. — Они же не занимают места! Почему и они в ящике?!

Антон анализировал обстоятельства, связанные с появлением аккредитивов. В пепельнице чернел окурок. Денисов спал не больше десяти-пятнадцати минут:

— Повтори насчет аккредитивов. — Короткий сон освежил его.

— Жена Косова особенно не беспокоилась ни о деньгах, ни о платках... — Антон начал сначала. — Видимо, Косов не раз в подобной ситуации отсылал все по почте. Грубовникова будет ходить в отделение связи в Ржакове, ждать посылки и аккредитивы. Так?

Денисов покачал головой.

— Аккредитивы не Косова.

— Не Косова?!

— Косову нет смысла класть деньги на аккредитив, да еще на предъявителя!

— А если обыск? ОБХСС!

— Какая разница, что будет обнаружено при нем?! Аккредитивы или деньги? Наконец, в посылку имело смысл класть именно аккредитив! Чтоб никто не мог воспользоваться, если посылка попадет в чужие руки!

Антон подумал.

— Ты прав, — подтвердил он. — Но если Косов прячет чужие аккредитивы себе в посылку...

— Я понял. Аккредитивы и были тем, что почтовики с таким рвением искали в вагоне! Поэтому они единодушно искажают обстоятельства...

— Думаешь, Косов залез в ценные отправления?!

В тамбуре раздались шаги, Денисов не успел ответить.

Вошел Ниязов. По его лицу можно было догадаться, что он возвращается с пустыми руками.

— Такого ключа в отделении перевозки почты нет. — Он достал чертеж, передал Денисову. — Я все просмотрел.

— Где именно?

— На доске, в проходной. У «Мадам Бовари». В табельной.

Они помолчали. Антон спросил:

— На доске в проходной есть пустые гнезда?

— Есть. Немного.

— Ну вот, — Антон достал «Беломор». — Ключ, который мы ищем, возможно, на руках. У кого-то, кто сейчас работает.

Вайдис сел у окна, с любопытством взглянул вниз, на перрон. Денисов наблюдал за ним через стол. Несмотря на сутки, проведенные в вагоне, Вайдис выглядел опрятно, аккуратная стрелка сбегала вдоль брюк.

— Вы не сказали о том, что у вас исчезли аккредитивы. — Разговор взял на себя Антон, Денисов внимательно слушал. — Почему вам потребовалось это скрыть?

На перроне никого не было. Над черными опустевшими электричками на невидимых нитях плавали яркие ледяные капли светильников.

— Разрешите? — Вайдис достал сигареты. Настала его очередь пригладиться к денисовскому кабинету. — Не хотел бы я постоянно здесь работать.

— Почему? — спросил Антон.

— Одиноко. Меланхолию навеивает... — Он внезапно обернулся к Денисову. — Вы сами хорошо понимаете, почему я не заявил о деньгах! — Он поднялся. — Из-за Косова!

— Точнее.

— Из-за смерти Косова. — Вайдис снова сел, закинул ногу на ногу, поправил стрелку на брюках. — Каждому же ясно! Кто убийца, как не тот, у кого украли аккредитивов на двенадцать тысяч!

Антон возразил:

— Это допустимо, но только как одна из версий!

— Поставьте рядом факт кражи аккредитива на крупную сумму и факт насильственной смерти, и любой — даже не юрист! — свяжет их наглухо как причину и следствие! Тем более других видимых причин для убийства Косова нет! Правда?! Я анализировал!

Денисов внимательно слушал.

Шел четвертый час — «час татей и тюремных утеkleцев», как обозначил его Антон в соответствии с историей отечественного судопроизводства.

— Убийство совершено таким образом, чтобы вина пала на меня! Все продумано! — Вайдис занервничал. — Как только я заявлю о краже — я автоматически становлюсь подозреваемым.

— Это не освобождает от обязанности говорить правду!

— А почему молчал Ольшонок? И его помощник, и Кладовщикова?! Не знали?!

— Знали?

— Конечно! Поэтому я и решил: «Двенадцать тысяч?! Бог с ними. Потом разберемся!»

— Почему с вами оказалась эта сумма? — Антон развивал первый успех.

— Я приехал, чтобы купить машину.

— Дальше.

— Не мог же я ночевать на вокзале с охапкой сто-рублевок?!

У Вайдиса было узкое лицо с близко посаженными глазами, один из которых слегка косил — «ленивый глаз». Прямой вздернутый нос придавал лицу высокомерное, даже брезгливое выражение.

— Когда в гостиницах не повезло, я первым делом побывал в сберкассе, положил деньги на аккредитивы.

— Потом? — спросил Антон.

— Стал искать крышу. Замену гостинице. Я не знал, конечно, что познакомлюсь с Кладовщиковой, попаду в почтовый вагон.

Денисов спросил:

— Почему вы предпочли аккредитивы на предъявителя? Не именные?

— В этом случае я мог при сделке ими рассчитаться...

— Где вы их хранили?

— В бумажнике, в кармане пиджака.

— Аккредитивы могли видеть?

Вайдис взглянул на Денисова, перевел глаза на Антона.

— Все видели. И начальник вагона. И оба помощника. И женщины. Я сам показал.

— Шел разговор о деньгах?

— Сам виноват. Тщеславие! Разговор шел о расценках, зарплате. Короче, выложил оба аккредитива на стол.

Он несколько минут молчал. Антон спросил:

— Аккредитивы кто-нибудь брал в руки?

— Только Ольшонок. Татьяна заметила что-то вроде: «Везет людям!» Кладовщикова тоже что-то сказала. Я уже знал, что сделал глупость.

— А Косов?

— Не помню. Кто-то мне открыто позавидовал.

— Кто именно?

— По-моему, начальник вагона. Ему нужны деньги на ремонт дома. Он хотел у кого-то занять, но у него сорвалось... Потом легли спать.

Антон спросил:

— Где аккредитивы находились ночью?

— При мне. — Вайдис дотронулся до внутреннего кармана курточки. — Закрывать купе изнутри я не мог: на нижней полке женщина. Неудобно! Куртку я повесил в ногах.

— Ничего подозрительного не слышали?

— Спал как убитый. Фактически, вторая ночь на колесах.

— Кладовщикова выходила из купе?

— Не знаю. Сквозь сон слышал какой-то разговор. Но теперь и в этом не уверен, — Вайдис поправил капюшон.

— Когда вы обнаружили пропажу?

— Утром я и не вспомнил об аккредитивах. Встали, как я уже говорил, поздно. Потом Косов и Татьяна ушли, я с ними простился, вернулся в купе. У Кладовщиковой была книга Пикуля, полистал. Стал собираться. Тут начальник вагона зашел: «Все в порядке? Ценности на месте?» — «В порядке!» — «Проверили?» — «Куда денутся?!»

— Дальше.

— «На всякий случай проверьте, чтоб не было претензий!» — «Да полно!» — говорю. Ольшонок настоял, я полез за бумажником...

— Аккредитивов на месте не оказалось.

— Нет. Никуда я, конечно, не ушел. Да и Ольшонок не пустил. Дождались Косова. Он сказал, что ничего не знает. Стали искать, перерыли весь вагон. Я просил не подымать шума. «Можно все восстановить! Контрольные талоны у меня!» Они лежали отдельно. Куда там! Такое творилось!

— Искали?!

— Каждую бумажку развернули, каждый клочок. Весь вагон облазили. Все переругались... Я сам виноват! — Он несильно ударил кулаком по подоконнику. — Из «Загорья» прямым ходом надо было снова ехать на ВДНХ — в «Турист», в «Останкино». Пусть «нет мест». Остаться на ночь в вестибюле, не уходить — авось не выгонят!..

По какой-то причине Вайдис настаивал на своей вер-

сии — отсутствии свободных мест в гостинице «Загорье».

— Ольшонок бросился с кулаками на Косова. Кладовщикова влезла в середину, пыталась разнять. Отсюда синяк! Это продолжалось несколько часов... Почти до самого вашего прихода!

— Дальше.

— Все было напрасно: аккредитивов не нашли. Ольшонок ходил из угла в угол как зверь в клетке. Было уже темно. Косов ушел в кладовую и больше не появлялся.

— А вы?

— Было странное чувство: «Сейчас что-то произойдет!..» Ольшонок закрыл наружные двери, чтобы никто не мог уйти. Сказал: «Аккредитивы найдутся! Я добьюсь!..» По-моему, тогда же он отобрал ключи и у Косова. Вот все.

— Крик вы слышали?

— Его нельзя было не услышать! Как пишут в книгах — «последний крик о помощи»... Я все понял, но решил не выходить. Честно говоря, был перепуган, хотя и не из робкого десятка. Потом вы застучали! «Милиция!»

Антон вытер платком капли пота со лба, посмотрел на Денисова — за несколько минут они продвинулись больше, чем за предшествовавшие часы.

— Да! — вспомнил Вайдис. — Когда я был в туалете, я слышал разговор в тамбуре. Косов с кем-то разговаривал.

Около четырех утра позвонили из уголовного розыска отдела внутренних дел на Белорусском вокзале:

— Проводницей интересовались?

Антон обрадовался:

— Пятнадцатого поезда Восток — Запад — «Экспресс»... — Он включил настенный динамик, чтобы Денисов, который тоже находился в дежурке, мог слышать. — Жена помощника начальника вагона! Салова! Она в Москве?

— В Москве, — ответил инспектор розыска с Белорусского. — Но фамилия ее не Салова.

— Они пока не муж и жена.

— И не Татьяна. Таисья. Она еще нужна?

— Нам необходимо встретиться.

— Пошлете машину? — спросил «белорус».

Антон на лету поймал денисовский жест.

— Приедем сами.

— Сейчас уточню, где она, — сказал инспектор, — и перезвоню. Ждите.

Антон погасил громкость, Денисов попытался снова задремать, сидя сбоку у пульта и опершись плечом о коммутатор оперативной связи.

В соседней комнате Вайдис писал объяснение о пропаже аккредитивов. Время от времени в окошке — посреди стены, разделявшей оба помещения, — Денисову был виден его большой, вздернутый нос, близко посаженные глаза.

Сабодаш разговаривал с Кубасовым. Страдавшему одышкой представителю почтового ведомства на вокзале предстояло подготовить к утру обстоятельную докладную записку руководству.

— Покрывать никого не стану, — предупредил дежурный отделения перевозки почты. — И про икру напишу. И про платки... Надо кончать с безобразием! Согласны?

— Не захотел Косов использовать шанс, предоставленный случаем, — Антон продолжал развивать понравившуюся ему собственную мысль. — Ведь если б он выехал с бригадой Стаса, он бы сел вместе с ними. И вот, вместо того чтобы «завязать», начать, как говорят, сначала, снова повез платки...

— Можно представить настроение, с каким он возвращался. — Кубасов согласился с Антоном. — Везти платки назад!

— А в это время прямо в вагон приносят двенадцать тысяч... — Антон довел версию до конца. — Косов, конечно, не мог не приложить руку... Но Ольшонок вмешался!

Кубасов прокашлялся:

— Может, Ольшонок припомнил ему и другое? Когда самому Ольшонку потребовалась взаймы сумма, значительно меньшая, Косов отказал ему!

— Давно надо было увольнять их — и Стаса, и Косова, — подытожил Антон. — Ведь в отделении почты не могли не знать, чем они занимаются?! Так?

— Догадывались! Но не пойман — не вор!

— Догадывались и молчали! Если бы БХСС не держал всю бригаду в Бейнеу, до сих пор бы безобразничали.

Денисов дремал и одновременно не мог не прислу-

пнул стул — это Кубасов изменил позу, шиваться. Скрипнул. В голосе послышались ворчливые стариковские ноты:

— Все условлись обособленно... Чтоб никого из по-А они?! Держа порука! — подкинул Антон.

— Круговая зольют в бригаду, обязательно выживут.

— Кого ни кут — сам запросится! Один даже уво-Так себя повед его ни спрашивали: «Что случилось? лился. Сколько одно затвердил: «Не хочу здесь рабо-Расскажи...» От тать!»

— Запугали, нос сунул в их дела! Грешным делом,

— Случайно к ним в кладовую во время погрузки... я как-то зашел можете об этом Ремизова спросить, тех-Между прочим, ролера, он тоже был. — Кубасов не-нического конт, змеренно вздохнул, погашая частое сколько раз ра — Так еле ноги унесли! Заметил, что сердцебиение. Шоробку грузят! Имел глупость поинтере-они какую-то не услышал!

соваться... Та коробка? — Денисов открыл глаза.

— Какая ко запах бросился. Они тогда чай везли.

— С чаем. Лей чай?

— Фирменные атки, то чай покупают.

— Они то плнялся, прогоняя дремоту. Обернулся к Денисов по Антону.

— Пока я с начальником ОБХСС. Интересные Пусть соединя кто-нибудь из их сотрудников в команди-детали! Вдруг

ровке в Москве с водителем ржаковского микроавто-

— Разговор «Чай»...

буса?! Магази тора оперативной связи раздался зум-Из коммути трубку:

мер, Антон сня кий? Да, выезжает. Встречайте. В парк

— Белорусс будет. — Он шелкнул тумблером, обер-отстоя? Сейча рву. — Ждут. Постарайся, чтобы не-нулся к Денис долго!

стоя поездов дальнего следования было В парке от пустынно.

Денисов ос авил «газик» недалеко от переезда, по-жайшего состава. Трафареты на вагонах шел вдоль бли Он отшагал довольно далеко. Свет не отсутствовали.

горел. Все пути вокруг были заняты ставшими на ночной прикол поездами.

Наконец он заметил белевший на вагоне первый трафарет: «МОСКВА — БАРАНОВИЧИ».

Экспресс следовало искать не здесь. Денисов пролез под вагоном на другую сторону. Огляделся. Где-то сзади раздался милицейский свисток — «хозяева» прибыли позже, чем «гость». Потом послышались голоса. Денисов увидел светлячки сигарет. Его догоняли двое — незнакомый молодой инспектор и стрелок ВОХР. Рядом со стрелком на коротком ремennom поводке бежала собака.

— Кто? — спросил инспектор.

Денисов назвал, подал удостоверение.

— Насчет Восток — Запад — «Экспресса»? Чего ж не подождал на переезде? Здесь близко.

Вскоре он уже стучался в штабной вагон.

— Константин Иванович! Это Красноводов, инспектор! Откройте.

Щелкнул ригель. Кто-то проворный повернул ригель изнутри, в несколько прыжков с мороза заскочил назад в купе...

— Шестнадцатый вагон... — раздалось за стенкой. — Идите по составу!

— Повезло тебе, — шепнул Денисову Красноводов. — Меня тут все знают.

Они двинулись длинными полутемными коридорами. Кое-где невидимые в своих закрытых купе женщины-проводники спрашивали:

— Кто?

— Красноводов, — откликнулся инспектор, — из милиции. Все в порядке.

В шестнадцатом вагоне молодой женский голос тоже поинтересовался:

— Кто это?

— Из милиции, — отозвался Красноводов. — Таисья Федоровна! Выйдите на минуту. Надо поговорить.

— Сейчас.

В коридоре вспыхнул свет.

Сотрудники милиции отошли к окну, к висевшему в рамочке расписанию поезда: Кельн — Копенгаген — Хук-Ван-Холланд...

Ждать пришлось недолго.

— Слушаю вас.

Таисья Федоровна оказалась стриженной под мальчика, с шапкой льняных волос и комсомольским значком на свитере.

— Салова? — спросил Красноводов.

— Пока не Салова.

— Ну все равно. — Красноводов заговорил официально. — Сигнал есть. В начале недели по парку отстоя ходили двое. Предлагали хрусталь, еще кое-какие вещи... Не помните?

— В начале недели? — спросила проводница.

— Вам тоже предлагали?

— В начале недели я, знаете, где была?!

— Может, больше недели прошло. Не знаю.

Она засмеялась.

— На прошлой неделе я в Берне была! А в начале этой — в Ургенче! В Средней Азии!

— В отпуске, что ли?

— Отпрашивалась! За свой счет! Сейчас отрабатываю. К будущей свекрови ездила показываться.

— И как?

— Вроде приглянулась.

Денисов обратил внимание на ее обувь. Проводница вышла из купе в туфлях, одного взгляда было достаточно, чтобы заметить на них пыль все той же двухтысячелетней крепости Инчан-Калы вблизи Ургенча.

— Что и требовалось доказать... — Красноводов театральным жестом указал на Денисова. — Это тоже инспектор. Вы говорите, а я удаляюсь. Провожать не обязательно. Чао!

— Чао! — проводница обернулась к Денисову. — И вы насчет хрусталья?

— Нет. Я по поводу вашей поездки в Ургенч. Моя фамилия Денисов. А вы? Таисья или Татьяна?

— Зовите Таней. Что-нибудь случилось? С Валерой?!

Они так и остались в коридоре, словно в узком фойе, рядом с закрытыми дверями.

— Я его только сегодня видела!

— Случилось. Но не с ним. С Косовым!

— Что произошло? — Она взялась за поручень у окна и больше в течение разговора его не отпускала.

— Косова больше нет в живых.

— Убит?!

— Расскажите, кто был в вагоне, когда вы отправлялись в поездку?

— На вокзале? — Она никак не могла сосредоточиться. — Мы приехали после Косовых и Ольшонка. Валера еще раньше договорился с начальником вагона, Ольшонок не возражал. А Косов... — проводница покачала головой.

— Был против?

— Хоть уходи!.. И докладную напишет, и в милицию сдаст! И — «кто я такая»?! Я об одном просила Валеру: «Крепись!»

— Проезд-то посторонним действительно воспрещен!

— Просто боялся меня! Как бы в чем-нибудь не помешала!

— В чем, например?

Проводница пожала плечами.

— Спекулировать! Думаете, я не поняла, кто он?! В вагоне почти не работал — все на Валеру перекладывал. Да на меня! На стоянках уходил по своим делам. Все видели.

— А Ольшонок?

— Что Ольшонок?! Разрешил мне ехать — этим руки себе связал. А кому вред, что я съездила?! Что случилось?!

— Какие были взаимоотношения у Валерия с Косовым?

— Валера пытался его задобрить. В Ургенче пригласил в ресторан. — Ей показалось это смешным, она улыбнулась. — Заказал для него музыку. Так и объявили: «По просьбе Валерия для его друга Косова из Москвы оркестр исполняет «Распутин»...»

— И что же?

— Ничего не поправил. Косова все раздражало. То ему шампанское казалось желтым, то шампуры короткими. Где-то Косов должен был с кем-то встретиться, но мы опоздали, и тот человек не стал ждать.

— Не помните где?

— Если взять расписание, наверное, вспомню.

— И он по-прежнему третировал Валерия?

— По-прежнему. Иногда мне казалось, что Валера не выдержит!

— И тогда?

— Сама не знаю... Когда в Москву приехали, в вагоне появился еще человек, Косов стал вроде тише.

— Вайдис?

— Да, Ричард. Косов его сразу зауважал. Еще бы!

У того было с собой двенадцать тысяч. В аккредитивах. На предъявителя.

— Вы их видели?

— Даже в руках держала. Зеленоватые, плотные. Два по шесть тысяч.

— Вы что-нибудь знаете о Вайдисе?

— Нет. — Она тряхнула головой. — Просто ночевать было негде. Кладовщикова привела с вокзала... Косов и начальник сначала не пускали. Потом проверили документы, оставили.

— А утром?

— Утром я уехала. — Она показала головой куда-то вдоль состава. — Бригадир, когда отпуская в Хиву, дал задание. Не могла я его подвести. Даже Валеру не стала будить!

Денисову показалось, что с проводницей все ясно. Следователь мог смело вручить ей бланк протокола допроса для собственноручного заполнения.

— Уходили из вагона вы вместе с Косовым?

— С ним. Вместе дошли до метро. Там я его оставила. Еще оглянулась в последний раз — вижу, стоит, не уходит.

Денисов помолчал.

— В пути, вы сказали, Косов на станциях постоянно куда-то исчезал...

— Это правда. В вагоне не отсиживался.

— А в Бейнеу? — спросил Денисов. — Не помните, как он вел себя на этой станции?

Татьяна качнула головой.

— Не помню. На одной станции он вел себя тихо, из вагона не показывался. Почтовик, который сдавал нам почту, сказал, что милиция там задержала предыдущую бригаду за спекуляцию.

— Это Бейнеу.

— По-моему, он не хотел привлекать внимание.

— А насчет икры? — спросил Денисов. — Не знаете, где он покупал? У кого?

— Это возле Астрахани. При мне было. Станция небольшая, стоянка шесть минут. Мужчина был средних лет, с бородкой. Я еще спросила Косова: «Себе, что ли?» Он хотел что-то сказать, но передумал. Буркнул только: «Просили...»

Проводница еще крепче сжала поручень у окна и без всякого перехода сказала жалобно:

— ...Неужели у Валеры нервы не выдержали?!

Сабодаш встретил его на пороге дежурки. Денисов почувствовал: Антон радостно возбужден — не дождался, пока Денисов сбросит перчатки и шапку, подойдет к радиатору центрального отопления.

— Есть новости, Денис... — Сабодаш достал «Беломор», зажигалку, наскоро прикурил. — Насчет ключа!.. — Он кивнул на лежащий у коммутатора чертеж, который, уезжая на Белорусский, Денисов оставил у пульта.

Денисов молча смотрел.

— Косов достал оттиск ключа от кабинета технического контролера и изготовил дубликат. Вот!.. — Носовое «Уот!» обычно знаменовало новый этап, итог. На этот раз оно выражало удовлетворение. — Я звонил на Белорусский, но мне сказали, что ты уехал.

— От кабинета технического контролера?! Зачем?! Это было как снег на голову.

— Я показывал чертеж дежурному по отделению. — Антон заметил впечатление, которое новость произвела на Денисова. — Он сразу узнал конфигурацию...

— Кубасов не ошибся?

Денисов стащил шапку, варежки, положил на радиатор.

— Кубасов работал раньше техническим контролером!

— Но зачем Косову ключ?!

— Чтобы забраться с бесчестными намерениями, — дипломатично сказал Антон. — Ведь сделал-то он ключ с оттиска! Значит, тайно от контролера!

— Что ты имеешь в виду?

— Что бы что-то выкрасть! — Антон пыхнул папирсой. — С него стало бы... Он не брезглив. Взять историю с аккредитивами Вайдиса!

— Украсть?! Из кабинета технического контролера?! — Денисов покачал головой. — Тебе приходилось бывать внутри?

— Никогда.

— Там нечего красть. Фонари, ключи... — Денисов мысленно представил маленькое пустоватое помещение, точнее — крохотный кирпичный домик на отшибе, рядом с временной площадкой отделения перевозки почты; деревянную перегородку, табель учета парка почто-

вых вагонов на стене. Жестяные жетоны с номерами на гвоздиках.

— И все?! — Антон был обескуражен.

— Оцинкованные ведра. Старая машинка для продырявливания ремней...

Его прервали короткие частые гудки на пульте оперативной связи.

— Это Бейнеу, начальник ОБХСС. Он уже звонил... — Антон передал Денисову трубку.

— Слушаю, — крикнул Денисов.

— Меня просили позвонить по поводу арестованных спекулянтов... — Начальник ОБХСС говорил громко, но звук был неровный — к концу фразы его словно отнес ветер. — Что вас конкретно интересует? — Денисов едва его услышал.

— Обнаружен труп бывшего члена бригады почтовиков, задержанной вами, Косова... — крикнул он. — Что вам известно? Дают ли арестованные показания на него?

— Нет... Просто упоминается, — донеслось из Средней Азии тоньше комариного писка. — Как физическое лицо, убывший член бригады...

— Какие-нибудь личные счета с ним существовали? Угрозы, месть?

— Никаких сведений. — Ветер изменил направление, на минуту все стало отчетливо слышно. — Никаких сведений, — повторил начальник ОБХСС.

— Что у них изъято при задержании?

— Большое количество импортных платков.

— А тара?

— Коробки из-под сигарет... Часть платков находилась в посылочных ящиках, оформлена по дубликатам квитанций. Но нас об этом предупредили, мы быстро все обнаружили... — Звук снова исчез.

Антон попытался перевести разговор на усилитель, но от этого тут же пришлось отказаться — дежурка наполнилась яростным воем ветров.

— Громче, пожалуйста! — крикнул Денисов.

— А я вас отлично слышу! — прохрипело Бейнеу.

— От кого вы узнали про посылки и дубликаты квитанций? — крикнул Денисов. — Кто-нибудь из ваших приезжал в Москву?!

— Мы контактируем мероприятия с Управлением БХСС Москвы... — Бейнеу прорвался снова. — Сейчас

я вам дам телефон старшего инспектора. Он подробно обо всем информирован.

— Записываю!

— Служебный... — Денисов ничего не услышал. — Домашний... — На этот раз Денисов смог разобрать и записать. — Старший инспектор УБХСС капитан Казимирский.

Положив трубку, Денисов посмотрел на часы — шел пятый час.

— Самый верный, если рассчитываешь на признательность хозяев...

Антон — простая душа — поверил. Поддержал:

— Конечно, звони! Такие данные! Шестьсот платков. Все, видимо, из ржаковского универмага.

У Казимирского долго не подходили к телефону. Денисов решил, что никого нет в квартире или аппарат выключен. Неожиданно трубку подняли. Тихий голос буднично-официально сказал:

— Казимирский слушает...

Денисов представился.

— ...Обнаружен труп помощника начальника вагона Косова... — Он повторил то, что до этого сообщил начальнику ОБХСС в Бейнеу. — За подробностями советовали обратиться к вам.

— Откуда вы звоните? — спросил капитан.

— Дежурная часть отдела внутренних дел.

— Я перезвоню.

Он позвонил через минуту.

— Группу почтовиков-спекулянтов мы нащупали некоторое время назад... — Обстоятельно, словно на оперативном совещании у руководства, разъяснил Казимирский. — Однако никак не могли к ним подступить. Большие сложности, ограниченный круг сообщников... Специфика железнодорожного транспорта, наконец! Вы слышите?

— Да-да.

— И все-таки кое-что удалось. Мы вышли на группу, а затем и на источники спекуляции.

— Я слушаю.

— Я говорю о деле подробно, потому что мы не знаем, с чем вы можете завтра столкнуться.

— Спасибо.

— Перед началом реализации один наш молодой сотрудник допустил промах. Решил в одиночку проследить

за преступником. При этом совершенно упустил из вида его сообщника.

Денисов слушал внимательно, хотя все это, могло стать, было чисто внутренним делом Управления БХСС.

— Мы думали, все пропало, потому что этот второй засек нашего сотрудника.

— Я понял.

— Однако ничего такого не произошло. Спекулянты выехали снова и были задержаны.

— Косов в вашем деле упоминается?

— Как один из активных участников. Вместе со Стасом, начальником почтового вагона... Вы знаете, что в Бейнеу во время задержания Стас ранил сотрудника?

Денисов мигнул Антону — тот вывел разговор на висевший на стене динамик.

— Несильно, правда. Но все же задержание было сложным. Мы сейчас как раз обсуждаем.

— Я думал, звоню домой.

— В Дзержинское райуправление... Мы здесь закрыли несколько точек, где кормились спекулянты.

— А в ржакновском универмаге?

— Пока только две секции. Преступники обычно уже накануне отъезда перевозили все на вокзал. Прятали в каком-то помещении, потом незаметно грузили в вагон.

— На вокзале есть свидетели, которые видели коробки в почтовом вагоне. В том числе дежурный по отделению перевозки почты, технический контролер.

— Это важно.

Денисов спросил еще:

— Не ваши сотрудники беседовали с шофером ржакновского универмага? Кто-то интересовался маршрутами поездок Косова в день отбытия бригады из Москвы...

— После задержания Стаса? — уточнил Казимирский.

— Да, после.

— С шофером не разговаривали. Мне, во всяком случае, об этом неизвестно. Мы планируем выйти, с одной стороны, на магазины, поставлявшие дефицит, с другой — на перекупщиков в республиках. Ну и, конечно, на их связи! Безусловно, арестована не вся группа!

«За Управление БХСС можно не беспокоиться...» — подумал Денисов.

— Можете сказать, как все тронулось с места? — Денисов спросил витиевато, поскольку разговор шел все-таки по телефону. — В Бейнеу сказали, что им было известно, где искать. В каких ящиках.

— Видите ли... — Казимирскому тоже показалось неудобным обсуждать этот вопрос по телефону. — Я так или иначе приеду завтра на вокзал. Объясню. Короче, тут не все ясно. Даже нам самим!

— Только одно слово. Кто получил сигнал? Вы или Бейнеу?

— Бейнеу. Им позвонили.

— По местному телефону?

— Звонок был из Москвы.

Они простились дружески. В соответствии с чекистскими традициями пожелали взаимных успехов.

— Видишь! — сказал Антон. — А ты не хотел звонить!

Вошедшему в это время дежурному по отделению почты Антон с ходу указал на лежавшую у пульта стопку чистых бланков:

— Насчет коробки с чаем, которую вы видели в кладовой у Стаса... Объяснение на имя начальника Управления БХСС города.

— Сегодня? — спросил Кубасов.

— Зачем оттягивать?!

— Про технического контролера Ремизова не забудьте, — напомнил Кубасов. — Он тоже видел.

— Возьмите и для него бланк... — Денисов подошел к пульта. — Передайте, чтобы он занес объяснение в почтовый вагон. Мы будем там.

— Тогда я прямо сейчас к нему схожу, — забеспокоился Кубасов. — А то уйдет! К матери в больницу отпрашивался.

Вся ночь дежурного по отделению перевозки почты проходила в бегах.

— Где наш телефонный справочник? — спросил Денисов.

С уходом Кубасова в дежурке стало свободнее и как будто прохладнее. Дуло из окон — к рассвету направление ветра переменилось.

Антон достал растрепанную книгу, положил на пульт. Полистав, Денисов набрал номер. Из динамика на стене

послышались долгие тоскливые гудки, наконец в трубке раздался женский голос:

— Гостиница «Загорье». Слушаю.

— Соседи беспокоят из железнодорожной милиции.

— Домой не пускают? — хохотнула «соседка».

Денисов ответил в тон:

— Для хорошего человека требуется одно свободное место — мужское! Найдете?

— Найдем!

— Как у вас с местами?

— Худо... — Женщина сразу открыла карты. — Всю неделю без клиентуры... План горит! И премиальные... Звонила в дикторскую — чтоб по вокзалу объявляла!

— Спасибо, понял.

— Вайдис?! — подумав, недоуменно спросил Антон, когда Денисов положил трубку.

Они не свернули к отделению перевозки почты — вначале вышли на морозный, беспощадно высвеченный огнями перрон.

— Пройдем немного? — Антон пыхнул папиросой.

Он шел налегке, без шинели. После разговора Денисова с гостиницей у него заметно поднялось настроение.

Следователь уехал, договорившись о машине на семь утра. К этому же времени должны были собраться в отдел и остальные. Однако все по-прежнему зависело от результатов вскрытия труп.

— Уголовная статистика считает, — Антон загасил папиросу, привычно достал новую, — что большинство преступлений совершается в вечернее и ночное время... и раскрываются к утру! В результате активного розыска по горячим следам... Согласен? Мне кажется, игра сделана... — Антон бросал вызов свирепому богу раскрытия уголовных преступлений.

«Потому что Вайдис не был в «Загорье», как он это утверждал на допросе?! — подумал Денисов. — А дальше? Какую роль играла Кладовщикова, сопроводив его в вагон к Косову?»

— Товарищ капитан... — Молоденький сержант, подошедший от угла здания, окликнул дежурного. — Разрешите обратиться...

Антон отошел.

«Только собраны факты... — подумал Денисов,

оглядывая платформу. — Сумеет ли мы перегруппировать их в логической последовательности, не поставить следствие впереди причин!»

Несколько пассажиров обогнали его, направляясь к электричке. Позади катил тележку носильщик. Поравнявшись с Денисовым, он приветственно махнул рукой.

Наблюдая знакомую картину перрона, Денисов мысленно вел диалог по поводу ЧП в вагоне.

Это было похоже на игру.

Он обращался к себе от имени своих воображаемых коллег, предлагал неожиданные вопросы, требовал объяснений. Иногда ему самому казалось, что он в кабинете начальника отдела, у классной доски, которую полковник с некоторых пор распорядился установить.

Диалог возникал сам собой, когда он приходил к выводу о том, что факты собраны и необходима их логическая перегруппировка.

«Характеристика Косова теперь ясна, — заметил Денисову воображаемый собеседник. — Но что следует в ней считать существенным? Организатор группы, которая свила гнездо в отделении перевозки почты и пользовалась его подсобными помещениями?»

«Косов — это тот, кто мог знать, что все они на крючке Управления БХСС. Вот главное!»

«Имеется в виду случай, о котором рассказал капитан Казимирский? — собеседник демонстрировал цепкую память, но он не придавал этому факту особого значения. — Когда молодой инспектор, следивший за одним из преступников, был случайно замечен его сообщником?»

«Именно, — Денисов не спешил с объяснениями. Ему хотелось сначала обозначить посылки, необходимые для дальнейших логических построений. — Тут ряд аспектов. Косов как активно-деятельный член преступной группы... Сообщник, который втайне от технического контролера изготовил ключ от его кабинета... Человек, практически пользовавшийся автобусом универмага в Ржакове как своим собственным...»

«Помним: для поездки на вокзал, в ГУМ. Потом на улицу Кирова. Междугородный телефон, «Чай»...»

«Люди, опрашивавшие шофера в Ржакове... Они не были работниками ОБХСС. И все это они установили!»

«Можно многое еще вспомнить... — воображаемый собеседник — увы! — прошел мимо напрашивавшегося

вывода, предпочел перечислить то, что лежало на поверхности. — Владелец набитого хрусталем и коврами дома в Ржакове! Добра, нажитого преступным путем, подлежащего конфискации... Член шайки спекулянтов, которому судьба предоставила шанс! Счастливо избежавший внезапного ареста вместе со всей группой в Бейнеу!»

«Кроме того — и это немаловажный факт! — человек, имевший практически полный доступ к товарам кооперативного универсама в Ржакове. Магазины, призванного удовлетворять потребности своих пайщиков в товарах повышенного спроса...»

«Дефицитные платки? — спросил собеседник. — Мотоциклы? Цветные телевизоры «Темп»?»

«Во дворе универсама, — ответил Денисов, — стояли не только мотоциклы...»

Закончить ему не удалось.

От центрального зала подошел Антон. Не сговариваясь, повернули к отделению перевозки почты.

— Почему Вайдис вел себя подобным образом? — спросил Сабодаш.

Ответ гостиницы «Загорье» о свободных местах дал импульс для новой версии, которую Антон, по-видимому, все это время обдумывал.

— Обрати внимание! Откуда эта неохота проверить утром наличие аккредитивов? Нежелание сообщить милиции о том, что они исчезли? Ведь именно он, по идее, больше других заинтересован в розыске?!

Вопрос был не из самых трудных.

— Просто Вайдис знал, что аккредитивов в бумажнике нет. Не хотел поднимать шум.

— Знал, что их нет?! — поразился Антон.

— Безусловно.

Больше им не удалось поговорить: от тельферной установки показался дежурный — Кубасов, за ним в двух шагах шел технический контролер Ремизов.

— В вагоне допишу, — сказал Кубасов про объяснение. — А насчет икры? — Он показал на Ремизова. — Тоже писать? Как встретил его, как осаживали на посадку камышинский...

«Удивительный педант», — подумал Денисов.

— Мы уже говорили об этом.

— И как он сразу признался, что купил для матери в больницу?

— Это-то зачем? — Технический контролер поднял

на Кубасова ничего не выражавшие воловьи большие глаза.

Под навесом продолжалась выгрузка из почтовых вагонов. Два электрокара с прицепленными к ним груженными тележками тщетно пытались разминуться в тесноте.

— Каждый должен написать все, как было, — сказал Антон. — И про сегодняшний случай, и про Стаса.

— Не мастер я пером водить... — вздохнул Ремизов.

Они разговаривали против стоявшего чуть на отшибе кирпичного домика — резиденции технического контролера — маленького, с прочной, обитой железным листом дверью, подогнанной плотно, как говорится, заподлицо. Денисова всегда удивляло это несоответствие средств защиты с убожеством охраняемого инвентаря:

«И все из-за нескольких оцинкованных ведер?! Доски учета парка почтовых вагонов с жестяными номерками на стене?!»

Теперь же он знал:

«Здесь прятали груз, прежде чем переносить в вагон! Товары на тысячи и десятки тысяч рублей! Спекулянты понимали, что в случае провала рискуют не только деньгами... Длительный срок лишения свободы, конфискация... — Еще Денисов подумал: — И от этого-то помещения Косов тайно изготовил ключ!»

— Это я во всем виноват!.. — сказал Ольшенок.

Он заговорил сам, по собственной инициативе — это не было допросом.

До приезда следователя решено было оставаться в вагоне.

Все вместе и в то же время каждый изолированно от другого, плюс условия для отдыха — матрасы и постельное белье в достаточном количестве. Ольшенок и Вайдис располагались в сортировочном зале вместе с Ниязовым и вторым милиционером. Проводница и Салов ночевали каждый в своем купе.

К приходу в вагон Денисова, Сабодаша и Кубасова все были на местах, тем не менее никто не спал.

Ниязов и милиционер сразу ушли — им полагался получасовой перерыв «для отдыха и приема пищи». Денисов и Антон заняли их места.

— Чайку будете? — спросила из большого коридора Кладовщикова.

Никто ей не ответил.

— Я виноват! — повторил Ольшенок.

Антон не понял:

— В каком смысле?

— В любом.

— Конечно, ты! — отозвалась через незакрытую дверь Кладовщикова. Она возилась в кухонном узле с самоваром. — Кто ж еще!

— Не надо было соваться — узнавать про аккредитивы! — Ольшенок неожиданно сильно, неловко ударил себя в грудь. — Никто меня не спрашивал, не тянул за язык! Ну уехал бы Вайдис без них, решил бы, что потерял где-нибудь по дороге! — Он махнул рукой в сторону сидевшего против Денисова экономиста. — Бог с вами! Разбирайтесь с Косовым как хотите! Мне-то что?!

Никто не ответил.

— ...Словно больше всех надо! — Ольшенок продолжал терзаться запоздалыми упреками. — Говорю Ричарду: «Проверьте аккредитивы перед тем, как уходите. Все ли цело?» — Он обернулся к Вайдису. — Так?

Вайдис поднял два черных, близко расположенных к носу зрачка, посмотрел выжидающе.

— Правильно, — подтвердил он, подумав.

— Ричард по карманам похлопал себя... Для видимости! Даже не поглядел! «Все в порядке, командир! Нет проблем!» Такая беспечность! Видно, легко достаются! Погорбил бы в почтовом вагоне!..

Он покрутил головой, заросший, угловатый, полный необузданной медвежьей силы.

— Все-таки я заставил его достать бумажник! Вот оно — упрямство ослиное! Вайдис руками: «Ах! Нет аккредитивов! Что делать?!» — «Ах, нет?!» Говорю Салову: «Закрой дверь! Будем искать! Никто из вагона не выйдет, пока не найдем!»

— Косов к тому времени еще не вернулся? — спросил Сабодаш.

— Нет! Потом Косов пришел... Я объяснил, в чем дело. Он мигает: «Выйди в тамбур!» — «Тебе, — говорит, — больше всех надо? Ричард хочет уйти — пусть идет!» — Ольшенок нелепо задергал руками — был он начисто лишен пластики жеста. — «Нет, — говорю, — уволь! Нет и еще раз нет! Я начальник вагона! Дело подсудное, Вайдис в милицию пойдет! Все равно нач-

нется следствие!» — «Не пойдет...» — «Ты почему знаешь?!» — «Вижу. Рыльце-то у него в пушку...»

Вайдис сидел молча, он никак не прореагировал на оскорбительный намек.

— ...Обыскали весь вагон! Не было места, куда бы не заглянули! В каждую щелочку! С Косова я глаз не спускал. Боялся — порвет или выбросит...

— Но почему такая уверенность, что аккредитивы у Косова! — перебил Антон. — Он уходил из вагона! Мог отправить письмом с ближайшей почты! На худой конец, припрятать! Любой жулик бы так сделал!

— Вот как?! — усмехнулся Ольшонок. Он упер руки в бока, торжествуяще оглядел всех. — Почему же тогда Косов отказался дать себя обыскать?!

— Отказался?!

— В том-то и дело!

Денисов мельком взглянул на Вайдиса — тот молчал, хотя наверняка мог бы внести ясность.

Внимательно наблюдая за почтовиками, Денисов мог продолжить диалог с воображаемым собеседником:

«Дело, видимо, обстояло так, — Денисов решил разложить все по полочкам. — В четверг, по прибытии в Москву, Вайдис не поехал ни в «Останкино», ни в «Турист», ни в «Загорье», ни в одну из других гостиц, где могли оказаться свободные места. Он поехал в Ржаково, домой к Косову. Почтовик должен был давно вернуться из поездки...»

«Допустим».

«Дома Косова не оказалось, теща не предложила войти. Вайдис постоял, выбросил сломанную сигарету «БТ», которую я видел у крыльца... Для дела это не существенно, но я объясняю, почему подумал о Вайдисе».

«Это тоже ясно».

«Тогда Вайдис поехал на вокзал. Здесь он узнал, что ввиду заносов разгрузка почтово-багажного задерживается. Ему указали место стоянки вагона на парке. Вайдис сначала положил деньги на аккредитивы — во избежание всякого рода случайностей, лишь после этого рискнул идти к вагону...»

«Логично... Но почему он сначала оказался в парикмахерской? Как мыслишь? — «Мыслить» было любимым словечком начальника отдела. — Боялся попасть Косову на глаза небритым?»

По дороге в парк отстоя поездов на Белорусской и

на обратном пути Денисов тоже поломал над этим голову.

«Вайдис и Косов знали друг друга заочно — не в лицо! Поэтому Вайдис избегал объяснения на людях. Помог случай: увидев выходящую из вагона проводницу, Вайдис пошел за нею. Они познакомились. Потом с помощью Кладовщиковой он вошел в вагон как человек, оказавшийся без крыши...»

У него слипались веки. Денисов прервал диалог, с трудом открыл глаза.

— Кричу Косову: «Покажи карманы!» — Ольшонок, рассказывая, громко скрежетал зубами. — И началось! Схватил его! Кладовщикова бросилась между нами! И ей досталось...

Вайдис, сидевший лицом к Денисову, по-прежнему напряженно молчал.

«Все-таки: «Не зарекайся!» или «Не клянись!» — неожиданно для себя вспомнил вдруг Денисов. — Или все равно, потому что и клятва и зарок предполагают кого-то, кому они приносятся. Просто: «Обходись без божбы и заклятий!» Будь честен в первую очередь перед самим собой!...»

Позади Вайдиса, у двери в малый коридор, появился Салов. Все это время он находился один у себя, в купе для отдыха бригады. Теперь он молча встал у двери сортировочного зала, прислонившись к дверной прилолке.

Кладовщикова, выходящая к кухонному узлу в коридор, вернулась. Запахло разваренным чаем.

— Ты извини, — повернулся к проводнице Ольшонок. — Так уж вышло! Я его за воротник, а он — на меня! А тут ты...

— Ладно уж!

— Не знал, какая судьба его ждет... Не предвидел!

Это по-прежнему не было допросом. Никто не мог поставить Денисову и Антону в вину ночной разговор в почтовом вагоне как несоблюдение уголовно-процессуальных норм.

— Это было здесь, — Антон показал на большой коридор.

— Ну!

«Там, где валялась пуговица», — понял Денисов.

После рассказа Ольшонка Денисову было особенно важным свое собственное объяснение того, что виделось начальнику почтового вагона темным и загадочным.

Он продолжил диалог.

«Когда все спали, Вайдис и Косов обо всем договорились. Сделка состоялась. Вайдис передал аккредитивы, оставив себе только контрольные талоны. Условились, что утром порознь, чтоб никто ни о чем не заподозрил, уйдут в город. Косов покинул вагон вместе с Татьяной, Вайдис должен был примкнуть через несколько минут. Именно Вайдиса Косов поджидал у метро, когда Татьяна, случайно обернувшись, увидела его в последний раз!»

«А с Вайдисом получилась осечка!» — вставил собеседник.

«Мы сейчас слышали об этом... Ничего не подозревавший Косов и не подумал освободиться от находившихся при нем аккредитивов. Ведь они принадлежали ему! Не дождавшись Вайдиса у метро, он вернулся в вагон и попал в лапы разъяренного Ольшонка. Положение Косова было преглупейшим: он не хотел признаваться в краже аккредитивов, которую он не совершал, и в то же время не мог объяснить, как они к нему попали... Видимо, тогда, выдержав атаку начальника вагона, Косов отступил в кладовую и прибег к единственной у него возможности избежать разоблачения — отыскал в штабеле посылок свои ящики с платками и сунул аккредитивы в один из них...»

«Вы главное-то упустили! — остановил его собеседник. — Почему Вайдис передал Косову аккредитивы? За что?!»

«Разве я не сказал? — схитрил Денисов. Он испытал гордость, когда впервые нашел для себя ответ на этот вопрос. — Это стоимость машины, за которой Вайдис приехал из Клайпеды.»

«Машины?!»

«Конечно! Ему «сделали» ее в ржаковском универмаге. Как «пайшику». Двенадцать тысяч — это стоимость машины и «комиссионных» Косову, Грубовниковой и еще кому-то, кто их свел...»

«Забавно...»

Денисов поймал на себе испытующий взгляд Вайдиса. Тот волновался: сделка в обход закона, в случае ее обнаружения влекла обращение машины и денег в доход государства.

— Интересно, как сейчас с билетами на Клайпеду? — спросил он. — Думаю, не очень трудно? — Это был пробный шар: «Отпустят? А вдруг задержат?»

— Не знаю.

Денисов не выдал себя. Хотя вопрос о машине стоял на периферии расследования тайны убийства Косова, Денисов не считал возможным для себя вести разговор о ней в отсутствие следователя.

— Кажется, отсюда поезд на Клайпеду идет двадцать седьмым...

— Да. Даугавпилс — Радвилишкис... И Клайпеда. Вайдис успокоился.

— Значит, Косов обвинил в краже сначала Кладовщикова? — продолжал тем временем уточнять Антон. — А потом — невесту Салова!

— Вы бы видели Татьяну! — Ольшонок с шумом, не вставая, переставил под собой табурет. — Разве она возьмет!..

Денисов услышал шаги. В дверях большого коридора показалось плоское малоподвижное лицо технического контролера. Ремизов нашел Денисова среди почтовиков, посмотрел вопросительно.

Денисов кивнул.

Технический контролер на цыпочках, насколько позволяли длинное, костистое тело и негнушавшаяся спина, прошел к столу, положил перед инспектором бланк, исписанный крупным, похожим на детский почерком. Денисов, в свою очередь, показал на свободный винтовой табурет. Ремизов сел. Сразу словно исчез.

— Аккредитивы, конечно, Косов украл сам! — Ольшонок все еще не мог успокоиться. — Могу дать руку на отсечение. Ему всегда всего было мало. Если бы аккредитивы не нашлись, он обвинил бы в краже меня, потому что перед этим я просил у него взаймы на ремонт! — Соображение это, видимо, играло не последнюю роль. — Меня, Татьяну!..

Сумбурная и, как показалось Денисову вначале, ни на что не рассчитанная речь начальника почтового вагона имела, однако, в чем Денисов быстро убедился, и определенную цель. Беря под защиту невесту Салова, Ольшонок подталкивал помощника к объяснению. По каким-то причинам ему было важно узнать, как и что объяснит Салов.

Ольшонок оказался тоньше, чем он до этого представлялся Денисову.

— Ему бы зажать человека в кулак! — Ольшонок подстегивал Салова. — Любого! Меня, Валеру... Все равно! Смять, подчинить! Из-за этого все и вышло...

Так? — Он обернулся к все еще стоявшему в дверях помощнику.

— Но ведь Косов сам попросился с вами в поездку! — возразил Сабодаш. — Зачем? Если он имел что-то против...

Антону показалось, что он догадывается, куда клонит начальник вагона: «Статья сто четвертая! Умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением со стороны потерпевшего... Обстоятельства, смягчающие вину!»

— Этого и я не понимаю, — Ольшонок пожал плечами.

— Видите!..

— Он хотел шантажировать Салова! Угрожал, что Татьяну уволят: она на международных линиях, требуется абсолютная честность... А тут аккредитивы!

— И что же?

Денисов видел то, чего Антон, сидевший спиной к купе отдыха бригады, видеть не мог, — слезы на бесстрастном, невозмутимом лице Салова. Помощник не отирал их, чтобы не привлечь внимания к себе. Несколько слезинок скатились ему за воротник, в подкладку странно-го, с подложенными плечами и погончиками пальто.

Когда-то Денисов прочитал, как на городской площади пытались поставить пьесу, которая до этого много лет с блеском шла на театральных подмостках, и как ничего из этого не получалось. Даже самая прекрасная пьеса создана для условного мира декораций — фанерных зданий, бумажных цветов. Здесь, в вагоне, в эту минуту все было наоборот. Человеческая драма исключала фальшь. Ольшонку действительно удалось вызвать Салова к разговору начистоту.

— Я вначале не вмешивался... — заговорил Салов. Все обернулись к малому коридору.

— ...Хотя Косов поносил последними словами и меня, и Татьяну. Он говорил так, будто нас при этом не было, но я молчал. Что я мог? Я уговорил начальника вагона взять Татьяну в рейс. Мы были у него в руках. А потом прибавилась кража аккредитивов. Подозрения...

Салов не повышал голоса. Внешнее спокойствие и еще чуждая родному языку артикуляция подчеркивали выстраданность речи.

— Косов был в кладовой... Ольшонок сидел у теле-

визора. Проводница и Вайдис — в купе. Я не выдержал. Пошел в тамбур, к холодильнику. Вроде за лимонном... Хотя я и открывал холодильник — конечно же, пришел я из-за Косова! Во мне все кипело!

Салов замолчал, пока на лице и в голосе не исчезли последние внешние признаки волнения.

— Косов стоял у окошка кладовой по ту сторону двери. Как-то странно посмотрел на меня. «Чего тебе?» Я был вне себя. «Аккредитивы! От-дай!» Я мог убить его, мог встать на колени, мог так закричать, что услышали бы на вокзале! У меня потемнело в глазах.

— Дальше, — вздохнул Антон.

Салов посмотрел на него.

— Я ничего ему не сделал. Не смог. Бросился назад, в купе. Лег на полку. Голова раскалывалась... — Договорил Салов, впрочем, неубедительно и без жара. — Потом вы пришли.

Денисов уточнил.

— Вскоре?

— Минут через пять-семь.

— Вы уверены, что, когда разговаривали с Косовым, кладовая действительно была закрыта?

— Уверен. Я подумал даже, что он заперся, потому что боится меня.

— А ключи? Ключи его оставались в купе!

— Это я потом узнал. А тогда не обратил внимания.

— Вторых ключей у вас не было?

— Откуда?! — Салов развел руками. — Это только у тех, кто давно работает.

Денисов решил, что будет задавать вопросы лишь в исключительных случаях — слишком тонкая перегородка отделяла его в данный момент от того, что называют «истиной по делу».

До прибытия следователя он не хотел, хотя бы неумышленно, ее повредить.

С этой минуты Денисов сидел спокойно и думал о своем, позволив Антону беспрепятственно заниматься уточнениями.

Запутанная поначалу история в вагоне 7270 упростилась. Он объяснил воображаемому собеседнику:

«Участником преступной группы, который случайно узнал, что за ними следят, был именно Косов. В этом суть! Косов понял, что группа провалена, дни шайки сочтены и ее арест — лишь дело времени. Перед ним

было два пути: поставить в известность остальных или попытаться спастись самому...»

«Допустим».

«Он выбрал второе. Для этого он сделал слепок с ключа технического контролера...»

«Зачем?»

«Узнать, предполагают ли вчерашние сообщники взять в поездку платки. И подсмотреть адреса на посылах. О таких вещах не спрашивают. А учитывая задуманное Косовым, тем более... Как только он убедился в том, что готовится операция, он уклонился от поездки. После ареста соучастники его не заподозрили: он держался в стороне. Платки достали они без него, в другом месте».

«Дальше!..» — голосом Антона попросил собеседник.

«Ржаковский микроавтобус отвез его на улицу Кирова, где магазин «Чай». С переговорного пункта он собирался позвонить в Бейнеу».

«Но почему в Бейнеу?! Достаточно набрать в автомате за углом «02». Сообщить в Управление БХСС!»

Вопрос был по-настоящему тонким, и Денисов снова, во второй раз, испытал профессиональную гордость от того, что может исчерпывающим образом на него ответить.

«Управление БХСС Москвы, получив сигнал Косова, могло задержать шайку в любом месте, где сочло бы необходимым. В Москве, в Ожерелье, в Бейнеу...»

«Даже перед отправлением почтово-багажного!..»

«Но скорее всего выследило бы и задержало по месту продажи платков. Чтобы взять спекулянтов с поличным. Так?»

«Понимаю».

«Косова это не устраивало! Он не хотел терять перекупщика. Ведь одним из следующих рейсов Косов хотел привезти этому человеку товар, который тот не получил от Стаса!»

«Да-а...»

«Теперь рассмотрим вариант со звонком непосредственно в Бейнеу. Где тамошний ОБХСС задержит спекулянтов?»

«У себя в Бейнеу?!»

«Безусловно».

«Значит...»

«...Перекупщик живет где-то за Бейнеу. Скорее всего в Ургенче, поскольку Косов с такой охотой принял приглашение Салова пойти в ресторан. Наверное, думал

встретить его там, поскольку ввиду опоздания тот не встретил поезд на вокзале?!»

«Пока все четко!»

«Оставшиеся на свободе в Москве связи преступной шайки после провала в Бейнеу сразу начали собственное расследование. Проверку всех, кто мог хоть что-то знать. Круг подозреваемых ограничен. В конце концов они вышли на шофера ржакковского микроавтобуса, под видом сотрудников ОБХСС расспросили о поездках с Косовым. Задали те же вопросы. И шофер рассказал про слепок ключа, про поездку к магазину «Чай», где рядом переговорный пункт междугородной... И фраза Косова «Заказывать надо...» получила единственно верное истолкование, потому что автоматической связи с Бейнеу действительно нет...»

«Но Косов и в самом деле мог ехать за чаем! И мало ли кому он мог звонить с переговорного?!»

«И мало ли зачем ему мог понадобиться ключ от кабинета технического контролера! Может, он подходит к косовскому гаражу?!» Все верно! Но только не в отношении членов преступной шайки. Слишком много поставлено на карту. Эти не могут доверять слепо. «Скрыл — значит, что-то замышляет...» Здесь кто кого! Да только за ключ к помещению, где спекулянты хранят груз, он мог поплатиться... — Денисов подходил к окончанию своих объяснений. — И, когда все всплыло, кто-то из них, бывалый, опытный, по возвращении почтово-багажного поезда пришел в вагон, чтобы предъявить ультиматум «счастливчику», «случайно» избежавшему ареста в Бейнеу...»

Мысленным взором Денисов представил себе прилегающую к Дубниковскому мосту дальнюю, слабо освещенную часть грузовой станции — недавно выгруженные, с низкоопущенными тонкими штангами троллейбусы, поднятые на столбах тельферные установки — с островерхими двухскатными крышами без стен, высокие, похожие на макеты учебной полосы препятствий.

Словно на огромном широкоформатном экране ему был виден припорошенный снегом, промерзший в ожидании разгрузки почтово-багажный поезд, вокруг которого вилось множество свободных путей, собиравшихся в узкий пучок — горловину станции.

На секунду, перед тем как скользнуть в затягивающий, как омут, короткий, глубокий сон. Денисов словно с вы-

соты птичьего полета увидел все, что окружало почтовый вагон, и всех, кто находился в нем в ту секунду, когда зловещий крик вот-вот уже готов был сорваться с губ приговоренного к смерти Косова.

Входной светофор показывал «зеленый», и ближайший к почтово-багажному поезду свободный путь уже готовился занять камышинский — его подавали из парка отстоя — локомотив сзади, а последний, с тремя хвостовыми огнями вагон — впереди.

Ольшонок сидел в сортировочном зале, вперившись в телевизор, забыв на время о неприятностях, которые его поджидали, ликуя при звонких щелчках клюшек. В служебном купе у окна, завешенного одеялом, Денисов увидел завернувшуюся в огромную, не по размеру шинель Кладовщикovu. Рядом — Вайдиса, положившегося во всем на своего многоопытного партнера. В купе отдыха бригады, уткнувшись лицом в подушку, лежал Салов...

Маршрутная кладовая была закрыта. Денисов представил себе тяжелые штабеля с посылками, подобранными для сдачи. Уложенным вертикально ящикам предстояло через минуту принять на себя удар спины и головы падающего, разом обмякшего тела и начать обвал, который должен был погresti под собой и Косова, и массивные металлические ключи, которые выпадут из руки преступника.

Сам преступник пока тоже еще оставался вместе с Косовым в кладовой, дверь которой он предусмотрительно открыл в последнюю минуту.

Был еще составитель поездов Сидорчук, пересекавший железнодорожное полотно в направлении ситценабивной фабрики; дежурный по отделению перевозки почты, тучный, страдающий одышкой, Кубасов — он шел к почтово-багажному поезду со стороны вокзала; стрелок ВОХР и сам Денисов — почти напротив вагона, но по другую сторону высокого щитового забора, отделявшего территорию грузовой станции от путей.

Денисов из последних сил удерживал распростершуюся перед ним в безмолвии живую картинку станции, пока не почувствовал, что теряет над нею власть и через мгновение люди и звуки прервут оцепенение и выйдут из-под его контроля.

Зайдется в коротком истощенном крике, врезавшись в самую середину штабеля с посылками, отброшенный ударом в висок Косов. Гулко грохнут в рифленый метал-

лический пол тяжелые ключи. Убийца стремительно выскочит в тамбур, быстро и хладнокровно повернет снаружи ригель запора, спустится на путь и расчетливо-медленно двинется вдоль поезда к вокзалу.

Обернется, услышав крик, не успевший уйти далеко от вагона Сидорчук, но никого не увидит — убийца будет закрыт осаживаемым на посадку камышинским. Стрелок и Денисов замрут по другую сторону щитового забора, и стрелок спросит, отогнув воротник тулупа: «Слышали?»

Только дежурный по отделению перевозки почты Кубасов ничего не услышит за равномерным постукиванием приближающегося к вокзалу камышинского, а также ввиду расстояния, отделяющего его от вагона 7270.

Он встретит технического контролера, шагающего со свертком к вокзалу, заставит Ремизова раскрыть целлофановый пакет и сурово отчитает за икру, приобретенную с помощью Косова у браконьеров.

Денисову показалось, что он спал всего несколько секунд. Услышав скрип винтового табурета, открыл глаза. Перед ним застыло еще красное с мороза плоское малоподвижное лицо технического контролера — Ремизов о чем-то спрашивал:

— ...Можно?

Увидев, что Денисов согласно кивнул, Ремизов обернулся к двери в малый коридор, у которой стоял Салов.

— Вы говорили давече, — сказал он, — что, когда открыли холодильник, то икры, которую Косов мне привез, на полке уже не было...

Технический контролер ждал публичного подтверждения своей непричастности к убийству.

— ...Так?

Салов подтвердил:

— Так.

— И после этого вы еще говорили с Косовым.

— Так.

— Ну вот.

Ремизов покосился на Денисова, которому предназначался этот ответ. Видя, что Денисов не спешит с выводами, сам подытожил:

— Я ушел, когда Косов был еще жив... Настроение, правда, его мне тоже не нравилось. — Контролеру захотелось сгладить впечатление, произведенное собственной неделикатностью. Он достал железнодорожные ключи.

чи, подержал, сунул назад, в карман. — Живем и не знаем, когда и с кем случится!

— Хотели что-нибудь уточнить? — спросил Денисов.

Ремизов, не вставая, двинул табурет ближе к столу, за которым сидел инспектор.

— Взял икру и пошел! А Косов вернулся к себе. В кладовую. В это время как раз подавали камышинский. Иду к вокзалу, а тут дежурный. — Ремизов развернулся на сто восемьдесят градусов, показал на успешшего задремать в тепле Кубасова. — «Что у тебя? Откуда?» Я рассказал. Про больницу, про мать. Как есть...

Объяснение выдавало его с головой, но Ремизов этого не предполагал. Он не знал суть объяснений Сидорчука.

«Взяв икру, Ремизов вошел с Косовым в кладовую. Там он и находился все время, пока Салов был в тамбуре... — подумал инспектор. — Сразу после саловского «От-дай!», которое слышал Сидорчук, наступила развязка. В это время и подавали камышинский».

— Живем и не знаем, когда и с кем случится... — удовлетворенно закончил технический контролер.

Ремизову представлялось, что все складывается для него не так уж плохо, если не считать многозначительной оговорки на месте происшествия, когда он неожиданно для себя сказал: «Спекуляция».

«Слово, которого больше остерегаешься, вдруг выскользнет... — Денисов тоже подумал о нем. Еще он подумал о ключах, которые Ремизов с настойчивостью демонстрировал. — Явно переигрывает!..»

Денисов припомнил, что знал о Ремизове. Судим за хищение груза. Но это давно. Последнее время начисто исчез из поля зрения. Хотя! В разгар курортного сезона, пользуясь горячкой, второе содрал за билет. Считали — случайность. «Бес попутал...» Простили. Сегодня другое. Безусловно: Ремизов пришел в вагон потолковать с Косовым. «Возьмут остальных — по делу будем идти вместе!» В сердцах двинул разок. «За все хорошее». Знал — Косов жаловаться не пойдет. А рука тяжелая да еще ключи... Вон как вышло!

Он подвинул ближе лежавшее перед ним объяснение технического контролера. Свое посещение вагона Ремизов прямо увязывал со временем подачи камышинского поезда.

«Очень важно для следователя...» — подумал Денисов.

С психологической стороны ему показался интересным конец объяснения.

Убийца писал:

«...Спасибо за икру, за то, что поддержал мою старушку мать, — сказал я Косову. — Воздастся тебе! Будешь жить долго...»

— Разбираете? — спросил Ремизов. — Почерк у меня, правда, неважный... Я вкратце. Не стал расписывать.

— Но полно. Спасибо.

Видя, что Денисов не собирается задавать вопросов, Антон посмотрел на часы:

— Теперь дело за реалиями юридической и судебно-медицинской наук... — Антон любил блеснуть звонким, хотя и не совсем точным юридическим термином.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЛАБРЮЙЕРА

1

— Я приехала вместе с мужем. Мы потеряли друг друга!

— Здесь, на вокзале?! — спросил Денисов.

— В городе... — Женщина хрустнула переплетенными пальцами. — Не могу представить, что с ним сейчас творится!

— Может, он ждет на том месте, где вы расстались?

— Он с ума сойдет!

Денисова интересовали женщина и ее отсутствующий спутник.

— Расскажите подробнее.

— Не представляю, — она развела руками, — как он найдет меня в этой сутолоке!

Застекленное до самой крыши здание вокзала было заполнено людьми, они неслышно двигались, словно в огромном аквариуме. Было поздно. Где-то совсем близко тягуче завыл поломоечный комбайн, отъезжавшие ночным скорым подтягивались к выходу.

За стеклом простирался февральский, с задувавшей поземкой перрон, неохватный, как взлетное поле.

— Откуда вы? — Денисов внимательно ее изучал.

— Из Красного Лимана.

— Недавно прибыли?

— Еще днем... — Появление инспектора вокзального уголовного розыска, который неожиданно подошел и представился, женщину явно обескуражило. — Точнее: после обеда.

Денисов поправил куртку. Миниатюрный микрофон, скрытый под одеждой, был теперь рядом с воротником.

— В столице проездом?

— Нет, только до Москвы.

— А билеты?

— Кажется, выбросила...

На вид ей можно было дать не больше двадцати — крашенная блондинка, у переносья маленький шрамик...

Денисов заметил ее колебание, не ускользнувшую от наблюдательного глаза потерянность захваченного

врасплох человека — они, собственно, и побудили его заговорить.

— Хотя нет! — Она поискала в плоском чемоданчике. — Пожалуйста...

«Тип вагона «СВ», — прочитал Денисов на билете. — Компостер. Дата. — Он редко ошибался и, если подходил к кому-то, для этого оказывались, как правило, веские причины.

— Это ваши?

— Да.

Проездные документы были в порядке. Классность вагона тоже свидетельствовала за себя. Денисов извинился.

— Желаю вам и мужу скорее встретить друг друга. Блондинка облегченно перевела дыхание.

Начинался третий час ночи. Денисов отошел к дверям. За стеклом тесной группой прошли ревизоры поездов дальнего следования. До посадки на скорый оставалось совсем немного.

— ...Провожжающие! — В поднятых над платформами ретрансляторах что-то щелкнуло. — С первого пути отправляется...

Дикторша мягко смыкала губы. «С первого пути-м... — получалось у нее. — Повторяю-м...»

Денисов прошел вдоль поезда: ничего особенного. Несколько десятков провожающих, старуха цветочница.

— Двести первый! — неожиданно окликнул по рации Сабодаш. — Где находитесь?

В голосе слышалась тревога.

— На посадке.

— Сообщили с Казанского: крупные неприятности.

— Кража?

— Еще с вечера. А заявили только сейчас.

Впереди медленно поплыли освещенные окна скорого, однообразно хлопали двери рабочих тамбуров. Следующая остановка была через два часа.

— На большую сумму! — Дежурный нервничал. — Разыскивают по вокзалам женщину и мужчину...

— Что похищено?

— Все! Документы, деньги, билеты... Портфель! А они не спешат с заявлением!..

Три хвостовых огня прорезали темноту в горловине станции.

С уходом скорого морозные электрички, ночевавшие у платформ, показались Денисову чернее обычного. Сбоку слепил глаза стеклянный куб вокзала.

— Как с приметами? — Денисов нажал на скрытый под курткой регулятор.

— Должны сейчас передать.

— Что еще?

— По Москве? Ничего: квартирная кража в Свиблове, брачный аферист-гастролер...

Сквозь окна в четыре этажа Денисову была видна нешумная суeta здания. По облицованным серым парадным мрамором лестницам струился людской поток.

— ...Сейчас это самое крупное на узле! Вот! Как понял? Прием...

— Иду на стоянку такси. — Денисов посмотрел на часы. — Оттуда в залы...

На стоянке такси людей оказалось мало, в основном провожавшие пассажиров только что отправившегося скорого. Двое диспетчеров в тулупах и валенках в отдалении ловили водителей, приехавших на вокзал ужинать, отправляли в рейс. Денисов переговорил с диспетчерами, посетовал на погоду, повернул в вокзал.

«Преступнику с портфелем, — подумал он, — восемь-десять часов после кражи — слишком большая форa. За это время он мог уехать куда угодно...»

Недалеко от справочной в центре перрона стояла патрульная машина. Денисов поздоровался с коллегами, прошел в центральный зал. Женщина, прибывшая из Красного Лимана, сидела на том же месте, она первой заметила сотрудника, но не подала виду.

— Все еще не нашелся? — Денисов остановился рядом.

— Наверное, теперь до утра...

Ей хотелось поскорее от него отделаться.

— Впервые здесь?

— Да.

— А муж?

— Он москвич...

— И вы не знаете адреса?!

Она смутилась.

— Мы женаты недавно.

Вещей при ней не было — плоский чемоданчик с блестящим запором, ветка мимозы. Все лежало сбоку, на диване.

— Хотя бы улицу?! — сказал Денисов.

— Измайловское шоссе, по-моему... Это далеко?

— Порядочно. — Она все больше интересовала его. — А номер дома?

— Минутах в пяти от метро...

Денисов украдкой рассматривал блондинку: пальто с воротником золотистой нутрии, такого же меха капор. Ансамбль из прочно утвердившихся прошлой зимой. Подвернутые джинсы, сапоги. Одежду следовало помнить на случай, если речь зашла об ориентировке.

— Поискать через адресный стол? — предложил он. На ее лице напряглись мускулы.

— Не хочу.

— Муж догадается, что вы на вокзале?

— Я просто уверена. — По какой-то причине разговор был ей неприятен.

— А если объявить по радио? Как его фамилия?

— Иванов, — ответила она не сразу. — Иванов Павел.

Денисов кивнул.

«Когда отказываются, — подумал он, — всегда называют Иванова либо Смирнова. В Москве их тысячи».

— Объявлять тоже не стоит, — сказала она.

— Почему?

— Я бы не желала... — Она окончательно замкнулась.

— У вас документы с собой?

— Все у Павла.

— Вы тоже Иванова?

— Тулянинова... Я не меняла фамилии. Людмила. Можно Люда. — Теперь она добавляла в каждую фразу одно-два лишних слова. — Приехать с милицией! Нет уж, увольте! — Она решительно отвела эту мысль. — Предпочитаю вокзал. У себя, в Лимане, тоже работала на станции. Привыкла.

— Транспортница?

— Официанткой в железнодорожном ресторане...

Кто-то показался за дверью со стороны перрона. Тулянинова насторожилась: видимость по ту сторону стекла была ограничена.

Вошел старшина. Он коротко взглянул на инспектора, на женщину, отошел к лестнице. Денисов понял: если ему придется отойти, Тулянинова останется под прищелом.

— И никакого другого адреса?! — на всякий случай спросил он. — Друга или родственника?!

Тулянинова подумала.

— Разве в Донецке?! 91-159...

— Кто там?

— Они вместе учились, Шульман Слава. Я звонила, чтобы пригласить на свадьбу... — Тулянинова неожиданно всхлипнула, сказала глухо: — Молодой семье, наверное, не следовало бы так начинать жизнь...

Что-то отстраненное послышалось Денисову в этой фразе, ее как бы произнесла другая женщина.

— Двести первый! — просигналил крошечный манипулятор под курткой.

— Извините.

Денисов вышел на площадь, зябко поежился. Морозить начало с вечера, однако несильно. Потом задула поземка. На перроне еще стояли лужи, а здесь, на площади, снег лежал бурый, влажный, как нерастворившаяся кофейная масса. Над стеклянным кубом текли бесформенные зимние облака.

— Я слушаю, двести первый, — сказал Денисов в микрофон.

— Казанский передал приметы преступников. — Антону будто прибавилось растерянности. Ничего не боялся, кроме ЧП. Поэтому именно в его дежурства все происходило. — На мужчине коричневый бархатный костюм, плащ. Женщину хорошо не рассмотрели: молодая, среднего роста...

— Понял.

— Обрати внимание! Могут скрываться у нас...

— Молодая, среднего роста... — повторил Денисов. — Мужчина в бархатном костюме... — Он подождал, раздумывая. — Тут дело такого рода... — Он рассказал о Туляниновой и ее муже.

— Да ты!.. Ты знаешь? — Сабодаш даже задохнулся от волнения. — Ты представляешь, что может за этим скрываться?! И документов нет?! Надо срочно проверить... Повтори телефон в Донецке!

— Квартира?! Алло, квартира?! — кричал в трубку Антон. — Донецк?

Телефонистка междугородной сразу же отключилась, ничего не слышала, не пыталась помочь. Телефон казался выключенным.

— Донецк?!

Денисов слушал дежурного по аппарату внутренней связи и смотрел в центральный зал: на исходе третьего часа в непрекращавшемся движении пассажиров наметилась некая разреженность. Волнение улеглось, наметился легкий штиль.

— Слушаю, — раздалось наконец ответное из Донецка. — Вам кого?

— Из Москвы это! — обрадовался Антон. — Шульмана! Славу! Ну и спите вы! Здравствуйте...

— Кто говорит? — спросил мужской голос.

— Шульмана можно?

— Шульмана?!

— Славу!

— Кто это?! — спросонья мучительно допрашивал мужчина в Донецке.

— Я хочу спросить про Павла! Про Иванова! — Сабодаш не хотел называть себя.

На том конце провода совещались. Потом трубку взяла женщина, Денисов услышал те же подозрительные нотки.

— Вас кто все-таки интересует?

— Павел Иванов, — сказал Антон.

Женщина подумала.

— Не знаем такого.

— А Шульмана?

Женщина повесила трубку.

— Денис!.. — Антон скрипнул зубами. — Ты слышал?! Донецкий телефон, который дала Тулянинова или кто она в действительности... в Донецке просто липа! — Сабодаш кипел от возмущения. — Никакого Шульмана и никакого Иванова... — Денисову показалось, что Антон вспомнит сейчас о разыскиваемом — в коричневом бархатном костюме, но Антона увело в сторону: — А может, наоборот?! Может, в Донецке о чем-то заподозрили?!

Денисов не успел ответить.

— Переговорили? — ангельски проворковала вновь появившаяся телефонистка. — Отключаю, мальчики.

— Будьте на дежурном приеме, двести первый! — передал Антон уже по рации. В эфир он выходил только официально: двести первый. «Денис» годилось для непосредственного общения и телефона. — Наблюдайте, как будут развиваться события...

В старой, не подвергавшейся реконструкции части

показала пассажиров было меньше — лепные стены привлекали людей постарше. Здесь же находились междугородные телефоны, почтовое отделение. Обитатели залов распределялись неравномерно: на почте негде было яблоку упасть. От слепящих ламп помещение казалось пересушенным, жарко натопленным; покрытый специальным покрытием потолок гасил звуки голосов и стук аппаратов. За столиками и рядом с окошками для приема телеграмм стояли люди.

Мимо стеклянных кабин связистов Денисов служебной лестницей поднялся на антресоли. Теперь он сверху смотрел в центральный зал.

Иллюзия огромного аквариума не исчезала с высоты почти птичьего полета. Присмотревшись, Денисов различил золотистые и темные цвета Туляниновой. Она стояла у бокового стекла, смотрела на площадь — высокая, застывшая в напряженной позе.

«Молодой семье, наверное, не следовало бы так начинать жизнь...» — вспомнил Денисов. — Наивная фраза, ровным счетом ничего не доказывающая, и все-таки...»

В дверях медкомнаты показался очередной пациент. Пожилой мужчина на костылях нес на проволочках еще мокрые рентгеновские снимки, осторожно, словно только что пойманные рыбины.

«Наивная фраза...» — Что заставило его снова к ней возвратиться? Наверное, когда-то слышал ее от жены?! — Вечная вера женщин в очищающую основу семейного очага».

Денисов вошел в медкомнату.

— Что-нибудь произошло? — спросил дежурный врач. — У нас никаких сигналов...

Он выглядел неуклюжим и добрым и считался опытейшим специалистом на узле.

— Все в порядке.

— Я рад. — Дежурный врач постучал костяшками коротких толстых пальцев по столешнице.

Денисов подошел к телефону.

— Я позвоню?

— Ради бога.

Денисов набрал номер и, дождавшись ответа, попросил:

— Красный Лиман, пожалуйста...

— Ждите, — предложила телефонистка. Денисов услышал десятки приглушенных расстоянием голосов

женщин, обслуживающих междугородную связь. — Я вызову...

Пока его соединяли с Красным Лиманом, он успел накоротке переговорить с двумя абонентами в Москве.

— Бюро несчастных случаев? Это из транспортной милиции Денисов. Несчастные случаи зарегистрированы? С мужчинами...

Отвечала женщина.

— Один.

— Где именно? — Денисов превратился в слух.

— Улица Затонная, территория восемьдесят четвертого отделения милиции. — Женщина отвечала скороговоркой. — Пострадавший госпитализирован в институт Склифосовского.

— Пострадавший — москвич?

— Нет сведений. — Денисову показалось, что она спешила повесить трубку.

— Минуточку! Что с ним?

— То ли упал, — она вздохнула устало, — то ли по голове ударили.

— Молодой?

— Лет тридцати.

— Когда это произошло?

— Не знаю. Госпитализирован в час сорок две.

В восемьдесят четвертом трубку снял помощник дежурного:

— Инспектора уголовного розыска? — Этот по крайней мере не спешил. — Нет его. Дежурного?! Оба выехали. ЧП у нас!

— Обстоятельства известны? — спросил Денисов.

— Пока неясно. Подробности должны скоро сообщить.

— Одежду пострадавшего знаете?

— Об одежде не говорили. — Вопрос, по-видимому, его озадачил. — Это существенно?

— Бывает, что несущественно, — согласился Денисов. — Но все-таки узнайте. А как состояние потерпевшего?

— Тяжелое. — Помощник перешел на знакомый текст. — Идет операция, допросить пока нельзя...

— В карманах что-нибудь обнаружили?

— Карманы пустые.

Разговор перебила телефонистка:

— Москва! Кого в Красном Лимане?

— Я еще позвоню, извини!.. — крикнул Денисов по-

мощнику дежурного. — Девушка, пожалуйста, железнодорожный ресторан...

— Не знаю, есть ли там кто-нибудь... Алло! — сказала она кому-то через секунду. — Ответьте Москве! Говорите!

— Аллѐ. — В Красном Димане отвечала пожилая женщина, страдавшая одышкой. — Слушаем...

— Директора, пожалуйста. — Денисов не надеялся найти никого, кроме сторожа, в лучшем случае уборщицы. На всякий случай начал с верхушки штатного расписания. — Директора или зама!

— Нет их, — по-доброму сказала женщина, страдавшая одышкой. — Отдыхать пошли...

— Тогда метра!

— Климентины Максимовны тоже нет.

— У вас Тулянинова Люда работает?

— Тулянинова? Такая, милый, у нас не работает.

Женщина замолчала.

— Не работает?!

— Рассчиталась! — Денисов отнес паузу за счет одышки. — Замуж вышла! Да за кого! За дипломата... Уехала, милый! — Женщина не без труда перевела дыхание. — Позавчера! Да, в спальном вагоне, в двухместном купе! Билеты влетели в копеечку! Теперь, милый, свою Люду ты не догонишь!

2

— Мой Павел?! — Тулянинова задумалась. — Молодой энергичный... На вид не старше тридцати — тридцати трех...

— Русый?

— Брюнет.

Денисов достал блокнот — сувенир международной криминалистической выставки, подарок фирмы — изготовительницы нескораемых шкафов «Фише — Бош» «само-му любознательному экскурсantu».

— Как он одет? — Денисов пока не записывал.

— Однотонная серая сорочка, носки и галстук под цвет... Куртка кожаная. Дипломат должен уметь одеваться...

В зале было совсем тихо. В конце третьего часа зал для транзитных пассажиров окончательно замер. Было слышно, как постукивает эскалатор, нескончаемо пере-

гоняющий по кругу все те же складывающиеся гармошкой ступени.

Тулянинова пригласила ворсинки на воротнике.

— Что у него вообще было при себе? — спросил Денисов.

— У Павла? Что вы имеете в виду?

— Ценности, например. — Следовало осторожно, не вызывая малейших подозрений, расспросить обо всем, что касалось пропавшего Иванова. — Деньги...

— Совсем без денег. Только ключи от машины, ножики.

— У вас машина?

— «Жигули» последнего выпуска.

— Конечно же, ваш муж мог где-то застрять... — Денисов решил до последней минуты не делиться своими опасениями. — В гостях, например. Не отпустили или что-то помешало...

— Вы не знаете Павла! — Тулянинова переставила чемоданчик, теперь Денисов мог занять место рядом.

— Спасибо.

— С Павлом что-то случилось! Без меня он никуда бы не ушел. — Туляниновой было жарко, она расстегнула пальто, под ним оказалась темная с глухим воротом кофточка, желтый кулон.

— Сильное чувство? — спросил Денисов.

Она покраснела.

— Труднее всего исцелить ту любовь, которая вспыхнула с первого взгляда! Это сказал Жан де Лабрюйер, — фамилия далась Люде с запинкой, — французский писатель конца семнадцатого века.

— Не читал, — сказал Денисов.

— Я тоже. Все Павел!

— Начитан?

— Работник Министерства иностранных дел! Поэтому я и не хотела, чтоб через милицию, а потом по радио...

— Сколько уже, как вы вместе?

— Неделя.

— Поздравляю, — Денисов неловко поклонился.

— Это мое такое счастье... — Она покраснела. — Говорю вам как постороннему, с которым больше не встретишься. Этот приезд, Москва, этот прекрасный вокзал, жизнь сначала — все Павел!

— Куда вы сразу пошли?

— С поезда? В камеру хранения, сдали вещи, потом

в город. Павел смеялся: «Домой поведешь ты!» А я и Москвы ни разу еще не видела... Такой теплый день сегодня! Заметили? И солнце. У метро торговали мимо-зой...

Денисов взглянул на букет.

— Круглая полная женщина? — Он знал всех вокзальных цветочниц. — Седая... — Он видел ее у поезда.

— Павел сказал: «Цветы для новобрачной, мадам!»

— И она пожелала вам долгих безоблачных лет...

— Такая чуткая! Потом я вела Павла какими-то улицами.

— К центру?

— Разве я знаю?! Павел шел радостный, светлый...

«Восемьдесят четвертое отделение, — подумал Денисов, — даст ориентировку, когда поступят подробности из института Склифосовского. То есть примерно через полчаса...»

У него еще оставалось время.

— Молодой семье... — начала Тулянинова.

Это был идефикс не одной только Туляниновой, — с чего и как должно начинать молодоженам.

— ...Не следовало бы в самом начале проходить такое испытание! Неокрепшая семья слишком слаба для него!..

«Как все они тонко чувствуют это...»

Из крошечного манипулятора под курткой Денисова неслись обрывки ориентировки, указания постам, поэмы: преступника в бархатном коричневом костюме теперь уже искал весь железнодорожный узел.

— Свадьба, по-видимому, будет в Москве? — поинтересовался Денисов.

— В «Праге».

— Вы и ресторан знаете?

— Двадцать восьмого, в четырнадцать... Павел уже заказал банкетный зал и музыку. Вообще-то он звонил из Красного Лимана не в ресторан, сослуживцу. А тот заказал.

— Понимаю.

— Развил бурную деятельность... — Впервые с начала их знакомства Люда улыбнулась. — Последний холостяк на курсе. Чуть ли не весь выпуск собирает... Конечно, без тех, кто в данный момент за рубежом.

— Ему дали отпуск?

— Сначала для вступления в права наследника: у него умер родственник в Красном Лимане. А с сегодня-

шнего дня должны были дать очередной. В отделе Павел общий любимец...

Она о чем-то вспомнила, лицо ее потускнело.

— Вы не все рассказываете. — Денисов внимательно наблюдал за ней. — Растерялись с мужем, так бывает. Встретитесь. Что еще вас томит? Ведь не только это?!

Тулянинова совсем сникла.

Высоко, под рифлеными сводами крыши, висели мощные светильники, однако внизу было неярко, скорее пасмурно. Какие-то военные с каплями растаявшего снега на фуражках разговаривали по другую сторону двери.

Наконец она решилась.

— Ему грозили!

— Грозили?!

— Я нашла письмо, — голос ее дрогнул. — «Мы рассчитаемся, Паша! От меня не уйдешь!»

— Как вы потеряли друг друга? Только подробно... — помолчав, спросил Денисов.

Она беззвучно всхлипнула, но тут же взяла себя в руки.

— По дороге к МИДУ Павел завез меня в такси на Главпочтамт. Все так глупо... Договорились: если он не появится через час, значит, уехал к шефу. В этом случае мне следует спуститься в метро, ехать до платформы «Коломенская». Там ждать.

— Почему «Коломенская»?

— Там живет шеф.

Денисов искал ясности.

— А зачем на Главпочтамт?

— Я же сказала: пригласили много гостей. Надо было дозвониться до Ельца, потом в Сыктывкар...

— Дозвонились?

— Сыктывкар не отвечал. Я звонила несколько раз. С Ельцом не было связи до семнадцати.

— Номера телефонов не сохранились?

— Порвала. — Она махнула рукой.

— Дальше.

— Мне объяснили: нужно доехать в метро до «Варшавской», перейти на платформу. Будет Коломенское...

— Вы так и сделали?

— Да.

Она не видела разницы в терминах «платформа» и

«станция» в том смысле, в каком их употребляют москвичи: для поезда пригородного сообщения — «платформа», в метро — «станция».

«Возможно, он ждал ее в метро, на станции «Коломенская», а она — на одноименной платформе Московской железной дороги, — Денисов вынул блокнот. Посмотрел схему. — Затонная улица, откуда пострадавшего доставили в институт Склифосовского, и метро «Коломенская»... Один район!»

— Вы говорили о записке с угрозой. — Он снова положил блокнот в карман. — Вы ее сами читали?

— Конечно.

— И помните содержание?

— Я могу ее показать.

— Записка с вами?

Она поставила чемоданчик себе на колени, щелкнула запором.

— Да вот! Пожалуйста.

Денисов взял конверт осторожно, хотя отпечатки пальцев автора скорее всего были уничтожены.

«Донецк, Главпочтамт, до востребования.

Иванову Павлу».

Почерк был средней выработанности. Судя по штемпелю, письмо отправлено из почтового отделения здесь же, на вокзале, пятого февраля, две недели назад. Вместо почтовой бумаги автор использовал стандартный телеграфный бланк с тем же выведенным жирно индексом.

«До Красного Лимана, — подумал Денисов, разглядывая конверт, — муж Туляниновой заезжал в Донецк. Писавший анонимку знал это. Знал и то, что Иванов будет получать корреспонденцию на Донецком главпочтамте до востребования. Это сужает круг подозреваемых...»

«Мы рассчитаемся депломат, — стояло на телеграфном бланке крупными печатными буквами. — От меня никуда не денешся».

Тулянинова ошиблась: Иванова называли в письме не «Пашей», а «депломатом».

«Старый как мир прием, — подумал Денисов. — Анонимщик старается преуменьшить грамотность: вместо безударного «и» ставит «е», пропускает знаки препинания... Одно ему не под силу — представить себя грамотнее, чем есть! — Ошибка в слове «денешся» показала Денисову непредусмотренной. — Письмо пи-

салось на вокзале, чернилами и, по всей вероятности, в ночное время. — Денисов снова положил письмо в конверт. — Вечером и днем, когда вокруг суета, люди смотрят — не освободилась ли ручка, стул — такое на телеграфном бланке не изобразишь!»

Тулянинова молча следила за ним.

— Я очень волнуюсь! — Она сплела руки в замок. — С ним обязательно что-то случилось!

— Он не упоминал о Затонной улице?

— О Затонной?! Не помню. Вы что-то узнали?

— Есть платформа Коломенское, и есть одноименная станция метро. — Денисову не хотелось огорчать ее еще больше. — Там парк рядом, река. Вы плохо договорились.

Она была готова заплакать.

— Думаете, он все еще у метро?

— Вряд ли... Больше не было ничего подозрительного? — Денисов показал на конверт с угрозой.

— Вокруг Павла? Нет...

— Ни в Москве, ни в пути?

— Ни разу.

— А если б на него напали?! Предположим на минуту... Что бы он сделал?

— Даст отпор! Не сомневайтесь: он каратист. И ножик с ним!

— Большой?

— На ручке маленькое копытце. Сувенир.

— Охотничий... — Денисов постарался ничего не упустить. — А как с вещами? Их много?

— Чемодан, сумка.

— Все в автоматической камере хранения?

— Да.

— А шифр?

— Мы записали. — Тулянинова снова потянулась к иглам на воротнике. — Я еще хотела подсказать ему, чтобы был осторожнее. Понимаете? Вокруг люди, все видят... Записку с шифром Павел сунул в верхний карман!

Денисов задумался.

— Шифр помните?

— Только ячейку: 5103.

— Если бы у вас был паспорт... — сказал Денисов. — Боюсь, что у дежурного по камере хранения возникнут вопросы.

— Как же теперь? — Она подняла голову.

— Я поговорю. Напишите заявление, перечислите вещи...

— Все?

— Хотя бы то, что сверху.

Тулянинова задумалась.

— У Павла кофта на четырех пуговицах. В сумке халат, бигуди. Бутылка шампанского...

— Я узнаю и вернусь. — Денисов поднялся.

Она остановила его.

— Я решила. Я так хочу... Вы должны приехать в «Прагу» двадцать восьмого... — Теперь Тулянинова выглядела побледневшей, глаза блестели. — С моей стороны пока никто не приглашен...

— На вашу свадьбу?

— Да. С женою или один. Я даже не спросила, женаты ли вы. Тяжелая ночь. Вы столько сделали...

— Спасибо. Право, не знаю.

— Должна быть интересная компания. Не пожалеете.

В автокамеры можно было попасть служебным проходом, минуя пищеблок, можно было спуститься на эскалаторе. Денисов предпочел пройти перроном. Старое здание выглядело с перрона архаичным: острый конек крыши, круглый цоколь — начало века, смешение архитектурных стилей.

— Двести первый! — окликнул по рации Антон. — Какие новости?

— Пока ничего. Наверное, скоро мне понадобится «газик».

— Сейчас найду шофера.

— Пусть будет наготове.

Дежурный по камере хранения, молодой парень, находился в застекленной будочке, без света, по-видимому, спал. Денисов постучал по стеклу, дежурный тут же выскочил, ни о чем не спрашивая, пошел следом. В отсеке к ним присоединилась девушка-механик. Пассажиров вокруг не было, большинство ячеек с вечера оставались открытыми.

— Проверим эту, — Денисов обернулся к дежурному.

— Чтонибудь случилось? — спросила девушка-механик.

— Еще не знаю.

— Вроде все тихо... — Дежурный достал ключ-«вездеход».

— Тем не менее... — В другое время Денисов не преминул бы переброситься несколькими словами; оба болели хоккеем. — Сейчас увидим. Открывай.

— Абсолютная пустота... Хотя нет! — Дежурный хотел что-то вынуть, но Денисов перехватил его руку.

В дальнем углу укутанным станиолем горлышком блеснуло шампанское.

— Я сам. Сейчас мы составим протокол...

Девушка-механик смотрела недоумевающе.

— На бутылке могли остаться отпечатки пальцев преступника. — Денисов осторожно прикрыл дверцу. — Закройте.

Дежурный поставил контрольный винт на место.

— Теперь проверим исправность, — Денисов уступил место девушке-механику.

Послышался стук упавшей в накопитель монеты, хлопнула дверца.

— Исправна, — сказала девушка. — Значит, что-то с шифром. Доверил кому-то либо потерял...

«Ну вот, — Денисов посмотрел на часы, сверил с табло. — Теперь еще и кража...»

Он вернулся на перрон. Фасад старого здания выглядел глухим. Над коньком крыши плавилось несколько звезд, морозных, затянутых паутиной облаков.

«Чем занимался инспектор Денисов после двух ночи? — подумал он о себе. — Что он выяснил, беседуя с Туляниновой?! Что некоторые молодые жены имеют заранее сложившийся взгляд на брак? Это все?»

И сам ответил:

«Не все!...»

Это была все та же игра. Суть заключалась в том что, пока он распекал инспектора Денисова за бездействие, тот, оправдываясь, поднимался до неожиданных обобщений и гипотез.

«Ничего вам пока не удалось!»

«Что-то все-таки есть...»

«Например?!»

Настоящий Денисов подумал:

«Мне кажется, я могу назвать и другую одежду Павла, которая лежала в украденном чемодане...»

«Не названную Туляниновой?!»

«Да».

«Не может быть!...»

«Сейчас проверим: ошибся ли я?!»

Еще издали, по другую сторону огромного цельного стекла Денисов уловил тревожный взгляд Туляниновой.

— Придется перечислить содержимое ячейки. — Денисов достал «Фише — Бош», приготовился записывать. — Все оказалось сложнее, чем я думал.

Тулянинова вздохнула.

— Бежевый чемодан Павла. В чемодане сорочки, галстуки. Кофточка, о ней я говорила... Костюм.

«Вот оно!» — Денисов не выказал волнения, хотя уже знал, что это за костюм.

— Бархатный? — спросил он. — Коричневого цвета?

— Да! Бархатный коричневый, — она удивилась. — Как вы догадались?

— Сейчас модно. Вельвет, бархат...

«Я не ошибся, связав вместе два преступления — у нас и на Казанском, — подумал Денисов. — Вещественные доказательства, — он имел в виду письмо с угрозой и бутылку шампанского, — надо срочно показать дежурному эксперту».

— ...Первая ночь в Москве! Никогда не предполагала, что так ее проведу. — Мысль эта, в сущности банальная, повторялась постоянно, причем в новых вариациях. — Знаете, где мы с Павлом впервые увидели друг друга?

Она разочаровалась, когда Денисов, подумав, сказал:

— У вас в ресторане. Вы его обслуживали.

— Правильно! Но обслуживала Павла не я, другая официантка. Он сидел рядом с одной молодой женщиной, но смотрел в мою сторону. И у меня все валилось из рук...

Пока она рассказывала, Денисов записал первые, самые неотложные мероприятия. Пора было переходить к действиям.

— ...Вдруг подходят! Метр Климентина Максимовна, а с ней Павел. «Людочка, — Климентина мне. — Молодой человек очень серьезный... Хочет с тобой познакомиться». А сама тихо: «Детка! Может, твоя судьба?»

Денисов убрал блокнот.

— Климентина и Павел... Они знали друг друга?

— Нет.

— Как же?

— Павел зашел к ней в кабинет и выложил все как

на духу: что работает в МИДе, что никогда не был женат, что приехал по своим делам на несколько дней и вот увидел меня...

— Что за молодая женщина сидела с ним в ресторане? — Денисов оставался инспектором уголовного розыска, шла ли речь о преступлении или о простом знакомстве.

— В ресторане? — Тулянинова улыбнулась. — Новая кассирша со станции, рыжая, в конопушках. Случайно оказались рядом...

— А дальше?

— Климентина отпустила меня, мы ушли с Павлом в кафе...

— В кафе?

— Вы не подумайте! Павел взял бутылку сухого, мы к ней даже не притронулись. Говорили, говорили... — Тулянинова закусил губу. — Я похожа на мать Павла. В этом, видно, все дело. Она умерла, когда он еще ходил в детский сад.

Заканчивался третий час. Мороз прихватил основательно — то в одном, то в другом месте асфальт стягивала глянцевитая предательская корка льда. Денисов оставил «газик» рядом со стоянкой такси, прошел вдоль безлюдного перрона к отделу внутренних дел. Платформы вдали были залиты тем же, одинаковым на всех вокзалах пронзительным светом. Ничем не нарушаемая тишина стояла вокруг.

«Сможет ли эксперт что-нибудь сделать? — подумал он. Перед тем как приехать на Казанский, Денисов захватил в научно-технический отдел — оставил криминалисту бутылку шампанского и анонимку с угрозой по адресу Павла. — Интересно, сколько понадобится времени для исследования».

В дежурной комнате милиции было накурено, по ночному шумно. Пока шофер «скорой» у подъезда менял баллон, молоденькая женщина-врач звонила кому-то по телефону, пиццала рация. Телевизор внутреннего использования без устали транслировал все тот же нескончаемый проход пассажиров по центральному залу.

Знакомый инспектор розыска, увидев Денисова по другую сторону высокого барьера, вышел навстречу.

— Как жизнь? — Они виделись от одного полу-

годового итогового совещания до другого. — Кража из камеры хранения?

Он повел Денисова к себе по коридору с широким гостиничным зеркалом в торце.

— Мы дали ориентировку, — сказал Денисов.

— Я знаю, — инспектор привычно скользнул взглядом по зеркалу. — Мы передали по постам.

В кабинете с приставленными вплотную друг к другу столами работал транзистор. Инспектор выключил его, кивнул Денисову на стул у окна.

— Что тебя интересует?

— Подробности кражи портфеля. — Денисов вынул блокнот, собираясь записывать. — Из вашей телеграммы о многом можно только догадываться.

Инспектор засмеялся:

— Тебе нужны «тысячи мелочей»? Лучше сам поговори с потерпевшей, скоро она будет у вас.

— Опергруппа ездит по вокзалам?

— Сейчас они на Белорусском... А я могу только обрисовать положение в целом...

Выбирать не приходилось.

— ...Преступник появился вечером с женщиной, которую мы вначале приняли за сообщницу... — Инспектор задумался, что-то поискал в ящике стола, закурил. — Теперь ясно, что это была очередная жертва. Куда она потом исчезла, я не знаю. Преступник тоже некоторое время отсутствовал. Около двадцати двух часов он снова появился на вокзале, подсел к студентке из Ужгорода. Поставил чемодан рядом с ее портфелем.

— Какой чемодан? Бежевый?

— По всей вероятности, украденный из вашей ячейки. Я внимательно проштудировал ориентировку.

— Мужчина был один?

— Один. И трезв.

— Дальше.

— Они поговорили минут десять. Потом он оставил свой чемодан, чтобы пойти в буфет,

— О чем они говорили?

— О пустяках: погода в Москве, темпы московской жизни...

— Еще?

— Он, между прочим, посетовал на несерьезность молодежи, ее легкомысленный взгляд на будущее...

— Лихо! — Денисов захлопнул блокнот.

— Целую лекцию прочитал: «Некоторые молодые

девушки курят! Какой вред здоровью будущего ребенка!..»

— Занятно!

— Отходя, предупредил: «В чемодане у меня дорогие и очень ценные вещи. Не хочу, чтоб они пропали. Пожалуйста, посмотрите за ним».

— Отсутствовал?..

— Минут сорок. Вернулся. Затем студентка, в свою очередь, попросила посмотреть за ее портфелем, ушла звонить...

Способ кражи был элементарным.

— ...В ее отсутствие преступник, — закончил за инспектора Денисов, — взял портфель и скрылся.

Инспектору позвонили. Пока он разговаривал по телефону, Денисов просмотрел свои заметки. Многое, связанное с исчезновением спутника Туляниновой, требовало своего объяснения:

«Слава Шульман, город Донецк... Наследство».

«Пальцевые отпечатки на бутылке шампанского... Анонимка, написанная в почтовом отделении на вокзале».

«Институт Склифосовского. Происшествие на улице Затонной (84-е отделение милиции)».

— Сейчас буду, — сказал инспектор в трубку.

Денисов поднялся:

— Преступник сетовал на молодежь вообще?

— Речь шла только о молодых девушках.

— Еще: ваша потерпевшая... Она курит?

— Кажется, нет. Впрочем, скоро ты ее сам обовсем расспросишь.

На обратном пути Денисов хотел снова заехать в научно-технический отдел, но раздумал:

«Кому интересно, чтобы у него стояли над душой?!»

Подъезжая к вокзалу, Денисов вызвал Антона по рации:

— Я — двести первый! Оперативная группа с Казанского не приезжала?

— Пока нет, — ответил Антон. — Где находитесь?

— Возвращаюсь на базу.

— Новое есть?

— Пока нет.

— Держитесь на дежурном приеме... — Слышимость была достаточно хорошая. Антон попросил кого-то прикрыть дверь. — Сейчас звонили из восьмьдесят четвертого отделения милиции... Та женщина нас не слышит?

— Тулянинова на вокзале. Никто.
— Мужчина тот на Затонной улице...
Денисов понял:

— Скончался?

— Только что передали.

— Личность установлена?

— Не знаю. Просили связаться позже. — Кто-то вошел в дежурку. Сабодаш поспешил закруглить разговор. — Жду вас на базе.

«Умер, — Денисов задумался. — И все же ориентировки из восемьдесят четвертого отделения нет. «Позвоните позже». Видимо, у них своя версия. Может, несчастный случай, и они не спешат просить о помощи...»

3

— ...Со всеми остановками... — раздалось из ретрансляторов за окном.

К первой электричке спешили постоянные пассажиры и те, кто опоздал на последнюю и принужден был провести ночь на вокзале.

— ...Повторяю. Товарищи пассажиры! С восьмого пути отправляется электропоезд...

Денисов отошел от окна. На широком, не менее полутора метров, подоконнике нежились кактусы. В конце ночного дежурства их полагалось окропить водой комнатной температуры.

Прозвенел телефон.

— Даю Красный Лиман, — сказала телефонистка. — Заказывали? Кого в Лимане?

— Старшего билетного кассира...

Денисову была нужна рыжая, в конопушках кассирша, сидевшая в памятный для Туляниновой день в железнодорожном ресторане.

«Может, Иванов сообщил соседке по столу какую-то деталь, — проверял Денисов. — Назвал общих знакомых?! Родственников, к которым приезжал?!»

На станции оказались две рыжие кассирши, одна из них дежурила, вторая ночевала в поселке, у матери. Денисову удалось переговорить с обеими.

— Был такой случай, — вспомнила та, что ночевала в поселке. — Симпатичный, среднего роста. Мы вместе вошли в ресторан.

— Вместе вошли?! — уточнил Денисов.

Спросонья женщина не знала, что ответить. Сидев-

ший напротив за столом Сабодаш прислушивался к разговору, наконец спросил:

— Какое это имеет значение, Денис?!

— Молодой человек придержал дверь, — вспомнила между тем кассирша, — я поблагодарила, мы оказались ва одним столом...

— Он представился вам? — спросил Денисов. — Что вы знаете о нем?

— А что, собственно, произошло?!

— Человек исчез!

Кассирша задумалась.

— Не представляю, что можно вам сказать?! Он заказал салат, ромштекс...

— Вы говорили о чем-нибудь?

— Вспомнила! Он спросил, есть ли у нас магазин «Березка». Я подумала, что он вернулся из-за рубежа.

— Мы знаем.

— А вообще-то я встречала свекровь из Днепропетровска, и мне было не до знакомства. — Кассирша вдруг заволновалась. — Вы свяжитесь с официанткой! Люда, кажется! Как увидел ее, был, что называется, сражен...

Яркий сноп света за окном бил в острый конек крыши старого здания. Все так же стучали компрессоры. Денисов положил трубку.

— Значит, и это ничего не дало... — Антон закурил. Он курил много и все не мог похудеть. — Придется перерыть в Центральном адресном бюро массив Ивановых Павлов...

Аппарат на столе тихо звякнул, Денисов подошел к телефону.

— Слушаю...

Звонили из научно-технического отдела.

— Денисов?! — ахнул дежурный эксперт. — Дал работу и не интересуешься?! Хорош...

— Я думал, рано!

— В восемь я сменюсь. Будешь меня искать!

— Я рассчитывал сейчас позвонить.

— Значит, так. — Эксперт был известным в управлении резонером и классным специалистом. — Конверт исхвачан основательно. Сам знаешь. Бутылку — кто только не берет! И на заводе, и в магазине...

— Я понимаю.

— И все же ты требуешь невозможного! Что ж, это

твое право.. Значит, так, — повторил он. — Записывай: на телеграфном бланке с анонимным текстом имеется очень приличный отпечаток пальца исполнителя.

— Понимаю.

— Я называю его исполнителем, а не автором. Это могут быть разные люди. Тебе известно.

— Известно.

— Прехарактернейший завиток на большом пальце окрасился чернилами, которыми исполнен текст. Ясно? — Ему ничего не стоило пуститься в пространные объяснения по поводу индивидуальности пальцевых узоров и их классификации, по которой завитковые или попросту круговые делятся на три группы в зависимости от их внутреннего строения и расположения дельты. Но на этот раз он отказал себе в удовольствии. — Такой же завиток присутствует на бутылке...

— Ты молодец!

— Таким образом, налицо совпадение совокупности...

— Понимаю.

Закончил эксперт неожиданно кратко:

— Действуй. — В трубке послышался отбой.

— Есть что-нибудь? — спросил Сабодаш.

— Автор анонимки, — Денисов поправил телефонный шнур, — лазил в ячейку Туляниновой, передвинул шампанское. Следовательно, он выкрал вещи...

— Любопытно.

— Если учесть, что он же совершил кражу портфеля на Казанском вокзале...

С началом движения электропоездов населенность вокзала еще больше увеличилась. Поток пассажиров следовал в основном в одну сторону — в Москву; из Москвы электрички отправлялись наполовину свободные. Часть приезжавших скапливалась в пригородных залах, ожидая, когда откроют метро, другая растекалась по всему вокзалу.

Увидев в толпе пассажиров Денисова, Тулянинова ни о чем не спросила, будто о чем-то догадывалась либо подозревала. Возбуждение ее прошло, ей хотелось спать. Ее соседи — военные, на которых Денисов еще раньше обратил внимание, оживленно разговаривали, часто поглядывая вокруг.

— Хоть бы ночь скорее закончилась... — вздохнула Тулянинова.

— Когда Павел звонил по телефону из Красного Лимана, — спросил Денисов, — вы были с ним?

— В кабине. Рядом.

— Все слышали?

— У него не было тайн от меня.

— Велись какие-нибудь разговоры, касавшиеся полученного наследства? Помните? — Денисов предпочитал расспрашивать исподволь, по «широкому фронту», так, чтобы Люда не могла ни о чем догадаться.

— Не было.

— Никто его ни о чем не просил?

Тулянинова пожала плечами.

— Я слышала только то, что говорил Павел! — Она задумалась. — В основном он звонил к себе на работу.

— А домой?

— Каждый вечер. Он живет с бабушкой, она души в нем не чает, — вспомнила Тулянинова. — Секретарша у них тоже Людочка, Павел в основном с ней разговаривал. Один раз — с заместителем начальника управления Геннадием Аркадьевичем... Моего дядю так зовут.

— Дядя живет в Красном Лимане?

Она покачала головой.

— В Кривом Роге, на шахтах.

— Он знает о свадьбе?

— Знает. — Тулянинова была сбита с толку, не пыталась анализировать вопросы, которые Денисов предлагал. — Он поздравил нас, выслал восемьсот рублей на свадьбу.

— Почтой? — спросил Денисов.

— Телеграфом. Мы ведь уезжали...

— А деньги? В ячейке?!

Она сделала неуловимое движение, проверяя:

— С собой. Жить придется пока с бабушкой Павла, потом вступим в кооператив...

У него больше не было вопросов: Тулянинова рассказала обо всем, что знала. Денисов подумал теперь о том важном, что должно было связать воедино всю полученную информацию.

«Начать с анонимки... — Он отвернулся, взглянул сквозь стеклянную стену, за ней был «такой же аквариум», только еще более огромный, с зелеными и красными огнями подсветки. — Писавший сидел ночью в

опустевшем почтовом отделении, вырисовывал букву за буквой на телеграфном бланке...»

Денисов представил сухое, высвеченное беспощадно ярким светом помещение почты — пористый потолок, кабины междугородных телефонов-автоматов. В течение полутора часов, когда поток людей иссякнет, телеграфистки ведут бесконечные разговоры, красятся и ухаживают за ногтями. И только одна — что дежурит в зале, по другую сторону невысокого барьера — наблюдает за посетителями.

Он снова извинился перед Туляниновой:

— Ждите меня здесь.

Очередную волну пассажиров несло с перрона к выдвинутому далеко вперед входу в туннель. Несколько уборщиков с ломиками и скребками прошли мимо Денисова, возвращаясь после ночной уборки путей: через короткое время ожидалось прибытие астраханского.

По дороге в почтовое отделение Денисов по рации вызвал Антона.

— Закажи еще раз Донецк...

— Снова Шульмана? — спросил Сабодаш.

— Проверь его по адресному бюро. Проживает ли?

— Позвонить по месту работы Павла? В МИД?

— Не надо пока... Тулянинова просила.

— Я не понимаю насчет Шульмана. Ты считаешь, что Тулянинова могла напутать?

— Объясню потом.

В почтовом отделении у окошка снова толпилось много людей, столько же сидело за столиками. Под потолком беззвучно кружили пропеллеры вентиляторов.

Служебным проходом Денисов прошел мимо стрекочущих аппаратов внутрь, к старшей по смене.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, коли не шутите... — Старшая улыбнулась. На почте не признавали официальных.

— С вечера не присел! Шутки... Кто у вас дежурил ночью шестого?

— На аппарате или в окошке?

— В зале.

— Вам обязательно надо?

— Непременно.

— Придется сказать. — Старшая смены взглянула в график. — Кожухова Тоня. Да вы знаете ее — высокая такая, расфуфыренная.

— В зеленом пальто?

— В шубе. С черным поясом. В бархатном берете. Денисову было важно представить ее себе.

— Замужняя?

— Нет... Пока!

— Значит, невеста!

— Представьте: скоро свадьба.

— Как она сегодня работает?

— С девяти. Но ее не будет...

— Почему?

— Отпросилась. Приходите после обеда.

Денисов подумал.

— Можете дать ее телефон?

— Здесь что-то не то, — засмеялась старшая. — Надо сообщить ее жениху. Ну ладно. Записывайте...

Денисов вернулся в центральный зал, по аппарату прямой связи позвонил Антону.

— Уточни адрес Кожуховой по номеру телефона... — Он продиктовал семь цифр, полученных в почтовом отделении. — Как у нас с машиной?

— Транспорт есть. Тебя интересует Кожухова?

— Она дежурила в зале, когда тот писал анонимку...

— Ночью шестого?

— Да. Хочу съездить к ней домой.

— Один не поедешь, — сказал Сабодаш. — Только вместе.

— А Донецк?!

— Вячеслав Шульман в Донецке не проживал и не проживает. Тулянинова что-то напутала...

— Скоро мы все узнаем... Пусть шофер подгонит «газик» к выходу на площадь.

— Тулянинова поедет с нами? — спросил Антон.

— Обязательно...

Не покидая зал, Денисов заскочил в служебный отсек, в помещение, выделенное уборщицам. В длинной узкой комнате за столом пять или шесть пожилых женщин пили чай.

— Доброе утро...

Они предложили чаю, но он отказался:

— Дела... Спасибо.

Женщины не признали причину отказа основной:

— Всех дел не переделать...

— Такая у них работа!

Седая крепкая старуха цветочница, торговавшая днем мимозами, задумчиво смотрела перед собой.

— Тетя Вера... — Денисов напомнил о цветах для новобрачной, о реплике Павла. — Сегодня днем... Помните? Он назвал вас «мадам»?!

— Ну? — спросила старуха.

— Куртка кожаная... Вспомнили? Мужчину этого вы видели раньше?

— Ни разу. И женщину тоже.

— Что он собою представляет?

Цветочница пожала плечами:

— Он? Могу точно сказать. Прохиндей...

Старуха явно была не в духе, пытаться извлечь что-либо из дальнейшего разговора с ней представлялось совершенно бесполезным.

Улицы были еще пусты, но шофер вел машину с осторожностью: легкий снег едва прикрывал ледяные проплешины. Антон откровенно посапывал на заднем сиденье.

«Вот и ночь прошла». — Денисов покосился в зеркальце над головой: Тулянинова с закрытыми глазами сидела рядом с Антоном. Денисов был уверен — она не спала.

«Что вы еще узнали, Денисов?» — Он продолжал игру с собой.

«Много-много интересного...»

В основе игры лежала мечта: неспешно обсуждать меняющуюся перспективу с тонким спокойным собеседником.

«Ночь не прошла напрасно...» — мог бы ответить Денисов.

«А конкретно?»

«Аноним, как я уже указывал, подозрительно хорошо осведомлен обо всем, что касалось Павла: знал, что он заедет в Донецк, хотя цель поездки — Красный Лиман... По какой-то причине оказался на вокзале... Но! Зачем писать анонимку в Донецк, если через несколько дней Павел вернется в Москву? И еще: о поездке скорее всего могли знать только самые близкие... Узкий круг лиц!»

«Тут вы правы... Это безусловный промах! Пока неясно, какие это может иметь последствия?»

«Для него? Самые печальные. Вы сами убедитесь... И очень скоро!»

На повороте машину занесло — шофер чертыхнулся.

— Ну и трасса!

«Логически трудно объяснить, почему анонимку сле-

дует отправлять одновременно с адресатом, с того же вокзала и, наверное, с тем же поездом... И писать на почте, на телеграфном бланке? — Денисов, участник игры, находил все новые несообразности, обосновывавшие его версию, и излагал их несвойственным ему, напыщенным слогом. — Другое дело, если сам уезжаешь почным поездом и некуда убить время...»

На маленькой улице, у Института теоретической и экспериментальной физики, против башенок бывшего монастыря, Тулянинова открыла глаза, сказала тихо — Красиво!

Денисов посмотрел на часы: начало шестого.

Шофер остановил машину.

— Приехали.

— Видимо, тот дом, — сказал Денисов. — Пятнадцатизэтажный... Пошли.

— Мне с вами идти? — спросил шофер «газика».

— Не надо. Жди здесь.

Подъезд дома оказался просторным, с мрачноватым пустым вестибюлем и тусклой нишей. Сбоку на стене висел список дежурных. Денисов нашел в нем фамилию Кожуховых. Семья телеграфистки должна была дежурить по подъезду.

— Получилось удачно... — сказал он.

Антон вызвал лифт, скользивший без особого шума. Все трое поднялись на пятый этаж. Здесь было светло и забко. Одна из форточек в окне оказалась забитой занерой.

— Подождите там, — Денисов показал Люде на площадку маршем ниже. — Не так дует... Я думаю, скоро все выяснится.

Тулянинова послушно спустилась вниз. Денисов коротко позвонил. Подождал, позвонил снова.

— Кто там?

— Вы дежурите по подъезду? — спросил Денисов.

Дверь открыла Кожухова, в халате, в наброшенном на плечи пальто. Денисов сразу вспомнил ее — длинная, с подкрашенными зелеными веками.

— Вы? — Телеграфистка их узнала. — Что-нибудь случилось?

— Ничего. — Антон постарался ее успокоить. — Нам надо поговорить. В ночь на шестое вы работали?

Кожухова беззвучно зашевелила губами.

— Дело в том... — принялся он объяснять. — Что возникла необходимость проверить некоторые обстоя-

тельства. В вашем почтовом отделении писалось анонимное письмо. На телеграфном бланке...

— Анонимное?!

— Я сейчас объясню. Вы сидели за окошком?

— Ничего не могу вспомнить. — Она поежилась. —

Закурить найдется?

Антон достал «Беломор».

«Какой вред здоровью будущего ребенка!..» — вспомнил Денисов.

Антон щелкнул зажигалкой — Кожухова глубоко затагнулась.

Теперь Денисов отчетливо представлял, какое место отводилось фразе о вреде табака на планшете преступника, совершившего кражу портфеля у студентки на Казанском вокзале.

«Она предназначалась конкретному человеку... Соединнику. Дело в том, что студентка из Ужгорода не курила! Этой фразой жулик готовил комплимент: «Это так редко в наш испорченный век!..» Или что-то в этом роде. — Пока Сабодаш и Кожухова разговаривали, Денисов продолжал моделировать поведение преступника. — Потом он должен был обязательно посетовать: «Так трудно в наше время выбрать скромную девушку, настоящую подругу жизни...» Ему необходимо было, чтобы случайная попутчица сама вывела прогноз его будущего поведения, узнав, что он одинок и скромен...»

«Студентка упростила его задачу — оставила портфель, пошла звонить. А если б не ушла, — Денисов посмотрел на лестницу, где маршем ниже их ждала Тулянинова, — чтобы завладеть ее деньгами, наверное, предложил бы ей руку и сердце? Поехал бы с ней в Ужгород?!»

Телеграфистка силилась, но никого не могла вспомнить.

— Как назло...

— Конечно: едет много людей! — Антон, казалось, был готов к этому. — К тому же столько времени прошло!

«Они и термина такого не слыхали — «брачный аферист»!» — подумал Денисов. — Для нас это из прошлого века, из рассказов Чапека да фельетонов. И вероятность встречи с ним была не больше, чем столкновения с шальным метеоритом.

Денисов смотрел в спокойное лицо с зелеными подкрашенными веками.

— Наверное, помните другого? — спросил Денисов. — Он в ту ночь был в почтовом отделении. В бархатном пиджаке, однотонная серая сорочка... — Вместо примет преступника Денисов намеренно давал приметы исчезнувшего Иванова.

— В шляпе?! — Кожухова улыбнулась. — Так бы и сказали... Это же Павел! Работник МИДа!

— Он уезжал?

— В Донецк. Ночным скорым...

— Вы познакомились на почте?

— Ну! — Она затянулась.

Пока Антон уточнял детали, Денисов спустился этажом ниже. Тулянинова стояла у лифта. Она все слышала.

— Не понимаю... — Люда развела руками. — Выходит, Павел врал? И про детский сад, про родителей? И про банкетный зал?

Денисову показалось, она бесконечно устала.

— Вы можете мне с билетами? — сказала она наконец. — Я уеду.

— В Красный Лиман?

— В Кривой Рог.

— К дяде?

— У меня нет родителей.

Она отвернулась.

«У подлецов поразительный нюх на сирот. — Денисов не раз в этом убеждался. — Подлецы паразитируют на людях с тяжелым детством и еще на мошенниках, подобных им самим. Эти вторые всегда намереваются извлечь для себя выгоду из ситуации, а в результате попадают в ловушку сами...»

Тулянинова достала платок, вытерла лицо.

— Подождите в машине, — попросил Денисов.

«Павел надеялся заполучить и те деньги, что Туляниновой выслали из Кривого Рога, которые сейчас при ней... — размышлял Денисов. — В то время, когда она звонила несуществующему Шульману и его друзьям, чтобы пригласить их в «Прагу», он выкрал из камеры хранения вещи, а потом, видимо, ждал Тулянинову на станции метро «Коломенская». К счастью, они не встретились...»

Выше этажом Антон все еще разговаривал с телеграфисткой.

«Следующей жертвой должна была стать эта Кожухова... — подумал Денисов. — Преступник постоянно

завязывал новые знакомства. Рыжая кассирша из Красного Лимана... Но та отпала, ждала свекровь, возможно, носит кольцо. Тогда он обратил внимание на Люду. Потом студентка на Казанском вокзале... — Одно не укладывалось в прокрустово ложе этой версии — анонимка. — Записка с угрозой, которую он сам себе послал, скорее всего должна была всегда объяснять возможную причину его внезапного исчезновения... Отсрочить начало розыска! Даже мы с Антоном поколебались, связав анонимку с несчастным случаем на Затонной улице, не имеющим к брачному аферисту никакого отношения...»

Денисов дождался, когда дверь подъезда внизу тихо закрылась, поднялся к Антону.

Сабодаш говорил о пустяках, не задавал Кожуховой никаких новых вопросов: профессиональная этика, как понимал ее Антон, запрещала ему реализовать версию, принадлежащую другому. С появлением Денисова он сразу замолчал, предоставив ему сделать это самому так, как он сочтет нужным.

— Павел долго пробыл на почте? — спросил Денисов.

— Всю ночь.

— Влюбился?

Кожухова поправила волосы.

— Сражен наповал. Это его слова.. — Она улыбнулась. — Труднее всего исцелить ту любовь, что вспыхнула с первого взгляда. Забыла, чей афоризм...

«По крайней мере, Кожухова, кажется, не будет особенно переживать, когда все выяснится», — подумал Денисов.

— Вы пригласили Павла домой? — спросил он.

— Да.

— Познакомили с мамой...

— С отцом. Главный у нас — папа!..

Рисунок был знаком.

— Состоялся серьезный разговор?

— Очень.

— А именно?

— Павел предложил руку и сердце... — Она оглянулась, бросила окурок под лестницу. — Ему предстоит аккредитование... А правительства, сами знаете, предпочитают видеть у себя семейных дипломатов.

— Потом Павел уехал?

— У него дядя в Донецке. Детей своих нет, Павел ему как родной сын... Вернулся сегодня.

За дверью послышался шорох — Денисов насторожился.

— Он здесь...

— Папа оставил его ночевать. В своем кабинете. — Глаза под зелеными веками вспыхнули. — С утра мы должны поехать за кольцами...

Сабодаш погасил «Беломор», но Денисов, не ожидая его, осторожно отстранив Кожухову, уже входил в квартиру.

ПОДСТАВНОЕ ЛИЦО

I

— Двести первый! Срочно позвоните дежурному! — проснулась скрытая под курткой рация. — Прием...

Треск в микрофоне лишил говорившего эмоции. Электронное табло на стеклянном кубе нового здания показывало: «04.15». К утру мороз усилился. Высвеченный пронзительным неживым светом перрон казался безлюдным: несколько отъезжающих, носильщики.

«Что-то произошло... — понял Денисов. — Антон не решается объявить по рации».

Денисов зашел в справочную. Верхний свет в ней не горел. За столом дремала женщина.

— Мне надо позвонить.

— Звоните, — она кивнула на телефон.

В отделе трубку поднял Сабодаш — Денисов догадался по секундной паузе, после которой Антон назвал себя:

— Дежурный по отделу капитан Сабодаш...

Продолжительность пауз была определенной.

— Денисов. Слушаю,

— Тревожный сигнал. Не знаю, с чего начать... — Было хорошо слышно, будто оба они находились в одном помещении.

— Что случилось?

— Из камеры хранения пропала переписка.

— Письма?!

— Три десятка страниц, не предназначенных для посторонних глаз...

— Какая камера хранения?

— Автоматическая.

— Бывает: положили не в ту ячейку.

— Все сложнее. За письмами охотились...

Готовилась к отправлению электричка. Насквозь промерзшая — всю ночь простояла у платформы. Хрупкая наледь блестела на вагонах черными косыми полосами.

— Когда это случилось?

— Ночью. До трех пятидесяти.

— А заявитель...

— Это — женщина.

Денисов подумал.

— Замужняя?

— Да.

— А адресат? Не муж.

— Не муж. Тоже семейный. Сейчас его нет в Москве. Но дело не в нем. Муж заявительницы год назад покушался на ее жизнь. Ревность.

Пока Денисов думал, как поступить, Антон охарактеризовал обстоятельства, какими они представлялись:

— Распадающаяся, по существу, мертвая семья. У женщины есть человек, которого она любит, и, кажется, взаимно. Но человек этот женат. Она и рада бы уйти к нему, с другой стороны, что-то держит ее и при муже. Скорее всего ребенок. История не новая...

— А уголовное дело в отношении мужа? По поводу покушения.

— Прекратили. Она взяла назад заявление.

Ситуация прояснилась.

— Как джинна выпустить из бутылки. Эти письма... — сравнил Антон.

— Муж мог за ней следить?

— Нет. Он сейчас тоже в отъезде, вернется сегодня к вечеру. Она уверена, что письма выкрали, чтобы передать ему. А он, по ее словам, способен на все.

— А может, цель похитителя не она? А адресат?!

— Не знаю.

— Женщина сейчас у тебя?

— Поехала к матери. Пытается что-нибудь предпринять...

Электричка за окном наконец двинулась от платформы, с места набрала скорость. Снежные буранчики побежали по вагонным крышам. Антон продолжал что-то говорить.

«Несчастье», — уловил Денисов, и слово это, произнесенное раздельно: «не счастье», — вдруг обнажило скрытый, но четко определенный смысл: «Нет счастья!»

— Жду у автоматической камеры хранения. — Антон принял решение. — А помощник на всякий случай начнет связываться с соседними отделениями.

Выйдя из справочной, Денисов поднял воротник, прямиком, через площадь, направился к центральному зданию. Начинался новый день. Еще одна электричка на соседнем пути, такая же промерзшая и пустая, словно согревая себя, прерывисто и часто застучала компрессорами.

Еще сверху, с эскалатора, Денисов сразу увидел Сабодаша.

Антон возвышался в глубине отсека, в узком лабиринте металлических ячеек. Он был без шинели, в тесноватом кителе, смешно обрывавшемся с живота и туго натянутом на бедрах. Заметив спускавшегося по эскалатору Денисова, быстро пошел навстречу.

— До вчерашнего дня переписка хранилась у его брата. Он живет в Соколовой Пустыни. Вчера вечером по просьбе заявительницы Николай — так его зовут — привез письма на вокзал.

— Зачем?

— Вдруг испугалась, что их у него выкрадут. Она сама тебе все объяснит. Говоря коротко: ей было бы спокойнее, если бы она узнала, что письма уничтожены.

«А вместо этого положила переписку в ячейку», — подумал Денисов.

В одном из отсеков раздался пронзительный зуммер: дежурная по камере хранения помогала открыть ячейку кому-то из пассажиров, забывшему или перепутавшему шифр.

— А все-таки? — спросил Денисов. — Что тебе известно?

— Работают вместе, в одном НИИ. Она — младший научный сотрудник... — Они шли вдоль длинной вереницы автоматов. — Химик или физик. Адресат — тоже научный работник. Сейчас он в командировке... — Антон огладил китель на груди. — Нам сюда!

Они прошли мимо пожилой пары, негромко выяснявшей отношения.

— А ее муж? — спросил Денисов. — Он работает в том же институте?

— Кажется, в другом. Не знаю. Мы разговаривали минуты четыре. Не больше. Сейчас она будет здесь.

— Переписка лежала в ячейке вместе с другими вещами? — Происшествие все еще казалось маловероятным. — Может, охотились за чемоданом, а бумаги прихватили заодно?

— В ячейке находились только письма. В конверте.
— Адрес на конверте был?
— Адрес нетрудно установить. Там поздравительные открытки к праздникам, телеграммы... Это здесь, — Антон показал дальше, в отсек.

Окрашенные в стальной цвет, безликие ящики с трехзначными номерами тянулись в глубь лабиринта.
— Странная история, — сказал Денисов.
— И все-таки переписку кто-то держит в своих руках!

Антон помолчал, обдумывая мысль.

— Все преступления безнравственны, я считаю... — Историк по образованию, он так и не стал бесстрастным знатоком права. — Но шантаж, по-моему, одно из наиболее отвратительных! Знаешь, Денис...

Зуммер в соседнем отсеке прекратился. Дежурная по камере хранения, молодая рыхлая женщина в очках, прошла мимо, на ходу поздоровалась с Денисовым.

— Утром я останусь. Мы просто обязаны... Можешь располагать мною. Договорились?

— Будет видно.

Злополучная ячейка оказалась недалеко от угла, в последнем ряду. На памяти Денисова с ней никогда не было никаких неприятностей.

— Кто набирал шифр? — спросил он. — Заявительница? Или Николай?

— Николай, кажется. Дал ей посмотреть шифр и захлопнул дверцу.

— Что они делали дальше?

— Зашли в ресторан. В три пятьдесят он пошел к электричке, а она — в камеру хранения.

— Николай куда-нибудь отходил в течение ночи?

— Несколько раз...

Где-то рядом снова раздался зуммер. Дежурная приближалась с другой стороны отсека.

Не дождавшись конца фразы, Денисов закончил сам:

— Потому, обнаружив пропажу, заявительница побежала к электричке. Решила, что Николай передумал и увозит переписку назад, в Соколову Пустынь.

— Сложность заключалась в том, что ни брат Сергея, Николай, ни я не знали друг друга...

Женщина на секунду взглядом соединила вместе обоих находившихся в комнате сотрудников милиции.

Сабодаш за столом делал для себя короткие записи, Денисов молча слушал.

Пропажа писем не выглядела заурядной кражей, и вокзальные вору, видимо, не были в ней повинны.

— Я посылала письма в Соколову Пустынь, когда бывала в отпуске или в командировке. Сергей часто навещал брата, и мы договорились, что удобнее и надежнее будет писать туда. Но мы с Николаем никогда не встречались. Так что со своей просьбой я ему свалилась как снег на голову. — Она через силу улыбнулась. — Здесь у вас зябко? Или мне кажется?

В кабинете уголовного розыска к утру действительно становилось прохладно. Денисов нагнулся, молча включил обогреватель. Свет в кабинете дрогнул.

— Минут через десять будет теплее.

— Спасибо. — Женщина растерянно улыбнулась.

— Не стоит, — ободрил Антон. — Рассказывайте подробно. Не опускайте никаких деталей.

Денисов исподволь изучал гостью. На вид ей было не более двадцати пяти. Резкие линии лица, узкие губы. Круто обрывавшиеся надбровья, отчего глаза казались глубоко запавшими. Короткие волосы, челка падала на лоб. Руки, длинные, с тонкими пальцами, все время теребили ремешок сумки.

«Одета со вкусом, — подумал Денисов. — И держится довольно твердо».

— Вы говорили с Николаем по телефону? — спросил Антон.

— Да. Два раза. В обоих случаях его подзывали — там, где он работает, телефона нет.

— Кто за ним ходил?

— Мужчина. Оба раза один и тот же.

— Вы звонили из дома?

— Нет.

— Кто-нибудь мог об этом знать?

— Думаю, нет. Я звонила в Соколову Пустынь из отделения связи на Дубниковке.

— Приезжали специально для этого?

— Да.

— Николай сразу согласился?

— Нет. Сначала Николай и слышать не хотел ни о каких письмах. Я, как могла, пыталась его убедить... — Она не сняла сумку, так и держала ее перекинутой через плечо. — Наш первый разговор закончился ничем. Во второй раз я все-таки объяснила, что мне крайне

необходимо хотя бы одно мое письмо. Из Пицунды. Отправленное две недели назад.

— Вы отдыхали в Пицунде?

— Да. Написала оттуда, как обычно, на адрес брата.

— Николай поинтересовался: «Зачем оно вам?»

— Я сказала, что в нем запись, необходимая при расчетах. Настоящую причину я не могла открыть — не хотела его расстраивать. К счастью, Николай поперил.

— И привез всю пачку?

— Просто он не мог найти то письмо. На это я и рассчитывала.

— Когда Николай приехал на вокзал? — Разговор шел Антон.

— Без двадцати десять.

— В двадцать один сорок...

— Ему пришлось после работы добираться автобусом до Каширы, потом электричкой.

— Дальше.

— Я ждала у головного вагона. Он сразу подошел: я описала по телефону, как буду одета.

— Кто-нибудь находился в это время неподалеку от нас, у электропоезда? Не заметили?

— Пассажиров в электричке было много. Возможно, кто-то следил за нами... Не обратила внимания. В Москве Николай стал сговорчивее. Я предложила поужинать — знала, что он любит выпить. Чтобы как-то заранее примирить его с тем, что письма останутся у меня, я предложила положить их в автоматическую камеру хранения.

— Тонко, — признал Антон.

— Мы спустились в зал для автоматов, нашли свободную ячейку.

— Николай решил, что не уедет сразу?

— Он все равно не успевал на последний автобус. Пришлось бы ночевать в Кашире, на вокзале. Мы зашли в ресторан, в центральном здании. Заказали ужин, водки. Сама я не ела, не пила. Боялась, что он передумает. — Пальцы ее задвигались, она поправила ремешок сумки. — Сидели до закрытия, потом перешли в зал ожидания. Остальное знаете.

— А как Николай?

— Он даже не вспоминал о письмах, — она снова поправила сумку. — Николай — сводный брат Сер-

гея. Старше на одиннадцать лет. Полная его противоположность.

— Как он вел себя в ресторане?

— Захмелел. Рассказывал о работе, всякие смешные случаи.

— Кем он работает?

— Механиком в доме отдыха.

За окном застучали компрессоры очередного сцеха. Электрички следовали теперь одна за другой. Короткий ночной перерыв в службе движения закончился.

Денисов поднялся из-за стола, подошел к окну. Происшедшие события, действующие лица, их связи, мотивы поведения — все было расставлено по местам. Оставалось уточнить профессиональные детали, которые упустил Антон.

— Кто набрал на ячейке шифр?

Женщина обернулась к нему.

— Николай. Восемьсот девяносто шестая ячейка.

— Расскажите об этом подробнее.

— Я стояла сбоку. Он подозвал меня, показал шифр. Письма лежали в одном большом конверте.

— А кто клал конверт в ячейку?

— Я. Справа, за выступ. Записала шифр. «Б-042». Потом Николай захлопнул дверцу. Мы уже отошли, но он вернулся — проверить, хорошо ли закрыт ящик. Подергал ручку...

— Он — действительно Николай?

— Да, — она удивленно взглянула на него. — А моего друга действительно зовут Сергеем. Фамилии обоих — Максимовы...

Денисов снова заглянул за окно.

На перроне было все еще по-ночному освещенно и пусто. Ближайший к окну светильник был неисправен, наполнен подслеповатым фиолетово-розовым излучением. Другие светильники словно прошли эту изначальную стадию яркости к пронзительной — заливавшей пустой перрон.

— Значит, имена и фамилии настоящие?

— Почему вы спрашиваете?

— Дело в том, что начало шифра, как правило, — первая буква имени или фамилии.

— Друзья называют меня Беатой...

— Это было бы логично, если бы вы сами набрали шифр.

Антон нехотая вмешался в разговор;

— Заявление привезли?

— Нет. Я должна посоветоваться с Сергеем. Дело ведь касается не только меня... Вы должны понять!

Она вынула из сумочки пачку «БТ».

Антон шелкнул зажигалкой.

— Благодарю.

— Кто знал, что вы пишете Максимову на адрес его брата, в Соколову Пустынь? — спросил Денисов.

— Только в нашем НИИ... — Она затянулась.

— Сергей несколько раз забывал письма на столе. Их подбирали, клали ему в ящик. Мой почерк многие знают.

— Максимов сам рассказывал вам об этом? Или кто-то еще?

— Да, сам Сергей.

— А ваш муж? Он не с вами работает?

— Раньше работал. Три года назад перешел в другое место.

— Значит, у вашего мужа остались знакомые в НИИ? Друзья, недоброжелатели.

— Конечно. Недоброжелателей даже больше. Он потому и ушел.

— Подозреваете конкретных лиц?

— Безусловно. Хотя у меня нет доказательств. Единственно... — Она закусила губу. — Я не хотела, чтобы вы с этим делом приезжали в институт. Все сразу поймут. Чем меньше людей посвящено, тем лучше. Если можете что-то сделать — помогите, но чтобы об этом никто не знал.

Антон прошелся по кабинету.

— Вы сказали, что муж приезжает сегодня.

— Сегодня вечером. Завтра ему уже могут показать мои письма Максимову.

— Кто-нибудь, кроме вас с Николаем, находился в отсеке, когда вы клали конверт? — спросил Денисов.

Она подумала.

— Какой-то мужчина... Он стоял у крайней секции. Против нас.

— Сможете показать где?

— Думаю, да. Молодой мужчина в полушубке. С лимонами в авоське. Он поглядывал на нас... Да! Черный такой полушубок. Черный!

Несмотря на ранний час, свободных ячеек в автоматической камере хранения не было. У входа в зал стоя-

ло несколько человек, они внимательно следили за входившими.

— Брать вещи? — спросил кто-то у Денисова.

— Пока нет.

— Жаль. — В очереди засмеялись.

Спутница Денисова и Сабодаша решительно шагнула вперед, в отсек.

— Здесь.

Ячейка оставалась запертой.

— Открыть? — Она набрала шифр. Запорное устройство сработало почти бесшумно. Беата потянула за ручку, узкая дверца легко подалась в сторону.

— Как вы стояли у ячейки? — спросил Денисов.

— Я здесь. Николай — там, где вы сейчас.

— Долго пробыли в отсеке?

— Минут пять.

— А где стоял мужчина в полушубке?

— Там. — Она показала на секцию метрах в трех справа. Все дверцы в ней были заперты. Из зеленых лампочек, указывающих наличие свободных мест, не горела ни одна.

— Вспомните, какая из ячеек была тогда открыта?

— По-моему, средняя, во втором ряду.

Несколько пассажиров прошли мимо в поисках свободных ячеек. По меньшей мере трое были с авоськами, набитыми лимонами.

Беата взглянула на часы.

— В девять я должна быть в институте. Кроме того, надо заехать домой, как-то все объяснить...

— Оставьте ваши координаты, — предложил Денисов.

Женщина вынула из сумки листок бумаги, оторвала узкую полоску. Антон подал авторучку.

— Спасибо. — Она нацарапала две строчки цифр. — Вам могут сказать, что я еще в отпуске, но я уже вышла. Со вчерашнего дня. Я тоже буду вам звонить. Телефон у меня есть.

— Да, вот еще: письма подписай?

Она замялась.

— Только некоторые.

Минуту спустя Денисов увидел ее на эскалаторе среди поднимающихся из зала. Она держалась свободно и прямо. Уже сверху, обернувшись, женщина нашла

изглядом обоих сотрудников и неожиданно смело пома- хала рукой.

— Может, надо так... — Антон испытывал безотчет- ное расположение к молодым нестандартным заявитель- ницам. — Когда обращаешься к незнакомым мужчинам с тем, чего не доверишь даже подруге...

Они подошли к секции, у которой ночью стоял пас- сажир, показавшийся Беате подозрительным.

— Надо прислать сюда младшего инспектора. — Денисов оглянулся, подыскивая удобное место для наб- людения в конце отсека, — на случай, если этот пас- сажир придет за вещами.

— Может, в ячейке уже вещи другого.

— Я и говорю: «на случай»... Кроме того, надо по- говорить с дежурной по камере хранения, пока не ушла.

— Тебя что-то смущает?

— Шифр! «Б-042».

Антон удивился:

— Разве мы не вольны выбрать любую букву или цифру?!

— Дело в том, что «Б» встречается примерно в се- ми случаях из ста. — Денисов достал блокнот, полистал, нашел свои выкладки. — А «ноль» на втором месте по- сле «Б» — только в четырех... Так же нечасты в этой комбинации и две другие цифры. Так что... Набирал человек сведущий, он принял меры, чтобы не подобрали шифр.

Антон не понял:

— Для тебя шифр — в какой-то мере характери- стика?

— Как сказать... Скорее тест. Шифр Николай выбрал сложный. А между тем, как ты слышал от заявитель- ницы, цифры и буква выбраны были одномоментно, экспромтом.

2

Дежурная по камере хранения сладко спала, сидя в служебном помещении. Очки лежали на столе. Тяжелое, казалось, напрочь лишенное мускулов тело равномерно вздымалось: ночные бдения давались с трудом.

Услышав шаги, дежурная открыла глаза, привычно поправила одежду, потянулась за очками.

— А, милиция! А мне снится: механики пришли...

— Вчера была выемка вещей из ячеек? — спросил Денисов.

— Была, а как же!

Денисову важно было сейчас проработать все версии, включая случайности.

Правила гласят — одна монета в пятнадцать копеек, брошенная в автомат, дает право на пользование ячейкой в течение трех дней.

Но некоторые пассажиры не приходят за вещами и на четвертый день, и на пятый, и на десятый. Их вещи, пролежавшие больше положенного срока, с соблюдением необходимых формальностей изымают из ячеек, переносят на склад. Потом их выдают владельцам по заявлениям на имя начальника вокзала.

— Ячеек освободили много? — спросил еще у дежурной Денисов.

— Полно...

— Это что, важно? — Антон посмотрел на часы.

— Конечно...

Итак, ночная смена началась в двадцать часов.

Можно было предположить, что ячейка Беаты и Николая тоже освободилась в результате вечерней выемки вещей и пустовала до тех пор, пока в нее не вложили конверт с письмами.

— А из восьмьсот девяносто шестой ячейки вчера изымали вещи? — спросил Денисов.

— Сейчас, — дежурная достала из висевшего над головой шкафчика растрепанную книгу. — Точно, изымали. Портфель и целлофановый пакет. Перенесли на склад.

Женщина собиралась захлопнуть книгу, но Денисов спросил:

— Посмотрите, шифр записан? Тот, на какой тогда была закрыта ячейка?

Палец дежурной скользил по строчке.

— Когда изымаем, шифр обязательно указываем, — она поправила очки. — Пожалуйста... Шифр «Б-042».

— «Б-042»?!

— Да. А вещи на складе. Если за ними вчера не пришли.

Они поднялись в центральный зал, пересекли его, не приметной лестницей снова спустились вниз.

Склад помещался в подвале нового здания. На стеллажах вдоль стен довольно просторного помещения ле-

жали перенесенные из ячеек вещи. Некоторые хранились здесь полгода и даже больше. Пахло ношеной одеждой. За стеной, в насосной, с шумом лилась из крана вода.

— Вчерашние акты? — переспросил заведующий, тихий и терпеливый в общении с милицией. — Присядьте, пожалуйста.

Они остались стоять.

— Вот...

На свет появилась такая же пухлая, растрепанная книга, как у дежурной по камере хранения. Записи были однообразны: «чемодан», «сумка», «пакет целлофановый»... Против каждой указывался номер акта с подробным описанием.

— Какая ячейка вас интересует? — Заведующий повернулся к Денисову, в руках у которого был блокнот.

— Восемьсот девяносто шестая.

— Сейчас найдем... Пожалуйста. Портфель, пакет целлофановый... Изъяли вчера вечером. Что-нибудь еще?

— В какое время закончили выемку из ячеек? — спросил Денисов.

— Часов в семь вечера... Я приехал домой в половине девятого. Так что в восьмом часу.

— Вы сами проверяли ячейки?

— Сам, как положено. С бухгалтером, в присутствии дежурного.

— А шифры не меняли, когда изымали вещи? Или оставляли?

Заведующий покачал головой:

— Не до шифров! Пять тысяч ячеек!..

— Вот и разгадка, — сказал Антон. — Николай воспользовался чужим шифром, оставшимся на ячейке...

Денисов кивнул. Разгадка не давала ожидаемых преимуществ. Буква и три цифры на ячейке — визитная карточка пользователя — были набраны человеком, который не мог предположить, что кто-то еще после него воспользуется этим же шифром.

— По какой причине обычно пассажиры не забирают вещи в положенный срок? — спросил Антон. В конкретном случае он искал суть общей проблемы, но сейчас это вредило ему как сыщику, потому что раскрытие преступления чаще всего требует обратного.

— Бывает, что люди отъедут... — заведующий ненадолго оживился. — Решают вернуться на третий день,

как положено. А не успели. За некоторыми вещами совсем не приходят. — Он махнул рукой на сваленные в кучу на полке учебники, стоптанную спортивную обувь, рюкзаки.

— Двести первый! — Под курткой Денисова уже во второй раз за это утро нетерпеливо пищала рация. Вызывал помощник Антона. — Из зала автоматов камеры хранения доставлен гражданин в черном полушубке.

— Наверное, тот тип все же вернулся за вещами, — сказал Антон.

— Вещи у них украли? — Доставленный не соби-
рался хитрить. — Я сразу понял.

У него было худое красноватое лицо, быстрые глаза. Денисову показалось, что он когда-то уже с ним встречался.

— Далеко едете? — спросил Антон.

— В Старый Оскол, к родственникам.

— А где прописаны?

— По Александрову. — Он достал паспорт, передал Сабодашу. Антон внимательно перелистал документ.

— Вы видели, как в восемьсот девяносто шестую ячейку клали вещи? — спросил Антон после того, как официальное знакомство состоялось.

— Они стояли у ячейки, двое.

— Расскажите, пожалуйста.

— Девушка с мужчиной. Метрах в трех. Где меня сейчас взяли.

— Вы что-то доставали из ячейки?

— Обижаете! Наоборот, клал.

— Что именно?

Мужчина заволновался:

— А что? Свое клал...

Денисов перебил его:

— А те двое?

— Тоже клали. — Доставленный взглянул на свое отражение в стекле, потом внимательно оглядел кабинет.

Денисову показалось, что человек этот, возможно, даже бывал здесь: глаза мужчины задержались на том углу, где года два назад стояли стол и старый пузатый сейф «Миллерь».

— Когда вы были в отсеке, кто-нибудь, кроме вас, находился поблизости? — спросил Денисов.

— По-моему, заглянул один. — Денисову, одетому в штатское, доставленный отвечал уважительным, хотя и по-прежнему независимым, тоном. — Но этот близко не подходил. Прошел по отсеку и назад.

— Какой из себя? — Денисов подумал о младшем инспекторе, дежурившем ночью. — С усами, невысокого роста?

— Да нет, он не из конторы.

— Ишь ты! — сказал Антон.

— Я знаю! На этом все зубы съел... — Как бы в доказательство он предъявил ряд сточенных зубов. — Этот похож на художника. В джинсах, волосатый, в очках... — Он замолчал, ожидая вопросов.

— Сколько ему на вид?

— Лет сорока.

— Встречаться не приходилось?

— Я и не думал, что он такими делами занимается. Не похож!

— Как думаете, мужчина и женщина видели его?

— У ячейки? Женщина боком стояла, могла видеть. А уж он-то их не то что видел — в упор рассматривал. — Не путаете?

Доставленный мотнул головой:

— А чего путать? Потом эти двое в ресторан пошли. Заказали водочки, второе блюдо — дежурное.

— Вы тоже в ресторане были?

— Они от меня вот так сидели. — Он показал на дверь. — А тот, который в отсек заглядывал, за два столика... У окна. Тоже, значит, решил подкрепиться. «Выходит, все собрались в ресторане...»

— Кто его обслуживал?

— Блондинка. Среднего роста, симпатичная... — Он подумал. — Вот еще что! Два перстня у нее... Один камень — рубин, второй скорее всего фальшивый. Очень уж крупный, — доставленный демонстрировал ухватистую память вокзального вора. — Она обслуживала и их и его.

— Мужчина этот выпивал?

— Сто пятьдесят коньячку. Заказал еще салат, что-то мясное. Лангет, по-моему.

Очередной поезд, прибывший к крайней платформе, вызвал тяжелую дрожь во всем здании. Она не успела утихнуть, как от соседней платформы двинулась следующая электричка. Холодная искра в окне осветила контактный провод над моторным вагоном.

— Кто раньше покинул ресторан? — спросил Денисов. — Те двое или тот мужчина?

— Они раньше.

— Вы еще видели его ночью?

— В зале и на перроне. И тех двоих тоже.

— Они выходили на перрон?

— После двух ночи.

— А потом?

— Потом... — доставленный замаялся. — Я задремал... Утром пришел в камеру хранения брать вещи — здесь уже караулят. — Он ухмыльнулся. — Значит, причесал он их? Ну артист! Никогда б не подумал.

— Лицо мне ваше знакомо, — неожиданно сказал Денисов.

— А плакат такой был — «Найти преступника». С фотокарточкой. — Известность явно льстила ему. — Я уж давно наказание отбыл. Завязал, на работу устроился... А меня все помнят, узнают!

Когда Антон с доставленным вышли, Денисов подвинул телефон, автоматически набрал номер. Трубку взяла жена.

— Квартира Денисовых? — спросил он бодро. — Что нового? Какие сны показывают?

— Разные, — хмуро сказала Лина.

— Например?

— Как некоторые отцы манкируют обязанностями. Наташе еще во вторник велели принести в садик...

— Маску зайца. Помню. Сегодня же еду в «Детский мир». Еще!

— Ты скоро?

— Пока неясно.

— Догадалась по звонку... Если в это время ты звонишь — значит, задерживаешься... С Наташей будешь говорить?

— Некогда...

Вернулся Антон.

— Я тут коротко подытожил... — Он пригладил маленькие рыжеватые усики, достал «Беломор». — Теоретически версий много. В зависимости от того, кто и с какой целью может воспользоваться компрометирующими письмами. Тут и со стороны Беаты, и со стороны Максимова, и доброхоты, которые в таких случаях всегда находятся...

— И прямые недоброжелатели.

— Если мы примем все во внимание, мы увязнем.

— Нет-нет! У нас одна цель — предотвратить преступление! Не допустить самого страшного.

Антон согласно кивнул:

— Вот и я думаю! А там — заинтересованные стороны пусть разберутся в своих отношениях сами! Так?

Денисов снял с вешалки куртку.

— Так. Сейчас стоит вернуться на склад, поинтересоваться вещами, изъятыми из восьмьсот девяносто шестой. Будем хотя бы знать, как обстояло дело с шифром. Кто им пользовался.

Как и большинство старших коллег, Денисов старался не упустить ни одной возможности узнать обстоятельнее о деталях совершенного преступления, какими бы второстепенными и незначительными они ни казались вначале. Потом это всегда вознаграждалось с лихвой. Так же в свое время поступал и Кристинин, которого Денисов не переставал ставить себе в пример.

Они спустились вниз, на перрон. Утро казалось мгlistым, ветреным. Над стеклянным кубом нового зала нависала светло-серая полоса — морось. От платформ к метро нескончаемым потоком шли пассажиры электричек, те, кто жил в Подмоскowie, а работал в Москве.

— Ты записал ее адрес? — снова заговорил Антон, когда они подходили к залу.

— Адрес и телефоны.

— Надо обязательно обзвонить.

— Ее еще нет на работе.

— Я имею в виду: сразу после десяти. А вдруг муж уже приехал?! Если что-нибудь произойдет, мы узнаем последними, транспортная милиция! Никому и в голову не придет, что она к нам обращалась... А может, уже и произошло?!

Они прошли в зал для транзитных пассажиров, повернули к служебному проходу в подвал. За дверью, рядом с лестницей, на стене висел аппарат прямой связи с отделом внутренних дел: «Пассажир — Милиция».

— Подожди, Денис, — Антон подошел к аппарату, нажал на кнопку. Усиленный динамиком голос в дежурной части тотчас сообщил:

— Отдел внутренних дел. За дежурного. Помощник...

— Все тихо? Сабодаш говорит. Взгляни в свежие ориентировки по городу.

Помощник засуетился.

— Сейчас... «Самочинный обыск в Строгине. Один

из преступников в короткой японской куртке «Новорекс» с капюшоном, другой ~~в~~ в плаще...» Обыск был вчера утром, заявили только сегодня.

— А что на телетайпе?

Срочные сообщения, как правило, шли по телетайпу.

— Сейчас... — Помощник на какое-то время исчез — отходил к аппарату. Потом появился. — Есть! Слушаете? «Убийство из ревности»!

«За убийство из ревности своей жены — гражданки К...» — Он запнулся, потеряв строчку.

— Дальше!

— Сейчас. «...Разыскивается ее муж...»

— Когда совершено убийство?!

— Сейчас! «Ниже среднего роста, лицо овальное... Особые приметы... Одет...» Минуту!

— Смотри в самом начале!

Аппарат затих.

— Ну! — Антон с силой нажал кнопку. — Где ты?!

— Я здесь... Нашел! Позавчера в двадцать три сорок... В Чиланзарском районе города Ташкента. «Преступник имел намерение выехать в Москву...»

Антон достал платок, вытер струившийся у него со лба пот.

Когда Денисов и Сабодаш вновь появились на складе, заведующий разговаривал по телефону. Увидев входящих сотрудников милиции, он сказал в трубку:

— Извини. Я перезвоню.

— Вещи пока на складе? — спросил Денисов, увидев, что заведующий освободился.

— Из восьмьсот девяносто шестой? — Он был уверен, что это проверка, но вида не подал. — Здесь.

— Можно взглянуть?

— Конечно.

Заведующий подошел к ближайшему стеллажу, к полке, сплошь заставленной вещами.

Неожиданно он рывком дернул чемодан, ничем не отличавшийся от остальных, и резко поставил на стол. Так же быстро отыскал на полке яркий целлофановый пакет и скромно отошел в сторону.

— Пожалуйста.

Потускневший замок открылся без ключа. Денисов посмотрел акт, сверил с содержимым.

— Хрустальная ваза, салатница. Два новых импортных зонтика.

В целлофановом пакете лежали завернутое в простыню новое замшевое пальто и куртка.

— Хорошие вещи. — Заведующий смотрел куда-то поверх голов сотрудников милиции. — За ними обязательно придут.

— Сколько примерно изъятых вещей идет на возврат? — любопытствовал Антон.

— Процентов восемьдесят. А может, все девяносто, — заведующий не мог возобновить прерванный разговор по телефону, и теперь то и дело поглядывал на аппарат. — Как когда, одним словом.

— Кто же эти люди? — продолжал интересоваться Сабодаш. — Москвичи, иногородние?

Денисов придвинул к себе книгу с перечнем вскрытых ячеек и изъятых вещей: «чемодан», «целлофановый пакет», «сумка»... Часть записей была перекрещена красным карандашом: «выдано», «выдано»...

— У нас строго, — заведующий сразу оставил разговор с Антоном. — Все учтено. Я сам слежу.

«А раньше, интересно, изымались вещи из восьмьсот девяносто шестой?» — подумал Денисов.

— Помочь вам? — Заведующий забеспокоился.

Но Денисов уже нашел то, что искал: «Ячейка 896». Запись относилась к предыдущей выемке.

«Акт № 143

Коробка картонная, баул...»

— А эти вещи? — спросил Денисов. — Они тоже здесь?

— Выданы, — заведующий показал на отметку карандашом. — Это прежде тут кавардак был.

Денисов проследил глазами строку. Самое удивительное открытие ждало его в графе: «Шифр, на который была закрыта ячейка».

«Б-042»!

Снова тот же шифр!

— Я хотел бы увидеть этот акт и расписку. — Денисов подвинул книгу Антону. — Смотри...

— Ничего не понимаю, — признался Сабодаш. — Фантастика какая-то!

На стеллаже среди бумаг легко нашлись и акт, и расписка. Документация склада велась идеально.

— «Банка черной икры 0,5 кг», — прочитал Денисов. — «Пиджак мужской, кожаный, черного цвета, новый, 56-го размера».

Антон попросил разрешения закурить.

— «Транзистор ВЭФ-206», «Бумаги»...

— Странно. Когда владелец получил это? — спросил Антон.

— Как раз вчера.

— Выходит, и предыдущий пользователь унаследовал ячейку вместе с шифром! — Антон ткнул «Беломор» в замысловатую чугунную пепельницу из «невысчитанных». — По системе парных случаев... Один не меняет шифр в ячейке, второй тоже оставляет...

Заведующий посмотрел недоверчиво. Он ни минуты не сомневался в том, что настоящая цель раннего визита милиции — он сам и его склад, поэтому молча отсутствовал, стоя со скрещенными на животе руками.

— Эти вещи были выданы гражданину Баракаеву Ивану Федоровичу... — Денисов переписал в блокнот установочные данные пользователя ячейки. — «Улица Просвирина, дом... Паспорт, серия... Претензий не имеется...»

3

Денисов придвинул телефон, набрал двузначный номер.

— Справочная? Домашний телефон, пожалуйста... Баракаев И. Ф. Да, Баракаев. Улица Просвирина. Записываю...

Через минуту он снова вращал телефонный диск.

— Алло, — трубку снял обладатель приятного баритона: предположительно, крупного сложения мужчина, до сорока лет, возможно, связанный со сферой обслуживания.

— С вами говорит Денисов из уголовного розыска...

Абонент, не перебивая, выслушал полный титул Денисова, включавший, помимо фамилии, еще одиннадцать слов.

— Здравствуйте...

— Я по поводу вещей, полученных вами в камере хранения вокзала.

— Могу я вам перезвонить? — спросил Баракаев после некоторой заминки. — Ваш номер?

Денисов назвал номер, положил трубку, подождал. Никто не звонил. Он связался с дежурной частью, предупредил Антона — на тот случай, если Баракаев захочет проверить телефон через «02». Заодно попросил помощника дежурного передать по вокзалам перечень

пзъятых из 896-й ячейки и невострєбованных пока пеней.

— Возможно, эти чемоданы, целлофановые пакеты разыскивают. Может так быть?

— Может. Сейчас же передам... — заверил помощник.

Баракаев позвонил через несколько минут. Видимо, проверил все-таки номер телефона Денисова.

— Это Баракаев.

— Вы получили на вокзале со склада вещи, перепесенные из автоматической камеры хранения...

— На вокзале? — Баракаев удивился. — Вы что-то спутали.

— На складе ваша расписка, серия и номер паспорта.

— А-а, вот оно что. — Баракаев быстро пошептался с кем-то, находившимся рядом с ним на другом конце провода. Потом его приятный баритон снова возник в трубке: — Видите ли, неделю назад у меня украли паспорт. Понимаете? А сегодня утром, прямо перед вашим звонком, мне принесли телеграмму. Вот: «Приезжайте за паспортом десяти часам аэропорт Внуково ресторан-два». Представляете?

— Любопытно.

— Послушайте. Я по профессии адвокат. У меня машина. Съездим вместе?

Денисов задумался. Альтернативы предложению Баракаева у него не было. Да он и не представлял пока, с какой еще стороны подступить к делу.

— Со мной будет коллега, капитан Сабодаш. — Денисов посмотрел на часы. — Мы оба в гражданском. Ждем у входа в центральный зал. Какая у вас машина?

— «Жигуль» последнего выпуска, 04-06. Голубого цвета. Выезжаю через пять минут.

— Договорились.

Вошел Антон, сдавший дежурство и уже успевший переодеться.

— На телетайпе ничего нового? — спросил Денисов.

— Представь себе, такая же ориентировка, как вчера. По закону парных случаев.

— Снова из ревности?! — Денисов почему-то подумал об убийстве.

— Да нет! Самочинный обыск в Строгине, помнишь? На этот раз такое же дело в Курске.

— Гастролеры?

— Скорей всего. На обоих обратили внимание еще с вечера. В железнодорожном ресторане. Опять короткая японская куртка «Новорекс» с капюшоном, второй в плаще...

— Это не парные случаи, действия одной и той же преступной группы. — Денисов положил перед собой бумажку с телефонами утренней заявительницы.

— Собираешься звонить Беате? — Антон кивнул на номера телефонов.

— Сначала кое-что уточню...

Он проверил оба номера — ответ его успокоил:

— Телефоны установлены в НИИ физики металлов Академии наук, — сообщили из справочной.

Он набрал первый номер, поздоровался.

— Здравствуйте... — У телефона оказалась женщина. — Вам кого?

— Будьте добры Беату.

— Беата в отпуске. Кто спрашивает? А? — Женщина сразу заинтересовалась. — По какому вопросу? Что-нибудь передать? Откуда вы?

— Из ФИАНА, — назвал он первое пришедшее на ум. — Я еще позвоню. Она скоро будет?

— Пока отдыхает.

— Счастливый человек. Не будет нескромным, если я спрошу: «Где?».

— Не будет, — женщина была разочарована.

Денисов не стал ни о чем больше расспрашивать, набрал другой номер.

— Я слушаю...

Он сразу узнал голос.

— Это Денисов, с вокзала.

— Очень рада вашему звонку. — По голосу он понял, что не все в порядке.

— Что случилось?

— Мне позвонили из проходной, что заезжал мой муж. Звонил сюда. Ему сказали, что меня еще нет на работе.

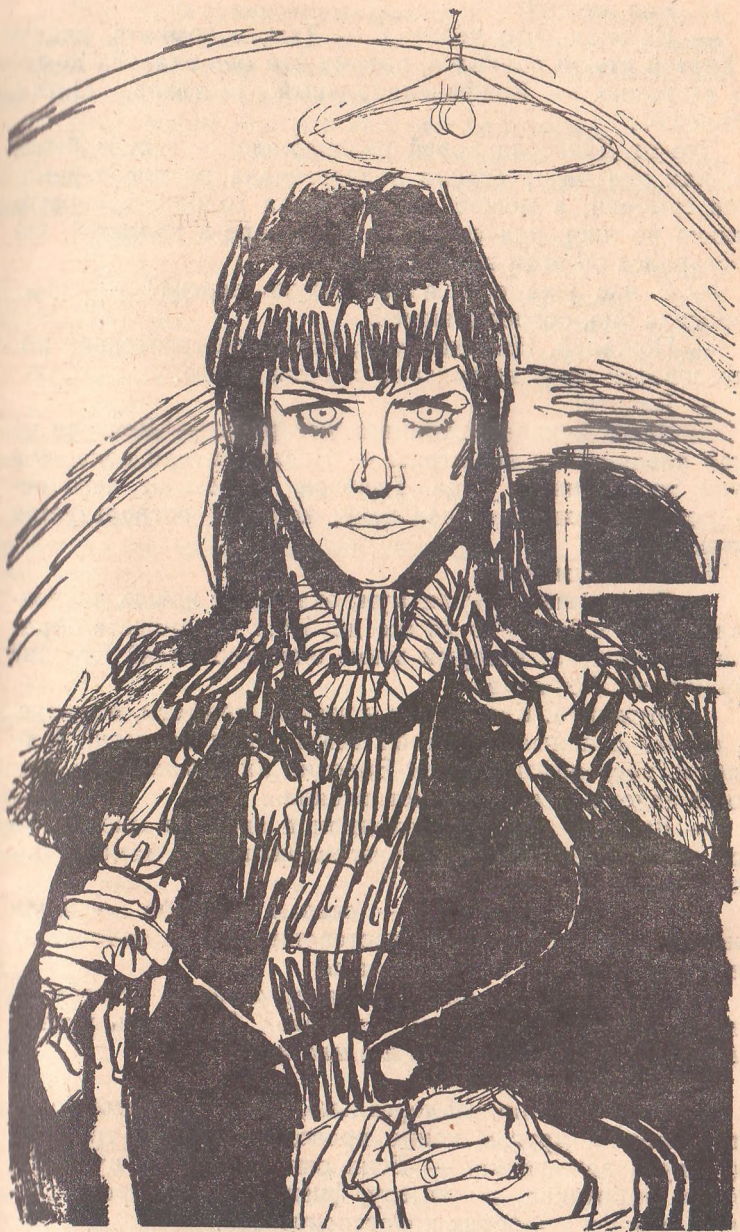
— Выходит, он приехал до срока.

— Как видите...

— Где он сейчас?

— Ушел. Я звонила домой, там его тоже нет. Нелепо получилось!

Денисов посмотрел на Антона — Сабодаш не снял параллельную трубку, все понял, беспокойнее заходил по комнате.

— Как же вы?

— Не знаю, что делать... — Там, в комнате, рядом с Беатой кто-то появился, потому что она сказала кому-то негромко. — Конфиденциальный разговор. Потом объясню...

Что-то Денисова в ней раздражало — может быть, то, как она беспрестанно поддеригивала на плече ремешок сумочки, а может, то, что была холодно-изобретательна во лжи, как сейчас, в разговоре с коллегой. Он постарался об этом не думать.

— У вас уже есть какая-нибудь версия? — сразу спросила она, освободившись.

— Пожалуй. Нам кажется, кто-то действительно интересовался вами на вокзале сегодня ночью.

— Видите!

— Здесь какая-то странная история... — Денисов не стал наводить на нее страх. — Письма могли попасть в руки постороннего лица. Главное, чтобы от него переписка не попала к человеку, который воспользуется ею во зло.

Беата задумалась.

— Я не знаю, мог ли муж оказаться ночью на вокзале. Муж или кто-то из его друзей... Вы можете обрисовать человека, который мною интересовался? Кто он? Мужчина? Женщина?

— Мужчина. Как только я уточню приметы, позвоню. А сейчас скажите, как себя ведут ваши коллеги? Что-нибудь настораживающее? Заходил ли кто-то, кого давно не видели у себя? Может, звонил...

— Все как обычно. Заходили и звонили многие, но все в порядке вещей. Я разговаривала с мамой, там тоже пока все спокойно.

— Я хотел уточнить, — сказал Денисов. — Если письма окажутся в руках постороннего и он захочет их вернуть... Куда их могут послать?

— Наверное... — она чуть задержалась с ответом, — скорее всего в Соколову Пустынь. Там ведь указан адрес. Но могут переслать и в институт.

— Почему?

— Это, конечно, малореально, но... — Денисов услышал, как на другом конце провода, рядом с трубкой, щелкнула зажигалка. — Если они попадут в руки научного работника, к примеру, физика, он быстро разберется, где искать обоих корреспондентов.

— Там упомянут институт?

— Нет. Только некоторые фамилии... Но мы, помнится, обсуждали в письмах наши общие проблемы. Скажем, проблему упрочения поверхностного слоя металла. Ею занимается только наш НИИ.

— Я не физик. Мне это ни о чем не говорит.

— Понимаю... Как бы вам объяснить? Ну, повышение износостойчивости инструментов, поршней, трущихся осей...

— Письма попадут в дирекцию института?

— Нет, в экспедицию. Оттуда их принесут в технический секретариат. Но, может быть, передадут сразу кому-то из тех, кто занимается поверхностным слоем.

— Кроме Максимова, этим занимаются и другие?

Она помолчала, потом сказала неуверенно:

— Несколько человек.

— Вы всех знаете?

Она опять замаялась:

— Мне не очень удобно говорить...

— Ладно. Не будем забегать вперед. — Денисов посмотрел на часы. Адвокат уже, наверное, подъезжал к вокзалу.

— Я очень на вас надеюсь, — сказала Беата.

— Это он. — Сабодаш указал на «Жигули», развернувшиеся против входа в зал.

Адвокат и впрямь оказался молодым и представительным. Чем-то он походил на Антона: крутые плечи, широкая грудь. Угадав в подошедших сотрудников милиции, он перегнулся через сиденье, щелкнул дверцей назвался:

— Баракаев Иван Федорович.

Денисов и Сабодаш тоже представились.

Машину качнуло, когда Антон протиснулся на переднее место, рядом с водителем. Денисов устроился сзади.

— Попадись они мне в тот день, — вполне дружелюбно сказал Баракаев, — я никуда бы и обращаться не стал. — Он развел руками над рулем, обтянутым щегольским бархатом. — Взять за шиворот да стукнуть лбами... — Для человека в общем-то сидячей профессии Баракаев был развит феноменально. Последствия его удара нетрудно было представить. — А то теперь я, как Паниковский, «человек без паспорта»! Ни в следственный изолятор, никуда!

— Стукать никого нельзя, — серьезно сказал Сабодаш.

— В том-то и дело... Знаю! Лучше, чем кто другой, — Баракаев плавно тронул машину. — Вот и защищай их после этого! — Он обернулся к Денисову. — Музыку включить?

Машина была оборудована роскошно: дорогой приемник с кассетным магнитофоном, стереоколонки по обе стороны заднего сиденья.

— Не стоит, пожалуй.

Денисов, редко встречавшийся с коллегами из юридических консультаций, молча прислушивался к разговору. Он плохо представлял себе, чем может пособить розыску писем неожиданная поездка в аэропорт. И все же, как ни странно, такая вероятность существовала.

— Нет, что за стервецы! — Баракаев вел машину профессионально, ни на минуту не прекращая рассказывать. — Возвращаюсь из командировки, из Саратова. На ночь купе запер, проверил. На этот счет у меня строго. Утром встаю — нет пиджака. Соседка-разиня, оказывается, ночью выходила, оставила дверь открытой.

— Пиджак висел у двери? — спросил Антон.

— В изголовье. Такое зло взяло: ни документов, ни денег. Деньги — дело наживное. Документы!

— Кого-нибудь подозреваете?

— Ходили по поезду двое. Одного я бы, пожалуй, узнал. Того, что в плаще... Заглядывали в купе, словно кого-то искали.

Антон решил довести разговор до логического конца.

— Вы заявили о краже?

— Утром не успел — опаздывал в процесс... Пока нет! Честно говоря, не хочу связываться...

Денисов заметил, что пока они ехали, Баракаев еще не задал вопроса о том, какие вещи получены по его паспорту на складе вокзала. Перспектива вернуть документы интересовала адвоката больше.

— Каковы будут наши действия в аэропорту? — спросил он. — Вы мне объясните?

Антон, улыбнувшись, показал на заднее сиденье:

— С нами знаменитый инспектор угрозыска Денисов. Проинструктирует, когда будем подъезжать. Так? — Антон обернулся к Денисову.

— Так.

Между широкими плечами сидевших на передних сиденьях Сабодаша и Баракаева дрожала узкая полос-

ка Садового кольца, вереницы плывущих машин. Изморось, начавшаяся с утра, затянула горизонт. Справа, за фасадами, выше других домов, показалось высокое красное здание с башенкой и часами.

«Сколько раз проезжал здесь и никогда не замечал», — подумал Денисов.

За перекрестком кольцо свернуло в сторону, здание с башенкой оказалось не справа, а по левую сторону и даже несколько поодаль.

«Прежде чем ехать с Баракаевым, — думал Денисов в полудреме, — надо было довести до конца все там, на вокзале...

Спутник Беаты — как его, Николай? — тоже мог обратить внимание на человека в джинсах и в очках, что заходил в камеру хранения, а потом появился в ресторане. Возможно, Николай подсказал бы и дополнительные приметы. Стоило перехватить Николая, когда он садился в автобус, следующий на Соколову Пустынь. Позвонить дежурному в Каширу — тот помог бы.

Да нет, не стоило. Этот Николай, узнав о пропаже писем, еще поехал бы к ней на работу — выяснять обстоятельства. Наворотил бы с похмелья!..»

А вот с инспектором по кадрам вокзального ресторана разговор состоялся забавный.

— Вчера работала официантка, столики у окна. Блондинка, — сказал Денисов.

Кадровик засмеялся.

— У нас почти одни блондинки.

— На руке два перстня.

— Если б ни одного!

Денисов называл приметы — инспектор по кадрам уверенно отводил их как несущественные. Так могло продолжаться до бесконечности.

— Да не беспокойтесь, — вдруг сказал кадровик. — Зачем эти перстни? Я просто спрошу у девушек, кто из них вчера обслуживал столики у окна.

— Прекрасно. И срочно направьте ее к нам.

Подошедший в этот момент Антон расположился по обыкновению на подоконнике, закурил:

— Думаешь, она чем-нибудь поможет?

Будто в розыске по горячим следам можно заранее предсказать, кто поможет, кто нет.

— Она обслуживала того мужчину — в очках и в джинсах...

— Ну и что?! Если бы он охотился за письмами, он

взял бы их и уехал. Зачем ему ресторан? Зачем глаза мозолить?

Он прав, отметил Денисов. На эти вопросы ответа пока тоже нет...

Смех на переднем сиденье вернул Денисова к действительности: Баракаев рассказывал Антону о судебном процессе, в котором он в данное время участвовал.

— Приносят ящик паюсной икры. В железных баночках. А раньше носили все только в стеклянной таре. Жена увидела — кричит в другую комнату: «Вася-я! Смотри, что они, мерзавцы, тебе прислали!»

Денисов понял: речь, видимо, шла о взяточниках.

— В железных, значит, не устраивает. — Антон всей душой переживал эту новую историю.

— В железных икра может оказаться испорченная, а в этих — все видно...

Кортеж длинных черных машин заставил Баракаева взять к тротуару и остановиться. Кто-то тоже спешил в аэропорт, по делам более важным, чем у них. Пропустив колонну, адвокат снова завел машину, перестроился ближе к осевой линии.

— Да... Вася, значит, хватает банки и кричит тому, который их принес: «Что это такое? Я спрашиваю!» — «Икра, — отвечает тот. — На экспертизу!» Его, к слову, тоже теперь судят, но по данному эпизоду он проходит в качестве потерпевшего... Вася приказывает: «Иди сюда!» Тот не идет.

— Вы кого защищаете на суде? — спросил Антон.

— Того, что приехал с банками. «Ты что принес?» — кричит Вася. Мой подзащитный, зная крутой нрав хозяина, начинает отступать в переднюю. «Что написали, то и принес...» А сам за выступ в коридоре. Коридор длинный. «Негодяй!» — кричит хозяин, швыряя в него первую банку, и сразу попадает...

— Куда он девал такое количество икры? — спросил Антон. — Десятки килограммов ведь...

— Передавал другим, делился. Соседям продавал. Сдавал в ресторан. Все было предусмотрено.

— Подзащитный ваш тоже хорош! Как же вы их защищаете?!

Баракаев на мгновение оторвал взгляд от дороги. Удивленно посмотрел на Сабодаша.

— Вы неправильно понимаете роль защиты. Адвокат никогда не защищает преступление. Только человека! А у человека могут быть смягчающие вину об-

стоятельства. Мой подзащитный, например, уже отсидел год под следствием. Сейчас выпущен на свободу.

— Взятчники эти — как лишай.

— Кроме того, у моего подзащитного свои проблемы: как раз в эти дни его оставила жена. По-моему, он тогда только и думал о том, как ее вернуть. Да и сейчас, кажется, тоже.

— Я говорю о подношениях. При чем тут семейные драмы?

— Видите ли, существовало липовое распоряжение. В одном экземпляре, понимаете? В нем указывалось: такое-то количество банок выделяется, будто бы для экспертизы, через заведующего конторой, этого Васю. Мой подзащитный ничего толком не знал.

— Распоряжение суд видел?

— Нет. Защита вообще еще не сказала последнего слова. Ждем конца судебного следствия.

— Нам направо, — подал голос Денисов. — А банки тяжелые были?

— С икрой? По полкило...

«Банка такая же, как в выданных со склада вещах...»

— Теперь прямо? — спросил адвокат.

— Там будет левый поворот. Высадите нас, не дожидая аэропорта. Машину поставьте на стоянку, — Денисов поправил кобуру. — Войдете в здание, когда убедитесь, что мы на подходе.

— Договорились, — Баракаев сразу посуровел.

— Вы сказали, что одного из подозреваемых помните в лицо, — уточнил Денисов.

— Да, но они сами, очевидно, рассчитывают узнать меня. По фотографии в паспорте. — Глаза адвоката показались в зеркале.

Денисов покачал головой.

«Тут что-то другое. Телеграмму дали из почтового отделения во Внукове поздно ночью... Ладно. Решим на месте...»

4

Перед небольшой площадью аэровокзала Баракаев притормозил. Денисов и Антон вышли из машины, смешались с пассажирами.

Здесь, за городом, была еще в разгаре зима. На газонах, под деревьями, лежал снег.

Подойдя к главному входу, Денисов остановился. Отсюда как на ладони была видна стоянка автотранспорта. Адвокат не спеша снял «дворники», положил в машину. Потом, заперев дверцу, двинулся к зданию. Антон предпочел сначала пройти вперед, вдоль аэропорта и повернуть назад.

«Времени-то в обрез. — Денисов подумал об утренней заявительнице. — Может, она уже звонила, а нас нет...»

— Где ресторан-два? — спросил Баракаев у носильщика.

— Прямо, — показал тот, — и наверх.

Адвокат поблагодарил, толкнул стеклянную дверь. Рядом, чуть впереди него, шел Денисов, Антон — в толпе, сзади.

Обстановка аэропорта несколько не напоминала сутолоку знакомого железнодорожного вокзала. Скорее смахивала на гостиничную: холл, стойки, широкая лестница. На втором этаже тоже был холл. У входа в ресторан несколько человек сидели вдоль стен, на пуфах, обтянутых кожаменителем. За гардеробной стойкой швейцар читал растрепанную книгу, используя вместо закладки спичечный коробок. Ресторан был закрыт. Баракаев остановился в центре зала, прошел к окну, снова вышел на середину. Взгляды пассажиров, томившихся на пуфах, невольно обратились к нему.

Часы у лестницы показывали время: «10.03».

«Почти семь часов прошло с тех пор, как пропали письма...»

Денисов подошел к автомату, набрал номер дежурной части отдела.

— Это Денисов. Из Внукова. Как там у вас?

Дежурный — молоденький старший лейтенант, сменивший Антона — не задержался с ответом.

— Есть хорошие новости!

— Переписка?

— Совсем другое. Ориентировки о самочинных обысках... Читали?

За последние несколько часов Денисов трижды слышал о мошенниках, которые приезжали в облюбованные ими адреса, предъявляли поддельные постановления об обыске и получали возможность беспрепятственно знакомиться с содержимым хозяйских секретеров, шкафов, сумок.

Находясь в квартирах, преступники создавали види-

мость официальности, обращались друг к другу на «вы» и только по званию, действовали раздумчиво и исторопливо — простукивали полы и стены, искали тайники, а потом изымали деньги, ценности и новые вещи для «приобщения» к якобы возбужденным против хозяев квартир «уголовным делам».

Этот ставший довольно редким вид мошенничества и называли обычно «самочинными обысками».

— Ориентировку я читал... — Денисов припомнил. — Один в короткой куртке с капюшоном, другой — в плаще... Обыск в Курске. Еще в Строгине.

— Задержали, — объявил дежурный.

— Где?

— На Курском вокзале. Но это не все. Вещи с обысков оказались у нас на вокзале.

— На складе? О которых мы ориентировали?

— Да. Те, что перенесены из восьмьсот девяносто шестой ячейки. Портфель, целлофановый пакет... Согласно вашей телеграмме. Преступники держали их в автоматической камере хранения, вовремя не взяли. Вещи попали на склад.

— Странно, — заметил Денисов. — Как же они попали на склад, не отлежав положенного срока в ячейке...

— Надо поинтересоваться.

Но Денисов звонил по другому поводу.

— Разыщите дежурную по автоматической камере хранения. Она уже, наверное, ушла. Пусть обязательно позвонит.

— Будет сделано, — сказал старший лейтенант. — Вернетесь в отдел?

— Непременно.

Разговаривая, Денисов не терял из виду Баракаева. Адвокат рассказывал по холлу, нетерпеливо поглядывая на часы. Он привык к точности и теперь ждал такой же пунктуальности от правонарушителей. Кроме того, ему не хотелось задерживать сотрудников милиции, согласившихся приехать с ним во Внуково. Наконец Баракаев не выдержал, решительно направился к лестнице.

Антон, держась на расстоянии, двинулся следом. Один из сидевших на пуфе, парень с помятым, даже каким-то стертым лицом, тоже поднялся. Все трое почти одновременно спустились в вестибюль. Денисов наблюдал сверху, стоя у лестницы. Внизу парень реши-

тельно свернул к киоску с сигаретами и встал в очередь.

«Пославший телеграмму Баракаеву, конечно же, должен был предвидеть, что адвокат скорее всего явится не один...» — подумал Денисов.

Он прошел вдоль вешалки. Гардеробщик ресторана, сидя в кресле по другую сторону стойки, продолжал увлеченно читать.

«А вот этот вариант стоит, пожалуй, проверить», — решил Денисов.

— Здравствуйте, — он облокотился о стойку. — Инспектор Денисов из транспортной милиции. У вас должен быть паспорт.

— Паспорт?

— На имя Баракаева. Ведь это вы давали вчера телеграмму. Так?

— Ах да! — Гардеробщик меньше всего рассчитывал на то, что за паспортом придет милиция. — Конечно! Вот.

На полке, под стойкой, звякнула жестянка с чаевыми, потом появился паспорт.

— Как он попал к вам? — Денисов глянул под обложку. Баракаев на фотографии походил на чемпиона японской борьбы сумо: молодой, упитанный, самоуверенный.

— Нашли на полу в туалете, во время уборки.

— Когда?

— Вчера, после закрытия.

— А почему не сдали в милицию?

Гардеробщик почувствовал себя нехорошо. Засуетился.

— Посмотрел на фото: человек солидный. Может, перепил вечером, с кем не бывает? А надо лететь... И вот без паспорта...

«Давая телеграмму, он, конечно, рассчитывал на вознаграждение».

— В следующий раз поступайте как положено.

— Извините, товарищ начальник. Будем стараться.

Спускаясь по лестнице, Денисов снова раскрыл паспорт. На пиджаке, в котором был сфотографирован Баракаев, эффектно выделялись глубоко запавшие складки.

«Кожаный пиджак...»

Денисов даже замедлил шаг, обдумывая неожидан-

по пришедшее к нему объяснение цепи взаимосвязанных фактов:

«Банка черной икры 0,5 кг, кожаный пиджак... Вещи с самочинных обысков преступники держали в восьмьсот девяносто шестой!.. Икра и кожаный пиджак... Ячейка в качестве почтового ящика...»

Баракаев искренне обрадовался паспорту:

— Подбросили, значит?

— Вчера. Перед закрытием ресторана.

— Без вас я бы ничего здесь не добился.

— Все хорошо, что хорошо кончается.

Обратный путь показался короче: машин и людей на улицах было меньше. Баракаев продолжал рассказывать Антону о судебном процессе:

— ...Как пауки в банке! Сейчас на карту поставлена их свобода, деньги и — верите ли, — иногда адвокат бросал быстрый взгляд в зеркало заднего вида, корректировал направление машины, — они способны на все! — Он, казалось, напрочь забыл о вещах, полученных со склада по его паспорту. — Я боюсь каждый раз, когда судьям приходится предъявлять подсудимым письменные доказательства: распоряжения, расписки... Выхватит и отправит в рот!.. — Баракаев рассмеялся. — Потом доказывай! Правда, мы с моим подзащитным тоже готовим сюрприз! Кое-кто уже заранее дрожит!

Под Октябрьской площадью, в туннеле, дорожные рабочие укладывали асфальт. По обеим сторонам от «Жигулей» грохотала и содрогалась от напряжения новейшая дорожная техника. Катили огромные ярко-желтые грейдеры, пахнувшие влажной смолой катки. Машины впереди еле ползли.

— Закон подлости. Когда спешишь, всегда так... — заметил Баракаев.

Наконец в конце туннеля показался все увеличивающийся белый квадрат — набегающая панорама новой Москвы, потом — висячий мост, затейливая ограда Парка культуры имени Горького, на другом берегу — надпись «Аэрофлот» над крышами.

На Садовом, недалеко от нового здания МВД, Баракаев неожиданно вспомнил:

— Между прочим... А что они получили со склада?

— По вашему паспорту? — спросил Антон.

— Да...

— Одежду, бумаги.

— А что из одежды?

— Кожаный пиджак, — сказал Денисов. — Который они изъяли у вас на квартире...

В зеркале заднего вида отразились посерьезневшие глаза Баракаева.

Денисов придвинулся ближе, на самый край сиденья.

— У вас ведь на квартире был самочинный обыск? Правда? Надо бы все рассказать как есть, товарищ Баракаев.

Телефон склада забытых вещей долго не отвечал. Денисов представил, как он надывается там, в подвальном помещении без окон, на стеллаже, среди невостребованной одежды и обуви. Наконец заведующий снял трубку:

— Вас слушают.

— Это Денисов. Кто из кладовщиков выдавал вещи по паспорту Баракаева?

— Вчера? — Заведующий остался верен себе, ответил не сразу, сначала полистал книгу. — Старший кладовщик Хасянов... Я в это время был на выемке.

— Хасянов работает?

— Да. Он нужен?

— Пусть мне позвонит. И никуда не уходит, пока мы не встретимся.

Словно ничего не произошло за окном, на вокзале, за то время, пока Денисов и Сабодаш отсутствовали. Заканчивалась посадка на очередной поезд, бежала, потряхивая своим лотком, мороженщица. Проводница хвостового вагона нетерпеливо посматривала вдоль состава. Последние пассажиры спешили от метро, не имея никаких шансов успеть на поезд.

Денисов сбросил куртку, подошел к столу. В центре, под стеклом, лежала записка младшего инспектора: «Звонила Беата. Очень волнуется. Будет звонить в 11.30».

Денисов посмотрел на часы: до звонка заявительницы еще оставалось немного времени.

— Разрешите? — В кабинет постучали.

Молодая женщина в дверях показалась Денисову очень знакомой, однако сама она как будто видела Денисова впервые.

— Вызывали? — В руке она держала листок бумаги. Два перстня сверкнули на пальцах.

— Здравствуйте, садитесь.

Эти перстни сразу прояснили Денисову ситуацию. Иллюзия знакомства была односторонней: он знал официантку ресторана в лицо, но никогда не обращался к ней ни с одним вопросом.

— Мне к товарищу Денисову, — сверилась она с листком. — Ах, это вы... Я работала ночью, — она улыбнулась. — Вы не задержите меня?

— Нет. Ваши столики у окна?

— Да. Я хотела ехать к родителям в Барыбино, но метр звонит: «Приезжай срочно. Полиция вызывает!» Я все бросила, приехала. Что-нибудь случилось?

— Нас интересуют ваши вчерашние клиенты...

— Кто именно?

Денисов обрисовал утреннюю заявительницу и ее спутника.

— Были. — Официантка сразу успокоилась. — Она похожа на студентку. Сумочка через плечо, косметика. Себе заказала «пепси» и пару яблок. Мужчине взяла салатик, зразы, двести пятьдесят, потом еще сто пятьдесят пшеничной. Она и расплатилась.

— Кто в это время еще сидел за вашими столиками?

— Муж и жена. В углу. Уезжали камышинским. Два шашлыка на ребрышках, триста пятьдесят, две минеральной.

Денисов подсказал:

— Мужчина лет сорока, в джинсах...

— Помню. — Она поправила прическу, сверкнув камнями обоих перстней. — Интеллигентный мужчина. Двести пятьдесят армянского, лангетик, минералка. Пуловер мохеровый. Серый. Очки.

— Он бывал раньше?

— Впервые видела. Самостоятельный мужчина...

— Самостоятельный?

— Ну как же? — Она смутилась. — Один в ресторане. Интересуется всеми и никем.

— Вы разговаривали с ним?

— «Добрый вечер», «Приятного аппетита».

— У него что-нибудь было с собой?

— Книга. Учебник, по-моему.

— Он уезжал?

— Если уезжал, то утренним поездом. Мне кажется, он не спешил.

— Почему вы думаете, что у него был учебник?

Она улыбнулась.

— Формулы, значки...

Оставшись один, Денисов подошел к окну. Потеснил колонию кактусов на подоконнике, присел рядом.

Здание строили в начале века с учетом непредвиденных особенностей нового транспорта. Арочный свод кабинета опирался на колонну, придавая помещению вид монастырской трапезной.

Два происшествия — пропажа переписки и использование преступниками той же самой ячейки в качестве почтового ящика — два дела были прочно связаны между собой.

Не вставая с подоконника, Денисов придвинул ближе стоящий на столе аппарат, набрал номер оперативной группы на Курском вокзале.

— Денисов. Хочу кое-что уточнить в связи с самочинными обысками.

— Рад слышать, — трубку снял ночной инспектор, ему, как и Денисову, тоже не удалось выбраться домой. — Как раз сейчас разбираемся.

— Серьезная группа?

— Пока неясно. Много противоречивого.

— В чем именно?

— Одно на обысках брали, от другого отказывались...

— А что искали?

— По-моему, хрусталь, золотишко... Как на любой квартирной краже! — Ночной инспектор задумался. — Но при этом делали вид, что ищут вещественные доказательства мнимых преступлений! Изымали документы, записные книжки...

— А вещи?

— Привозили к вам на вокзал, в автоматическую камеру хранения. Оставляли в одной и той же ячейке.

— Я не стал заявлять... — Баракаев достал сигареты, положил перед собою на стол. — Поймите: последние дни перед окончанием процесса! Могу ли я думать сейчас о другом?! И чего, собственно, я лишился? Пиджака? Транзистора?.. Мерзавцы эти, безусловно, рас-

считывали найти деньги, чеки «Внешпосылторга». — Он пожал плечами. — Но откуда?!

— И все же? — Антон вынул очередную «беломоршну».

— Кроме того, пошли бы сплетни... Знаете, как бывает? То ли у Баракаева украли, то ли Баракаев что-то у кого-то похитил. «Дыма без огня не бывает». Не отмоешься. Кроме того, по этой статье обязательность сообщения не предусмотрена.

— Как все произошло?

— Я при обыске не присутствовал, дома была жена. Но информирован достаточно.

— Познакомьте в общих чертах.

— Возбуждается уголовное дело?

— Не нами, — вмешался Денисов. — Но у нас свой интерес.

Он сообщил о самочинном обыске в шестьдесят посьмое отделение милиции — по месту жительства Баракаева. Оттуда обещали подъехать.

— Преступники воспользовались «Москвичом»... — Адвокат передвинул сигареты на край стола, поправил пепельницу. — Машина, как я понял, была частная. Жена, к сожалению, не обратила внимания на номер. Вошли, зачитали постановление. Абсолютно неграмотное... Предложили пригласить понятых, — Баракаев усмехнулся. — Жена позвала соседку. Они сказали, что одного понятого вполне достаточно... Смех!

Денисову показалось, что Баракаев относится к происшедшему серьезнее, чем хочет представить.

— Сколько продолжался обыск?

— Около часа.

— Что-нибудь взяли, кроме вещей?

— Записи, которые хранились в секретере. Несколько досье. Хотели создать видимость поиска доказательств... — Баракаев придерживался или делал вид, что придерживается той же версии, что и инспектор с Курского.

— Жена передала вам их приметы? — продолжал расспрашивать Сабодаш.

— Один в плаще, второй в короткой куртке с капюшоном. — Баракаев повторил приметы внешности, которые Денисов и Антон знали из ориентировки.

— Как они объяснили жене, что с вами?

Адвокат улыбнулся.

— Тот, в куртке, сказал, что я арестован за хищение в особо крупных размерах...

— Вы говорили о поездке в Саратов... — сказал Денисов. — Это было до или после обыска?

— До. За два дня. В судебном процессе был перерыв, а у меня дело в кассационной инстанции в Саратове.

— Кража в поезде... Это не миф?

— Самое интересное, что кража действительно была, — Баракаев наконец закурил. — При тех обстоятельствах, о которых я рассказывал. Но только взяли бумажник. Пиджак унесли уже при обыске. И вот еще что: мне кажется, производивших обыск я как раз и видел тогда в поезде. После окончания процесса я все равно занялся бы этим делом.

— Почему он так волнуется? — спросил Антон, когда адвокат вышел встретить жену, и она должна была подъехать на вокзал. — Все позади. У нас к нему претензий быть не может. Преступники пойманы. Чего ему волноваться?

Денисов пожал плечами:

— Может, как раз дело в том, что они пойманы?

Перебил звонок.

Денисов снял трубку.

— Это Беата. Ничего не прояснилось?

— Пока нет. — Денисов показал Антону на трубку параллельного аппарата, теперь они могли слушать вдвоем. — А как у вас? Заходили в экспедицию?

— Туда ничего не поступало. В дирекцию тоже.

— Значит, все по-прежнему?

— По-прежнему. — В голосе чувствовалась решимость отчаявшегося человека. — Сiju как на иголках. Кажется, что вокруг меня что-то происходит. Вообще-то я жуткая паникерша.

— Не похоже.

— Вы меня плохо знаете. Просто, когда я ставлю перед собой цель, меня не остановить. Я говорила с некоторыми сотрудниками...

— Также занимаются износоустойчивостью?

— Да. Постаралась предупредить... Но я далеко не со всеми могу объясниться откровенно.

— Скажите... — Денисов никогда раньше не сталкивался с работой научно-исследовательского института,

поэтому был особенно осторожен. — Тема одна, а занимаются разные лаборатории... Так бывает?

Она, видимо, улыбнулась:

— Для этого надо знать Максимова.

Денисов схватился за ее фразу.

— Я не совсем все представляю. Вернее: все совсем не представляю. Что за человек Максимов?

— Попробую объяснить, пока никого нет. Максимов — самородок. Талант, энциклопедист. Ему предсказывали большое будущее. Он был в семинаре... — Она назвала фамилию, которая ни о чем не говорила Денисову. — Одним словом, местная знаменитость. Впрочем, не только местная. Издается такой международный справочник «Индекс цитируемости». Там фамилии ученых всего мира, перечень научных работ. А главное — кто и где в своих трудах на них ссылается. Так вот, у Максимова высокий индекс цитируемости... Понимаете?

— Понял.

— Огромное количество оригинальных идей. Это с одной стороны.

— А с другой?

— Все его сверстники, даже с меньшим потенциалом, ушли в большую науку. Руководят лабораториями. А Максимов — старший научный сотрудник. Один из многих. Сейчас его вроде прочат в завлабы. И то не знаю, пройдет ли? Понимаете?

— Кажется. А в чем причина?

— Непробивной, нецелеустремленный. Вечно во всем сомневается...

Денисов поднялся из-за стола, разматывая телефонный шнур, шагнул к окну.

День оставался таким же неприветливым, холодным, хотя к вечеру обещали повышение температуры, снег. На платформе теперь было многолюдно, даже тесно. Наступал двухчасовой перерыв движения поездов, все спешили уехать. У путей виднелись вытаявшие из-под снега и снова вмерзшие пакеты от молока, бумажные стаканчики, скомканные пачки из-под «Примы» — все, что пассажиры второпях выбрасывают из поезда.

— И пока Максимов сомневается, его медленно, но верно обходят другие... — Денисов присел на подоконник, чтобы, разговаривая, видеть, что происходит внизу, на перроне; Антон из-за стола кивнул понимающе.

ще — он был целиком на стороне талантливого неудачника.

— В общем, правильно. — Как и в прошлый раз, Денисов услышал щелчок зажигалки. Ему показалось даже, что он чувствует запах сигареты — легкий и терпкий. — Но это уже другой вопрос... — Она торопливо затянулась. — Государству важно, чтобы проблема была решена. А кто ее решил — вы, я, ваш друг или Сергей Максимов...

Денисов не согласился:

— Это упрощение. Кстати, — вспомнил он. — У вас замещение должностей, должно быть, конкурсное?

— Безусловно.

— Значит, на должность, которую теперь прочат Максиму, объявлен конкурс? Можете узнать? Если неудобно, мы можем сделать по-другому.

— Не надо. Я и так знаю. Конкурс действительно объявлен.

Сообщение навело Денисова на размышления.

— И есть соперники?

— Об этом неизвестно. — Денисову показалось, что она колеблется с ответом. — По-моему, соперники просто обязаны быть.

— Иногда, наверное, это приводит... — Денисов искал выражение. — К некорректным приемам в отношении конкурента.

— Вы имеете в виду письма?

— Точно.

— Здесь в основном конкурс научных работ. Правда, именно в последнее время Максимов мало публиковался. Готовит что-то. Не знаю. К нему хорошо относятся...

«У таких, как Максимов, мало недоброжелателей, — подумал Денисов. — Их неприязнительность всех устраивает. Обычно они не участвуют в жестоких играх. Конечно, я совершенно не знаю человека, который охотится за письмами!..»

Модель преступника никогда не удавалось воссоздать сразу в ее конечном виде, многое еще потом дополнялось, корректировалось.

Он снова посмотрел вниз. Движение поездов приостановилось. С десятков пассажиров, в основном приезжие, штудировали выставленное в начале перрона расписание.

— Вы виделись с мужем?

— Нет. Он больше не появлялся. Звонила домой — там пока его тоже нет.

— Может, он у себя?

— В лаборатории его тоже не видели... А может, оставить все как есть?

— Не понял.

— Может, забыть, что они пропали... — Она помедлила, снова глубоко затянулась сигаретой. Денисов внимательно прислушивался. — Я и сама не знаю. «У страха глаза велики...» И вам задала работы.

— Об этом не беспокойтесь.

— Я, пожалуй, возьму назад свое устное заявление... Можно?

— Конечно. Только нас вы не должны брать в расчет.

— Я подумаю и позвоню.

— Обдумайте как следует... А пока ответьте. Если вам неудобно отвечать, говорите только «да» и «нет». Видели ли вы ночью на вокзале кого-нибудь из своих коллег?

— Нет.

— Знакомых?

— Нет, нет. Никого.

— У вас хорошее зрение?

— Неплохое. А кого именно?

— Это мужчина лет сорока. В очках. В джинсах. Под пальто у него был свитер серого цвета. Мохеровый. Описание вам ни о чем не говорит?

Она помолчала.

— Не представляю, о ком идет речь... — Теперь она была встревожена по-настоящему. — Подождите... — У нее, видимо, что-то упало. — Пожалуйста, не кладите трубку...

Она подняла упавший предмет.

— Имя вам известно?

— Нет. — Ему больше нечего было ей сказать.

— А почему вы о нем спрашиваете?

— Просто этот человек всю ночь следовал за вами на вокзале.

5

Спустившись по эскалатору, Денисов и Сабодаш прошли в отсек к знакомой ячейке.

В зале для автоматов камеры хранения было вновь

пусто, а все ячейки снова заняты. Молчаливая очередь ожидала у стола дежурного. — Казалось, все это время в ней стояли одни и те же привычные к ожиданию люди.

— Не понимаю ее логики... — Антон, как обычно, рассматривал вопрос в целом, хотя это ни на сантиметр не приближало к конкретной цели — возвращению Беате ее писем. — «Государству важно, чтобы проблема была решена...» Но как?! — Пока они шли к камере хранения, он всю дорогу возвращался к этому. — Вот, например: люди веками использовали конные экипажи — от двуколки и колесницы до кареты и шарабана. Понятно, что за это время они сказочно усовершенствовали эти транспортные средства, изобрели всяческие рессоры, мягкие сиденья, дутые шины и так далее... — От его примера так и разило дилетантством, но в принципе он был прав. — Телега улучшалась, а проблемы оставались. Скажем, скорости... И вот, представь, девяносто девять человек ломают голову, как пристегнуть к шарбану еще тройку лошадей, а сотый придумывает автомобиль! Так?

Денисов не ответил. То, о чем говорил Антон, применительно к делу, которым они занимались, могло иметь не только теоретическое значение — Сабодаш просто не замечал этого.

— Когда талантливого человека обходят бездарности... — Антона занесло: он словно держал речь перед ученым советом. — Это экономически убыточно. Общество недополучает огромное количество ценных идей, наиболее оптимальных вариантов! Государственная проблема!

Денисов хотел проверить появившуюся у него новую версию — для этого необходимо было снова осмотреть ячейку.

— Ты говорил о некорректных методах... — продолжал Сабодаш. — Да это просто подлость — использовать чужие идеи, чужие письма. Согласен?

Денисов набрал шифр, дернул за ручку.

— Прошу тебя, — Антон придержал дверцу, — не уходи от разговора. У тебя другое мнение?

Денисову пришлось высказаться подробнее.

— Ты рассуждаешь абсолютно правильно. Но ведь речь идет конкретно о Максимове. А что мы знаем о нем, о его работе? О женщине по имени Беата? О ее муже? Мы обещали сделать все, что в силах, здесь, на

вокзале. Где пропали письма, где мы достаточно сведущи в своем ремесле. Я это делаю...

— Я не о том.

— А я и об этом тоже. Такое впечатление, что заявительница решила отказаться от поиска переписки. Почему? К этому может быть много причин.

— Это же так понятно, Денис! Беата не хочет быть в тягость! Она видит: мы остались после ночи...

— Наш день ненормирован.

— Готова сама расплачиваться за свои ошибки. Но ведь мы не должны этим воспользоваться... Правда? Это ничего не меняет. Даже если она вернула нам наше слово! Мы убедились, что ночью на вокзале неизвестный действительно за ней следовал. И в автоматической камере хранения, и в ресторане... Так?

— Да.

— Значит, угроза шантажа реальна? Теперь мы узнали, что за человек Максимов. Талантливый, скромный. Не горлохват, не выскочка. Против него что-то затевается. Ведь мы не оставим его в беде? Правда?!

— Чудак... — Денисов заметил его разом вспотевшие виски. — Я и не думаю отказываться! Я и привел сюда, потому что у меня появилась идея...

— Мне показалось, после разговора с Беатой...

— Я подумал: почему вещи с самоочинных обысков, которые лежали в ячейке, попали на склад в тот же день, почти сразу, не пролежав в ячейке камеры хранения положенный срок. Понимаешь?

Сабодаш отпустил дверцу.

— У меня каждый раз такое чувство, — вслед за Денисовым он заглянул в ячейку, — будто откроешь, а письма на месте...

Ячейка была пуста. Денисов внимательно оглядел ее поржавевшее, исцарапанное дно.

— Что ты там ищешь? — спросил Сабодаш.

— Хочу еще раз проверить исправность.

— Запорное устройство я осмотрел.

— Тут не это. — Денисову показалось, что в кабинете, разговаривая с ночным инспектором, а потом с адвокатом, он сделал крохотный шаг в верном направлении. — Монета есть? — Он искал в карманах.

Стоявший поблизости дежурный по автоматической камере хранения — молодой парень, временно, в силу

служебной необходимости переведенный из кладовщиков, — подал несколько монет.

— Еще надо? — Он изнывал от непривычной пассивности.

— Спасибо. Станьте рядом, слушайте. — Денисов опустил монету в прорезь. — Слышали?

Звона проскочившей в накопитель монеты не последовало.

— Нет, — подтвердил дежурный.

— Повторим, — Денисов опустил еще монету.

Результат был тот же.

— Все ясно.

Пластмассовый, глубиной в несколько миллиметров, желоб, тянувшийся внутри ячейки от прорези до накопителя, был засорен. Монета не попадала в узкий, похожий на школьный пенал, монетоприемник. Застревала по пути.

Денисов кивнул Сабодашу:

— Надо поговорить с заведующим.

— Обязательно.

Они по эскалатору поднялись в центральный зал. Антон подошел к табачному киоску купить папирос. Денисов остался ждать у дверей. По другую сторону огромного, во всю стену, стекла пожилая женщина ела ватрушку, с интересом изучая зал. Начиналась посадка на поезд дальнего следования.

— Давай прервемся ненадолго, зайдем в буфет! — предложил Антон, засовывая «Беломор» в карман вместе со сдачей. — Перекусим.

Они поднялись на антресоли в маленький буфет, о котором знали только завсегдатаи. Очереди у стойки не было. Денисов взял свое обычное — сосиски, сметану, бутерброды, кофе с молоком, перенес все на столик. Сабодаш остановил выбор на бутылке кефира.

— Что будем делать дальше? — Антону ни о чем не говорила обнаруженная в автомате неисправность, он ждал разъяснения.

С антресоли была видна большая часть центрального зала для транзитных пассажиров, эскалатор автоматической камеры хранения.

— Помнишь французские автоматы для хранения ручной клади? — спросил Денисов. Он начал со сметаны и бутербродов. За столиком, кроме них, никого не было. Они разговаривали свободно.

— Автоматы с ключами? — На международной вы-

ставке транспорта в Щербинке экспонировались роскошные автоматические камеры хранения, запиравшиеся на ключ.

— Фирмы «Фише — Бош»...

— Помню, — Антон залпом выпил кефир. — Фирма еще презентовала тебе блокнот как самому любознательному экскурсantu. С приложением.

— Это на выставке криминалистической техники. Ты спутал. «Развитие средств взлома сейфов во Франции за двадцать лет»... В чем была особенность тех автоматов, помнишь?

— А, вспомнил. Ну?

К столу подошла официантка, унесла пустую тарелку.

— Запираешь ячейку — ключ уносишь с собой. Когда изымаешь вещи, то ключ уже не вынимается.

— А как узнать, сколько дней пассажир пользуется ячейкой?

— Запирая вокзал на ночь, дежурный переводил счетчик.

Антон поперхнулся.

— «Запирая вокзал на ночь...» Это в Париже-то?!

— И в Париже.

— Не верится. Как где-нибудь в Михневе...

— Дело не в том. У нас роль счетчика играет накопитель. Два раза в неделю из него извлекают монеты. Если при второй выемке монет не будет, считается, что вещи лежат сверх срока. Их переносят на склад. Теперь представь, что монетопровод засорен, как это мы сейчас наблюдали. Настало время очередной выемки.

Антон внимательно слушал.

— Преступники поставили в ячейку вещи, похищенные во время самочинного обыска, — портфель и целлофановый пакет. Опустили монету, закрыли дверцу. Ушли. Они не догадываются, что монета не попала в накопитель, а зависла где-то в монетопроводе... Во время прошлой выемки монет накопитель тоже был пуст. По той же причине...

— Я, кажется, понял. Подожди... — Антон достал авторучку, набросал на салфетке несколько неправильных геометрических фигур. — Это восемьсот девяносто шестая ячейка. Это склад забытых вещей. Под вечер была выемка. Портфель и целлофановый пакет из ячейки перенесли на склад, подумали, что, если монет нет,

значит, вещи лежат больше положенного срока. Ячейку оставили открытой, шифр не меняли... А тут Беата и Николай... Положили сумку с конвертом, оставили на шифраторе тот же шифр — «Б-042». Пошли ужинать...

В привычном гудении зала внизу слышались новые звуки. Представитель экскурсионно-туристического бюро с мегафоном приглашал на автобусную прогулку по Москве:

— Последние билеты! Олимпийская деревня и другие достопримечательности!.. Всего за один час!..

— Преступники вернулись. — Антон провел на рисунке черту, образовалось жирное чернильное пятно. — В полной уверенности, что вещи лежат на месте. Набрали шифр — ячейка открылась. А вместо портфеля и целлофанового пакета их ждало совсем другое... Так?

— Так.

— Значит, — подытожил Антон, — Беате ничего не грозит!.. Переписка должна находиться на Курском. У задержанных за самочинные обыски...

Денисов не стал его разочаровывать. Спросил только:

— Ты внимательно читал ориентировку о самочинном обыске в Курске?

— Вместе читали. А что?

Денисов посмотрел на часы: надо было зайти на склад, потом все-таки ехать на Курский — разговаривать с задержанными.

— Пропажа переписки произошла между двадцатью двумя и тремя пятьюдесятью утра... Так? А людей, о которых ты говоришь, видели вчера в Курске, в железнодорожном ресторане. Перед закрытием...

— Супруга просила позвонить на работу, — сказал помощник, когда Денисов вместе с Сабодашем вошел в дежурку.

— Спасибо. — Денисов набрал номер. — Лину позвоните.

Она сидела в другой комнате. Было слышно, как ей постучали в стену.

Лина обрадовалась:

— Хорошо, что ты позвонил, Денисов! Слушай, Светка просит: у них сумку украли. Муж ее летел через Красноводск, там одну женщину высаживали больную, на костылях, и они сумку прихватили, спортивную, польскую. Сделай что-нибудь, Денисов, а? Я ей обе-

шала. У меня записано: рейс 699 от 14-го на Красно-
водск. Можешь что-нибудь сделать?

— Надо подумать, — сказал Денисов. — Я тебе пе-
резвоню. — Он положил трубку, провел пальцем по
списку телефонов под стеклом и позвонил в Домоде-
дово.

— Медкомната? Денисов из уголовного розыска.
Транспортная милиция. Посмотрите: 14-го на рейс 699
на Красноводск никто через медкомнату не проходил?
На костылях? Так. Так. Сложный перелом? Очень по-
хоже. Записываю адрес. Красноводск, Советская, 7. Ту-
манова. Спасибо. — Денисов позвонил в междугород-
нюю МПС. — Я — 3-43-10, Денисов. Красноводск, по-
жалуйста, милицию. Спасибо. — Он положил трубку. —
Мало наших чемоданов, еще в Красноводске ищи, за
две тысячи километров. Она, видишь ли, Светке обе-
щала...

— Ты что — собираешься искать? — удивился Са-
бодаш. — Эта история на год!

— Но все-таки Лина обещала же.

Зазвонила междугородная, на проводе был Красно-
водск.

— Дежурный? Из Москвы, из транспортной мили-
ции. Денисов. Запиши: Советская, 7, Туманова. Пошли
кого-нибудь: они сумку чужую прихватили с москов-
ского авиарейса, спортивную, польскую. Перезвони
мне: 3-43-10 по эмпээсовскому. А может, у них телефон
есть? Тогда все быстрее будет. Давай.

— Но если у задержанных на Курском переписки
быть не может... — Антон уже несколько минут обду-
мывал пришедшую ему мысль. — Значит, ее надо ис-
кать в другом месте.

Денисов помрачнел:

— Вот именно.

Зазвонил телефон. Это была опять междугородная.
Денисов взял трубку, послушал и сказал:

— Ну хорошо. Высылайте в милицию Домодедова.
Спасибо, дежурный. Будешь в Москве — заходи... —
И он тут же позвонил жене. — Лину, пожалуйста. Ну,
все. Со Светки приходится. Нашлась сумка. Ладно,
ладно, ладно. Все. Привет. Как-нибудь встретимся. —
Он положил трубку. — Пошли, Антон. Если бы с пере-
пиской Беаты так же просто!..

У входа в склад забытых вещей висела записка:

«Скоро буду».

Денисов и Сабодаш отошли к стоящим поблизости телефонам-автоматам. Пока Денисов звонил на Курский, Антон рассеянно смотрел вокруг. Внезапно лицо его просветлело. Он с трудом дождался, пока Денисов закончит разговор.

— Я понял. Переписка должна быть у перекупщика! У того, кому оставляли краденые вещи в ячейке.

Мимо них к другой камере хранения ручной клади, расположенной в огромном серебристом ангаре, шли люди с чемоданами, свертками, баулами, вели за руки детей.

Антон продолжал обосновывать версию:

— Камера хранения была почтовым ящиком. Одни крали. Пиджаки, транзисторы, хрусталь. И привозили сюда. Перекупщик уносил товар и в обусловленном месте оставлял деньги...

Поток пассажиров обтекал их с обеих сторон, Антон не замечал его.

— Именно он, перекупщик, получил вещи по паспорту Баракаева, когда их из ячейки перенесли на склад... Вот!

Денисов был с ним согласен, но не считал возможным на этом останавливаться. Вывод Антона должен был служить опорой, посылкой для последующих умозаключений.

Он спросил:

— Что мог предполагать так называемый перекупщик, когда вместо вещей и ценностей обнаружил в ячейке письма Беаты к Максиму? Что он должен был подумать? Ну, во-первых, он решил, что конверт изъят во время самочинного обыска...

Вопрос не был праздным. От ответа на него зависел выбор направления, в котором следовало искать письма.

— Я считаю, что он догадался о характере переписки, — сказал Антон. — Не думаю, что Беата делилась в письмах новыми идеями в физике. Скорее предположить, что это мог делать Максимов в своих письмах. Но они, к счастью, не пропали.

— Выходит, перекупщик может их попросту выбросить?

— Надо узнать, кто он, — такая последовательность казалась Сабодашу предпочтительнее. — Преступники, задержанные на Курском вокзале, наверняка будут его скрывать.

— Будут или не будут... — Денисов поправил куртку. — Скорее всего действительно будут. У перекупщика при обыске, возможно, будет найдено краденое. Он может рассказать о преступлениях, которые пока неизвестны. Но сейчас нас должно интересовать, как он объяснил себе появление в ячейке писем.

Антон задумался, пожал плечами.

— Понял ли он, что произошла ошибка и к нему в ячейку попала чужая корреспонденция?

— Денис! — Антон вдруг просиял. — Кажется, я знаю. Он понял. И поскольку он человек бесчестный... Честные люди, как известно, не входят в сговор с мошенниками! Прочитав письма, он попытается шантажировать!

— Кого?

— Думаю, Беату. Какой смысл предлагать переписку ее мужу?! С Беаты можно получить больше. Факт?

— Допускаю. — Денисов согласился, однако не безоговорочно. — Ведь именно Беату ему трудно установить! Вряд ли она указывала на открытках и письмах свой обратный адрес.

— А если через институт? Все зависит от того, в чьи руки попала переписка!

— Беспокоиться стоит за Максимова... — пришел к выводу Денисов.

— Пожалуй. В письмах наверняка есть адрес — Соколова Пустынь. Фамилия и инициалы Николая. А в письмах речь идет о Сергее. И ребенок поймет, что Николай — это для конспирации...

— Я о другом. Станут ли на этот раз письма средством шантажа или нет... Не суть важно. Но ведь кто-то охотился за перепиской?! Не перекупщик краденного — другой! Почему?! Что тот хотел?!

— Вот и я! — заведующий складом появился, как и обещал, скоро, словно почувствовал, что его ждут.

Крутой лестницей он первым вступил в подвал.

— Начальник вокзала задержал... — Ощувив во круг знакомый реквизит, он вновь стал профессионально осторожен и уклончив. — Чем могу быть полезен?

— Дело в том, — начал Антон, — что вещи из восьмьсот девяносто шестой попали на склад в тот самый день, когда их положили на хранение. Монетопровод неисправен...

— Да? — Взвесив «за» и «против», заведующий подтвердил: — Такое могло случиться.

— Но это нарушение!

— Конечно, — завскладом развел руками. — Думаете, мне приятно? В ячейке вещи переписать, сюда доставить, вписать в две книги, а потом выдать! Будто больше делать нечего!

— А механики? Где профилактический ремонт?!

— Механики мне не подчинены...

Пока Антон занимался выяснением причин и условий, способствовавших случившемуся, Денисов получил неожиданную передышку.

«Конечно же, с самого начала следовало, что удар направлен не против Беаты, а против Максимова...»

Денисов подвинул себе стул, сел. Установив в принципе, что письма Беаты попали к постороннему лицу, далекому от науки, от НИИ физики металлов, они могли считать, что выполнили данное ими заявительнице обязательство.

«Сейчас ей ничего не грозит...»

Но оставался Максимов.

«У Сергея много интересных, оригинальных идей... — вспомнилось Денисову. — Но он непробивной, нецелеустремленный, вечно во всем сомневается...»

Денисов поднялся со стула. Ему показалось, что они напрасно теряют время.

— Хасянов здесь? — спросил он у заведующего.

— Хасянов шел за мной...

Старший кладовщик появился словно по мановению волшебной палочки.

— Как раз собирался вам звонить, — невозмутимо сказал он, увидев Денисова.

— Мы интересуемся человеком, который получил вещи по паспорту Баракаева...

— Помню. Куртка на застёжках, шапка из светлой нерпы. Лет тридцати пяти... — Старший кладовщик был внимателен. Денисов с самого начала на это рассчитывал. — С «дипломатом».

— Как он вел себя?

— Спокойно. Сказал, что хочет получить вещи.

— Постарайтесь вспомнить мелочи. Вы спросили про шифр?

— Без шифра не выдал бы! Тут еще что? — Он посмотрел на заведующего складом. — Шифр с «Б». И фамилия тоже. Я дал ему бланк, он написал заявление.

— Покажите.

— Пожалуйста.

Заявление было написано мелким выработанным почерком. Денисов обратил внимание — авторучка скользила легко, еле касаясь бумаги, оставляя четкий тонкий след.

— Он пользовался вашей авторучкой?

— У него своя, перьевая. Китайская или японская. Я знаю: у моего сына примерно такая же. Четвертной отдали.

— Он пишет: «ювелирные изделия», — заметил Денисов. — По-моему, там их не было.

— Не было, — подтвердил Хасянов. — Но он и не настаивал. Сказал: «Видимо, в другом чемодане».

— Странно. Наверное, в бауле было еще что-то? — спросил Денисов. — Малоценные предметы, бумаги. Вы же не включаете их в акт?

— Всего не включишь.

— Припомните.

— Несколько блокнотов. Какой-то бланк, по-моему. Я еще заинтересовался! — Вспоминая, Хасянов, казалось, не испытывал ни малейших затруднений. — Незаполненный.

— С печатью?

— Без. Вроде акта.

— Может, протокол? Или постановление?

— Вспомнил! Постановление какое-то незаполненное — пустой бланк.

— Это бланк постановления на обыск, — сказал Денисов Антону.

Заведующий, молча листавший акты за столом, поднялся, зажег второй светильник, снова склонился над бумагами. Денисов обратил внимание на то, что портфель и целлофановый пакет, которые они утром осматривали, так и стоят на виду, у стола.

— Надо их положить опять на стеллаж.

Заведующий поднял голову.

— За ними придут?

— Возможно. Поставьте нас сразу в известность.

— Обязательно.

— Теперь на Курский? — спросил Антон, когда они поднялись из подвала.

— Сначала найдем адвоката.

— Если он не уехал.

Баракаев раздраженно ходил неподалеку от входа в отдел, хотя давно уже должен был быть на Курском.

Денисов счел это добрым предзнаменованием — ему хотелось подробнее расспросить о судебном процессе взыскчиков, в котором адвокат участвовал.

— Из шестьдесят восьмого отделения так и не приезжали? — спросил Денисов. — Еще раз здравствуйте.

— Привет. Нет, не приезжали. Нас с женой просили самих заехать на Курский, в отдел внутренних дел. — Баракаев нетерпеливо посмотрел на часы. — Там подозреваемые, все готово для проведения опознания. И там же должны решить, какое следственное подразделение по территориальности будет вести дело. А я, как всегда, дожидаясь жену!

— Опаздывает?

— Сверх меры. — Он снова посмотрел на часы. — Правда, есть смягчающее обстоятельство. Не на кого оставить малыша. Теща должна ее подменить.

Адвокат выглядел импозантно. Люди, направлявшиеся по платформе от метро к поездам, обращали на него внимание.

— Идемте в отдел, — предложил Денисов. — Из окна будет видно...

— Нам тоже на Курский, — пробасил Антон. — Возьмете?

— О чем речь!

— Сюда, по коридору...

Они обосновались в комнате рядом с дежуркой, у окна. Отсюда хорошо было видно стоянку служебного автотранспорта и всех, кто сворачивал с платформы к отделу внутренних дел. В этот час, не отмеченный уголовной статистикой, в комнате для заявителей, кроме них, никого не было.

— В какой стадии сейчас находится процесс о взыскчиках, про который вы рассказывали? — спросил Денисов.

— Заканчивается судебное следствие. — Баракаев оживился. О судебном процессе, заметил Денисов, он говорил с видимым удовольствием. Возможно, это был наиболее крупный процесс, в котором он когда-либо участвовал. — Теперь прения сторон, последние слова подсудимых. И приговор.

— Сегодня у вас свободный день?

— И вчера, позавчера. Перерыв. Представляете? Эксперты запросили столько времени для подготовки заключения и ответов на вопросы!

— Так много? — удивился Антон.

— Ими занималось Главное управление БХСС! Преступная группа дельцов! Подсудимые и стороны задали в общей сложности сколо трехсот вопросов, связанных с проведением бухгалтерских экспертиз...

— Подпольные миллионеры?

— Были и такие. Но ваши товарищи хорошо поработали. Деньги, ценности, меха — все изъято.

— Подсудимые под стражей? — спросил Денисов.

— Основные под стражей. Но есть с подпиской о невыезде, на свободе.

Еще утром по дороге во Внуково в машине Денисов обратил внимание на рассказ Баракаева о взаимоотношениях бывших соучастников. Можно было представить, какая борьба велась между ними вне суда. Думая об этом, инспектор связал перипетии этой борьбы с самостоятельным обыском у адвоката.

— А ваш подзащитный? — спросил Денисов.

— Тхагалегов Валерий Павлович. Пока велось дело, год отсидел. Сейчас на свободе.

— Жена к нему так и не вернулась?

— Нет, — Баракаев улыбнулся. — Он и сейчас занимается семейными проблемами. Суд разрешил ему на три дня выехать из Москвы. Для устройства личных дел.

То, о чем Баракаев говорил, могло иметь отношение к судьбе разыскиваемой Денисовым и Сабодашем переписки. Письма Беаты то пропадали напрочь, то появлялись снова — вместе с новой денисовской версией. Из-за случайной неисправности в ячейке, думал Денисов, переписка, возможно, попала в котел большого судебного процесса, в котором участвовал Баракаев, и могла в лучшем случае сгинуть среди других бумаг, а в худшем — чем черт не шутит — стать чьей-то ставкой в борьбе привлеченных к уголовной ответственности дельцов за то, чтобы остаться на свободе.

— Надеется помириться с женой! — Баракаев покачал головой. — Какой наив! В конце судебного следствия! Перед самым обвинительным приговором.

— Другие подсудимые, я чувствую, более... — Денисов искал слово, — зубастые! — Он проверял свою мысль.

Баракаев простер руки.

— Никакого сравнения! Так преобразились, пока под стражей! Теперь это законченные уголовники. Вчерашние собутыльники перегрызлились как волки. Я вам не зря

сказал, что боюсь, когда суд предъявляет им для ознакомления доказательства. На все способны! В одних вопросах они блокируются, в других — стремятся топить друг друга. Хоть в стакане воды...

Денисов вынул из блокнота заявление, которое они изъяли на складе не востребуемых вещей. Написанное от имени адвоката, оно содержало просьбу о выдаче перенесенных из ячейки картонной коробки и баула.

— «От Баракаева...» Гм! — Адвокат пробежал глазами заявление. — Хотел бы я познакомиться с автором!

— Вы могли его видеть. Мне как раз и хотелось это проверить. Лет тридцати пяти. На нем куртка на застегках, шапка из нерпы. Может, встречался в зале суда?

Адвокат еще раз просмотрел заявление, вернул Денисову.

— С подсудимыми мы видимся только в зале. Я имею в виду тех, кто не под стражей. Они в костюмах, в галстуках, без головных уборов. Совершенно не представляю, в чем они появляются на улице. Другие же сидящие в зале — родственники. Не знаю. На Тхагалегова, по крайней мере, ваш знакомый не похож...

— Тхагалегов? Нет. — Денисов убрал бумагу в блокнот. — Куда ездил? В Курск? — Он догадался об этом.

— Именно! До вынесения приговора предстал, так сказать, перед семейным трибуналом. Да еще в конце судебного следствия на нашем процессе!

— В Курске тоже произведен самоочинный обыск, — сказал Денисов. — Знаете?

— Мне никто не говорил! — Баракаев взглянул в окно и сразу засуетился. — Наконец-то! Думал, сегодня уже не уеду! Ну, вы готовы?

— Да. Так когда конец судебного следствия? — успел спросить Денисов.

— Пойдемте. — Адвокат уже шел к дверям. — Судебное следствие? Оно заканчивается завтра.

6

Знакомый Денисову ночной инспектор выглядел основательно вымотанным: соображал с трудом и никак не мог схватить суть разговора.

— Ты приехал один? Или вместе со следователем? — спросил он у Денисова. — Кто у вас дело ведет?

— Пока никакого дела. Со мной дежурный, Сабо-
даш.

— Ты же собирался... — Инспектор был уже в го-
дах, опытный. Он очень хотел спать, понимал, что вре-
менами говорит невпопад, и только посмеивался над со-
бой, полностью тем не менее осознавая происходящее
вокруг. — Еле ворожаю мозгами! — Лицо у него было
тяжелое, с набрякшими подглазьями. — А в принципе
теперь можно здесь обойтись без меня.

— Почему же не уходишь?

— Инерция!

Денисов хорошо представлял это состояние.

— Знакомо.

— Теперь говори, что тебе от меня...

— Что можно сказать о задержанных? — спросил
Денисов. — Поскольку ты все равно здесь. Что они за
люди?

— Пока у меня нуль информации. Не знаю даже их
настоящих фамилий.

— Они не называют себя?

— Называют. Но адресное бюро данные не подтвер-
ждает.

— Значит...

— Кое-что могу предположить. Один недавно освобо-
дился из колонии. Тот, что старше. Типичный фармазон.
Мы дали ориентировку. Второй — тунеядец. Активной
роли не играл. К вечеру скиснет. Но пока!.. Короче, сам
увидишь. Я позвоню, чтоб их доставили. С кого хочешь
начать?

— С того, что старше.

Инспектор снял трубку прямой связи с дежурным.

— Подошли к нам задержанного Гребенникова...

— «Борис» есть среди них? — спросил Денисов. —
Может, фамилия второго начинается с Б?

— Не знаю. — Инспектор, похоже, на несколько
секунд отключился, тряхнул головой. — Могу пору-
читься только за свою фамилию. Она с другой буквы.
Тебе известно...

— Известно... Как вы тут считаете, почему последний
обыск они провели именно в Курске?

— Есть одна версия. Тот, что старше, в куртке с
капюшоном, утверждает, что раньше жил в Курске.

— Его нужно предъявить на опознание кладовщику
камеры хранения, который выдавал вещи Баракаева.

Инспектор пожал плечами.

— За чем же дело? Действуй.

— Ты можешь показать документы, записи, которые изъяли в Курске на самочинном обыске?

Инспектор кивнул на лежавший на столе конверт.

— Читай...

Документов было немного. Денисов выложил их на стол, внимательно просмотрел все: накладные, несколько полуделовых писем, блокнот с адресами.

— Икру в банках изымали? — спросил Денисов.

— Две банки по полкило. Сдали в холодильник ресторана.

— Они — как визитные карточки всех, у кого произвели обыски.

Денисов был доволен: во вновь обнаруженных фактах не оказалось ничего, что противоречило бы логике событий, как он ее себе представлял.

— Точно. Как визитные... — Инспектор прикрыл глаза. — Этот потерпевший из Курска — работник рыбного магазина. Как и его бывший зять — Тхагалегов. Обвиняется в посредничестве при передаче взяток.

Денисов положил конверт с документами на место.

— Мне это известно от адвоката.

— В чем же твой интерес, не пойму? Взятками вроде уголовный розыск не занимается!

— Меня интересует человек, которому оставляли вещи в камере хранения. К нему в руки попали письма заявительницы... К твоему делу это не имеет отношения.

— Об этом, представь, я догадался! Мне свой воз придется тащить самому.

— Ты крепкий. Как вы обнаружили этих двоих здесь, на Курском вокзале?

— По приметам. Когда они вышли на платформу.

— Сопротивлялись?

— Только один. Гребенников. Поэтому мы ими и занимаемся вместо того, чтобы сразу передать их вместе с материалами в Курск. Или еще куда-то.

— В шестьдесят восьмое. Или в Строгино. Там тоже произвели обыски.

— Я знаю. — Инспектор мужественно боролся со сном. — Обыски, связанные с этим Тхагалеговым. Я интересовался.

— Твоя версия?

— У абсолютного большинства подсудимых на процессе изъяты значительные ценности. Только у некоторых при расследовании не удалось ничего обнаружить.

Может, лучше прятали? Среди них как раз Тхагалегов. Ни сберкнижек, ни мехов... И вот теперь кто-то из уголовников решил попытать судьбу.

— Тхагалегов бывал в Строгине?

— Жил. Когда расстался с женой, получилось так: она просила не мешать ее счастью с любимым человеком, и он ушел на квартиру в Строгине.

Хотя инспектор просил доставить Гребенникова, в кабинет ввели молодого, в плаще. Следом вошел Антон, он конвоировал задержанного от дежурки. У парня было веснушчатое лицо, пунцовый рот. Вокруг лица крупными кольцами вились золотые пряди.

— Падший ангел, — усмехнулся инспектор, здороваясь с Антоном. — Садитесь.

Задержанный просительно улыбнулся:

— А закурить найдется?

— Найдем, — Антон, попыхивая папиросой, потянулся за пачкой, но задержанный предупредил:

— Этого не курю. «Столичные». Или «Яву».

— Только «Беломор», — сказал Антон.

Задержанный поправил золотистую прядь.

— Может, попросите для меня в соседнем кабинете?

— Сейчас! Разбежались, — буркнул инспектор.

Антон поднялся.

— Попробую достать. — Он вышел, через минуту вернулся, неся в руке несколько сигарет с фильтром. — Держи. И давай говорить откровенно. Так будет лучше.

— Я и так откровенно, — сказал задержанный, беря сигарету и прикуривая. — Спасибо.

Денисов вышел в коридор. У кабинета линейно-следственного отделения стояло и сидело несколько человек — те, у кого были произведены незаконные обыски, в том числе Баракаев с женой. Денисов обратил внимание на одного — поджарого немолодого мужчину — с седоватой острой бородкой клинышком и отечными глазами. Он разговаривал с адвокатом.

«Тхагалегов?» — прикинул Денисов.

Еще один человек, уже в годах, читал у окна журнал. Денисов представился ему:

— Как все происходило при обыске? Можете рассказать? Хотя бы в общих чертах.

— Живу в Строгине. — Мужчина закрыл журнал. — Ко мне они пришли днем. Тот, что в куртке, постарше, показал красную книжечку, но в руки не дал. Из папки достал протокол.

— Постановление на обыск или протокол?

— Да уж не знаю. С обысками до этого времени я дела не имел.

— Так.

— Пригласили соседа, стали искать. Переворошили одежду, письменный стол. Каждую бумажку рассмотрели. Каждую книжку. Все комнаты перерыли.

— У вас несколько комнат?

— Трехкомнатная квартира... Потом говорят: «Некоторые вещи возьмем для проверки». Я руками развел: «Проверяйте, только у нас все свое. Заработанное». Тот, молодой, сукин сын, улыбается. «Если свое, — говорит, — извинимся и возвратим». Улыбка бесхитростная. Я поверил.

Жена Баракаева, прислушивавшаяся к разговору, вмешалась:

— Мне он тоже сказал: «Сам привезу. Лично извинюсь и поставлю на место».

— Тебе еще дадут слово. — Адвокат взял жену за руку.

Когда Денисов вернулся в кабинет, там уже сидел второй задержанный, тот, что постарше, в короткой куртке с капюшоном. Инспектор и Сабодаш закончили с ним разговор, но задержанного оставили, чтобы Денисов мог задать свои вопросы.

— Нашли при обыске то, что искали? — спросил Денисов.

— Я лично ничего не искал, — задержанный держался весьма уверенно. — Здесь какая-то ошибка.

— Может, ваш товарищ искал?

— У меня нет товарищей. Я же говорю: ошибка. — Называвший себя Гребенниковым подтянул «молнию» на куртке. — Никого не знаю.

— Он еще дойдет до кондиции, — махнул рукой инспектор. — Я предупреждал. Проведут опознания, очные ставки. Потом с ним и поговорим.

— Ничего не знаю, — поспешно вставил задержанный.

— А что падший ангел? — спросил Денисов, когда задержанного увели.

Антон вздохнул:

— С ним все ясно. Родители упустили. В детском возрасте. Совершенно бесстыдный тип.

— Хочешь еще с кем-нибудь поговорить? — спросил инспектор у Денисова.

— С подзащитным Баракаева. Тхагалеговым.

— Сейчас.

Инспектор направился к двери. Несколько минут он отсутствовал, вернулся с бородатым мужчиной, которого Денисов видел в коридоре.

— Тхагалегов Валерий Павлович? — спросил Денисов. — Садитесь.

— Спасибо.

— Денисов, инспектор уголовного розыска.

— Очень приятно. — Бородатый изобразил лицом и позой живой интерес, которого в действительности, похоже, не испытывал.

— У ваших родственников произведены незаконные обыски. Вам это известно?

— Да, да... Какая неприятность!

Тхагалегов несколько раз принимался сокрушенно кивать, поддакивать: «надо найти», «наказать...» «Ах, нашли?» В то же время, Денисов видел, ничто его не интересовало. Он был занят своими мыслями, не связанными, очевидно, ни с процессом о взятках, ни с обысками.

— Заканчивается судебное следствие, скоро приговор, — сказал Денисов.

— Вот именно...

Он снял очки, безразлично помассировал переносицу, но вдруг словно что-то почувствовал, насторожился. Поднял голову. В комнате чуть слышно звучало радио.

— Включите, пожалуйста. — Он поискал глазами динамик. — Кажется, на стихи Дениса Давыдова. Романс... Сто лет не слышал!

Инспектор поднялся к приемнику, повернул регулятор — раздалось несколько заключительных аккордов гитары, и все смолкло.

— Поздно включили, — с сожалением сказал Тхагалегов. — Потрясающий романс... «Любовь стараясь удержать, как саблю, тянем мы ее: один — рукой за рукоять, другой — рукой за острие!..» Не слышали?

«Если Тхагалегов — тот человек, у которого при самочинном обыске можно найти значительные ценности, золото, меха, — подумал Денисов, — то вуалирует он это мастерски».

Диктор объявил следующий номер — испанскую серенаду, инспектор повернул выключатель.

— У вас что-то связано с этим романсом? — спросил Антон.

Тхагалегов обернулся к нему: -

— Связано, знаете ли...

Денисов вовремя прервал их элегический разговор:

— У меня несколько вопросов по вашему делу... Скажите, взятки от расхитителей передавались не только в деньгах?

— В основном рыбoproдуктами.

— А точнее?

— Икрой. Ценными породами рыб.

— Вы действовали по чьему-то указанию?

Тхагалегов поскучнел.

— Я уже объяснял суду. Мне показали распоряжение, чтобы я ежемесячно отвозил определенное количество банок одному человеку. Для экспертизы.

— Домой или на работу?

— И домой тоже...

— Дальше.

— Я удивился, попросил дать распоряжение мне на руки. Мне дали. Сейчас говорят, такого распоряжения не было... По крайней мере, в книге регистрации распоряжений оно не значится.

Ночной инспектор хмыкнул, но ничего не сказал.

— А распоряжение? — спросил Денисов. — Его единственный экземпляр? Тот, что был у вас в руках, — где оно, распоряжение?

Тхагалегов нервничал. Он явно не знал, как ему себя вести с сотрудниками милиции.

— Скажем иначе... Распоряжение находится в уголовном деле? Да или нет?

— Нет. — Тхагалегов отрицательно качнул головой.

— Не понимаю! — Антон вскочил. — Если вы не такой, каким вас кто-то хочет представить, — почему сразу не приобщить это распоряжение к уголовному делу? Что за ерунда?! Вот.

Слова Антона вызвали неожиданную реакцию — Тхагалегов тоже вскочил.

— Во-первых, меня обвиняют не только в этом. А во-вторых, я предпочел бы об этом говорить не здесь. Вы же видите, — закричал он, — эти мерзавцы — бывшие мои сослуживцы! Они же идут на все, только бы самым выкарабкаться! Готовы выкрасть мои листы из дела, порвать! Я боялся, ждал суда... — Он посмотрел на Денисова, угадав в нем человека, имеющего решающий голос и наиболее заинтересованного. — Вы разрешите мне уйти? Меня ждут там, в коридоре.

Денисов пожал плечами — он не мог задерживать Тхагалегова против его желания.

— До свидания. — Тхагалегов рывком захлопнул дверь.

— Все ясно: цель обысков — распоряжение. — Ночной инспектор, молчавший в течение всего разговора, с трудом разлепил веки. — Оно выдает с головой его автора и того, кому отсылались взятки.

Антон кивнул:

— Им грозит наказание, и они идут на все, чтобы помешать Баракаеву представить доказательство в суд! Даже на самочинные обыски. Ну, публика!

Антон уже не вспоминал о похищенной из ячейки переписке — ее заслонило дело Тхагалегова. Таков был Антон — любая несправедливость касалась всегда его лично, каждое новое дело брало в плен.

Денисову оставалось уточнить последние вопросы у адвоката. Он разыскал Баракаева — тот уже собирался уезжать — и попросил на несколько минут в соседний кабинет, к ночному инспектору.

— Кажется, это никогда не кончится, — вздохнул адвокат, здороваясь с ночным инспектором и беря стул, на котором несколько минут назад сидел его подзащитный. — Слушаю.

— Вы рассказывали о взяткополучателе, — сказал Денисов. — Помните? Которому Тхагалегов приносил икру в стеклянных банках. Вася...

— Сысоев. Сейчас он находится под стражей.

— Свою вину в получении взяток он признал?

— Отрицает.

— А кто подписал распоряжение Тхагалегову о направлении икры через Сысоева?

— Один из работников фирмы, Гурин. — Баракаев не удивился вопросу. — Он был связан со сбытом. То же привлекается к уголовной ответственности.

— Арестован?

— Пока на свободе.

Антон не выдержал:

— Гурин тоже отрицает распоряжение?

— Тоже.

— И на свободе! Не боитесь, что скроется?

Баракаев рассмеялся:

— Куда он денется! Найдут! А вот тогда ему уже не поздоровится!

— Какой он из себя? — спросил Денисов. — Попробуйте обрисовать.

— Моих лет, — адвокат задумался. — Хорошо одевается. Изящно, но подчеркнуто скромно.

— Можете назвать его полные установочные данные, адрес?

— Гурин. Бронислав Гурин.

«Б — первая буква шифра...» — подумал Денисов.

— Адрес можно посмотреть по обвинительному заключению.

— Оно у вас с собой?

— Сейчас я позвоню кому-нибудь из коллег.

— Еще вопрос: не упоминается ли в процессе в связи с Гуриным какой-нибудь шифр? Дверного замка, сейфа?

— Да, упоминается.

Оказалось, Денисов ломился в открытую дверь.

— Шифры — его слабость. По заказу фирмы подбирали несколько наименее употребительных сочетаний для номерных замков.

— Ну, дела, — ночной инспектор вздохнул.

— Мытная, — сказал адвокат, позвонив кому-то, — дом двадцать три...

— Распоряжение-то цело? — спросил ночной инспектор.

— Это адвокатская тайна. — Все засмеялись. — Теперь, наверное, все!..

7

Гурин был прописан в массивном, довоенной постройки здании, выходившем окнами на продовольственный магазин. Когда Денисов и Сабодаш подъехали, магазин был закрыт на перерыв. Несколько пожилых женщин с сумками коротали время у входа.

— Кажется, здесь, — сказал Антон.

Они вышли на углу, постояли, осматриваясь. Никто не следил ни за ними, ни за их машиной, не наблюдал из подъезда напротив. Ветреная неприятная погода и легкий мороз продолжали держаться и после полудня.

— Постой. Я посмотрю номера квартир. — Антон ушел в подъезд. Денисов двинулся вдоль фасада, заглянул за угол.

Тротуар здесь был узкий, с врезанными в него квадратными углублениями для стоянки машин. В них сверкали намерзшие за ночь лужи. В темных зеркалах сквозь трещины просвечивала стекловидная кристаллическая структура.

«Если размышления над каплей воды, — подумал Денисов, — уведут к океанам, то замерзшие лужи, безусловно, напоминают о Северном Ледовитом...»

— Сюда! — махнул рукой Антон, появляясь из подъезда.

Квартира оказалась на третьем этаже. Они поднялись на лифте, позвонили в обитую траурным дерматином дверь. Внутри квартиры было тихо. Они позвонили снова — никто не ответил. Чуть приоткрылась соседняя дверь.

— Постучите, она плохо слышит; — сказала соседка. — Она вообще у них того... Вот люди! Привезли старого человека из деревни. Ничего толком не объяснили. Сидит в доме целыми днями одна. Одичала, поди... Стучите сильнее... — Дверь захлопнулась.

— Это по моей части. — Антон дважды вроде и не сильно коснулся кулаком середины траурного прямоугольника.

Некоторое время еще за дверью ничего не было слышно, потом раздались шаги, послышались звуки открываемых замков, лязг металлической цепочки. На пороге показалась старуха в кофте, в длинной юбке, с платочком на голове.

— Нету хозяев, — сказала она. — Ушли давно.

— Это Бронислава Гурина квартира?

— Его, Бориса... Только ушел он.

— Когда?

— А как утром встал, так и ушел. Говорила: поешь немного. Не стал...

— Куда собирался Борис-то?

— А бог весть... Да вы зайдите. Может, и дождетесь.

— Да неудобно как-то без хозяина, — сказал Антон.

— Входите, входите: — Старуха отступила на шаг, приглашая в квартиру. — Тут уж до вас ого сколько много народу приходило. Теперь-то не ходют... А мы с вами сейчас чайку... В одиночку-то чай не пьется, а в компании — куда слаще!

Антон вошел первым, за ним Денисов. Автоматический замок щелкнул за его спиной.

Квартира была просторная, с широким довоенной планировки коридором, настенным шкафом в нише. Когда зажгли свет, оказалось, что выходящие в коридор двери двух изолированных комнат опечатаны. Белые листочки с сургучными печатями были соединены со скобами крепкими суровыми нитками.

Старуха обитала в третьей комнатке, маленькой, полупустой, со старым продавленным диваном. Сам Гурин по большей части располагался, должно быть, на кухне: у стены, за дверью, стояла алюминиевая раскладушка с вложенным в середину одеялом, под столом валялось несколько пустых жестянок из-под импортного пива.

Старуха поставила на плиту чайник.

— Вы ему кто будете, Борису-то? — спросил Антон.

— Своя я им... С ребеночком сидела, — она продолжала улыбаться. — Привезли меня они... Из деревни. Нянька я.

— А где сейчас все? Жена, ребенок?

— А уехали. У матери своей теперь живет... И Мишенька там. Пусто! Раньше дак тут не протолкнешься — народу!..

— Скоро вернется, не говорил? — Денисов показал на раскладушку за дверью.

— Борька? А кто знает...

Старуха была в ровном расположении духа, не испытывала ни малейшего беспокойства ни за себя, ни за Гурина, из этого состояния ее не выбило ни появление в квартире незнакомых людей, ни вопросы, которые они задавали. Денисову тоже показалось, что она не в себе.

Он обвел взглядом кухню, кивнул Антону на обретенную, видно, впопыхах авторучку — металлическую, фирмы «Пайлот». Наверное, ею Гурин и заполнял заявление на складе не востребовавшихся вещей.

Денисов вернулся в коридор. Шкаф был открыт, в первом отделении, внизу стояли рядом баул и картонная коробка. Поверх баула был небрежно брошен почти новый кожаный пиджак. Явно баракаевский.

Сбоку, на полке вразброс валялись бумаги: накладные, спецификации, длинные перечни, аккуратно опечатанные на белой вощенной бумаге, копии приказов и распоряжений.

По-видимому, привозя домой вещи с вокзального склада, Гурин не распаковывал их — ценности принад-

лежали уголовникам, занимавшимся производством самодельных обысков, — а выбирал только бумаги в надежде, что среди них однажды окажется подписанное им незаконное распоряжение Тхагалегову.

Подошел Антон.

— Наш конверт он не понес домой.

Денисов молча показал на торчавший из-под бланков и копий обрывок тетрадного листка с несколькими словами, написанными крупным округлым почерком. Это было окончание письма. Антон прочитал:

— «...рентгено-электронный спектрограф. Вот все. Поспешите с публикацией. Целую. Беата».

— Чаёк-то заварила! — крикнула с кухни старуха. — Идите сюда.

— Давай попьем, — предложил Антон. — Не будем обижать бабу.

Денисов согласился: Антон был добрее и тоньше в обращении с людьми. Этому невозможно было научиться, это не приобреталось с опытом.

— Только сначала позвоним на Курский: пусть приезжают за вещами.

— Я сам. Телефон у вас где? — спросил Сабодаш.

— Там, — откликнулась старуха, — в сенцах...

Телефон стоял у самых дверей, на тумбочке.

— Нашел!..

Денисов прошел на кухню, к столу — старуха уже хлопотала с чаем. Чашки были разнокалиберные, старые. Женщина перехватила его взгляд.

— Сервизы-то все описали, милушка. Хорошую-то посуду. — Она достала сушки из пакета, насыпала в глубокую тарелку. — Сколько звала: «Айда в Вохму! В райпищеторг или в райпо». А леса там какие у нас! — Она вздохнула. — Не хочет...

— Вы из Вохмы? — спросил Денисов.

— Нет. Носковского сельсовета...

Чай был духовитым. Старуха принимала гостей по-деревенски радушно, с достоинством, будто в своем доме на Севере. Вошел Антон.

— Сейчас выезжают, — сказал он. — Привезут санкцию прокурора на обыск.

— Не заметили, мамаша, — спросил Денисов, — хозяин налегке ушел? Чемодан не брал?

— Легко. Взял с собой это... — Она начертила в воздухе неправильный квадрат. — Не могу выговорить.

— «Дипломат»?

— Он самый.

— А что в нем?

— А все! Одежда на перемену. Что надо.

— Он собирався уезжать?

— В куртке пошел, в шапке.

Денисов махнул рукой. Не спеша допили чай, вот-вот должна была подъехать машина с Курского.

— Еще? — спросила хозяйка.

— Спасибо, — Денисов поднялся. — Я могу позвонить?

— А, звони-и... — сказала старуха нараспев.

Вначале он набрал номер дежурного по отделу. Там все было спокойно и шло своим чередом. Ни его, ни Сабодаша никто не разыскивал.

— Хотя, подождите, — попросил помощник дежурного. — В черновую книгу загляну. Я тут отходил... Есть!.. — крикнул он через секунду-другую. — «Позвонить Беате». Телефон вы знаете?..

Денисов позвонил в НИИ.

— Я слушаю, — ответил знакомый голос.

— Денисов говорит.

— Я несколько раз вам звонила.

— Что-нибудь случилось?

— Наоборот... — Голос звучал бодро. — Я даже рискую обратиться с просьбой. Вы, конечно, будете раздосадованы: «Взбалмошная баба — то одно, то другое. Столько сил потрачено...» Я прошу вас оставить все как есть.

— Не понимаю.

Она объяснила сбивчиво:

— Не надо больше искать. Письма пропали, они не могут мне повредить. Это главное. Я ничего не хочу... Муж дозвонился ко мне. Оказывается, в командировке он приболел. Я ничего не знала. Поэтому приехал раньше срока, сейчас вернулся домой из поликлиники... Ничего больше делать не надо. Я благодарна вам и извиняюсь за хлопоты.

— Ваше право. У нас, между прочим, как будто неплохие новости для вас... — Денисов постарался обрисовать ситуацию, связанную с использованием ящйки камеры хранения в качестве почтового ящика преступной шайки. — Часть этих людей арестована, другая находится в поле зрения работников уголовного розыска. Полагаю, ваши письма у одного из них.

— Господи!..

— Сейчас это ничем не угрожает.

— Тем более! Я так натерпелась за эти сутки. Хочу хотя бы эту ночь спать спокойно.

— Законное желание... — Денисов не мог его не понять. — Но письма могут быть использованы не только против вас... И против Максимова!

— Согласна. Но...

Денисов почувствовал, что он не в силах ее переубедить. Поэтому спросил только:

— А если письма окажутся у нас?

Она живо откликнулась:

— Звоните в любой час дня и ночи, я сразу приеду. А искать не надо...

Денисов вернулся к столу, за которым Сабодаш и хозяйка продолжали чаепитие. Старуха достала из тумбочки тарелку с сушками, к которым, видимо, испытывала пристрастие, молока.

— К чаю молочка... — предложила она Денисову.

— Спасибо. — Он отказался.

— Что нового? — Антон ждал, когда Денисов сообщит ему результаты разговора.

— Заявительница поблагодарила нас за хлопоты, извинилась. Просила больше не беспокоиться.

— Она разговаривала с мужем?

— Да. Все в порядке. Этим она и мотивировала решение.

— А как же с Максимовым? — спросил Антон. — Не попадет он по приезду как кур в ошип?! Что ты решил!

— Я еще не решил.

Денисов снова вернулся в прихожую, к телефону. На этот раз он набрал другой номер НИИ — ответила женщина, с которой он разговаривал утром о Беате.

— Здравствуйте. Дело такого рода... — Денисов снова сослался на ФИАН. — Мне необходимо согласовать тему доклада с одним вашим товарищем... Как его найти?

— Только с одним?! — На этот раз женщина оказалась весьма приятным собеседником — ироничным и благожелательным. — Кто вас конкретно интересует?

— Максимов.

— Всем нужен Максимов, — констатировала она. — А наш блистательный... — Она произнесла фамилию, которую Денисов не разобрал. — Как бы и не суще-

ствует... Максимов в командировке, товарищ! Вам срочно?

— Очень.

— Видимо, связано с поверхностным слоем... Что же тянули до последнего дня?!

— Так получилось.

— Ничего не поделать, товарищ... Придется вам согласовать с Федотовым. — Ту же фамилию, понял Денисов, она произнесла и в первый раз. — Сочувствую, но ничего не могу предложить другое.

— Федотов... — Он словно раздумывал.

Женщина рассмеялась: ей казалось, что она угадала причину, по которой Денисов предпочитает одного научного работника другому.

— А что?! У Федотова научные открытия... Готова докторская! Корифей!

— Федотов? А не Максимов?!

— Сережа Максимов — энциклопедист. Он сразу станет академиком. Не знаю только когда... Вы уж лучше подождите его, он скоро будет в Москве. Пользы, по-моему, несравненно больше...

«Вот и ответ Антону, — подумал Денисов. — Тот, кто пристегивает к шарабану еще тройку лошадей, не идет ни в какое сравнение с первооткрывателем...»

— Что будем делать? — Встретил его в комнате Антон. — Скоро должна прийти машина за нами...

Денисов с удовольствием потянулся, далеко назад завел руки.

— Сначала добудем письма.

— А отказ Беаты?

— Она не против их получить. Просила звонить в любой час дня или ночи...

Антон удивленно посмотрел на него, но спрашивать больше не стал. Хозяйка потянулась к заварочному чайнику. Денисов поблагодарил ее, достал и переломил сушку.

— Этот остаток письма... — Антон снова достал тетрадный листок. — Может, он последний? А другие Гурин просто выбросил?

— Безусловно, нет, — Денисов принялся пить чай. — Он ничего не знает ни об испорченном монетопроводе, ни о поисках переписки. Он предполагает, что эти письма изъяты при производстве самоочинного обыска. У кого? Тут сообразить — большого ума не надо. Когда переписка попала в ячейку? — Денисов четко вы-

странвал свою версию. — До появления на его горизонте портфеля и целлофанового пакета... То есть до обыска в Строгине! Значит, по мнению Гурина, письма адресованы Баракаеву. Он ведь тоже Сергей. Постой!.. Гурин может попытаться шантажировать адвоката.

— Чуть подробнее, пожалуйста.

— Мне кажется, он будет предлагать Баракаеву письма в обмен...

— Понял! На распоряжение Тхагалегову насчет икры, с которым Баракаев, наверное, ни на минуту не расстанется! Соломинка, за которую хватается утопающий...

— Так или иначе Гурин должен считать, что переписка важна для адвоката, коль он держит ее у себя. Даже если бережет ее для приобщения к другому уголовному делу...

На обратном пути в машине Антон курил, Денисов смотрел по сторонам. Площади и набегавшие с боков улицы были ярко освещены. В туннеле под Садовым кольцом, который за сегодняшний день они проезжали уже во второй раз, стекала в водоприемники маслянистая жижа, дымился асфальт.

Водитель милицейского «газика» держал ближе к осевой, машины впереди освобождали левую полосу.

— Я думаю, — Сабодаш достал очередную «беломорину», — что рано или поздно переписка придет по адресу, указанному на конвертах. То есть в ту же самую Соколову Пустынь. Баракаеву ведь она не страшна! Гурин просто не знает об этом... Ты спишь?

Денисов открыл глаза. Плыли вокруг ранние сумерки, но фонари еще не зажигали.

— Гурина вообще, по-моему, сейчас мало что известно. Он, например, может не знать, что Гребенников, или как там его в действительности, и тот, второй, задержаны на Курском вокзале.

— Может не знать, — подтвердил Антон.

— Гурин в заявлении о выдаче вещей со склада указал, помимо прочего, «ювелирные изделия». Помнишь?

— Он полагал, что их изымут во время самостоятельного обыска у адвоката. Так?

— А их не было! И корректив тем не менее он не внес.

— Забыл?

Денисов покачал головой.

— Гурин и его друзья не поддерживают между собой постоянной связи. Может, он даже не хочет, чтобы они знали, кто он. Бойтся! Договорились о способе связи — через восемьсот девяносто шестую ячейку — и всё!

— Значит...

— Рано или поздно он придет на склад. Или кого-то пришлет...

Впереди показалось уже знакомое здание с башенкой, привлечшее его внимание утром. Здание быстро приближалось. Казалось, скоро можно будет рассмотреть портики и пилястры фасада, но Денисов знал: перед самым зданием Садовое кольцо свернет, и дом окажется в другой стороне.

— Сколько хранятся невостребованные вещи? — спросил Сабодаш.

— Полгода.

— Срок немалый...

— Ждать так долго не придется, — сказал Денисов.

— Почему?

— Гурин придет к ячейке сегодня...

Садовое кольцо круто свернуло в сторону, мгновенно переместив справа налево панораму ближайших зданий.

— ...Завтра заканчивается судебное следствие.

— Но ведь процесс продолжается! Еще будут речи прокурора и адвокатов. На это уйдет несколько дней. И лишь потом приговор!

Историк, Сабодаш не очень четко представлял условия судебного разбирательства. Денисов поймал в зеркале обращенный к нему взгляд, объяснил:

— Стороны обязаны представить доказательства суду до окончания судебного следствия. Иначе суд не сможет принять их во внимание при вынесении приговора.

Впереди показался вокзал.

— Гурин понимает: завтра в последнем ходатайстве, под занавес судебного следствия, Баракаев заявит о приобщении к делу письменного распоряжения Тхагалегову, а прокурор, несомненно, будет просить суд о взятии Гурина под стражу. Таким образом, у Гурина сегодня последний шанс...

Они уже разворачивались на площади.

— Внимание, двести первый! — раздалось вдруг из

установленной в машине рации. Денисов перегнулся через сиденье, взял трубку.

— Да, двести первый слушает.

— Где находитесь?

— Подъезжаем к базе.

— Младший инспектор принял под наблюдение неизвестного. Он пытался открыть ячейку восьмьсот девяносто шесть.

8

В зале для автоматов камеры хранения было много людей. Несколько пассажиров у входа торопливо перекладывали вещи. В углу виднелась гора пустых коробок из-под новой обуви.

— Двести первый! — окликнул Денисова по рации младший инспектор. — Объект наблюдения у киоска «Транспортной книги».

Денисов и Антон повернули назад, быстро прошли к эскалатору.

— Справа, — продолжал младший инспектор, — молодой мужчина в куртке, в лохматой шапке.

Еще с эскалатора Денисов увидел вечно закрытый киоск «Транспортной книги». Вдоль подковообразного прилавка стояли пассажиры. Двигавшийся мимо поток то закрывал их, то открывал вновь.

Внезапно Денисов увидел его.

— Темная куртка? — уточнил он.

— Да, разговаривает с женщиной.

Мужчине, на которого указывал младший инспектор, на вид было не больше тридцати, его спутнице тоже около того. Рядом стоял небольшой чемодан, сбоку сумка «Курорты Нальчика». Мужчина что-то объяснял, часто оглядываясь по сторонам.

— Гурин, — сказал Антон. — Куртка и шапка...

Они подошли к «Транспортной книге», но удобного места поблизости от интересовавшей их пары не оказалось. Пришлось снова отдалиться.

Во всех направлениях пересекали пространство гигантского зала сотни людей, их передвижение по запутанным траекториям казалось неосознанным и тревожным. Электронное табло показывало «18.05».

— Может, возьмем в отдел? — спросил Антон.

Денисов качнул головой.

— Это не он. Дело в том, что Гурин живет в Москве, а эти двое — приезжие.

— Почему ты так решил?

— Сумка «Курорты Нальчика». Такие только в Кабардино-Балкарии.

— А если специально? Маскировка?

— Слишком сложно.

— Можем проверить. Пусть младший найдет Хасянова.

Денисов нажал на манипулятор в рукаве:

— Пусть кладовщик Хасянов поднимется к «Транспортной книге».

— Понял. Что-нибудь еще?

— Оставайся на дежурном приеме.

— Смотри, — шепнул Антон.

Мужчина, стоявший у «Транспортной книги», что-то сказал своей спутнице и вступил в двигавшийся рядом людской поток. Через секунду лохматая шапка мелькнула уже впереди, у самого эскалатора. Женщина осталась с вещами у прилавка.

— Иду за ним, — предупредил Денисов.

Через несколько минут они оба были уже в зале для автоматов.

Пассажир не спеша прошел по отсеку, нашел восьмьсот девяносто шестую ячейку, набрал шифр. Денисов наблюдал, стоя за несколько секций от него. Мужчина, не обращая внимания на окружающих, пару раз с силой дернул за ручку. Восьмьсот девяносто шестая не поддавалась — теперь она была заперта на другой шифр. Поразмыслив, пассажир набрал «Б-042» на соседних ячейках, подумав, что спутал номер, — они тоже не открылись.

Проходя мимо, Денисов слышал, как он бормочет:

— Что за чертовщина...

Мужчина в лохматой шапке посмотрел на часы, вздохнул, направился вдоль отсека в поисках дежурного — по-видимому, на этот счет ему дана была соответствующая инструкция. Денисов увидел его рядом с подсобкой администратора. Отлаженная система возврата ручной клади сработала и на этот раз. Дежурный по камере хранения направил неизвестного в подвал, на склад не востребуемых и забытых вещей. Через некоторое время мужчина появился снова — с целлофановым пакетом и портфелем и направился к эскалатору.

Еще через несколько минут неизвестный, а за ним и Денисов вернулись к «Транспортной книге».

— Хасянов в зале, — предупредил по рации младший инспектор. — Говорит, этот помоложе и ростом пониже. Старший кладовщик больше не нужен?

Денисов и так знал: человек, получавший вещи со склада по паспорту Баракаева, не рискнул бы второй раз прийти на склад. Гурин, вероятно, воспользовался услугами кого-то из бывших сослуживцев, приезжавших в командировку в Москву и теперь возвращавшихся назад.

Хасянов ушел. Мужчина у киоска достал вчетверо сложенную газету, не развертывая, принялся проглядывать. Женщина смотрела по сторонам.

— Спустишь на склад, — предложил Антон. — Интересно, что за разговор состоялся у него с заведующим? — Он нырнул в толпу.

— Двести первый! — снова окликнул младший инспектор. — Мне идти с капитаном?

— Будь в зале. Сейчас понадобится.

Движение вокруг внезапно ослабло — верный признак приближения начала посадки. Неизвестный спрятал газету.

— Граждане пассажиры, — разнеслось по залу, — объявляется посадка... Со второй платформы третьего пути...

Женщина у «Транспортной книги» подняла сумку, что-то сказала. Мужчина огляделся, потом, словно решившись, взял чемодан и портфель. Целлофановый пакет, принесенный со склада, он прихватил в одну руку вместе с портфелем.

— Мне идти? — не ожидая, пока Денисов его вызовет, спросил младший.

— Подтянись ко мне.

— На всякий случай я организую тележку. Для вещей.

В потоке пассажиров Денисов держался теперь почти рядом с неизвестным и его спутницей. Мужчина шел медленно, хотя чувствовалось, что вещи были не тяжелыми, особенно чемодан.

— Двести первый! Я говорил с завскладом. — Денисов узнал голос Антона, видимо, Сабодаш взял рацию у кого-то из постовых. — Прием.

— Слышу хорошо.

— Фамилия получателя вещей — Пехтерев. Из Аст-

рахани. На складе вел себя спокойно, приметы содержимого знает приблизительно.

— Чем он это объяснил?

— Вещи, по его словам, принадлежат сослуживцу. Тот едет тем же поездом.

— Понял.

Цепочка вагонов астраханского поезда тянулась вдоль очищенной от снега платформы. Мимо с грохотом катили свои тележки разбитные носильщики. Пехтерев и его спутница как будто кого-то искали. Гремело вокзальное радио:

— Отстал от родителей...

— Зайдите в справочное бюро. Повторяю...

От спального вагона махнули рукой — и тотчас Пехтерев повернул к рабочему тамбуру. Мужчина в спортивной куртке, в кепке из нерпы, уже ждал его, потрепал по плечу. Денисов ни на минуту не сомневался в том, что на этот раз перед ним — Гурин. Он видел, как Пехтерев неловко поставил портфель, прислонил целлофановый пакет к плоскому «дипломату» Гурина, раскланялся.

Едва он ушел, Гурин открыл портфель. Денисов наблюдал, как Гурин одну за другой перебирает бумаги, и лицо его постепенно меняет свое выражение.

«Уедет», — понял Денисов.

Отвернувшись от Гурина, он нажал на манипулятор:

— Двести первый. Приступаю к задержанию.

— Помощь нужна? — спросил дежурный.

— Только Сабодаша и младшего инспектора.

В метре от него за стеклом матово отливали отделанные под дуб панели двухместного купе. Гурин закрыл портфель, достал из бумажника билет. Проводница уже поглядывала на замешкавшегося пассажира.

— Минутку!

Само задержание не представляло сложности: Денисов преградил Гурину путь, увлек в сторону:

— Транспортная милиция участка.

Сбоку тут же появился Антон. Младший инспектор розыска с номером носильщика на куртке подкатил к вещам свободную тележку.

— Ваш паспорт!

Гурин полез во внутренний боковой карман.

— Письма с вами? — внезапно спросил Денисов. — Личная переписка. Она случайно попала к вам в ячейку.

— Случайно?!

Денисов кивнул.

Вместо паспорта Гурин достал платок, вытер вспотевший лоб. Денисов понял, что не ошибся: на ухоженном благообразном лице Гурина ему почудилась мелькнувшая безумная надежда.

«Может, один из этих двоих — а не Баракаев! — адресат пачки женских посланий, телеграмм, почтовых открыток? — Он так и стоял с платком у лица. — Откуда вокзальной милиции знать про крах фирмы, про судебный процесс? — Пальцы, державшие платок, не слушались. — Отдать! Отдать и уехать».

Над головой щелкнул динамик:

— Граждане отъезжающие пассажиры...

Гурин поставил плоский чемоданчик, нагнулся к нему, стал быстро рыться в вещах — сорочки в целлофановых обертках, папки с бумагами.

— Вот! — он выхватил объемистый конверт. — Все здесь!

Письма Беаты перешли в руки Денисова. Одновременно младший инспектор быстро погрузил вещи Гурина на тележку, развернул ее в направлении вокзала.

— В отдел, пожалуйста, — сказал Сабодаш.

Денисов снова перелистал заполненные округлым женским почерком страницы. Большинство писем было без подписи. Лишь кое-где внизу стояло «Беата», иногда только заглавное Б.

Некоторые страницы Денисов и Сабодаш просматривали мельком. Но уже первое, что бросалось в глаза, — взаимоотношения внутри пресловутого треугольника выглядели не так, как их описала заявительница в утреннем разговоре. Да и был ли налицо сам классический треугольник?

В одном из писем Беата писала:

«...Я была на грани отчаяния. Незнакомая женщина в электричке заговорила со мной — она ехала к внуку: «У вас беда? Вы так плохо выглядите...» Вдруг захотелось сказать кому-то, лучше даже первому встречному, с кем больше никогда не увидишься: «Мне плохо! Разваливается семья. Нелепо, беспричинно. А я ничего не могу поделать!» Слава богу, теперь это позади. Твоя дружеская поддержка и участие помогли мне...»

Но Денисова интересовало другое.

Пока Антон звонил по телефону, Денисов отыскал письмо, окончание которого они обнаружили в гуринской квартире, в нем упоминался спектрограф. Денисову хотелось либо подтвердить, либо опровергнуть еще одну мучившую его версию.

Письмо нашлось в конверте с цветным изображением Соловецкого кремля и штемпелем почтового отделения в Архангельской области. С первых слов Денисов понял — это то, что ему нужно.

«Несколько дней не буду на почте, не смогу написать, поэтому молю судьбу, чтобы это письмо застало тебя в Москве, и ты еще успел бы что-то предпринять. Сколько раз я просила тебя поспешить с публикацией. И вот!.. В аэропорту, ожидая своего рейса, я встретила — кого бы ты думал? — милейшего Юрия Михайловича, твоего первого шефа. Он летел в Киев, его провожал Федотов и, как обычно, ужом вился вокруг...»

И дальше:

«...Когда Федотов на несколько минут отлучился, Юрий Михайлович достал из портфеля заявку Федотова на научное открытие. «Дали на отзыв, — пояснил он мне. — Тут есть кое-что любопытное для вас с Сергеем. Ведь вы по-прежнему занимаетесь поверхностным слоем?» И он показал заявку. Я начала читать и не поверила своим глазам: весь третий раздел — твой метод. Слово в слово! Я успела еще быстро просмотреть таблицы. Главные цифры эксперимента все экстраполированы. Конечно! У Федотова же не было времени поставить свой собственный эксперимент! Я помню начало нашей основной таблицы, у него эти значения гораздо выше. Когда Федотов вернулся, я не могла с ним спокойно разговаривать. Юрий Михайлович как раз спрятал заявку в портфель, и Федотов, по-моему, догадался о том, что я все знаю. «В Пицунду?» — спросил он, хотя несколько минут назад уже задавал мне этот вопрос. Я смогла только кивнуть. «Там сейчас чудесно...» — сказал он. Тут объявили рейс Юрия Михайловича. Федотов пошел его провожать до трапа, и я простилась с ним...»

«Я рада, — шло дальше в письме, — что в то время, когда все думают, будто я в Пицунде, я здесь, на Севере. Могу наконец прийти в себя после всех неурядиц минувшей осени. Я говорила тебе: деревня наша почти у самого Воже, избы, улицы, баня — все в сне-

гу. Тишина и удивительно спокойно. Я с надеждой смотрю в будущее и, кажется, скоро забуду про...»

Окончание письма было на тетрадном листке, который Гурин обронил вместе с ворохом спецификаций и накладных на рыбопродукты у себя в прихожей.

«...рентгено-электронный спектрограф. Вот все. Поспешите с публикацией. Целую. Беата».

Денисов отложил письмо в сторону. Они с Антоном успели обо всем переговорить. Оставалось самое простое: распорядиться перепиской. Он посмотрел на часы: потом можно уехать домой, лечь спать.

— Сейчас прибудет, — сообщил Антон, закончив говорить по телефону. — Рядом с домом у них стоянка такси.

— Набери ее номер еще раз.

Антон покрутил диск.

— А теперь занято... Еще?

— Не надо.

Раздался звонок — Антон снял трубку, передал Денисову. Его разыскивала дежурная по автоматической камере хранения, работавшая прошлой ночью.

— Просили позвонить? — закричала она на другом конце провода.

— Это еще днем.

— А меня не было весь день: семинарские занятия, зачеты... — Она училась на вечернем отделении института инженеров транспорта. — Сейчас только узнала. Что хотели?

Денисов представил, как дежурная сняла очки, блинзую и весело щурится.

— Видели вы ночью заявительницу? — спросил он. — Насчет восьмьсот девяносто шестой ячейки?

— С вами? В отсеке? — Она не поняла.

— До нас! Раньше, чем она обратилась в милицию.

— Видела.

Это как раз и было ему нужно.

— Она была одна?

— Мне кажется, был еще мужчина! — прокричала дежурная.

— В очках, в джинсах...

— Вроде да.

— В какое примерно время?

— Да они прямо от меня к вам пошли. — Голос чуть поутих и снова набрал силу. — А письма нашились?

— Нашлись.

— Надо же! Она ведь вначале и заявлять не хотела! А я ей подсказала! Про вас и про капитана Сабодаша...

Денисов положил трубку.

«Так все и было. — Он мысленно подытожил разговор с дежурной. — Женщина сперва не собиралась обращаться в милицию по поводу пропажи, но потом решилась. Это был с ее стороны импульсивный и не очень хорошо продуманный шаг. Дежурная даже не подозревает о последствиях своего совета...»

— Гурина увезли. — Антон успел еще раз переговорить с дежурной частью и все знал. — В суд его, видимо, доставят уже под конвоем...

В коридоре раздались шаги, короткий стук в дверь.

— Входите, — пригласил Денисов.

Беата уже стояла на пороге.

— Нашлись?!

— Нашлись.

— И все из-за меня... — Из-под круто обрывавшихся надбровий к Денисову тянулся осторожный, вопрошающий взгляд. — Представляю, как вам пришлось...

— Пришлось, — сказал Денисов.

По обоюдному согласию было решено, что разговаривать с заявительницей будет он.

— Как я благодарна...

Денисов, однако, чувствовал, что она скорее напряжена и взвинчена.

— ...Даже не верится, что смогу снова заниматься своей работой. Спокойно жить... Как это трудно: когда будто огонь бежит по кровле, а вы должны улыбаться, отвечать на вопросы... — Она еще выше забросила сумочку на плечо. Казалось, она с ней никогда не расставалась. — А между тем все поставлено на карту...

— Ставку определяем мы сами! — Антон не мог не вмешаться.

Женщина упрекнула:

— У вас, наверное, всегда все шло продуманно, положительно. Вы никогда не переступали черту...

— Как сказать.

Она была уже не в силах остановиться:

— Вас обошло разочарование, не было задето ваше честолюбие... — В тоне послышалось неожиданное, плохо скрываемое пренебрежение. Но тут она спохватилась: — Извините, нервы! Зачем я это вам говорю...

— От Максимова нет известий? — Денисов перевел разговор. — Мы здесь заочно прониклись к нему уважением. Интересно, удастся ли ему что-нибудь большое?

— Не знаю. — Она расценила его слова как поддержку. — Максимов много лет фундаментально работает в своей области. От него ждут многого... Идеи его разрабатывают и другие. А вот прогремит ли он сам?!

— А кто такой Федотов?

Она свела брови.

— О! Очень знающий и энергичный человек! Кандидат наук. Без пяти минут доктор... На днях у него защита.

— Молод?

— Сорок один год... — Она достала сигареты, зажигалку, положила на стол, сама осталась стоять. — Разрешите? Собственно, они с Сергеем однокашники...

— Большой ученый? — спросил Антон.

— Безусловно. — Она не взглянула на Антона, не простив, видимо, ему первой — укоризненной — реплики.

«Поучительный урок и Антону и мне, — подумал Денисов. — Хорошо, что мы смогли довести дело до конца».

Она продолжила:

— Федотов — человек действия, решительный и умелый. В этом смысле он как бы противоположность Максиму. Тот сомневается в каждом эксперименте, в каждом результате... А время-то уходит!

— Вам ничего не удалось узнать о человеке, который появлялся ночью на вокзале? — спросил Денисов.

— Нет. — Она покачала головой. — В НИИ каждый второй в очках, в джинсах, в свитере. Вы уверены, что он следил именно за мной?

— Следил? — Антон снова вмешался. Он словно забыл об их с Денисовым уговоре. — Нет, он не следил. Он был вместе с вами.

— Вы хотите сказать... — Заявительница наконец сняла сумочку с плеча.

— Через день-другой Максимов должен вернуться из командировки... — начал Антон, взглядом испросив согласия Денисова. — И получить письмо, в котором его предупредили о махинациях Федотова. Представляете, какой скандал разразился бы накануне защиты докторской! Федотов не мог такое перенести. И он решил во

что бы то ни стало перехватить адресованное Максиму письмо...

— Я ничего не понимаю! Если меня пригласили, чтобы нанести оскорбление, я уйду... Будем объясняться в другом месте! — Она щелкнула зажигалкой, прикуривая, но с места не двинулась. Ноги ее словно приросли к полу. — Объяснитесь: в чем вы меня подозреваете?

— Максимов иногда оставлял личные бумаги на рабочем столе. Вы знали, что его переписка шла через брата, и вместе с Федотовым...

Денисов, внимательно следивший за заявительницей, понял, что они угадали. В глазах женщины что-то мелькнуло. Так в объективе фотоаппарата мелькнет иной раз шторка затвора.

Антон продолжал:

— ...Решили выманить у Николая это письмо. Вы уговорили его привезти переписку на вокзал для того, чтобы предупредить будто бы грозящие Сергею неприятности. Потом, когда письма неожиданно исчезли из камеры хранения, вы, конечно, не собирались обращаться к нам. Вас подтолкнула дежурная. И вы решили: «А вдруг?!» Потом вы решили дать задний ход, но от вас больше ничего не зависело. Вы были ночью на вокзале не одна. Ваш шеф сопровождал вас. Правильнее будет сказать — охранял. Он и сейчас в курсе всего происходящего...

— Каким образом?! Я сразу приехала. Рядом с домом у нас стоянка такси... — Лицо ее побледнело.

— После того как мы в последний раз разговаривали по телефону, я сразу набрал ваш номер. Было занято. Вы сообщили ему о вызове на вокзал... Может, он вас и подвез на своей машине? — спросил вдруг Антон. Он сам догадался об этом. — И ждет у зала для транзитных пассажиров...

Она предприняла последнюю слабую попытку протестовать:

— Выходит, опасность, которой я подвергаюсь со стороны человека, покушавшегося...

Антон отстраняюще поднял руку.

— Я уверен, нет никакого полубезумца-мужа... Вы использовали этот миф, зная, насколько серьезно мы тут относимся к любой угрозе лишить кого-то жизни... Расчет был верный, а вот результат? Кроме того, уголовным законом действия эти преследуются.

Заявительница молча курила.

Денисов подошел к окну. Звено прожекторов на мачте рядом с блокпостом вырвало из темноты станции сложную картину путей, конфигурации стрелочных переводов. По дальнему пути скользила электричка, закрытая от глаз другими сцепами, — были видны лишь дуги скользивших поверх вагонных крыш токоприемников.

«Антон сказал все», — подумал Денисов.

Он вернулся к столу, достал из сейфа пакет с письмами. При виде уже знакомого ей конверта заявительница не оживилась. Погасила сигарету, достала из пачки новую.

— Это те письма, которые вы положили в камеру хранения? — спросил Денисов.

— Это они. Вы мне их вернете?

— Нет.

— Разве их похитили не у меня?

— Вы положили их в камеру хранения, — согласился Денисов. — Но переписка попала к вам обманным путем. Это легко доказать...

За окном пошел мокрый снег, запах сырости проник в помещение. Из-под Дубниковского моста появился скорый поезд, навстречу ему, по соседнему — перпендикулярному — пути шла электричка. Фальцетом, словно на губной гармонии, электровоз приветствовал собрата, возвращавшегося из дальних странствий... Каким бы долгим ни был день, рано или поздно он подходил к концу.

Заметив, что заявительница продолжает стоять, Денисов кивнул на стул, но она только выше закинула сумку на плечо. Заявительница ждала еще одного уточнения. Последнего.

— Хотите знать, что вас подвело... — понял Денисов ее немой вопрос. — Вы плохо осведомлены о характере взаимоотношений Максимова с его корреспонденткой. И, кроме того, та Беата, настоящая, не могла писать из Пицунды...

Денисов попрощался с Антоном. Перед тем как уйти самому, набрал номер. Несколько секунд он ждал, сидя с закрытыми глазами, мысленно отходя от всего, чем занимался почти сутки.

Трубку сняла жена.

— Как вы там?

— Ничего. Ты скоро? — спросила Лина.

Вопрос прозвучал смешно, она сама это почувствовала: каждый раз она спрашивала об одном и том же и теми же словами.

Она засмеялась.

— А «Детский мир»? — спросил Денисов.

— Что-нибудь придумаем. Слушай... Тебе удалось немного поспать?

У Лины, видимо, появилась какая-то идея по поводу того, как лучше провести остаток вечера.

— О чем говорить?!

— Наташа спит!... Давай махнем в «Ударник»?! А то я уже забыла, когда ходила в кино. Мы еще успеем на последний сеанс! Как?

— Что там показывают?

— Какой-то классный детектив. Согласен? Я за тобой заеду! Тебе тоже не мешает встряхнуться, Денисов!

ОБРАТНЫЙ СЛЕД

1

— Станция Бирюлево-Пассажирское, — пробилось сквозь хрип поездного радио. — Следующая Бирюлево-Товарное...

Электричку качало. Перегон был коротким — несколько многоподъездных зданий вверх, словно на бугре. Автобусный круг, пустырь. Стоянка такси.

Минута с небольшим ходу.

«Выходить надо здесь, в Бирюлево-Товарном, — подумал Денисов. — И звонить дежурному надо тоже отсюда. Иначе на вокзале, в Москве, останется мало времени, чтобы организовать встречу».

Он прошел в тамбур. Хриплый голос проводницы догнал инспектора в дверях:

— ...Соблюдайте в вагонах чистоту и порядок! Повторяю...

Денисов оглянулся. Сквозь стекло двери был хорошо виден салон — покрытые лаком сиденья, схема участка в рамочке у окна, пассажиры.

Людей в вагоне было немного. Контролеры-ревизоры закончили проверку билетов, сортировали квитанции, собирались в путь-дорогу вдоль состава.

Только что оштрафованные ими — пятеро попутчиков Денисова — тоже занимались своим. Никто из них не обернулся, не проводил взглядом инспектора уголовного розыска, собравшегося выходить.

Пименов и его визави — Альтист — негромко беседовали; сосед Пименова — Мордастый — с седым коротким ежиком и махровым полотенцем вокруг шеи — читал, Долговязый сосредоточенно полировал ногти. Только один, сидевший ближе других, с лысиной в полголовы, носивший странную фамилию — Немец, поймав взгляд Денисова, приветственно поднял руку:

— Счастливо добратся!

Потом он добавил, закругляя разговор с ревизорами:

— Одни, знаете ли, предпочитают синицу в руках, другие ставят на журавля в небе!

— А вы на кого? — незлобиво поинтересовался по-

жилой коротышка ревизор, успевший выписать Долговязому и его спутникам квитанции за безбилетный проезд.

— На журавля! — признал Немец.

— Оно и заметно, — отозвался от окна Пименов. Его мутило — бледный, в кожаной куртке, берете, сползшем на лоб, Бухгалтер выглядел невзрачным. — По-вашему, значит, добрый иск лучше худого платежа?

— Конечно. — Со стороны было похоже, что разговор возник не случайно, а явился продолжением старого долгого спора. — Иначе уныние, тоска зеленая...

— В этом-то и ошибка многих!

— Не считаю.

Кто-то из попутчиков вмешался в спор, но он погас, так и не успев как следует разгореться.

Когда в Бирюлеве-Товарном Денисов выходил из вагона, Бухгалтер тоже поднялся, направился в противоположный тамбур. Однако Денисов обратил внимание не на него: Долговязый, считая, что никто не смотрит, кинул вслед Пименову короткий тяжелый взгляд.

Людей на платформе было мало. Денисов прошел к билетной кассе, постучал в стекло. Электричка двинулась дальше, сомкнув жесткие громыхающие двери.

«Если не произойдет ничего непредвиденного, — подумал Денисов, — через двадцать минут Долговязый и его спутники будут в Москве. Моя задача — организовать их встречу на вокзале. А пока Долговязый может заниматься своими ногтями...»

Денисов был уверен в том, что никто ничего не заподозрил. Его обеспокоил только этот откровенно злобный взгляд, брошенный Долговязым вслед Бухгалтеру. Но поворачивать назад было поздно.

— Разрешите позвонить? — Денисов через стекло показал кассирше удостоверение. — Транспортная милиция участка...

— Пожалуйста.

Кассирша поднялась, чтобы открыть дверь.

Денисов вошел. В помещении было сумрачно. Видавший виды телефонный аппарат у входа оказался подсоединенным к другому, рядом с кассой, мелодично отзванивавшему с каждым оборотом диска. Денисов набрал номер дежурного по отделу в Москве, на вокзале.

— Ты где? — спросил Антон Сабодаш.

— В Бирюлеве-Товарном.

— Что-нибудь есть?

— Да, запиши...

Денисов взглянул на висевшее над столом расписание.

— Электропоезд 6548. Из аэропорта. В последнем вагоне пятеро. Надо организовать встречу. — Он перечислил приметы, назвал клички, которыми для себя обозначил попутчиков: — Долговязый, Мордастый, Альтист, Бухгалтер, он же Пименов. И пятый — по фамилии Немец.

Денисов заметил, как кассирша при этих словах отодвинулась от окошка и молча посмотрела на него.

— Что-нибудь произошло? — За четким командирским тоном Сабодаш скрыл мгновенно возникшую настороженность.

— Один из них определенно в розыске. Высокий, в шелковом кашне — Долговязый. Ориентировку не помню... — Денисов ушел от взгляда кассирши — она все еще не могла вернуться к билетам. — Кажется, разыскивается как шулер.

— Все пятеро знают друг друга?

— Это и меня тоже интересует... Трудно сказать.

Сабодаш помолчал.

— Мы их встретим. Кроме того, я распоряжусь, чтобы перед Москвой в последний вагон подсел милиционер.

— Это можно сделать на Москве-Товарной.

— Пожалуй. Ты скоро будешь?

— С первой же электричкой. — Он не стал говорить о других своих подозрениях. — На линии все спокойно. Как на вокзале?

— Пока тихо... — Антон вдруг встревожился. — Тебе известно, что в движении поездов сбой?! Сейчас позвонили: «окно» по техническим причинам. На час, не меньше. Когда же ты попадешь на вокзал?

— Что-нибудь придумаем... Автобус! — Денисов скомкал разговор и взглянул на часы. — Все! Связь по рации. Позывной...

— Знаю: двести первый.

Денисов кивнул кассирше — на этот раз она осталась безучастной, — прикрыл за собой дверь, сбежал вниз с платформы.

Был час пустых автобусов и свободных такси. За овощной палаткой торговали мимозами. Какая-то женщина на проезжей части останавливала машину

жестом, каким сажают у ноги дрессированных служебных собак.

Подошел автобус. В нем не было никого, кроме спавшего на заднем сиденье пьяного. Денисов прошел к кабине.

— Есть абонементные книжки, — объявил шофер для собственного удовольствия. — Настоятельно рекомендую приобрести...

«В другое время в пустом автобусе на чудачество можно было бы ответить чудачеством... — подумал Денисов. — Например, всю дорогу стоять, как если бы все места были заняты...»

Сейчас было не до юмора.

«А если я ошибся?! — Денисов вспомнил бледного, в кожаной куртке и сползающем на лоб берете Бухгалтера. — Если ему грозила опасность?! — Где преступник, там могла появиться и жертва. — Может, следовало ехать до Москвы вместе с ними? В то же время этим я мог только насторожить...»

До Чертанова остановок почти не делали, пассажиров было мало.

Денисов смотрел в окно: поднятые воротники пальто, едва распутившаяся зелень. Апрель стоял неожиданно холодным. Стволы хилых березок напоминали простенький рисунок на занавесках. За мусоросжигательным заводом, в стороне, плыла в небе огромная, выкрашенная в два цвета труба.

«Я не знаю, кто из четырех заодно с Долговязым. Без сомнения, в вагоне он не один... — Денисов представил своих недавних попутчиков, какими увидел их, войдя в салон. — У него должен быть минимум один сообщник... Но кто? Мордастый? Альтист? Немец? Пытаясь действовать в одиночку, я могу все испортить...»

На полпути, за поворотом на Покровское, под курткой часто и неразборчиво, как горячий больной, захрипела рация. Денисов не разобрал ни слова. Потом рация замолчала, но, когда подъезжали к Чонгарскому бульвару и затем, в метро, несколько раз вновь просыпалась и тревожилась.

На вокзале Денисов появился еще засветло. Горели приглушавшие свет желтоватые светильники. Перронное радио передавало обычную вокзальную информацию. Шел восьмой час. Инкассаторская машина выруливала

на тротуар к пригородным кассам, где ее ждал милиционер.

Денисов на ходу придвинул микрофон, вызвал дежурного.

— Двести первый?! — Сабодаш, видимо, не чаял уже услышать Денисова до конца смены. — Где находитесь?

— Здесь, на вокзале, рядом со справочной. — Денисов хотел скорее узнать все о своих недавних попутчиках. — Электричку встретили?

— Да... Но об этом потом! — сказал, как отрезал. Денисову передалась его тревога.

— Что-нибудь случилось?

— Срочно в конец платформы. На восьмой путь. Как поняли?

— Восьмой путь... — Денисов не мог ничего понять. — Что произошло?

— Транспортное происшествие.

— Авария? Наезд поезда?

— Наезд. При весьма неясных обстоятельствах. — Это было достаточно серьезным.

— А исход?

— Со смертельным исходом, — сказал Антон. — Скорее!

Лавируя между пассажирами, Денисов пробежал вдоль багажного отделения к элеватору, срезал угол, выбежал к железнодорожному полотну.

По другую сторону, на восьмом пути, за стрелками, он увидел синие сигнальные огни, темную массу опустевшего электропоезда, нераспустившиеся деревья на островке между путями и забором отделения перевозки почты. Несколько человек стояло внизу, на рельсах, рядом с высокой платформой, среди них выделялась мощная фигура Антона — гиревика-тяжеловеса, сохранившего, несмотря на полноту, классические пропорции.

— Такие дела... — сказал Антон, когда Денисов показался у торца платформы. — Сюда и «скорую» вряд ли подгонишь! — Он закурил, по-мальчишески скрыл папиросу в ладони.

Чуть сбоку, под деревьями, в нескольких шагах мелькнул фонарик, Денисов узнал женщину — врача медкомнаты. Поодаль стояла медсестра с чемоданом для средств первой помощи.

— Тоже здесь? — Денисов подошел ближе.

— И уже уходим... — Женщина — врач медкомнаты

тем не менее осталась стоять, только взглянула на Денисова. — Прибыли быстро, но, к сожалению, все бесполезно.

— Вы уже смотрели? Что с ним?

— Повреждения, несовместимые с жизнью. Когда мы пришли, он был уже мертв.

— Я вызвал оперативную группу из управления. — Подошел Антон, сунул Денисову в руку фонарь. — Следователя, экспертов...

— И кинолога?

— Кинолога тоже. — Московское управление внутренних дел на транспорте после долгих колебаний организовало наконец собственное подразделение служебно-розыскного собаководства. К нему не успели привыкнуть. — Чем, правда, нам может помочь собака? Не знаю.

Денисов включил фонарь.

В нескольких шагах от конца шпал, за тропинкой, протоптанной вдоль забора отделения перевозки почты, на спине лежал человек в куртке, без головного убора. Остановившийся взгляд был устремлен по диагонали на крышу элеватора, по другую сторону путей.

Выражение застывшего лица показалось Денисову знакомым:

«Бухгалтер?! Пименов!»

Денисов узнал короткую кожаную куртку, на которую обратил внимание еще в поезде. Где-то рядом должен был валяться беспрестанно сползавший на лоб берет.

Денисов присел на корточки, повел фонарем в сторону.

«Вот и он!..» — Головной убор лежал в двух метрах от трупа, на щебенке.

Денисов поднялся.

— Междупутье осматривали? — спросил он у Антона.

— Я посылал младших инспекторов, командира отделения. Кажется, ничего подозрительного. Но сам знаешь: окраина, заборы.

Восьмой железнодорожный путь был плохо освещенным, далеко отстоявшим от вокзала. С одной стороны его тянулась высокая асфальтированная платформа, по другую темнел забор площадки отделения перевозки почты и пустырь, поблескивавший осколками битого стекла. Тропинкой, на которой лежал труп, пользовались

и основном железнодорожники. Пролегавшая вдоль полотна, она начиналась метрах в восьмистах, на Москве-Товарной, у жилых домов; однако жители, особенно в вечернее время, предпочитали добираться электричкой или автобусом, а не шагать вдоль путей темной пустынной тропой.

На шпалах вокруг белели клочки бумаги, палочки от эскимо. Опустевший электропоезд темнел метрах в пяти от торца платформы.

Денисов подумал:

«Стояла ли электричка здесь в то время, когда обнаружили труп, или прибыла уже потом?»

Он спросил об этом у Антона.

— Электропоезд уже стоял.

— Значит, его сбило этим поездом?

— Да.

— А машинист, помощник? Что они?

— С ними говорили накоротке, они придут в отдел. Говорят, что ничего не заметили.

— Как насчет людей, о которых я звонил? Всю группу доставить не удалось?

— Нет. — Антон пальцами загасил «беломор», спрятав в пачку, чтобы не оставлять окурков на месте происшествия. Вынул новую папиросу. — Но основного доставили. Я имею в виду Долговязого. — Сабодаш прикурив. — Проверить пока не успели. С ним еще двое.

— Как они выглядят? Помнишь?

— Один — седой, моложавый, с полотенцем на шее.

Денисов кивнул:

— Это — Мордастый.

— Второй — пожилой. Со странной фамилией.

— Немец?

— Кажется.

«Альтист исчез... — подумал Денисов. Было похоже, что его провели: именно Музыкант показался в электричке менее других заслуживавшим оперативного интереса. — И потом, этот футляр с инструментом...»

— Ни Музыканта, ни пятого пассажира в вагоне не нашли... — подтвердил Антон. — А что? Они и были пужны?

Денисов кивнул на лежавшего.

— Это Пименов. Тот, который рекомендовался бухгалтером Запсибзолота. — Денисов помолчал. — Альтист всю дорогу о чем-то его расспрашивал. Все пятеро ехали со мной из аэропорта...

Было так.

Посадка на электричку в аэропорту была спешной. Денисов до последней минуты стоял на платформе, наблюдая за отъезжавшими. По графику был его черед свободного поиска в поездах пригородного сообщения.

Садилась в основном в головные вагоны — наиболее удаленные от порта — там находилась билетная касса. С вещами, с детьми пассажиры брели по платформе, зато потом, в Москве, по прибытии, они оказывались в выигрыше: такси и метро тоже располагались ближе к голове поезда — вокзал и станция по своей схеме были тупиковыми.

Последние вагоны обычно занимали те, кто об этом не знал, и не успевшие добежать до кассы. Они и становились в пути легкой добычей контролеров-ревизоров. Сами ревизоры занимали предпоследние вагоны, ближе к безбилетникам.

Перед отправлением Денисов увидел сержанта, сопровождавшего поезд до Домодедова, — из молодых, хваткого, хотя и медлительного. Проходя, тот скользнул глазами, не зная, здороваться или пройти мимо. Инспектор был явно «при исполнении».

Денисов сам его окликнул:

— Помощь не требуется?

— Нет.

На ходу перекинулись несколькими словами.

— Едете в поезде? — спросил сержант.

— Еду. Вызывайте по рации, если что...

— Понял.

Денисов поехал отдельно.

Электричку сильно качало. Толчки под вагоном перемежались с тяжелыми ударами снизу, от которых полотпывал в сторону, как легкий плот.

После двух первых остановок — Авиационной и Космоса — людей в поезде поуменьшилось. Места возвращавшихся, как обычно, в это время со смены работников аэропорта никто не занял, им предстояло пустовать до Москвы.

В Домодедове Денисов вышел в тамбур, посадка здесь тоже была небольшой, а стоянка долгой.

«Надо, пройти по составу, оглядеться», — подумал он.

Внезапно под курткой из миниатюрного радиоприемника послышались его позывные.

— Двести первый! — Сержант, сопровождавший со-

став, вызывал его по рации. — Как меня слышишь? Прием...

Денисов нажал на манипулятор:

— Ты где?

— В Домодедове. — Сержант уточнил. — На путях. Такая история. Сейчас вышел из поезда, вижу, что-то упало между последним вагоном и платформой...

Электричка отошла от перрона медленно. Сразу за выходными стрелками действовало ограничение скорости, поезд пополз совсем тихо.

— Быстрее! — сказал Денисов. — Что именно?

— Ничего такого. Я поднял. Может, зря беспокою... Носовой платок. Коричневатый, новый еще...

Электричка прибавила скорость. Связь каждую минуту могла прерваться.

— Дальше! — Из-за носового платка, понимал Денисов, постовой не стал бы радировать.

— Паспорт! — Самое важное он почему-то отнес в конец своего сообщения. — Паспорт старого образца на имя Андреева Виктора Васильевича... Кто-то выбросил!

— Быстрее! — крикнул Денисов. — Ты заходил в вагон? — Он жал на манипулятор, будто это могло помочь.

— Там пятеро транзитных пассажиров без билетов, контролеры-ревизоры...

В микрофоне раздался треск, рация замолчала.

Денисов поправил куртку, откинул воротник.

«Надо идти! Паспорт, платок. Главное — почему выбросили?»

Набрав скорость, электропоезд словно успокоился, пошел ровно. Теперь его почти не болтало.

Ничего заслуживающего оперативного интереса, проходя по вагонам, Денисов не заметил. Пассажиров немного. Чемоданы, сумки, баулы. В большом числе оставленные на сиденьях газеты.

«Волжская заря», «Дальневосточный моряк»... Даже не зная, можно было сразу определить, что электричка идет из аэропорта «Домодедово».

В предпоследнем вагоне, прислонив голову к портфелю, поставленному на колени, дремал незнакомый капитан милиции. Денисов не стал его будить, прошел в следующий тамбур.

«Сейчас все должно проясниться... — Он поправил куртку, ручка пистолета под мышкой больше не выпи-

рала. — Проясниться или же, наоборот, еще больше запутаться».

Сквозь стекло двери Денисов окинул взглядом салон. Пассажиров было не менее двух десятков, но он быстро наметанным взглядом выделил сначала двоих, сидевших по одну сторону прохода, Мордастого и его собеседника в сползшем на глаза берете, и еще одного — Долговязого — по другую.

Ревизия заканчивалась, и контролеры-ревизоры для удобства собрали безбилетников вместе в начале вагона.

В сущности, ничего примечательного ни в самих безбилетниках, ни в их поведении Денисов не заметил. Мордастый с полотенцем на шее о чем-то расспрашивал того, кто потом представился как Бухгалтер, оба посмеивались, поглядывали на футляр от альта, который кто-то поставил на скамье против них. Иногда по лицу Бухгалтера пробегала неприятная гримаса — он явно плохо себя чувствовал после полета. Долговязый — в плаще, в шелковом кашне, в замшевой приплюснутой кепчонке — полировал ногти. Денисов сразу обратил на него внимание — фас показался знакомым.

Предстояло найти еще двоих.

Денисов прошел к висевшей под стеклом у двери схеме участка, оглянулся. Он определенно видел Долговязого на фотоприложении к ориентировке о розыске.

Долговязый чувствовал себя беспокойно: пока Денисов стоял у схемы участка, он несколько раз обернулся к скамье, где сидели Мордастый с Бухгалтером.

«Объявлен в розыск... — подумал Денисов. — Но в связи с чем? Почему едет из аэропорта? И без вещей...»

Он отметил, что все окна в вагоне закрыты, но зимние рамы выставлены, и окна ничего не стоит раскрыть. Выбросить паспорт и все остальное можно было также сквозь вентиляционные отверстия над дверями дальнего тамбура. Или из дверей во время стоянки.

«Ревизоры не разрешили бы открыть окно... — подумал Денисов. — Значит, кто-то выходил из салона! После отправления из Домодедова прошло не менее четырех-пяти минут. Чтобы выйти в тамбур и вернуться, достаточно полминуты».

Долговязый продолжал заниматься ногтями. Денисову показалось, что он слишком демонстрирует свою опрятность, желание выглядеть холеным, владеющим собой.

«Кажется, его разыскивают как картежника-мошенника... Поэтому он и попал в эту электричку. — В аэропорту садились обычно ехавшие с Севера, с Востока командированные, отпускиники — люди с большим рублем. — Шулер!»

Возник десяток привычных вопросов, в том числе самый привычный и самый главный: «Как ему, Денисову, следует поступить?»

«...Шулера, как известно, не ездят в одиночку!»

Еще один пассажир, добродушный, с лысиной в полголовы, тоже выглядел транзитным. Когда Денисов вошел, ревизоры выписывали ему квитанцию об уплате штрафа за безбилетный проезд.

— Немец? — переспросил старичок ревизор. — Такая фамилия? Первый раз слышу!

Впереди стукнула дверь. Денисов повернул голову. В дальнем тамбуре показался пятый пассажир. Он подошел к скамье, где стоял футляр от альта.

«Музыкант...» — подумал Денисов.

У вошедшего было смуглое подвижное лицо, быстрый взгляд.

— Садитесь, — пригласил его Мордастый. — Товарищи ревизоры уже беспокоились. «Куда пропал человек?» Хотят, наверное, о чем-то спросить... — Он поправил полотенце.

— О чем-то! — проворчал Музыкант. — О билетах, конечно! Догадываются, что у меня их нет.

Ревизоры поздоровались с Денисовым, они знали друг друга не первый год.

— Как раз кстати, товарищ инспектор! — обратился коротышка ревизор. — Пассажиры эти... Штраф не платят и фамилий не называли.

— Как не называли?! — обиделся Немец. — Я и паспорт показал!

— При-мор-ский край... — протянул пожилой ревизор.

Немец подмигнул:

— А вы приезжайте! Заодно и штраф получите! Красотища у нас!

— Заканчивай, пожалуйста, — сказал старичку ревизору напарник. — И пошли дальше.

Они передвинулись по другую сторону прохода — к Мордастому и тем, кто сидел рядом с ним.

Оставшись без собеседника, Немец поймал взгляд пассажира в кожаной куртке и берете:

— Плохо перенесли полет?

— Есть немного. — Тот поморщился, отгоняя дурноту.

Немец сменил тему:

— У нас на Дальнем Востоке сейчас зима! Хорошо! В магазинах чавыча, папоротник. Не пробовали? Японцы папоротник на валюту покупают. Вкус! Белые грибы... А вот пищевых отравлений нет. Вы откуда сами?

— Сибиряк... — Пассажир поправил сползший на лоб берет.

— Тоже не ближний свет. — Немец кивнул. — Учитель?

— Бухгалтер.

— На предприятии? В школе?

— В Записбзолоте. — Он отвечал, казалось, из последних сил.

Немец понял — отстал с вопросами, поспешил подвести черту:

— Значит, вам тоже ездить приходится. — Он погладил лысину. — О папоротнике мало кто знает. В пресе о нем не писали...

— Все до Москвы? — перебил его ревизор. — Платить штраф собираетесь?

— Придется...

— А билетную кассу все-таки надо ставить ближе к аэропорту, — заметил Мордастый, доставая трехрублевку. За ним уже все безбилетники полезли за деньгами. — Чтобы человек мог купить билет у поезда, а не бежал бы в последнюю минуту вдоль состава...

— Да, но кого они будут тогда штрафовать? — спросил Музыкант.

— Фамии назовите, — уже спокойно предложил ревизор.

— Пименов А Эф, — сказал Бухгалтер, покрываясь испариной со лба. Лицо его снова покривилось.

Долговязый участия в разговоре не принимал. Он скинул плащ, остался в пуловере с бегущими голубыми и красными полосами, в кашне. У него оказалась сильная спина боксера или грузчика, длинное сухощавое тело.

— Сидоров, — назвал он себя.

Это была ложь. В ориентировке, помнил Денисов, стояла двойная фамилия. Однако не Сидоров и не Андреев, как в выброшенном из вагона паспорте.

Ревизор тем временем обернулся к другим оштрафованным, сидевшим по другую сторону прохода:

— Фамилии...

Теперь пассажиры были настроены юмористически. Мордастый поправил полотенце на шее:

— Мигель Сервантес Сааведра. Чтобы избежать ошибок, можете указать просто «Сервантес».

— Следующий...

— Данилов, — отрекомендовался Альтист. — Альтист Данилов.

Выписав квитанции, ревизоры присели в купе, уже как пассажиры. Их заинтересовало сообщение Немца о дальневосточном лакомстве.

— На вид трава... — втолковывал немец. — А вкус белых грибов! И никаких пищевых отравлений!

— Между прочим, о папоротнике писали. — Мордастый поднял полотенце выше к подбородку. — И не раз. «Наука и жизнь», по-моему.

— Дорогая штука? — спросил Альтист-Музыкант у дальневосточника.

— Да нет...

Музыкант хотел еще чем-то поинтересоваться, но его перебили. Денисов обратил внимание: он сразу замолчал, будто был даже удовлетворен тем, что предоставил авансцену другим желающим.

Нельзя было не заметить: съехавшиеся с разных сторон, впервые словно бы видевшие друг друга пассажиры сближались легко и беспечно, будто в соответствии со знакомым, заготовленным заранее сценарием.

— Может, перекусить по этому случаю? — спросил немец. Он выглядел добродушнее всех. — До Москвы минут сорок, не меньше. У меня сало!

Кто-то засмеялся:

— Лучше бы папоротник!

Электричка шла со всеми остановками. Денисов сел на свободное сиденье, ближе к двери, закрыл глаза. Разговоры транзитных, реплики коротышки — пожилого ревизора — долетали и сюда. Говорили все, кроме Долговязого, тот по-прежнему занимался ногтями и пилочкой. Обычный вагонный разговор...

«Надо позвонить на вокзал, чтобы их встретили, — подумал Денисов. — В одиночку я могу все испортить...»

Немец, в сущности, утвердил его в принятом решении, заметив на вопрос одного из ревизоров:

— Одни, знаете ли, предпочитают синицу в руках, другие ставят на журавля в небе!

— Станция Бирюлево-Пассажирское, — крикнула в микрофон проводница. Пронзительный голос, пробившись сквозь хрип, разнесся по составу. — Следующая Бирюлево-Товарное...

Денисов поднялся, оглядел салон. Немец и Мордастый уже разговаривали между собой как люди, хорошо знающие друг друга. Музыкант дремал или только делал вид, что дремлет, едва заметно покачиваясь в такт колесам. Бухгалтер тоже поднялся, чтобы выйти в тамбур, — видимо, ему так и не стало лучше.

Электричка тормозила, на ходу раскрывая двери.

Уже выходя, Денисов поймал в стекле чуть сгорбленную, мускулистую спину, с бегущими по пуловеру полосами, болезненное лицо Бухгалтера и метнувшийся ему вслед тяжелый взгляд Долговязого.

Застывшие глаза пострадавшего были обращены к верхней точке на крыше нового элеватора, высившегося по другую сторону путей.

Денисов выключил фонарик, обернулся к Антону:

— Давно вызвали оперативную группу?

— Сейчас должны быть... Да вон они! — Антон махнул рукой.

По платформе со стороны вокзала быстро приближалось несколько человек. Сбоку, на коротком поводке, бежала крупная, с черными подпалинами овчарка. Позади оперативной группы слепил глаза ярко освещенный перрон. Он был пуст: платформа восьмого пути ввиду своего отдаления не пользовалась вниманием пассажиров, поэтому — редкий случай! — на месте происшествия совсем не было посторонних.

— Сюда! — Сабодаш показал на торец платформы.

— Добрый вечер...

Кинологов было двое. Одного — старшего инструктора служебного собаководства, капитана — Денисов знал и даже был у него дома — в небольшой квартирке Марьиной рощи, заставленной полками с книгами. Вне службы капитана называли Дедом. Он был из «подвижников» — свыкшийся с неудобствами своей необычной профессии специалист по псовой охоте, непререкаемый авторитет на собачьих рингах.

— Что случилось? — спросил Дед, спускаясь с плат-

формы и подавая Денисову маленькую холодную ладонь.

— Похоже, сбит поездом, — объяснил Антон. — Но обстоятельства неясны... С пострадавшим мог находиться второй человек, даже скорее всего обязательно находился! Но куда ушел? Почему не сообщил? — Антон коротко ввел кинологов в курс дела.

— Ясненько, — старший инструктор с сомнением взглянул вокруг, — попробуем кое-что предпринять!

Второй кинолог — молодой, аккуратный, из недавно демобилизованных пограничников — посадил собаку, после чего оба инструктора замигали фонариками:

Следователь и прибывшие вместе с ним в составе оперативной группы тоже спустились с платформы.

— Иначе говоря, — сформулировал следователь, обдумав объяснения Антона, — вы подозреваете, что Музыкант-Альтист, ехавший в электропоезде вместе с пострадавшим, мог помочь Бухгалтеру попасть на рельсы!

— Проверить надо, — кивнул Антон. — Мы ведь не представляем, как он попал сюда... В вагоне, когда наши вошли, его не было. Прошел вперед по составу, чтобы потом по платформе прийти сюда?! Зачем?!

Кинологи, осматривавшие тропу, наконец приняли решение. Молодой сотрудник поправил комбинезон, изпод которого на плечах выпирали острые концы погон, отошел в сторону.

Дед подозвал собаку, огляделся, легко ткнул ее мордой куда-то недалеко от ног неподвижно лежавшего человека. Черный щипец овчарки — от носа до глаз — исчез, но тут же появился снова.

— След, Рада! — Другой рукой старший инструктор быстро удлинил поводок. — След! Ищи...

Овчарка заволновалась.

— След! — повторил Дед, оглядываясь.

Тусклые блики лежали на рельсах. Простиравшееся почти на полкилометра в ширину железнодорожное полотно было молчаливо, сумрачно, плотно прошито тяжелым неподвижным металлом.

Принюхиваясь, собака медленно, словно даже неуверенно и лениво, натянула поводок, повернула и небыстро пошла в темноту перегона — в противоположную от вокзала сторону, в то время когда все ожидали увидеть ее на платформе.

Старший инструктор еще удлинил поводок.

Собака двигалась осторожно, тщательно обнюхивала рельсы, то и дело останавливалась и все больше забирала к обочине. Дед, второй кинолог и Денисов быстро шли следом.

— Осторожно, поезд! — предупредил Денисов, когда они подходили к Дубниковскому мосту.

Сотрудники поддались в сторону, по соседнему пути прошелестел маневровый.

Приученная относиться безразлично к всевозможным раздражителям на транспорте — к гудкам и шумам, специфическому запаху колеи, служебно-розыскная собака не отпрянула и не увеличила скорости.

Рада вела по обочине вдоль путей к сужавшейся под Дубниковским мостом горловине станции, все дальше уводя от освещенного здания вокзала.

Они миновали Дубниковский мост, стоявшие в тунике вагоны почтово-багажного поезда. Впереди открылась грузовая станция с рассыпанной вдоль путей мозаикой сигнальных огней, пакгаузов, грузов-тяжеловесов. У будки стрелочника показалась женщина с фонарем, мужчина в форменном оранжевом жилете поверх одежды — стрелочница и монтер пути, — они молча пропустили мимо людей с собакой.

— Никого здесь не видели? — спросил Денисов.

— В ту сторону никто не шел, — ответила стрелочница. — Все только к вокзалу.

Впереди показалась платформа Москвы-Товарной, с надстройкой касс в середине, традиционными электрическими часами.

— Туда тянет... — на ходу шепнул старший инструктор. — К платформе!

Они отмахали уже метров триста, собака шла все с той же размеренной скоростью, не увеличивая и не замедляя темпа. Только у самой платформы овчарка вдруг дернула поводок, что-то подхватила с земли, подала проводнику. Подбежал второй кинолог.

— Перчатка... — Дед передал ему трофей. — Мужская.

Второй кинолог сунул перчатку в целлофановый пакет, на ходу передал Денисову.

— Может, нарушитель... То есть преступник потерял!

— А может, Рада обозрилась... — заметил капитан. Язык кинологов уподоблялся исстари известному

языку мастеров русской псовой охоты и отличался картинностью и выразительностью. — Не туда потянула и осмотрелась...

Пассажиры, ожидавшие электропоезда, молча смотрели на них с платформы. Овчарка взбежала по ступеням, не обращая внимания на людей, быстро двинулась дальше. Дед сократил поводок. Собака, оба кинолога и Денисов почти бегом пробежали мимо кассы и стенда с расписанием поездов. Рада тянула дальше, но еще метров через двадцать, почти у края платформы, внезапно остановилась. Здесь след терялся.

— Уехал с электропоездом... — предположил молодой кинолог. — Скорее всего! Вошел в вагон... Уехал в сторону Москвы.

— Уехал или не уехал, — возразил капитан, — нас с тобой здесь не было. След привел сюда... И это все!

— Предположение просто, — сказал кинолог.

— У меня другое предположение. Надо проверить... Иначе можем только запутать.

Назад шли тоже быстро, гуськом, по тропинке, проложенной вдоль путей. По дороге почти не разговаривали. Только под Дубниковским мостом старший инструктор на минуту остановился, вытер платком лицо.

— Передохнем секунду.

— Как дома? — Денисов воспользовался передышкой. — Как библиотека? Пополняется?

— Недавно от одного любителя подарок получил. — Дед свернул платок, спрятал в карман. — «Отчет о деятельности полицейских собак питомника харьковского сыскного отделения за девятьсот одиннадцатый год». Антиквариат! Я так считаю... — За будничным тоном была почти незаметна гордость коллекционера.

— Любопытно?

— Заходи — увидишь. Харьковский питомник считался одним из сильнейших. Пятнадцать собак. Особо отмечали Макса — добермана. Сильнейшая была полицейская собака...

Капитан прервал себя, вздохнул. Спросил неожиданно:

— У потерпевшего перчатки целы? Не смотрел?

— У потерпевшего? Пока не смотрели...

— Думаю, что отработали мы обратный след самого потерпевшего, — сказал Дед, — или, говоря по-научному, следы в обратном направлении...

— В противоположную по сравнению с предше-

ствующим движением сторону! Нас так учили... — попытался сформулировать второй кинолог.

Денисов заметил, что он больше не настаивает на преступнике, отбившем в электричке с Москвы-Товарной в сторону вокзала.

— Я имею в виду, — Дед все же счел нужным уточнить, — что Рада повела нас по следам самого потерявшегося. Как если бы Бухгалтер вдруг поднялся и пошел туда, откуда пришел к месту несчастного случая. А мы бы с собакой пошли за ним... Добрая собака!

Овчарка оглянулась — эти слова она поняла.

Недалеко от места происшествия второй кинолог снова взял ее на поводок.

— Труп мужчины средних лет правильного телосложения. Веки не сомкнуты, роговицы мутноватые, — диктовал судебно-медицинский эксперт, прибывший вместе с оперативной группой. — Отверстия ушей и рта свободные...

Дежурный следователь в наброшенном на плечи пальто писал, положив протокол на сложенные кубом запасные шпалы.

— Есть что-нибудь? — спросил он, когда Денисов и кинологи появились у торца платформы.

Денисов передал целлофановый пакет с перчаткой.

— Думаю, это его, — сказал Дед, — должно быть, потерял, когда спускался на путь у Москвы-Товарной.

Следователь отставил протокол, нагнулся к трупу.

— Точно! — Вторая перчатка оказалась в кармане куртки. — Как же прикажете понимать? — Он посмотрел на Денисова, потом на Антона. — Как этот человек оказался здесь? Зачем?

Кинологи с собакой отошли — старший инструктор на всякий случай пустил Раду на обыск местности.

— Идем дальше? — спросил медик-эксперт и, не дожидаясь ответа, продолжил: — В теменной области, распространяясь в задние отделы лобной и левой височной областей... — он отодвинулся, чтобы не мешать работнику научно-технического отдела, сфотографировавшему окружающую местность и перешедшему от обзорной съемки к узловой, — ...пальпируется обширная гематома...

— На минуту прервемся, — сказал следователь. — Что основное? Если коротко подытожить...

Медик выпрямился.

— Перелом свода черепа. Обширные грубые повреждения теменной области. Кровоизлияния во внутреннюю полость.

— Смерть наступила сразу?

— Мгновенно.

— Бесспорно: это наезд транспортного средства... — Следователь поправил листы протокола. — Но многое неясно. Перед Москвой в электричку подсел наш сотрудник, по прибытии в Москву в вагон вошел милицкий патруль. Человека этого в электричке уже не было. А что делали в вагоне те трое, которых доставили в отдел... Сидели на своих местах до конца?

— Они стояли в тамбуре.

— Их расспрашивали? Что они говорят? — Он не дал Сабодашу ответить, поспешил с вопросами: — Бухгалтер и Альтист вышли вместе? Или только Бухгалтер? Может, Альтист вышел из поезда где-нибудь в Коломенском? И мы зря берем его в расчет...

— Я не успел узнать детали. — Антон прикурил. — Их только доставили — и сразу звонок: «Труп!..»

— Кто его обнаружил? — спросил Денисов.

— Составитель поезда. Осаживали назад вагоны отделения перевозки почты. А составитель двигался вдоль полотна... Ты его знаешь, Денис! — По обстоятельности ответа нетрудно было понять, на чью помощь Антон главным образом рассчитывает.

— Один вопрос, Денисов, — обратился следователь. — Кого не было из пятерых в вагоне электрички, когда ты вошел? Кто все-таки из них мог выбросить паспорт?

Инспектор пожал плечами.

— При мне из тамбура вернулся Музыкант.

— Так-то! — вмешался эксперт-криминалист.

Денисов понял: когда он и кинологи отсутствовали, произошел первоначальный обмен мнениями, и его ответ подержал чью-то сторону.

— Но пока Денисов шел в последний вагон, тот пассажир мог вернуться из тамбура и сесть на место! А Альтист выйти... — сказал кто-то.

— Может, Альтист-Музыкант и есть Андреев?

Денисов внимательно слушал. Эпизод с выброшенным в Домодедове паспортом принадлежал теперь уже всей оперативной группе. Каждый толковал его по-своему.

— А зачем выбрасывать? — следовательно все больше хмурился. — Одни «почему?» и «зачем?». «Почему» выброшен паспорт? «Зачем» Бухгалтеру надо было возвращаться к концу платформы?

— Представьте, что Бухгалтеру грозила опасность, о которой он знал, а мы пока не догадываемся... — Эксперт-криминалист снова вошел в разговор. — Может, он что-то вез... А Андреев его преследовал. И Пименов действовал соответственно обстоятельствам. А нам это кажется странным.

— Не понял! — сказал следователь. — Почему же он не обратился к Денисову, когда тот вошел в вагон?

— Из-за Андреева!

Эксперт-криминалист был молод. Расследование как бы делилось для него на две части: в одной он участвовал как специалист и, несмотря на возраст, слыл докой, сведения же о второй — собственно раскрытии преступления — черпал в основном из детективной художественной литературы.

— Жизнь — сложная штука. — Он пожал плечами. — Я только предлагаю варианты. Где паспорт Андреева?

— Скоро должны подвезти, — отозвался Антон, — постовой увез его с собой по маршруту.

— Будет интересно взглянуть на фотографию.

— А когда наши входили в этот вагон... — снова заговорил следователь. — Уже здесь, на вокзале. Что известно? Между пассажирами — этими тремя — не было спора, размолвки?

— Вид у них был растерянный, — сказал Антон.

— Что доложил постовой, который подсел в электричку на Москве-Товарной?

— Он, собственно, ничего не видел. — Сабодаш снова полез в карман за «Беломором». — Я дал команду находиться в тамбуре предпоследнего вагона, а когда поезд прибудет на вокзал, войти в последний — помочь младшему инспектору и тем, кого я пришлю вместе с ним. До этого времени приказал не показываться на глаза. Так и было.

— Не могли Альтист или Бухгалтер мимо него пройти в головные вагоны?

— Надо уточнить.

— Кто-то идет...

От забора отделились две темные фигуры.

— Составитель поезда. Это он обнаружил труп, — сказал Антон.

Вторым был работник отделения перевозки почты.

— Как было дело? Повторите, — обратился Сабодаш к составителю.

Высокий костлявый мужчина в оранжевом жилете с металлической цепочкой, сбегавшей с шеи в нагрудный карман к сигнальному свистку, переступил с ноги на ногу:

— Почтовые вагоны осаживали под навес. Слышу, упало что-то. Тяжело! Как шпала. Мне ни к чему сначала...

— Крика не было?

— Ни звука. — Составитель поправил завернувшуюся полу рабочего жилета. — Стрелку ручную перевел, иду назад. Вижу: человек лежит! Думал, пьяный! А перед тем электричка подошла... — Он показал на темневшие у платформы впереди вагоны.

— И больше никого вокруг?

— По-моему, кто-то поднялся с путей на платформу. Быстро-быстро... Почти бегом. Направился в сторону вокзала. Но мне уже не было видно из-за электрички.

Криминалист значительно кашлянул: составитель в какой-то мере подтвердил его версию о преследовании и грозившей Пименову опасности.

— Может, Андреев? — снова сказал он. — Может, Бухгалтер действительно что-то вез, а тот знал?

— Примет не запомнили? — поинтересовался следователь.

— Того? На платформе? Я и не видел его! Только слышал.

— Милицию вы вызывали?

— Я. Вернее, мы вместе. — Он показал на работника почты, молча прислушивавшегося к разговору.

— Граждане пассажиры! — разнеслось сверху, из динамиков, по всем платформам. — Если вас не встретили с поезда или вы потеряли родных и знакомых... — В динамике щелкнуло: кто-то, видимо, вошел в дикторскую или позвонил и дикторша выключила микрофон.

— «Не встретили с поезда»... — Медик покачал головой. — Любят они эти обороты. Или еще: «В прибытии запаздывает...»

Ему не ответили.

— Потерпевший мог от кого-то убегать, — продолжал развивать мысль криминалист. — Бежал, не оглядываясь, и поэтому не слышал поезда... А электрички ходят бесшумно!

— А машинист?! — возразил следователь. — Он доложил бы о несчастном случае дежурному по обороту поездов.

— Представьте, что потерпевший круто свернул из-за кустов... Вот здесь! Попал в слепую зону под кабиной.

Следователь помолчал.

— Главное — быть уверенным, — сказал он, подумав, — что никто не преследовал Пименова, не подтолкнул! А следовательно, знать точно мотивы поведения пострадавшего...

На том и порешили.

После медика над трупом нагнулся Денисов. Обувь Бухгалтера была на месте — значит, удар оказался не из самых сильных: электричка тормозила.

— ...Встречайтесь у справочного бюро в зале номер два! — снова после затянувшейся паузы заговорило радио. — Повторяю...

Денисов ощупал одежду Бухгалтера: в одном месте пола куртки оттопыривалась. Денисов почувствовал под рукой твердый прямоугольный предмет.

— Карманы осматривали?

— Пока нет.

— Кажется, бумажник... Деньги! — сказал он, посмотрев.

По знаку следователя присутствовавшие на осмотре понятия — студенты инженерно-строительного института из добровольной народной дружины — подошли ближе.

— Пятидесятирублевые купюры в банковской упаковке... — Денисов передал пачку следователю. — Теперь еще сотенные. Паспорт...

— Пименов Алексей Федорович... — следователь перелистнул страницу. — Город Новосибирск, улица... дом...

— Обрывок газеты. — Денисов обнаружил, что подкладка кармана разошлась по шву. — Лежал между кожей и подкладкой. — Он взгляделся. — Рекламно-информационное приложение к газете «Вечерний Новосибирск»... Стоп! В наружном кармане еще деньги.

— Их не успели взять, — шепнул криминалист.

Он оказался провидцем со своей версией. — Составитель помешал!

— Весьма любопытно, — признал следователь.

Деньги пересчитали.

— Всего восемь тысяч шестьсот пятьдесят рублей, — сказал Сабодаш. — Из них пять тысяч в банковской упаковке. Это не считая восьмиста рублей, что лежали в наружном кармане.

Следователь обернулся к Антону:

— Ориентировку о несчастном случае дали?

— Сразу же! Но только в общих чертах, как о неизвестном... Может, кому-то известны подробности. Теперь свяжемся с Новосибирском, попросим узнать через родственников Пименова: куда выбыл? С кем? С какой целью? Что при себе имел? — Сабодашу приходилось заниматься несчастными случаями, он как свои пять пальцев знал все, что требовалось. — А как только подвезут паспорт Андреева, сразу свяжемся с милицией и по его месту жительства тоже. Разберемся...

— Дайте дополнение к ориентировке: «При себе имел деньги в сумме... купюрами...» Как положено. И постарайтесь быстрее изготовить фотографии пострадавшего. Может, придется показать свидетелям, очевидцам... — Следователь обернулся к криминалисту: — Кажется, миссия наша окончена.

Они входили в оперативную группу управления внутренних дел на транспорте, обслуживавшую столичный железнодорожный узел.*

— Окончена.

Вскоре они уехали. Кинологи простились еще раньше.

Дальнейшее предстояло дежурному наряду отдела внутренних дел непосредственно на станции, в просторечье—вокзальной милиции: сообщение родственникам, выявление очевидцев, воспроизведение обстоятельств происшедшего.

Пока Сабодаш организовывал дополнительный осмотр главных путей, Денисов свернул на подъездные, начинавшиеся поблизости от места происшествия — между вокзалом и Дубниковским мостом.

Подъездные пути отворачивали от главных и вели на предприятия, холодильники, близрасположенные базы. Денисов прошел с километр вдоль полотна дороги, но в будках стрелочников ему ничем не смогли помочь. На ситценабивной фабрике и кожевенном заводе

никто из составителей поездов ничего не знал, а составитель дрожжевого только что вернулся с ужина.

Возвращаясь назад, Денисов видел впереди ярко освещенный вокзал, людей на перроне, выведенное неоновым «Москва» вверху, над кубом нового здания. На платформах было оживленно и чуть торжественно, как бывает перед отправлением вечерних и особенно ночных поездов.

«Начинать надо с доставленных, — подумал Денисов. — Кто-то из них ни при чем, а кто-то мог видеть и Музыканта и Пименова в аэропорту...»

Когда он подошел к торцу платформы, Антон еще был там. Сбоку, через пути, с Дубниковки несли пустые носилки — там, рядом с элеватором, ближе к путям, припарковалась знакомая черная машина с крытым кузовом.

— Как? — спросил Антон, когда Денисов подошел. — Новости есть?

— Никаких.

— Здесь тоже.

— Будем разговаривать с Долговязым и теми двумя, кто доставлен с ним. — Денисов надеялся на свой профессиональный опыт в таких делах. — Что они делали в аэропорту? Где увидели друг друга? На эти вопросы придется отвечать конкретно.

Антон не согласился:

— От того, что каждый из них делал в аэропорту, далеко до происшедшего с Бухгалтером. Кроме того, каждый наверняка скажет, что не знает другого.

— Будем искать. Надо объявить по городу приметы Альтиста.

Было поздно. На мачте рядом с блокпостом зажглось звено прожекторов. На стрелке у восьмого пути стало светлее.

Время от времени под двухпролетным мостом появлялось черноватое пятно, над ним вспыхивал прожекторный луч. Очередной неприметный вначале клубок бесшумно катился к вокзалу, стремительно разматывая за собой темную перфорированную освещенными окошками ленту вагонов.

— Пошли. — Денисов посмотрел на часы.

Вместе с другими они поднялись на платформу.

— Как только доставят паспорт Андреева, — Денисов тронул Антона за руку, — дай знать. А насчет Пи-

менова пусть свяжутся не только по месту жительства, но и по месту работы...

На седьмом пути готовился к отправлению почтово-багажный поезд. Из дверей слышалась громкая речь, тянуло запахом кочевой жизни — рыбной снедью, горячим, разварившимся картофелем.

— ...По Запсибзолоту.

Трое мужчин из электропоезда ждали в кабинете уголовного розыска, наверху. Вместе с доставленными был старший сержант из дежурной части. Когда Денисов появился, старший сержант сразу ушел.

Узнав знакомого инспектора, все трое словно почувствовали облегчение. Долговязый вынул пилочку, снова занялся ногтями.

Немец заговорил первым:

— Выходит, вы ищете тех двоих, что убежали? — Он сидел у окна, рядом с колонией кактусов, расположившейся на подоконнике. — Еще раз здравствуйте... — Он с симпатией посмотрел на Денисова. — Я понял: вы следили за ними еще в поезде! Я сразу их заподозрил — личности весьма сомнительные. Поведение, разговоры... Здесь трудно ошибиться.

— Вы знаете их?

— Лично я? Нет! Но, может, другие, сидящие здесь знают? — Денисову показалось, что он взглянул в угол, где Мордастый чуть ослабил полотенце на шее.

— Никогда прежде не видел, — сказал Мордастый.

Немец вздохнул:

— Долго все равно не набегает... Поймают!

— Где они вышли из поезда?

— На последней остановке. Перед Москвой.

— Уверены?

— А как же! По-английски: не прощаясь...

«Дед был прав... — Денисов передвинул бумаги на столе. — Бухгалтер шел не от вокзала! Он вышел из вагона на Москве-Товарной, после чего темной тропинкой направился вслед за электричкой к платформе».

— Может, они заподозрили что-нибудь? — Немец беспокойно заерзал на стуле.

Никто не ответил. Мордастый оглядывал помещение.

Долговязый равнодушно полировал ногти.

— Музыкант вел себя очень странно. — Немец по-

гладил лысину. — Обо всем расспрашивал, интересовался...

— Чем именно?

— Сейчас не помню. Но все у него сводилось к деньгам.

— По-вашему, он москвич?

— Показалось, москвич. А там кто знает?

— Они вышли вдвоем?

— Я сидел спиной к тамбуру. Не видел. Как провалились оба!

— Вы видели? — Денисов обратился к Долговязому.

— Вышли вместе. — Долговязый кивнул. — А Музыканта я видел раньше у киоска в аэропорту — покупал «Советскую музыку». Мне показалось, кого-то ждал.

— Бухгалтера?

— Не утверждаю.

— Но, по-вашему, они знали друг друга?

— Свое знакомство они, во всяком случае, не афишировали.

— Вы долго были в аэропорту?

— С обеда... — Долговязый счел нужным объяснить: — Бывшего сослуживца встречал. Из Душанбе. Дневным рейсом.

— Встретили?

— Нет. Не прилетел.

— А как же теперь? — поинтересовался Немец, он внимательно прислушивался к разговору. — Встретитесь?

Долговязый с неудовольствием взглянул в его сторону:

— Придется ждать, пока опять позвонит.

— А вы сами позвоните. — Немец выдержал его взгляд, потом посоветовал: — Если у него нет телефона, можно вызвать на переговорный пункт. Я всегда так делаю.

— Ничего не получится.

Немец удивился:

— И адрес не знаете?

— Лет пять не виделись... — Долговязый спешил закрыть тему. Он обернулся к Денисову: — Вы нас надолго задержите? — Он не скрывал, что в первую очередь думает о том, как быстрее покинуть милицкий дом.

— Вы москвич? — Денисову было не до ориентировки о разыскиваемом шулере.

— Москвич. — Спина Долговязого слегка сгорбилась, точно под невидимой тяжестью. — С Шаболовки, недалеко от Донского монастыря живу. Документы, правда, с собой не вожу. Меня всегда запросто можно вызвать.

Он ждал вопросов, но Денисов только переложил бумаги на столе.

Неожиданная гибель Бухгалтера, бегство Альтиста, крупная сумма, обнаруженная при покойном, выброшенный из электрички паспорт — цепочка непонятных пока, тревожных фактов: тут было чем заняться в первую очередь.

— Когда вы обратили внимание на Музыканта? — Денисов предпочел уточнить. — Задолго до того, как выехали из аэропорта?

— Минут за тридцать.

— По какой причине? Помните?

— Просто так: инструмент, музыкант.

— Он шел, стоял?

— Стоял. — Долговязый неожиданно повернулся к Мордастому: — Мне показалось, вы были вместе с ним.

Мордастый пожал плечами:

— Я стоял у киоска, там было плохо одному из пассажиров. Но я был один. Вы с кем-то путаете.

— Я обратил внимание на полотенце, — буркнул Долговязый. — С кем тут спутаешь?! — Он достал пилочку, которую до этого сунул в карман.

Молчавший во время этого диалога Немец тоже поинтересовался у Мордастого:

— Разве вы вошли в электричку не вместе?

— С Музыкантом?!

— Я шел сразу за вами. Вы и сели напротив, лицом друг к другу.

Продолжить опрос Денисову не удалось: снизу, из дежурки, позвонил Сабодаш:

— Есть новости...

— А точнее? — Ему было неудобно говорить.

— Паспорт пока не подвезли. Но позвонили из Михнева, передали данные по телефону. Ты удивишься, Денис! Андреев Виктор Васильевич родился и значится прописанным... — Сабодаш выдержал паузу, — в Но-

сибирские. Как и Пименов... Скорее всего они вместе и прилетели в Москву. Понимаешь?

Сидевшие в кабинете по-разному вели себя во время этого разговора: Немец с откровенным любопытством прислушивался, Долговязый занимался пилочкой, Мордастый изучал архитектурные особенности помещения, как человек, которому некуда спешить.

— ...Андреев женат, у него двое детей. Я уже заказал Новосибирское областное управление внутренних дел... — Антону казалось, что благодаря паспорту они вот-вот выйдут на след Альтиста или еще кого-то из причастных к гибели Пименова. — Они обещали быстренько все проверить... С кем выехал в Москву? С какой целью? Где предполагал остановиться?

— Должно быть, сейчас эти двое развлекаются где-нибудь в ресторане — сказал Немец, когда Денисов положил трубку. — А мы сиди! И у вас время отнимаем...

Антон оказался прав: никто из доставленных не желал признать, что знает другого.

— Ну ничего! — Немец погрозил отсутствующим. — Мы будем гулять, а вы займете наши места! Так я говорю, коллеги?

«Коллеги» предпочли отмолчаться.

Через минуту-другую Сабодаш позвонил снова:

— Сейчас я подошлю к тебе младшего инспектора. — Денисов услышал зуммер на пульте оперативной связи — кто-то звонил дежурному, но Антон договорил до конца. — Он посидит с доставленными. А ты спустишься сюда. Подошел машинист. И помощник с ним. С электрички, что сбила Бухгалтера.

Машинист и помощник оказались одного возраста, оба сверстники Денисова, оба жили в Домодедове и теперь спешили домой. Они повторили то, что инспектор уже знал.

— В Москве приняли нас на восьмой путь, самый неудобный для пассажиров. От первого вагона до вокзала расстояние порядочное... — Машинист сел в старое кресло в углу, с удовольствием вытянул ноги. — На путях, когда подходили к платформе, никого не было. Это я хорошо помню. Шли с обычной скоростью. А у восьмого пути сбоку кусты, шпалы сложены...

— Мог пострадавший попасть под электропоезд так, что вы этого не заметили?

Ответил помощник:

— Если круто свернул на путь перед самым электропоездом. Бежал, например. Кабина локомотива поднята высоко. Вы знаете. Поэтому под нею впереди образуется небольшая слепая зона. А тропинка рядом с дорогой. Поверни круче на близком расстоянии — и пожалуйста!

— Себя не жалеют, — вставил машинист. — Будто негде ходить!

Помощник договорил:

— Когда видимость хотя бы частично ограничена, все может случиться.

— А дальше? — спросил Денисов. — Как было все после того, как прибыли в Москву?

Помощник пожал плечами:

— Погасили машину, выключили аккумуляторные батареи... Как всегда. Все проверили, заперли кабину и ушли.

— Шли по платформе?

— Немного, — помощник кивнул, — потом спустились на путь, смотрели механическую часть. А дальше направились к линейному пункту. — Линейный пункт оборота электропоездов располагался в маленьком домике на междупутье.

— Пассажиры в это время еще шли к вокзалу? Кто-нибудь встретился вам?

— На платформе? — Помощник подумал. — Нет. Все уже прошли. Даже из последних вагонов. Я ведь еще подходил к аккумуляторам в составе! Один, кажется, попался навстречу...

— Музыкант, — перебил машинист. — С футляром в руке... — добавил он, не дожидаясь вопроса. — Он мимо меня прошел.

— Быстро?

— Довольно быстро. Словно кого-то догонял.

«Составитель поезда слышал, как Пименов упал и как кто-то побежал по платформе... — подумал Денисов. — А машинист и его помощник встретили спешившего по платформе Альтиста...»

Этап, следовавший сразу после гибели Бухгалтера, можно было считать исследованным довольно полно: очевидцы передавали Музыканта на платформе как эстафетную палочку.

Отпустив локомотивную бригаду, Денисов подошел

к коммутатору оперативной связи — Антон ждал его у пульта.

— Новосибирск не звонил? — спросил Денисов.

— Нет пока.

— Я хочу еще раз взглянуть на все, что лежало в олежде Пименова.

Антон открыл сейф, достал целлофановый пакет.

— Все здесь: паспорт, деньги, газета.

Денисов начал с пачки пятидесятирублевых, внимательно осмотрел их со всех сторон.

Лента банковской упаковки была стандартной с двумя продольными полосами. Фиолетовый штамп отделения Государственного банка был смазан и не читался, зато дата была хорошо различима: «15 апреля».

Всего несколько суток отделяли день, когда купюры были аккуратно подобраны и оклеены предохранительной лентой, от сегодняшнего.

«Находились ли они все это время в отделении банка или тогда же — пятнадцатого апреля — были выданы получателю? — подумал Денисов. — Кому предназначались? Каким отделением банка или сберкасы выданы?»

Паспорт Пименова покоился в прозрачных полиэтиленовых корочках — Денисов и сам получил такой же чехол при обмене паспортов.

«Пименов Алексей Федорович...»

Из паспорта можно было почерпнуть лишь то, что документ призван был засвидетельствовать.

...Чуть больше тридцати, уроженец и житель Новосибирска... Сведения о месте работы, семейном положении отсутствуют. Военнообязанный... — правильность сведений удостоверяла размашистая неразборчивая подпись начальника органа, выдавшего паспорт, и отчетливо отразившаяся печать; лицо на фотографии было знакомым — таким, каким Денисов увидел его в электричке.

Оставался обрывок рекламного приложения, порядком поистрепавшийся за то время, пока лежал под подкладкой. Он был двухмесячной давности. Денисов пробежал его глазами: рекомендации, извещения.

Петитом набранный текст:

«Вашей мебели необходим
ремонт?»

«В академгородке потерялась
собака...»

«Куплю ударную установку...»

Денисов перевернул «Приложение» другой стороной: «Меняю...», «Продается...»

Одно из объявлений было отчеркнуто карандашом: «Комната для одного человека, ул. Объединения...»

Остановка «Универмаг «Юбилейный»...»

Денисов показал объявление Антону.

— На всякий случай попроси Новосибирск проверить адрес.

— Какой? — Антон сразу заинтересовался. — Любопытно... — Он несколько раз перечитал отчеркнутое в рекламном приложении. — А вдруг? Может, кто-то из тех, кто прилетел с Пименовым, снял комнату на улице Объединения?

— Мне они сразу показались подозрительными, — признался Немец, — особенно Музыкант и этот, с полотенцем... — На этот раз они разговаривали вдвоем. — Оба определенно никого не встречали в аэропорту и никуда не собирались лететь.

— Почему вы об этом подумали?

— И слепому ясно. Музыканта я еще в здании порта приметил. У места выдачи багажа. Знаете? В правом крыле...

— Что он там делал?

— Ходил, смотрел, как люди получают багаж. — Немец припомнил. — Да! Заговаривал с пассажирами!

— О чем?

— Этого не знаю. Близко не подходил.

— Долго он находился у места выдачи?

— Порядочно. Из Душанбе прибыл рейс, потом, по моему, из Еревана. Я два раза к справочной подходил, справлялся насчет Владивостока. И оба раза его видел. — Немец пригладил платком вспотевшую лысину. — Ненадежные эти ребята!

Немец покачал головой.

— А тот... — Денисов понял, что он говорит о Долговязом, — сказал, что встречал бывшего сослуживца, а сам не знает его адреса. Теперь будто бы будет ждать, когда ему позвонят... Один и адрес знает, и телефон, а другой — ничего не знает... Смешно! Пусть детям расскажет... — Немец показал ладонью над полом. — Таким!

— Не поверили?

— Конечно! Когда тот ему позвонит? Может, завтра, может, через год... Что за люди у вас здесь?!

— Никак не привыкнете?

— Больше недели в Москве не выдерживаю. Одно оправдание: подарки семье.

— Что-нибудь стоящее?

Немец засмеялся.

— В прошлый раз дочери шубу отхватил. Жене и теще — «аляски». Это я уже потом узнал, что сапоги у вас называют «алясками». — Он посмотрел на Денисова. — Сыну — «кейс-дипломат»... Да! Еще немного насчет Музыканта... Может, пригодится. Он действительно подходил к киоску Союзпечати, стоял рядом с Мордастым. А теперь Мордастый отрицает... Почему? Какая цель? Не могу понять.

Антон позвонил снова. Денисов знал: звонки будут теперь раздаваться часто — каждые десять-пятнадцать минут: колесо закрутилось. Ориентировки о несчастном случае дошли до адресатов, и каждые несколько минут будут поступать новые данные, ответы отделений милиции, справки о проверках доставленных — Долговязо-го, Мордастого, Немца; телеграммы и запросы.

— Привезли паспорт Андреева... — сказал Антон. — И постовой, который его поднял, тоже здесь.

Милиционер по сопровождению электропоездов неловко присел сбоку у стола и выложил перед Денисовым подобранные им на путях в Домодедове паспорт и платок.

— Интересно... — Денисов сразу же открыл документ.

С фотографии смотрело незнакомое лицо — в очках, с копной аккуратно подстриженных волос, с белым воротничком, выложенным поверх лохматой кофты.

«Не он! Не Музыкант... — Денисов перелистнул страницу. — Женат... Дети...»

— Поэтому я и сообщил сразу вам по рации... — Постовой украдкой взглянул на часы — ему надо было снова собираться в путь. — С чего вдруг станут выбрасывать паспорт?!

Денисов пожал ему руку.

— Поздравляю. Пассажиры действительно оказались интересными.

— Хорошо, что вы ехали в поезде, — ответил сержант. — Иначе бы трудно было. Честно говорю.

— Куда вы должны были сопровождать электричку?

— От аэропорта? До станции Домодедово. К Москве наше сопровождение не предусмотрено.

— Потом?

— Перехожу на встречную... — Сержант добросовестно перечислил маршрут. — Потом еду в Михнево. Ночую в Домодедове...

Сержант снова взглянул на часы. В кабинете уголовного розыска он бывал редко, чувствовал себя неудобно. Денисов то и дело ощущал на себе его беспокойный взгляд.

— Понимаю. — Денисов подождал, пока он немного освоится. — Как все получилось сегодня?

— Со свертком? Просто... Ревизоры сели в третий вагон с «хвоста». Пошли к последнему. Это как обычно. А я прошел по составу. Все было спокойно... — Сержант запнулся: взгляд его остановился на колонне в середине кабинета.

Денисов подождал: такова была сила старой архитектуры.

— ...Когда дошел до последнего вагона, электричка подъезжала к Домодедову. В салон не пошел. Вижу: ревизоры сидят с безбилетниками. Штрафуют... — Он объяснял так же, как и действовал: точно, хотя и медлительно. — Остался в тамбуре.

— Вы передали, что безбилетников в вагоне пятеро, — сказал Денисов. — Значит, перед Домодедовом все они находились в салоне?

— Все, — сержант кивнул. — Если кто-то и вышел в тамбур, чтобы выбросить платок и паспорт, то уже потом, когда меня не было.

— Все пятеро сидели?

— Кто сидел, кто стоял.

— А Музыкант? — Это было важным. — Музыканта видели? С футляром... Кто из пассажиров стоял ближе к дальнему тамбуру?

«Кто через минуту-другую должен был выбросить паспорт, тот, должно быть, и находился ближе к двери...»

Сержант покачал головой.

— Кто где был — не помню. В это время как раз подъезжали...

Денисов попытался представить все глазами другой стороны:

— А они в салоне могли вас видеть?

Сержант как будто обрадовался:

— Вполне. Дверь в тамбур — со стеклом.. А то, что я выйду в Домодедове на станции, они знать не могли... — Он заговорил уверенно. — Вышел на платформу, домодедовские тоже все вышли, смотрю — сверток летит. Аккурат между платформой и поездом.

— Откуда его выбросили?

— Из дверей. Перед самым отправлением.

— Кто?

— Этого я не видел. Спрыгнул на путь, подобрал сверток, развернул. И сразу вам по рации... — Больше ничего существенного он не сказал.

«Кто бы ни выбросил паспорт, — подумал Денисов, когда сержант ушел, — за одного человека я могу поручиться... За Андреева! Паспорт потому и выбросили, что он краденый...»

Денисов подошел к окну, к колонии кактусов на подоконнике. Было бы неплохо, если бы он мог на несколько минут разъединить быстрый ход времени — вытащить заранее припасенный пузырек с комнатной температуры водой, опрыскать причудливо-ошетинившиеся странные растения.

Все было сложнее, чем показалось вначале. Обратный след уводил далеко — дальше, чем думалось.

Он немного постоял у окна. Внизу только что отправился поезд, мерный стук еще стоял в воздухе, а по зданию багажной конторы, по кафельной облицовке уже тек и расширялся золотистый ручеек — огни приближавшегося из горловины станции очередного локомотива.

Снова позвонил Антон.

— Сейчас разговаривал с Новосибирском, Денис. Они тебе не звонили?

— Нет.

— Я дал твой телефон... С родственниками погибшего связаться пока не удалось. У них там свои сложности, я не стал вникать. Напомнил, что бывает, когда несвоевременно извещают родственников. По-моему, они поняли... А с Андреевым все оказалось проще. Слушаешь? Паспорт украден у него еще в январе, в автобусе, в районе Гусинобродского жилмассива...

— Какого? — не понял Денисов.

— Гусинобродского. В Новосибирске.
— А сам Андреев? Где он?
— Владелец паспорта? Жив... — На коммутаторе у дежурного снова раздался зуммер — кто-то звонил. Антон крикнул помощнику: «Возьми трубку!» Потом продолжил: — Сейчас с Андреевым разговаривали. Положительно характеризуется. Семейный человек, производственник. Никуда не выезжал. Безусловно, паспорт его просто использовали... Сотрудник, с которым я разговаривал, считает, что преступление могло готовиться. А ставкой могли быть деньги, что были у Бухгалтера! Куш большой!

Денисов продолжал смотреть в окно. Золотистый ручеек на кафеле багажного отделения теперь уже заливал всю стену, локомотив миновал последнюю стрелку перед платформой. Толпа встречающих вступила на перрон.

— ...За Пименовым определенно охотились... — После короткого времени блужданий в неизвестности Антон набрел на след к истоку преступного замысла. — Музыкант мог прилететь в Москву по чужому паспорту, потом при удобном случае его выбросить. На Москве-Товарной, когда они шли по путям, оказались рядом с электропоездом. Бухгалтер зазевался. — Антон счел возможным упустить подробности. — А вот деньгами воспользоваться ему не пришлось. Рядом оказался составитель поезда. Пришлось уносить ноги...

— Я бы хотел поговорить с ревизорами. Может, они что-то заметили во время ревизии.

— Тебя что-то не устраивает?

— Дело в том, что паспорт Андреева мог выбросить из поезда не только Музыкант...

Разговор с Мордастым взял на себя Антон, Денисов молча сидел рядом. Ему было необходимо собраться с мыслями.

— Я первый раз в ваших апартаментах. — Мордастый коснулся ладонью седого короткого «ежика» на голове, в глубине рта тускло сверкнула металлическая коронка. — Честно говоря, было даже любопытно наблюдать со стороны за вашей работой, но... — он взглянул на часы — новую японскую «сейку» на руке, — времени не так уж мало... — Он чуть ослабил полотенце на шее.

— Документов у вас с собою нет... — констатировал Антон.

— Не ношу.

— Вы не знакомы ни с кем из ваших попутчиков?

— Не имел чести.

— Хотя они — вы слышали — в один голос уверяют, что с вами был еще человек...

— Музыкант!

— Вот, именно! Могли бы вы что-нибудь пояснить в связи с этим?

Мордастый пожал плечами.

— Какой смысл наговаривать? Не ведаю. — Мордастый вздохнул. — Как юрист вы, наверное, знаете об «аргументум ад гоминем»*. Про логическую ошибку. Человеку, который говорит, что сейчас... — он ткнул в «сейку» на руке, — конец двадцатого часа, отвечают не по существу, а применительно к его личности: «Вы — фантазер!» или: «Вы странно одеваетесь!» — Он, видимо, имел в виду махровое полотенце на шее. — Вместо того чтобы проверить время по другим часам или набрав номер по телефону. Понимаете?

— Я знаком с этим по курсу логики. — Антон был озадачен.

— Поэтому положение мое сложное. — Мордастый положил руку на лоб, словно проверял температуру. — Свидетелей у меня нет.

— Что вы делали в аэропорту?

— Пришел я пешком со станции Взлетная, бывшая Восемьсот восьмой километр. А туда — с Пахры. И на Пахре ночевал.

Дежурный внимательно оглядел его — Мордастый усмехнулся.

— Не верите? А между тем это так. Захотелось побывать в тех местах, где рос мальчишкой.

— И ваших попутчиков вы никогда не видели...

— Нет.

— Ни в зале выдачи багажа, ни у киоска Союзпечати, ни в аэропорту «Домодедово»...

— У киоска стало плохо одному из пассажиров — я случайно оказался там, покупал газету. В зале выдачи багажа я не был. Даже не представляю, где он находится.

* Логическая ошибка. Доказательство со ссылкой на личность оппонента.

— Куда вы пошли от киоска?

— К электричке. — Мордастый держался уверенно, ни у Антона, ни у Денисова против него ничего не было, кроме неясных свидетельств его попутчиков — Немца и Долговязого. Мордастый не мог этого не понимать. — Электричка уже отправлялась. К ней спешило много людей. Я побежал тоже. Следующий поезд был примерно через час.

— Потом?

— Автомат по продаже билетов не работал, к кассам бежать было поздно. Двери закрывались. Я вскочил в последний вагон.

Антон спросил неожиданно:

— Бывали вы в Новосибирске?

— Бывал, — Мордастый посмотрел удивленно, — несколько раз.

— А последний?

— В этом году, в феврале...

— Дело в том, что Пименов из Новосибирска.

— Вот что... — Металлический зуб сверкнул снова. — Я уже сказал, что не знаком ни с одним из попутчиков. Никогда не имел удовольствия бывать в уголовном розыске. Но мое безупречное прошлое... Помните: «аргументум ад гоминем»! Вряд ли вас в чем-нибудь убедит. Поэтому... — он достал из кармана какое-то издание в суперобложке, положил на колени, проверил закладку, — мне остается ждать. Закон дает несколько часов на проверку. Проверяйте. Не будем досаждать друг другу...

Оба ревизора оказались здесь, на вокзале, на платформе отправления электропоездов. Через несколько минут оба уже входили в дежурную часть.

— Здравствуйте, здравствуйте...

Коротышка — пожилой ревизор, интересовавшийся у Немца дальневосточным папоротником, — держал в руке мегафон. По дислокации ревизорского аппарата во время посадки ему доставалась наиболее хлопотная роль. Он объявлял:

— Граждане пассажиры! Предъявляйте билеты общественному контролю...

Сколько Денисов помнил, он выступал всегда в одном и том же качестве — распределителя.

Его партнер — второй ревизор — выглядел моло-

же, размашистый, быстрый, хотя и ему было за пятьдесят.

— Тепло у вас, — сказал пожилой. Несмотря на весну, он мерз. — Может, чайку найдем?

— Поищем.

Антону не пришлось давать распоряжение, старшина-старослужащий, стоявший у входа, сказал:

— Сейчас сделаем.

Из бытовки появились эмалированные кружки с чаем, несколько кусков рафинада.

— Только что не очень горячий, — извинился старшина.

— Спасибо, спасибо... — Старичок ревизор поставил мегафон на пол, двумя руками принял кружку. — Хорошо!

Партнер его обратился к Денисову:

— По какому вопросу — нас?

— Насчет тех пятерых. Безбилетников.

— Из аэропортовской электрички? Я и забыл о них... — Он глубокими глотками пил негорячий чай.

— Вот они у меня... — Старичок отставил кружку, достал из наплечной сумки квитанции. — Сидоров, Данилов, Пименов... Немец.

— Сер-ван-тёс.

— Сервантес? — удивился Антон.

Ревизоры согласно кивнули.

— Но штраф они заплатили. Честь по чести. Претензий нет.

— Где они находились, когда вы вошли? — спросил Денисов. — И потом... Сидели все вместе? Или врозь — по всему вагону? Может, кто-то из них выходил в тамбур?

— Как же?! — сказал второй ревизор. — Мордастый-то этот... С полотенцем! Он-то и выходил в тамбур!

Вошли дружинники. Чтобы не мешать, Денисов предложил ревизорам на несколько минут подняться наверх.

— А чего ж?! Дело обычное, — сказал пожилой. — Пожалуйста... Это на городском транспорте, там ревизоры притаятся у кассы и ждут: «Кто не бросит пятак?» В платках, с хозсумками. И не подумаешь! А чтоб общественный порядок навести! Ни-ни! А тут всю жизнь на виду! В форме. Отовсюду тебя видать! И в ночных электричках, и в дальних поездах! Сколько хулиганов задержали, воров, а то и поопаснее...

— Как вы обратили на них внимание? Кто где в это время стоял? — повторил вопрос Денисов.

Ревизоры заговорили, перебивая друг друга:

— Да их сразу видать, безбилетников!

— Глаз наметанный... Взять хотя бы этого — с полотенцем!

— Не помните, когда он выходил в тамбур? — спросил Денисов. — До проверки билетов? Или уже после?

В важном для Денисова вопросе мнения ревизоров разошлись. Второй ревизор уверял, что Мордастый вышел в тамбур после начала ревизии вагона. Пожилой был уверен, что Мордастый с самого начала стоял в тамбуре и вошел лишь после того, как ему предложили войти в салон.

Полной ясности, таким образом, не было. Если прав был второй ревизор, то Мордастый выходил в тамбур где-то при подъезде к Домодедову, в противном случае — в Домодедове с паспортом выходил к двери кто-то другой.

— Раньше вы никого из них не видели?

— Одного я видел... — сказал пожилой ревизор. — Того, что с пилочкой. Не раз уже штрафовал.

«Конечно, — подумал Денисов, — электричка из аэропорта... Какая еще так притягивает к себе шулера?! Люди в ней со всех концов страны. Денежные...» — Он снова вспомнил о Пименове.

— А я Немца видел, — сказал второй ревизор. — Вчера, по-моему. Тоже из аэропорта добирался.

— Один?

— Один.

Едва Денисов отпустил ревизоров, снова позвонил Антон.

— Опять трудности, Денис. Можешь спуститься в дежурку?

Пока Денисов собирал со стола бумаги, Антон не выдержал — пошел навстречу. Они встретились на полпути — между этажами.

— Теперь с пострадавшим заминка, — сказал Антон. — Не знаю, сможем ли мы к утру оповестить родственников? — Антон любил, чтобы все было в соответствии с инструкцией, аккуратно и в срок. — Они подключили районный отдел внутренних дел, по месту прописки Пименова. Оказывается, он там давно не живет. А живет у жены, адрес ее никто не знает...

— А если узнать по адресному?

— Звонили. Видимо, у них с женой разные фамилии. А обращаться по месту работы до утра бесполезно... — Они повернули вниз, в дежурку. Антон старался без необходимости не оставлять ее надолго. — Действительно: одни «почему?» и «зачем?». Не понимаю вот чего! В солидной фирме, на солидной должности, связан с материальными ценностями, а с адресами неразбериха...

Хлопнула дверь вниз. Вошедший — в годах, спокойный — не был чужим, кивнул старшине-старослужащему у входа. Денисов сразу узнал его, хотя не виделись несколько лет.

«Майор... Точнее, подполковник милиции. В отставке. Горбунов...—Денисову показалось, Горбунов похудел— пальто на нем выглядело длинновато, но с лица Михаил Иосифович не изменился. — Здоров...» У него отлегло от сердца.

Горбунов о чем-то спросил, старшина обернулся к лестнице. Речь шла, конечно, о нем, о Денисове. Однако, прежде чем ветеран МУРа увидел его, Денисов успел сделать несколько шагов вниз, сжать Горбунова за предплечья сзади.

— Ни с места!

— Денисов!

Они расцеловались.

— Какими судьбами? — спросил Денисов.

— В Астрахань собираюсь... — не сразу ответил Горбунов. — К сестре... Да вот решил забежать. Как жизнь? Успехи?

— Понемногу.

Они обменялись быстрыми, самыми свежими, бывшими на виду новостями: «Кристинин руководит отделом уголовного розыска, всегда занят, почти не видимся»; «Раджабов спустился с Памира, живет в родном Ура-Тюбе»; «Губенко теперь в кадрах, специалист по передовой организации труда, Данилов в нем души не чает. Пишет диссертацию...»

— Денисов тоже готовится на повышение... — вмешался Антон. Дежурный и Горбунов знали друг друга— участвовали в операции по задержанию особо опасного рецидивиста. — Денисова сманивают в уголовный розыск на Казанский. Там масштабы, объем. Крупнейший вокзал в Европе... А наши хотят его в заместители начальника уголовного розыска.

— А ты молчишь! — обрадовался Горбунов.

— Это предположения.

— Дел много?

— Сейчас? Трое доставленных... Несчастный случай при странных обстоятельствах.

— Любопытно.

Денисов вдруг подумал:

«Никуда Михаил Иосифович не едет. Зашел повидаться. А поезд — так... Чтобы в любой момент уйти, не связывать своим присутствием...»

— Что за люди — доставленные? — спросил Горбунов. — Может, знаю?

Денисов перечислил.

— Фамилии ни о чем не говорят, — Михаил Иосифович помолчал, — кроме одной... Немец! Если тот самый... В свое время пришлось повозиться. Забыл, откуда он... Обокрал мужчину, соседа своей сестры, который был к нему расположен. Подонок и без крупницы совести.

— Наш солиднее, — сказал Антон. — А там кто знает!

Вышедший из дежурки помощник подошел к дежурному. Увидев рядом незнакомого Горбунова, козырнул:

— Разрешите обратиться, товарищ капитан? Звонили из сорок пятого отделения милиции. По нашей ориентировке о несчастном случае.

— По Пименову? Что у них?

— Разыскивают одного. Очень похож!

Антон заинтересовался.

— На Музыканта? Или на погибшего?

— На погибшего. Во всяком случае, они считают нужным проверить.

— Кто он?

— Работал на заводе, — помощник помялся, посмотрел на Михаила Иосифовича, — в отделе снабжения...

Антон почувствовал его затруднение.

— Говори. Все свои.

— Другое дело, — сказал помощник. — Они разыскивают мошенника. Похитил деньги у женщины, за которой ухаживал.

— Давно?

— С месяц назад.

— Крупную сумму?

— Пять тысяч. В банковской упаковке. И тысячу

так... — Помощник наконец полностью поборол скованность. — Она официантка с Курского. Работает в ресторане на вокзале. Обещал жениться... Вернее, это подразумевалось. Из сорок пятого отделения поехали за потерпевшей. Скоро должны прибыть.

— Это он! Вот!.. — сказал Сабодаш. Он спешил с выводами.

Подполковник Горбунов взглянул на часы:

— Ого! Заболтался я! — Он не пробыл в отделе и пяти минут. — Как бы без меня не отчалили!

— Заходите, — пригласил Денисов.

— Обязательно. Такая наша участь, бывших сотрудников... — Он понимал и не обижался. — Все нам рады! Но всем некогда!.. Удачи!

2

В 21.10 снизу, из дежурки, позвонил Сабодаш.

— Я послал наверх помощника с фотографиями и одеждой погибшего. Соседний кабинет свободен. Помощник оставит все там, в кабинете, потом подменит тебя — останется с доставленными. Приехали по поводу опознания.

— Ты поручаешь опознание мне?

— Есть возражения?

— Я хотел как раз подробнее объяснить с Новосибирском. Кроме того, меня интересует Немец.

— Немца я проверяю. По картотеке и адресному бюро.

— Остается Новосибирск!

— Денис! — Антон объяснил как начинающему. — Потерпевшую привезли из Томилина. Знаешь, где это?

— Под Москвой, по Казанскому ходу.

— Неблизко, одним словом. Она пораньше легла спать. Ее разбудили, попросили собраться. — К таким вещам Антон относился серьезно. — Она работает в железнодорожном ресторане, завтра ей с утра на работу. Ты все себе это отчетливо представляешь, Денис? Ей обещали, что долго у нас не задержат. Она — заявитель. Историк по образованию. — Антон произносил это слово, как в средневековье вассалы произносили слово «сеньор», — почтительно, снимая головной убор.

— Коли так... — Денисов вздохнул. — В Новосибирск позвоню позже.

— Здесь инспектор сорок пятого отделения. Я послал его к тебе. Он поможет.

Инспектор сорок пятого отделения милиции оказался знакомым, но Денисов не мог вспомнить, по какому делу он приезжал на вокзал раньше. Инспектор был молодой и выглядел тихоней — белесым, старательным и аккуратным.

— Женщина тоже здесь? — Денисов поздоровался.

— Внизу, — инспектор подал руку. — Волнуется!.. Само нетерпение.

Пока Антон с помощью дежурного наряда подбирал на вокзале понятых из пассажиров, они накоротке поговорили:

— Быстро реагируете... — похвалил Денисов.

— Еще бы! Пострадавшая звонит каждый день... То к нам, то в райуправление.

— Она одна с вами?

— Я привез еще шофера отдела сбыта. Также женщину. Обычно она возила разыскиваемого по объектам.

— Опознают?

— Если это он — непременно.

— Как все получилось?

— Солидный мужчина, одинокий. Представился инженером. Постоянно ужинал в ресторане на Курском, почти всегда в одно время, за одним столом. Она — официантка. — Инспектор нервно зевнул. — Одинокая, состоятельная. Однокомнатная кооперативная квартира. Взрослые дети. Обычная история!

— Как он выглядел?

— Моложавый. Хорошо одевался, следил за собой.

— А как завладел деньгами?

— Собственно, официантка сама отдала. Теперь локти кусает. Сказал что неприятности на работе, срочно нужно внести шесть тысяч. Через пару дней обещал отдать. Ей пришлось снять со счета...

— Он и раньше занимал?

— В том-то и дело. Занимал и отдавал. Но не в таких суммах. Короче, приучил постепенно.

Денисов уточнил:

— Почему занимаетесь вы? Не Курский вокзал?

— Передача денег произошла на нашей территории — на троллейбусной остановке «Нахимовский проспект», в противоположном конце Москвы... Мы, как говорится, к этому делу ни слухом ни духом!

— Вот уж действительно повезло.

На лестнице раздался шум, низкий женский голос. Инспектор сорок пятого поморщился:

— Это она.

Денисов поднял лежавшие на столе еще теплые после глянцевателя фотографии. Черты погибшего — фас и оба профиля — на снимках посмертно приобрели значительность, какой Денисов не заметил в больном обеспокоенном лице Бухгалтера при жизни.

Здесь же, на столе, лежали фотоснимки потерпевших по другим несчастным случаям.

— В Новосибирск он выезжал? — Денисов смешал фотографии.

— Мог. Личность его по-настоящему полностью не установлена. Трудовая книжка из отдела кадров сомнительна. Официантке он, во всяком случае, говорил, что не выезжает из командировок. Дальний Восток, Сибирь...

— Сюда? — В кабинет вошли понятия — две молодые женщины, приезжие, с новыми одинаковыми сумками.

Инспектор сорок пятого пошел к двери, на пороге обернулся:

— Кого приглашать первой? Шофера?

— Давай потерпевшую.

Пока он отсутствовал, Денисов объяснил понятиям их обязанности — женщины промолчали: прикосновение к чужой беде казалось обоим лишним; даже назойливым. Казенные стены кабинета не располагали к длительному пребыванию в нем, понятиям хотелось скорее его покинуть.

— Без нас нельзя? — спросила одна из женщин, побойчее, в беличьей шапке.

— Закон обязывает.

— Закон есть закон...

В дверь постучали. Вошедшая — молодая женщина — выглядела модно: в синтетической шубке, в сапожках на белой подошве — на «манке».

— Стеблова Нина... — Она подошла к столу.

— Где вы работаете? — спросил Денисов.

— В транспортном отделе шофером... Александр Ефимович был проведен на должность инженера отдела снабжения. Обычно ему выделяли дежурную машину...

— Он долго у вас работал?

— Можно сказать, совсем мало.

— А где другая женщина? Та, что приехала с вами...

Стеблова замялась.

— Не идет! Думает, что он здесь.

— Труп в морге.

— Ей объявили — не верит... — Стеблова объяснила понятием: — Говорит: до смерти боюсь мертвяков!

Денисов пододвинул протокол:

— Предупреждаю об ответственности за ложные показания. Подпишитесь, пожалуйста. Посмотрите эти фотографии...

— Позвольте. — Стеблова только на мгновение прикоснулась взглядом к фотоснимкам. — Не то. И это тоже. — Она подняла глаза на Денисова. — Александра Ефимовича здесь нет.

— Точно?

— Я бы его сразу узнала.

В коридоре слышались голоса, дверь в кабинет приоткрылась.

— Я говорю: там только фотографии... — Инспектор сорок пятого держал дверь, не давая ей захлопнуться.

Низкий, похожий на мужской голос возражал:

— С какой стати ему бросаться под поезд с деньгами?! Подумайте.

— Это другой вопрос! Но надо же сначала убедиться. Приметы не полностью, но подходят. Главное — сумма! Банковская упаковка. И те же купюры... — Инспектор наконец нашел убедительный довод. — Не собираетесь же вы дарить их чужим людям?!

Он победил. В дверях показалась матрона лет шестидесяти — прямая, с морщинистой шеей и каменным лицом, не здороваясь, она быстро вошла в комнату, подошла к столу.

— Где? — Женщина разбросала фотоснимки. — И для этого меня привезли из дома?! Да здесь ничего похожего!

— По-вашему, его нет? Вы хорошо смотрели? — спросил инспектор сорок пятого отделения.

— А где одежда? — Лицо ее побагровело. — Покажите кашне!

— Кашне не было. Была кожаная куртка, как вы описали!..

— Не было? — Потерпевшая была уже за дверью. Голос доносился из коридора. — Он одевался как интеллигентный человек! Я с первого дня твержу: шелковое кашне, галстук! Месяц не могут найти!

— Бывает, везу от нее... — шепотом сказала Стеблова. — Он всю дорогу молчит. Только вздохнет: «Вы

не можете себе представить, Нина, сколько надо воображения каждый раз, чтобы с нею остаться...»

— Одевался действительно хорошо? — спросила та из понятых, что побойчее, — в беличьей шапке.

— Это точно. Всегда в пуловере, в галстуке.

— Вдвойне подлец.

— Не предъявил бы на опознание — плохо! — Инспектор сорок пятого расстроился. — Показал — кажется, еще хуже! Жалобу напишет.

Потерпевшая в коридоре дергала все двери подряд.

— Куда идти? Что меня тут заперли?!

— Минуту! — крикнул Денисов.

Он вспомнил ориентировку, о которой думал еще в электропоезде, — погибший Пименов и в самом деле не имел к ней никакого отношения — ориентировку и фотографию.

Инспектор сорок пятого отделения удивленно посмотрел на него.

— Зайдите с потерпевшей ко мне в кабинет. Рядом по коридору.

— Боюсь, она никуда не пойдет.

— Человек по вашей ориентировке задержан. Сейчас он у меня.

— Точно?!

Денисов поднялся, с понятыми прошел к себе. Трое сидевших в его кабинете доставленных по-разному реагировали на их появление.

— Тоже задержанные? — мягко приветствовал пассажиров Немец. — Вы-то в чем провинились, сердечные?

Мордастый пригладил короткий седой «ежик», сделал попытку снять полотенце.

Долговязый продолжал полировать ногти: он еще раньше узнал низкий голос в коридоре.

Официантка ворвалась в кабинет как смерч. Взгляд ее с налета выхватил пуловер с бегущими полосами и шелковое кашне.

— Вот вы где, Александр Ефимович! — Лицо и шея потерпевшей были теперь одного густо-свекольного цвета. — За что же вам такие привилегии?! И что же вы больше не приходите на Курский вокзал в ресторан ужинать?!

Денисов не слышал ответной реплики Долговязого, он отобрал фотографии Пименова, положил в карман.

«Не пришлось бы направлять на опознание в Ново-

сибирск, — подумал он. — В то же время, может, стоило предъявить их бортпроводницам рейса Новосибирск — Москва... А заодно и проверить фамилию по корешкам авиабилетов».

Телефон мелодично вызвонил — Денисов поднял трубку.

— Новосибирск на проводе, — объявила телефонистка.

— Доброй ночи. — Спокойный мужской голос раздался совсем близко. — Или у вас еще вечер...

— Вечер. Вы насчет Пименова?

— Да. Мы разыскали наконец следы бухгалтера. Он снял комнату в Заельцовском районе, на улице Объединения. Записывайте адрес. — Звонивший предпочитал доходчивые короткие фразы.

— Этот адрес есть, он был отчеркнут в рекламном приложении.

— Мы проверили. Живет здесь недолго... Что еще? В семейном отношении неустроен — разведен или вдовец. Вежлив, скромен. Вечерами сидел дома. У нас на него ничего нет. Вчера днем вылетел в Москву.

Денисов поправил:

— Вы хотите сказать — сегодня? Еще нет нуля часов...

— Вчера... — уточнил звонивший. — Хозяин, который сдал комнату, лично проводил его в аэропорт «Толмачево», посадил в самолет.

— Вы говорили с хозяином?

— Сам он, к сожалению, отсутствует. Я передаю со слов соседей, коллеги... Завтра сменщик постарается установить родственников, они вам позвонят.

— Но вас я прошу — до утра перепроверить все через хозяина квартиры!

— Я жду его с минуты на минуту. Еще?

— Все-таки: что говорят соседи?

— Пименова толком никто не знает. Днем отсутствует, с соседями не общается.

— Может, речь о ком-то другом?

— Нет, кожаная куртка, берет... Вылетел в Москву. Уверенность новосибирского инспектора частично передалась Денисову.

— Деньги у него были с собой?

— Не знаю.

Звонил по телефону один инспектор розыска, вопросы преимущественно задавал другой.

— Уточните также цель вылета в Москву.

— Непременно.

— Улица Объединения,, — Денисов попытался представить условия, в которых находится его коллега, — Это далеко от вас?

— Порядочно.

— Как же быть?

— Как только он появится, мне сообщат, — заверил новосибирский инспектор.

— А что Запсибзолото?

— С этим труднее. Представляете, сколько у них объектов?! Будем проверять. Я позвоню позже.

Разговаривали недолго, но аппарат еще несколько минут не отключался, какие-то звонки по междугородным каналам проходили в кабинет. Денисов поднимал трубку — никто не отвечал.

Антон некоторое время следил за ним, потом сказал:

— Я бы отдал Долговязого в сорок пятое отделение: у них на него уголовное дело.

— Давай повременим.

Антон сразу насторожился:

— Ты считаешь, что он тоже... Может оказаться причастным?

— У Долговязого должен был быть сообщник в электричке... — Денисов пытался связать вместе каждую причину с ее следствием. — Шулера не ездят по одному. Пока мы не знаем, кто он.

— А как с его аферой в отношении официантки? Денисов подумал.

— Официантке могут предложить обратиться в суд в гражданском порядке, если он докажет, что не имел намерения обмануть. Что-то было... Оба одиноки, в возрасте. Недаром он с таким постоянством ездил на Курский. Надеялся отдать, не смог...

— Я понял! Восемь тысяч, что были у Пименова, крайне требовались Долговязому, чтобы рассчитаться с официанткой. Он ведь уже знал, что его ищут!

— Лиза неглупая. — Долговязый отложил пилочку, обвел глазами кабинет. — Теперь, когда меня разыскивали, она, конечно, сразу переменит тактику. Вот

увидите! Потребуется от меня письменного обязательства вернуть долг, трудоустроиться. Она понимает: если меня посадят, свои шесть тысяч она скоро не получит...

Он помолчал прислушиваясь. По восьмому пути, внизу, рядом со зданием, как всегда, размеренно-тяжело катил прибывающий состав. Колесные пары стучали на стыках.

— ...Я даже рад, что меня задержали. Сколько можно скрываться? Бегай — не бегай! Решать все равно надо.

— Деньги, которые вы получили, — спросил Денисов, — где они? Вы можете их вернуть?

— В том-то и дело, — он развел руками. — Потрачены... Ничего не осталось.

— От шести тысяч?

Долговязый помолчал.

— Можно сказать — виноваты карты, но это не точно. — На лицо Долговязого напознали морщины, выдавая возраст. — Болезнь моя! Игра, риск... Налетел на шулера экстра-класса... — Он вздохнул. — Меня, наверное, передадут в сорок пятое отделение?

Денисов не ответил. Спросил на всякий случай:

— Это случилось сегодня?

— Проиграл? Не-ет... Сразу же на второй день, как занял. Поэтому и скрылся... — Долговязый поднялся, размял ноги. — Там, в отделении милиции, все ясно. Статья сто сорок седьмая, часть первая. До двух лет... Но они ошибаются: Лиза простит. Или я ничего не понимаю. Утром придет с передачей. — Он снова сел, достал пилочку для ногтей, но тут же ее отставил. — Все-таки непонятно, почему я в вокзальной милиции? Почему нас не отпустили?

— Партнер ваш... — Денисов приготовил своему собеседнику испытание, — тот, кто вышел на Москвотоварной... Знаете его? Попал под поезд. Скончался полтора часа назад...

Долговязый побледнел. В тишине было слышно, как он хрустнул пальцами.

— Знаете его? — снова спросил Денисов.

Телефон тихо звякнул — Денисов поднял трубку.

— Новосибирск?

Звонил Сабодаш:

— Я проверил Немца. Сделал, как ты сказал.

— Записываю.

— Все сходится... — Антон, видимо, заглянул в черновую тетрадь. — Он действительно Немец. Ударение на втором слогe. Николай Михайлович, пятьдесят пять лет. Слышно? Выселен за тунеядство Сокольническим райнарсудом. Тому два года. В Москве без прописки и определенных занятий. Предупреждался отделом внутренних дел на Казанском вокзале о выезде из столицы в семьдесят два часа.

— Давно предупреждался?

— Сейчас... — Антон проверил по записям. — Второго числа этого месяца. Срок давно истек. Аналогичное предупреждение ему давалось в мае прошлого года приемником-распределителем. Попозже, когда все поухитнет, я пошлю человека в адресное бюро, возьму материалы сюда, в отдел.

— Меня особенно интересует прошлогодняя подписка — майская...

За месяц нахождения проверяемого в приемнике-распределителе там обычно успевали во всем разобраться, послать запросы, а главное — получить ответы.

— Будет у тебя, — заверил Сабодаш. — Учти также: он не прост. Ранее привлекался к уголовной ответственности. Известна его последняя судимость. На Севере.

— А что за квалификация? — В присутствии доставленного Денисов не мог выразиться яснее.

Антон понял:

— Квалификация его дела? Серьезная. Тяжелое телесное повреждение, повлекшее смертельный исход.

Пока Денисов разговаривал, Долговязый был погружен в свои мысли. Ему явно требовалось время на обдумывание.

— ...Противник опасный... — Антон имел в виду Немца. — Я хочу, чтобы мы потолковали с ним вместе с тобой. Оставь пока Александра Ефимовича. Пусть посидит, подумает. С ним ясно.

— Когда вас в последний раз предупреждали за проживание в Москве без прописки? — спросил Сабодаш без подготовки, в прямом смысле с порога. И сам ответил: — Второго! А какое сегодня число?

Несмотря на внезапность, вопрос не застал Немца врасплох.

— Предупреждение от второго апреля я оспариваю!

— Почему же? — Антон сел к столу. Стул под ним жалобно пискнул.

— В тот день я прибыл в Москву!

— Вас видели в Москве раньше. Я только что разговаривал с сотрудником, оформлявшим подписку.

— По-о-звольте!.. — Немец двинул против него заранее и тщательно обдуманную аргументацию. Он и не думал сдаваться. — Меня доставили из кассового зала Казанского вокзала через час после прибытия поезда Хабаровск — Москва. Билет я, естественно, предъявил, однако потом, при обыске...

Обвинение в злом нарушении паспортных правил требовало четкой аргументации. Не изучив основательно имевшиеся в адресном бюро материалы, спорить с доставленным было бессмысленно. Антон вынужден был отказаться.

— Я послал за документами.

Немец словно обрадовался.

— Вот и отлично! Теперь вам самим станет ясна абсурдность... Вы все поймете!

Денисов ждал, когда он вернется к событиям, предшествующим его задержанию.

Как человек бывалый, Немец должен был сообразить, что уголовный розыск главным образом интересуют Бухгалтер и Альтист, из-за которых, собственно, и загорелся сыр-бор, и заговорить об этих двоих.

Так и произошло.

Немец наконец успокоился, достал сигарету:

— Можно?

Денисов кивнул.

— Ну и денек. — Он прикурил. — Знал бы, чем кончится, куда бы не поехал. Только в карты проигрался. Весь прок!

— В карты играли в поезде?

— Когда вы ушли. В «северного дурака».

— Не очень успешно?

— Все проклял.

Денисов представил себе, как все должно было произойти, когда он и ревизоры ушли из вагона в Бирюлево-Товарном. Все к тому и шло.

«Картишек нет?» — наверное, спросил Альтист или Долговязый, или кто-то еще — третий.

У кого-то из попутчиков, может у Долговязого, оказалась колода. Совершенно новая — чтоб не насторожить.

«Купил в аэропорту, — объяснил, видимо, хозяин карт. — Только с прилавка, свеженькие...»

«В подкидного? — спросил кто-то. — А может, в «козла»?»

Потом, наверное, была короткая дискуссия:

«Наигрались. Давайте научу в «северного дурака», — предложил кто-то.

Долговязый или его партнер возразил:

«Пока будем учиться — приедем!»

«Да нет! Проще простого: три карты... Картинки — десять очков, туз — одиннадцать. За остальные — очки, как в фигурном катании — шесть, семь, восемь. У кого больше — выиграл. По копеечке!»

«Интересно!»

Денисову были известны незамысловатые приемы шулеров. В «секу» — а в данном случае под названием «северный дурак» фигурировала именно эта игра — группа шулеров всегда играла против одного игрока — «жениха», по той же терминологии. «Жениху» давали вначале крупно выиграть, и он играл, не догадываясь, что его первые успехи будут позже не только сведены к нулю, но и полностью перекрыты проигрышем.

Шулера действовали не спеша, размеренно, чтобы жертва ничего не могла заподозрить, тратя отпущенное им вагонное время с привычным расчетом, как едок со взятым к обеду кусочком хлеба. Может съесть сразу, может растянуть на весь обед.

Разыгрывая каждый раз одни и те же уловки классической школы шулерства, спевшиеся за многие поездки партнеры обычно обирали «жениха» до нитки на последних сантиметрах пути и растворялись среди множества других прибывших на вокзал пассажиров.

«Кто же на этот раз был жертвой? — подумал Денисов и понял: — Бухгалтер! Значит, был человек, который знал, что у Пименова с собой крупная сумма наличными...»

Денисову было любопытно, как Немец обрисует дальнейшие события в электропоезде после Бирюлева-Товарного. Но доставленный был краток:

— Счастье, что всех денег с собой не взял... — Он провел рукой по карманам. — Сейчас бы не знал, на что сигарет купить.

— Когда же вас успели так обработать?

— Только вы ушли. Где-то за Нижними Котлами.

Бухгалтер не хотел играть, так его буквально заставили.

— Кто?

— Эти... Троица! Вы же знаете! — Он неожиданно обернулся к Антону: — Что произошло, товарищ дежурный? Почему нас встречали на вокзале? И потом... Что-нибудь случилось?

Застигнутый врасплох Сабодаш и не подумал скрыть происшествие, откашлялся.

— Человек погиб! Вот что!

— Погиб?! — У Немца хлынул пот со лба.

— Бухгалтер.

Некоторое время Немец сидел, словно что-то решая. Денисов почувствовал, что и этот по-настоящему задет известием о судьбе Пименова. Потом Немец качнул головой:

— Все рассчитали, сволочи... Вот вам кем следовало заняться! Компашкой этой...

— Кто начал карточную игру? — в свою очередь, спросил Антон.

Но Немец уже принял решение:

— Это вы, пожалуйста, их спросите. — Он показал глазами за дверь. — Поймите правильно: дело приняло серьезный оборот. Должен я и о себе подумать... Моя вина перед законом небольшая — нарушение паспортных правил. Срок невелик — отсиджу. А в большее не надо меня впутывать!

— И все же? — спросил Антон.

Он не скрыл о несчастном случае и ждал ответного прямодушия.

Немец покачал головой:

— Не хочу рисковать. Главный у них, видимо, этот, с полотенцем на шее. Держался в тени... А Долговязый и Музыкант — шулера. Или, как их называют, к а т а л ы.

— Кто выиграл последнюю ставку?

Немец колебался.

— Долговязый? Мордастый?

— Бухгалтер!

— Выиграл у шулеров?!

— Они ему дали выиграть, он и схватил кусок... Как вы только что сказали, теперь его уже нет в живых... — Немец смахнул с лысины капельки пота. — Сам приговор себе подписал. А карты ему сдал Долговязый!..

Их прервал звонок из дежурной части, звонил помощник Сабодаша.

— Милиция аэропорта «Шереметьево» сообщила: «Шулер с футляром от музыкального инструмента известен. Около года не появлялся. В порту считали, что он арестован».

— А кто он? Откуда? — спросил Денисов.

— Позже позвонят. Пока передали только имя — Борис.

— Свяжи меня с ними.

— Обязательно. — Помощник положил трубку.

— Ну вот! — Немец, внимательно следивший за выражением денисовского лица, усмехнулся. — И Музыканта задержали? А говорят: «Синицу в руках...» И сам журавль попался!

— Пока не попался... — пробурчал Антон.

— Теперь никуда не денется... Можно разбираться со всей компашкой. — Немец был доволен. — Вы бы на Пименова посмотрели! Бледный, вялый... Пальцем ткнуть — и нет его! Вот люди... Ни с чем не посчитались!

Немца увели.

— Имя известно, — сказал Денисов. — Борис. Теперь дело за нами.

— Может, начать с Мордастого? — спросил Антон. Денисов покачал головой:

— Я не готов. Дай команду доставить Долговязого.

Милиционер вышел, оставив их вдвоем.

— Я о Борисе... — сказал Денисов. — Вы же давно знакомы!

— Господи!.. — Долговязый хрустнул переплетенными пальцами. — Значит, это правда?

— Одного из них нет в живых.

— Я о Борисе! Дома еще ничего не знают?

— Он живет в Москве?

— Москвич. Это я вытащил его с собой в аэропорт! Он словно чувствовал! Не хотел ехать... — Перестав записывать, Долговязый заговорил нормальным человеческим языком. — Некому было сидеть с детьми. Жена работает... Еле уговорил!

— У него дети?

— Две девочки, пацан. Такой забавный!.. — Долго-

вязый улыбнулся. — Меня зовет Шурой. Слух абсолютный! «Опус шесть» играет! Чайковского.

— А отец? Не только на альте?

Долговязый кивнул.

— Я обещал: «В последний раз! Нужно вернуть Лизе деньги...» Умолял. Только в ногах не валялся. «Чувствую, отхватим крупный куш!» — Он покачал головой. — Надо же так заблуждаться!

— Не везло?

— Что-нибудь и удалось бы в поезде, но...

— Крупно играли?

— Не успели как следует развернуться. — Долговязый помолчал. — Знаете, почему я говорю откровенно? Потому что обмана сегодня не было. В проигрыше — я! Событие преступления, как говорят, отсутствует. — Он пристально осмотрел ногти на руке. Рукавом пуловера навел глянец.

— Вы приехали в аэропорт еще утром?

— Да. Но игры не было: то «жених» попадаете без денег, то деньги есть, а играть не хочет... — Долговязый взглянул на Денисова. — День сегодня хороший, но ветреный. Заметили? Все больше сидят в помещении. Это хуже. Думал, уедем ни с чем.

— Потом?

— В зале для выдачи багажа, в правом крыле, чувствую — кто-то толкает. — Долговязый спрятал пилочку. — Осторожно оглядываюсь: незнакомый. Но по лицу, по глазам вижу — бывалый. Игрок. Где-то встречались...! Во Внукове? В Шереметьеве? Мигает, чтобы я спустился в туалет. Поодаль, вижу, другой мужчина — в кожаной куртке, берете. Оглядывается, но меня не замечает.

— Бухгалтер?

— Он самый.

Картина прояснилась. Бухгалтеру с самого начала была уготована роль жертвы.

— ...Борис шел сзади. Я знаком показал: «На время исчезни! Появишься в электричке!» — Долговязый рассказывал с подробностями. — Он понял — мимо меня прошел к киоску Союзпечати. Там, кстати, кому-то действительно стало плохо, вызывали «скорую».

— А Бухгалтер?

— Я не смотрел. Спустился вниз, мужчина уже ждал. Тот, который подтолкнул в зале.

— Это был Немец...

— Он. «У меня, — говорит, — «жених» на восемь тысяч!» Вообще-то он выразился: «на восемь кусков!» Не в том суть.

— Немец не сказал, откуда стало известно про деньги?

— Нет. И я не спрашивал.

— Потом?

— Борис пошел к электричке. — Долговязый достал платок, поднес к глазам. — Даже не верится... — Он отер слезу. — Мы поодиночке потянулись за ним. Электричка отправлялась.

— Дальше? — Долговязому, который то и дело умолкал, требовались частые короткие вопросы.

— Обратные билеты у нас были. Но я решил: будет лучше, если ревизоры нас вместе всех оштрафуют. Познакомят, одним словом. Или лучше — «объединят».

Денисова интересовали подробности:

— Бухгалтер охотно сел за игру?

— Он, видимо, надеялся на Немца и, безусловно, на Мордастого.

— А что Мордастый?

— Я его держал на двадцати очках, и он не пикнул! Всю дорогу пасовал.

— Банк был велик?

— Перед последней сдачей я дал Бухгалтеру выиграть восемьсот рублей.

«Речь о восьмистах рублях, что у Бухгалтера в наружном кармане», — понял Денисов.

— Наживу он заглотил... — Долговязый снова переживал подробности разыгравшейся схватки. — Оставалась последняя сдача. И последний перегон до Москвы...

— Надеялись отыграться?

— Все рассчитано... — Долговязый не испытывал ни малейшего стеснения. — У меня было тридцать одно, у Бухгалтера тридцать. Немцу я сдал двадцать девять...

— Немец знал, сколько у вас очков?

— Зачем?!

Денисов подавил улыбку. Давая Немцу отличную сумму очков — двадцать девять, Долговязый явно обязывал его к игре. И, не зная карт Долговязого, Немец мог думать, что игру должен вести он — на сколько возможно взвинтить ставку.

«Подъезжая к Москве, — подумал Денисов, — Дол-

говязый со своим тридцатью одним очком прихлопнул бы в конце банка одновременно и Бухгалтера, и Немца. Каждый обманывал всех остальных!»

— ...Теоретически почти невероятная раскладка! Все было рассчитано. И вот последняя остановка! Проводница объявляет: «Москва-Товарная». Сейчас закроют двери... Бухгалтер вдруг бросает карты, бежит к выходу. Двери закрываются... Все! С концами!

— А причина?

— Если бы я знал!

— Пименов заподозрил обман?

— Вряд ли. И почему именно тогда?!

— А Борис?

— Он еще раньше бросил карты — я ему сдал мизер. Курил в тамбуре. Естественно: когда Бухгалтер выскочил, он бросился следом. Из другой двери... Деньги-то наши — кровные! А точнее его — Бориса!

— А вы?

— Еду как в тумане... Дикая полоса невезения! А когда электричка пришла на вокзал, ваши сотрудники — из двух дверей: «Минуточку! Просим пройти...» «Что ж, — думаю, — надо покориться. Это судьба!»

Денисов сделал несколько шагов к окну. Вокзал работал в обычном режиме. Готовился к отправке дебальцевский. Восьмой путь снова освободился. Стоя сбоку, у стены, можно было увидеть горловину станции и место происшествия — тропинку вдоль забора отделения перевозки почты, сложенные кубом новые шпалы.

— Борис жив. — Денисов отошел от окна.

В стекле отразилась люстра под потолком кабинета, колонна, поддерживавшая арочный свод.

— Обнаружен труп того, кого вы хотели обыграть. Бухгалтера.

— Господи! — Долговязый театрально воздел руки. — Ты есть!

— Мне нужен Борис, — сказал Денисов.

— Сегодня?

— Да. Телефон у него есть?

— Есть. Но лучше я сам позвоню. У вас он не возьмет трубку.

— Не говорите, где вы. — Денисов придвинул аппарат. — Скажите, чтобы он был дома, никуда не уходил.

Долговязый набрал номер, выждал несколько гудков, положил трубку на рычаг. Потом позвонил снова. На этот раз трубку сняли сразу.

— Это я, — сказал Долговязый. — Все в порядке. Что? — Было плохо слышно. — А она? Никуда не уходи. Я скоро приеду. — Не дожидаясь вопросов, он пальцем утопил рычаг. — Сидит с детьми. Вообще-то, когда жена на работе, их обычно уводят к матери, она рядом живет. Мы скоро поедem?

Денисов посмотрел на часы.

— У меня еще есть дела. По-вашему, Немец и Бухгалтер знали друг друга?

— Не думаю. — Долговязый покачал головой.

— Как же он узнал про деньги?

— Не знаю. Тут что-то другое.

— Скажите, кто из ваших партнеров выходил в тaм-бур, когда ревизоры проверяли билеты?

Долговязый задумался.

— Пожалуй, тот — с полотенцем.

Не дождавшись звонка из Новосибирска, Денисов позвонил сам: на душе у него было беспокойно.

— Это Денисов. Из Московского управления внутренних дел на транспорте. Что с нашим делом?

— В основном вы уже знаете... — Это был тот же сотрудник, с которым он раньше разговаривал.

— Хозяин квартиры еще не возвратился?

— Пока нет, коллега. Я обязательно позвоню, не беспокойтесь.

— А как насчет родственников погибшего?

— Пожалуй, ночью мы их не найдем. Лучше сразу признать... У вас еще что-нибудь?

— Дело в том, — сказал Денисов, — что Пименов наверняка прилетел в Москву не вчера, а сегодня.

— Уверены?

— Его мутило. Он плохо перенес полет.

— Бывает и так. О чем, по-вашему, это свидетельствует?

— Не знаю. Может, о болтанке... — Денисов зашел с другой стороны. — Как у вас с вылетом на Москву?

— Нет вопросов: шесть рейсов ежедневно. Места в это время практически есть всегда. Два часа лета... Ничего не могло ему помешать! — Они явно не находили общего языка.

— Может, Пименову все-таки не удалось вчера вылететь? Где находится хозяин квартиры? Вернется ли он?

— Этого, коллега, я не знаю. В крайнем случае перенесем разговор с ним на утро.

Партнер по переговорам попался хладнокровный. Денисову так и не удалось его расшевелить.

— Как характеризуется хозяин квартиры?

— По нашим сведениям: личность сомнительная.

— А конкретно?

— Я назвал бы его скорее чудаковатым. В годах, с незаконченным высшим образованием. Работает на вокзале носильщиком... — Инспектор задумался. — Что еще? При деньгах. Живет один... Я думаю, он внесет ясность. — Инспектор спешил закончить разговор. — Я вам позвоню.

Денисов положил трубку.

Немец, который в эту минуту входил в кабинет в сопровождении дежурного милиционера, бросил быстрый внимательный взгляд на Денисова, на телефонный аппарат, отозвавшийся характерным для междугородной связи звонком.

— Насчет меня? — Немец кивнул на телефон. — Зря! Потом убедитесь. С Дальнего Востока я вернулся другим человеком. Мысли заняты одним — как восстановить прописку в Москве...

Немец принялся объяснять, пересыпая рассказ номерами исходящих документов, инструкций, именами-отчествами работников паспортного ведомства нынешних и прежних. Денисов еще раньше убедился — память у него была отличной. Милиционер, доставивший Немца, слушал, забыв, что его ждут в дежурной части.

— Вы и работников МУРа так же хорошо знаете?

— А как же?! — Немец перечислил. — Владимира Ивановича, Сергея Венедиктовича, Владимира Федоровича...

Денисов ждал, что он назовет подполковника Горбунова, но имя Михаила Иосифовича Немец почему-то не назвал.

— ...Дело мое вел сам Аркадий Александрович!

— И все-таки память иногда вас подводит, — сказал Денисов. — Почему вы не сказали, что идея втянуть Пименова в карточную игру принадлежала...

— Не сказал. Признаю. Но уверяю, — Немец положил руку на сердце, — по просьбе самого же Бухгалтера. Именно он хотел развлечься...

Дежурный милиционер наконец вышел, оставив Немца и Денисова вдвоем.

— Вы были знакомы с Пименовым?

— Первый раз видел! Пименов только прилетел, а мне, наоборот, дали подписку, чтоб скорее убирался.

— Как вы узнали, что он при деньгах?

Немец развел руками.

— От него же! Он сам подошел: «Вы москвич?» Говорю: «Да». — «У меня просьба...» Ему нужно было остановиться на несколько дней. В гостиницу он не хотел. Или не мог. Хотя такая фирма, как Запсибзолото, могла бы забронировать заранее номер. А то: «О поездке решили перед самым вылетом...»

— А что насчет карт?

— Сказал, что не против перекинуться в картишки. По-крупному.

— Что он еще говорил о себе?

— В Запсибзолоте много командировок. Приходит-ся ездить... Он и в электричке это повторил. Вы слышали. «Собираюсь сделать покупки...»

— А вы?

— Сказал, что могу порекомендовать на временное жительство. Но прежде хотел бы убедиться в кредитоспособности. У меня был один случай. — Немец ухмыльнулся, погладил лысину. — Думал, он оскорбится! А Пименов задумался, потом поманил меня. — Немец показал загнутый крючком палец. — Отогнул обшлаг кожаной куртки. «Взгляните». Смотрю: пачка пятидесятирублевых в банковской упаковке. Сбоку отдельно сотенные. «Как, по-вашему, хватит?» — спрашивает. «Вполне, — говорю, — вопросов не имею». Но сам кое-что смекнул. Как говорится: «Не будь слишком грешным, но и не будь слишком праведным!»

— Когда ваши попутчики по электропоезду узнали о деньгах?

Немец поднял голову.

— Вы можете гарантировать, что со мной ничего не случится, если я расскажу правду?

— Что вы имеете в виду?

— Что, когда меня отпустят, я не окажусь вместе с Бухгалтером?

— Несомненно.

Немец помолчал, достал платок, отер лысину.

— Игроков этих я уже потом встретил — у зала выдачи багажа... — Казалось, он все еще не решил, до какой степени ввести Денисова в курс событий — ознакомить с подробностями или ограничиться самыми об-

щими сведениями. Но потом, видимо, решил, что без деталей все равно не обойтись. — Долговязого я и до этого встречал. Он из Подмосковья, из Орехова-Зуева. Как большинство катал... Раньше ездил играть в Шереметьево, теперь на аэропорт «Домодедово» переключился. Мигнул ему: «Спуститесь в туалет. Есть «жених». Пименов в это время оставался наверху, у справочной. Ну и завертелось! Бухгалтер хотел ехать на такси, я отсоветовал. Затащил в электропоезд. Ближе, мол. Потом ревизоры появились, за ними милиционер. Он, как я понял, вас вызвал. А сам в Домодедове вышел... Так?

Денисов не ответил. Спросил:

— Как протекала игра?

Немец поморщился:

— Ничего сверхъестественного. Порох Александр Ефимович вместе со своими друзьями пока не выдумали. Испокон веков так играли. При первой сдаче Музыкант сунул Пименову короля, шестерку с семеркой. Мне — пятнадцать очков. Долговязому вроде как не везло. Проигрывал... — Немец почти слово в слово повторил то, что Денисов уже знал.

— Бухгалтер не отказывался от игры?

— Он же ее желал! Только перемигнулся со мной...

— Выходит, вы играли и с тем, и с другими.

— Получается так.

— А все-таки?

— Там было бы видно, товарищ начальник... Извините, — спросил он вдруг. — Вы по званию капитан?

— Старший лейтенант.

— Значит, скоро будете капитаном, взгляд у меня острый... — Теперь Немец грубо льстил. — Так и буду вас называть. Выследили вы нас классически. Ничего не скажешь.

— Как вы сидели в вагоне? Кто где?

— Во время игры? Как и при вас: Мордастый с Бухгалтером лицом к голове поезда. Напротив, у окна, Музыкант. Я — рядом... — Немец вздохнул. — Долговязый наискось.

— Вы видели милиционера, который садился в поезд на Москве-Товарной? — Денисов продолжал выяснять детали.

— Я — нет.

— Может, Бухгалтер видел?

— Не думаю: он и не смотрел в окно.

— Он знал, что играет против шулеров?

— Нет. Я не говорил. — Немец, видимо, сказал правду.

«Само участие Пименова предполагает незнание того, что он играет против жуликов, — подумал Денисов. — Иначе какой смысл играть?»

Словно отгадав его мысли, Немец сказал:

— Шулера, надо сказать, вели себя тонко. Особенно Мордастый. Никогда не догадаешься, если не знаешь.

— Вы показывали Бухгалтеру свои карты?

— Не без этого.

Ответ Немца не устроил Денисова — он хотел точности.

— Я хочу спросить: знал ли Пименов, сколько у вас очков было при каждой сдаче?

— Знал. Он видел мои карты.

— И при последней сдаче тоже?

— Тоже.

На этом можно было ставить точку.

— Хотите что-нибудь добавить?

Немец не мог понять, куда вдруг свернула инспекторская мысль, только почувствовал ее ход.

«Какая разница: видел ли Бухгалтер карты при последней сдаче? Не видел?» — Он показался Денисову растерянным.

Несколько секунд Немец сидел сгорбившись, молча, уткнув подбородок в ладони.

Денисова поразила его непоказная тревожная сосредоточенность, устремленные в одну точку глаза.казалось, от ответа зависела его жизнь.

Наконец Немец выговорил:

— Мне нечего добавить.

Мордастый импонировал Денисову немногословием. Помимо того, от него ничего не ускользало, и разговаривал он свободно.

— Что предшествовало карточной игре? — спросил Денисов.

Тот подумал.

— Пожалуй, вот что: Альтист вытащил из пальто пачку денег. В конверте. И переложил в карман пиджака.

— Сразу после того, как я вышел?

— Почти сразу. Альтист вез сдавать их в отделение

Госбанка. За концерты на выпускных вечерах десятиклассников. По линии Госконцерта.

— Так он объяснил?

— Да. Не знаю, так ли оно обстоит... И до выпускных вечеров еще порядочно времени.

— Денег было много?

— Не меньше полутора тысяч. В это время, кажется, немец и заговорил о картах.

— Немец?

Мордастый кивнул.

— Он вез совершенно новую колоду. Сказал, что купил в аэропорту. Долговязый и Альтист сразу прицелились: «Сыграем!»

События развивались именно так, как Денисов представлял.

— Я понимаю ваши затруднения... — сказал Мордастый вдруг и без всякого перехода. — Догадываюсь: каждый из четверых, кто находился со мною в электричке, оказался редким мошенником. И к тому же утверждает, что я играл вместе с противной стороной. Даю слово, что не знаком ни с одним из тех, кто оказался со мной. Я обратил внимание на Музыканта, потому что он проще и общительнее других. Так, впрочем, и оказалось.

— А Немец?

— Немец — заметная фигура, я уже не говорю о фамилии. Но меня этот тип людей не интересует. — Мордастый пригладил короткий ежик. — Меня не интересуют тряпки и рассказы о симптомах пищевых отравлений.

— Кем вам показался Бухгалтер? Что вы скажете о нем?

Мордастый взглянул на книгу, которую в течение всего разговора держал в руке.

— У Пименова какие-то трудности... Мне он показался до смерти запуганным. Лицо пастозное, отеки. Все время тер ладони. Я обратил внимание. Это все?

— Я попрошу остаться на недолгое время.

— На недолгое?

— Да. Обещаю: я вас провожу к метро... Возможно, придется что-то уточнить. Будет лучше, если вы окажетесь здесь, чтобы не вызывать вас сегодня еще раз из дома.

— Собственно, я не тороплюсь... — Он раскрыл кни-

гу. — К утру я обязан это прочитать и вернуть в библиотеку.

— Интересно?

— Ошеломляюще! Трудно представить.

Мордастый поправил полотенце, открыл титульный лист, показал Денисову. Под длинным, в две строчки, названием латинскими буквами была изображена фигурка обнаженной женщины с красным крестиком на груди. В названии Денисов разобрал одно знакомое слово: «ONCOLOGIA».

Долговязый устроился на заднем сиденье «газика», рядом с младшим инспектором. По другую сторону сел Денисов.

— Будьте осторожны, — предупредил вышедший на крыльцо Антон, — на всякий случай возьмите наручники.

— Не беспокойся.

Денисов сунул наручники в карман — соединенные кольцом металлические овальные скобы глухо лязгнули.

— Если что — сразу дай знать... — пестовал Сабодаш. — Рация в «газике» пусть все время находится на дежурном приеме. Проследи.

— Все будет в порядке, — сказал Денисов. — Поторопи Новосибирск.

Пассажиры у поезда провожали милицейский «газик» глазами — о вокзальной милиции обычно забывали. Так было каждый раз, когда служебная машина, пробираясь среди чемоданов и тележек носильщиков, уходила в город.

Сразу же за выездными воротами начиналась улица, машина мгновенно терялась в потоке столичного транспорта — и исчезала до следующего возвращения на вокзал.

— Направо? — не оборачиваясь, спросил шофер.

Долговязый вздрогнул от неожиданности, досадуя на себя, сказал ворчливо:

— Направо. Дальше все по набережной...

«Почему Пименов выскочил из поезда? — подумал Денисов, возвращаясь к кульминации событий. — Если он, конечно, не видел милиционера, которому Антон приказал подсесть в электричку на Москве-Товарной...»

Наручники в кармане тихо лязгнули — Денисов нажал на раздвижную скобу, металлическая дуга зашла в предназначенный паз, тихо прострекотала: «Та-та-та...» Заступ запорного устройства словно пересчитал предназначенные для него гнезда.

Долговязый обернулся, все понял, снова взглянул на дорогу.

«В чем причина? — Денисов воссоздал всю картину: Долговязый сдал карты на решающую игру. Пименову он дал тридцать очков — великолепный шанс почти без риска швырнуть на кон все восемь тысяч. Немцу — двадцать девять, чтобы он думал, что у него на руках «контрольный пакет», и втянул Пименова в игру. Себе Долговязый взял заветное тридцать одно... Денисов посмотрел в окно: — Отчего холодно? Ведь конец апреля... — Опытный актер, Долговязый не выдал себя, поморщился, как игрок, которому пришла недурная карта... Альтист, получивший мизер, наверное, смешал карты... В этот момент, вероятно, Немец и смог показать Пименову свой актив — двадцать девять...»

Все стало на свое место.

«Невероятная раскладка!.. Вот что должно было браться Бухгалтеру в глаза... — Денисов почувствовал, что разыскал след. — Бухгалтер понял, что играет против шулеров!»

Ехали долго, минуя массивы новых застроек. Пересекли сохранившуюся в черте города предназначенную к сносу деревушку. Долговязый показывал дорогу. За огромным незастроенным пространством снова показались дома.

«Играет против шулеров... Понял, с кем связался. Но почему побежал? Боялся, что с деньгами не выпустят?! Что обчистят до копейки?!»

Денисов посмотрел на другую сторону дороги, на стоянку такси, и мысль его словно тоже сместилась в пространстве.

«Подполковник Горбунов, ветеран МУРа, вспомнил своего подопечного, носившего фамилию Немец: «Пришлось повозиться. Если этот — тот самый... Обокрал соседа сестры, который был к нему расположен. Подонки. И без крупницы совести...» Похоже, это действительно он, — подумал Денисов. — Постарался всех обвести вокруг пальца... С годами не изменился!»

За стоянкой такси показалось несколько многоподъ-

ездных зданий, очередной «Универсам», нерегулируемый светофорами перекресток.

— В том доме, — Долговязый показал рукой в направлении стеклянного навеса для ожидающих автобуса.

Остановка называлась невыразительно — «Продмаг». Район был малознакомый. Рядом с остановкой белела палатка, длинная стойка с разбитой пивной кружкой в углу.

Альтист жил в четырнадцатизатяжной башне, на восьмом этаже. Звонить не пришлось — услышав лифт, он сам вышел на площадку в джинсовом костюме и шлепанцах.

— Вы?! — Увидев Долговязого в сопровождении Денисова и младшего инспектора, Музыкант потерял дар речи.

— Пойдемте на кухню. — Долговязый первым вошел в квартиру. — Сюда.

Денисов и Альтист прошли в кухню, Долговязого младший инспектор попросил остаться вместе с ним в прихожей:

— Мы потом присоединимся.

Кухня была неуютной, пустой, в ней словно никогда не готовили. Отсутствовал самый намек на провизию. Семья, по-видимому, питалась на стороне, у матери.

— Инспектор уголовного розыска... — Денисов представился по форме.

Альтист назвал себя. Из-под газеты, из ящика кухонного столика, появился паспорт. Денисов переписал данные в блокнот, вернул документ.

— Раньше судились?

— Нет.

— Задерживались за игру в карты?

— Два раза. — Альтист был растерян, не пытался ничего скрыть. — В аэровокзале и в Шереметьеве. В аэровокзале дали штраф... Что случилось?

— Я хочу узнать, что произошло после того, как вы вышли из электрички.

— На Москве-Товарной? — Альтист никак не мог опомниться.

Они стояли посреди кухни.

— Все известно. Цель поездки, обстоятельства. История с официанткой на Курском...

— Вы имеете в виду Лизу?

— Да. Поэтому не теряйте времени... — Денисов не

спускал с него глаз. — Все будет зависеть от степени вашей искренности.

Альтист наконец взял себя в руки — указал на табурет. Денисов предпочел стоять.

— Мы играли...

— Я знаю. Карты сдали на последний кон, предсто-
ял последний перегон до Москвы.

— У меня было девятнадцать очков... — Он подошел к окну, задернул занавеску, но Денисов, следовавший за ним, тут же вернул занавеску на место. — Да нет, вы не подумайте... — Музыкант улыбнулся. — Просто от соседей...

— Итак...

— Я бросил карты, пошел к выходу. Надо было думать о том, как будем разбегаться в Москве. Я считал, что выигрыш уже у нас в кармане. Перед этим Бухгалтеру дали взять по-крупному. Все шло как по маслу.

— Дальше.

— Остановка: Москва-Товарная. Через стекло в двери мне все было видно. Вдруг Бухгалтер вскочил — и к дверям! На платформу! Даже не оглянулся. Все!

Денисов подождал, пока Музыкант соберется с мыслями.

— И вы?

— Раздумывать некогда... Я тоже выскочил. Пристроился к пассажирам, которые ждали электричку в обратную сторону. Слышу: Бухгалтер спрашивает про дорогу к вокзалу...

«Все-таки приезжий, — подумал Денисов о Пименове. — Абсолютно не знал расположения».

— ...Ему показали тропинку.

— Вы пошли за ним?

— Он унес деньги. — Альтист собрался с духом, посмотрел Денисову в глаза. — Не знаю, говорил ли вам Александр... — Не оборачиваясь, он показал в переднюю, где вместе с младшим инспектором стоял Долговязый. — Деньги на сегодняшнюю игру я позаимствовал у матери. Она ничего не знает, соседка принесла к ней, чтобы сохранить. Это особый разговор... Короче: Пименов спустился с платформы, пошел к вокзалу. Я — за ним. Надеялся встретить Александра... Он пошел бы навстречу. Я не знал, что вы возьмете его в контору. Извините, в милицию.

— Бухгалтер шел впереди вас? — продолжал спрашивать Денисов. — В скольких метрах?

Альтист подумал:

— Примерно в тридцати.

— Спешил?

— Он шел быстро. Несколько раз оглянулся.

— А вы?

— Я шел под углом, вроде к пакгаузам... Что мне оставалось? Футляр сунул под пальто. По-моему, он меня не узнал.

— Под мостом проходили?

«Если Альтист прошел под Дубниковским мостом, — рассудил Денисов, — он должен был пройти и мимо места происшествия. Свернуть там негде...»

— Под мостом тоже.

— Дальше!

— У самых платформ вдруг его потерял! Как под землю провалился... — Он развел руками. — Ничего не мог понять.

— Где это произошло?

— Он шел вдоль забора. Сзади я заметил электричку, шла быстро, но совершенно беззвучно. Было неясно, на какой путь ее примут. Я перебежал на другую сторону путей, к элеватору, а когда электричка оказалась между ним и мною, снова вернулся...

— А Пименов?

— Больше его не видел! Поезд прошел к платформе, остановился. Из вагонов высыпали пассажиры. Я прибавил шагу... Когда выскочил на платформу, впереди никого. И сзади — тоже.

«Так могло быть, — подумал Денисов. — Пименов шел по тропинке, по другую сторону пути, круто свернул перед самым локомотивом и был сбит раньше, чем Музыкант поднялся на платформу...» Электрички и в самом деле двигались совершенно бесшумно, и, кроме того, по традиции их красили в зеленый цвет, словно для того, чтобы они выглядели незаметнее.

— Я пошел по платформе, но никого не встретил, кроме машинистов...

Он не договорил: мальчуган лет четырех вбежал в кухню, на симпатичном личике не было и тени сна.

— При нем ни слова... — умоляюще шепнул Альтист. — Это что такое?! — крикнул он сыну. — Иди спать! Сколько можно говорить!

Мальчуган тонко чувствовал обстановку: увернувшись от отца, бросился назад, в прихожую, к Долговязому.

— Шура! Я к тебе...

Долговязый с ребенком в руках шагнул в кухню.

— Ты не уйдешь? — Мальчуган вертел головенкой. — А что вы все здесь делаете? Я маме скажу!

Долговязый театрально отвернулся, издал носом хлюпающий звук.

— Иди спать!

— Не пойду! Хочешь, я сыграю тебе «Опус шесть»?

— Завтра... — Долговязый достал платок, вздохнул, вытер глаза. — Или через несколько лет... Когда я опять приду.

Денисов спросил у Альтиста:

— Кроме вас, взрослых в квартире нет?

— Только я. Жена на работе.

— А мать? Она живет рядом?

— В больнице. Я вернулся, а ее уже увезли. Сердце!

— Вы работаете?

— Не то чтобы постоянно. Устраиваюсь... — Альтист оглянулся на сына. — Госконцерт. Теперь уж обязательно устроюсь!

— Об этом позаботятся, — сказал младший инспектор.

Денисов принял решение:

— Приедете завтра. С паспортом. Я выписываю вам повестку. — Он объяснил, где находится отдел внутренних дел.

— А Бухгалтеру? — поинтересовался Альтист. — Он выиграл у меня восемьсот рублей. Ему ничего не будет? А остальным? Разве они играли для того, чтобы проиграть, а не выиграть?!

Денисов спросил, в свою очередь:

— Что вы можете сказать о них?

— У Пименова были деньги. И немалые.

— Почему он выскочил из поезда?

Альтист пожал плечами.

— Не знаю. Дело, по-моему, не в восьмистах рублях, которые он выиграл.

— Что-нибудь заподозрил? — Ему хотелось услышать мнение очевидца.

— Мы вели игру тонко.

— В чем же дело?

— Может, Мордастый был человеком, который держал за ниточки... — Альтисту наконец удалось перехватить притихшего сына на руки. — Сиди!

— А что Немец? Вы его видели раньше?
— Нет. Но вчера, между прочим, он тоже приезжал в аэропорт.

— Он рассказал об этом?

— Дежурная на выдаче багажа узнала его: «Сегодня опять провожаете?»

«Провожаете?!» — Это перекликалось с тем, что сказал один из контролеров-ревизоров: он тоже видел Немца в электричке.

— А как себя вел Немец в отношении Пименова? — спросил Денисов. — Они были знакомы?

— Похоже. Меня смущает одна фраза. Я услышал ее в аэропорту, когда шли к электричке. Немец сказал: «В твоём положении не выбирают...» Теперь судите. Долговязый воспользовался паузой:

— Могу я передать несколько слов Лизе? — Он обернулся к Альтисту. — Пусть принесет в вокзальную милицию сигареты. Только «ТУ» пусть не приносит... — Александр Ефимович был в своем амплуа. — И еще носовых платков и теплые носки. Май на носу, а того и гляди, снег пойдет...

Денисов закрыл сейф, спустился вниз, в дежурку.

— За материалами на Немца еще не ездили?

— Нет... — Антон, согнувшись над пультом, стоя, отвечал на телефонные звонки. — Не успел.

— На вокзале тихо?

— Бои местного значения. Что ты хотел?

— Я не говорил с милиционером, который подсел в электричку на Москве-Товарной.

— Не говорил? — Антон посмотрел в график разъездных постов. — Сейчас он на маршруте. В электропоезде.

— Как быть?

Антон провел пальцем по строке.

— Можно перехватить с электричкой, которая отправится в аэропорт в двадцать два—ноль семь. Он садится в нее в Булатникове.

— Мне подходит.

— Собираешься ехать в аэропорт? — Сабодаш удивился.

— Да, предупреди их, пожалуйста.

— А назад? Последняя электричка оттуда в ноль — сорок две!

— С ней я и вернусь.

— Ты сейчас к себе?

— Нет, должен проводить человека до метро. Как обещал...

— Отпускаем?

Пассажир с горлом, обвязанным полотенцем, сидел в комнате, где обычно находились граждане, ожидавшие приема. Увидев Денисова, он захлопнул книгу. Потом взглянул на часы:

— До закрытия метро достаточно времени.

— Вы свободны. Извините, что задержали. Закон разрешает три часа для разбирательства. Это необходимо. Особенно если кто-то настаивает на том, что он не кто иной, как Мигель Сервантес Сааведра.

Доставленный поправил полотенце.

— Какая разница, если речь идет о квитанции за безбилетный проезд? Михаил Семенович Савельев или Мигель Сервантес Сааведра... В большом литературоведении факт этот вряд ли был бы замечен. Тем более что в МОЛМИ я был известен под двумя этими именами. МОЛМИ — это Московский медицинский институт.

Они вышли на перрон.

— Вы закончили этот институт... — сказал Денисов.

— Было.

— И работаете в его базовой клинике. У профессора...

— Вы звонили туда?

— Пришлось звонить профессору домой. Вы — онколог, ведущий хирург, ведете весьма интересную, перспективную работу.

— Это он сказал? — Савельев удивился.

— Было, — ввернул Денисов.

— Считается, что мы с ним принадлежим к разным школам.

— Еще раз извините.

Савельев улыбнулся:

— Вы меня отпускаете вследствие «аргументум ад гоминем»? Из-за свидетельства профессора...

— Я убедился в том, что вы не имеете ни малейшего отношения к своим попутчикам. Жаль, что я не поверил в это сразу.

Электричка на соседнем пути отошла, открыв взгляду закрытые до этого вагонами другие платформы, чередование путей и платформ, мелькание людей, вещей.

— Я не в обиде. — Они не быстро направились к

метро. — Увидел много поучительного. Мне всегда казалось, что аферистов в наше время пора заносить в Красную книгу.

— Так вопрос не стоит.

— Что им будет?

— Не знаю. Во всяком случае, продолжать прежнюю деятельность им больше не позволят.

— Обидно за них. — Савельев ту же подтянул полотенце на шее. — Ведь каждый в жизни должен найти работу по душе.

Несколько минут они шли молча. На стоянке служебных машин стояли шоферы. Они поздоровались с Денисовым, посторонились, давая дорогу.

— Что у вас с горлом? — Денисов показал на полотенце.

— В лесу был, — Савельев поправил повязку, — да вот подхватил ангину. Теперь, кажется, уже лучше.

Денисов улыбнулся:

— Набор домашних средств лечения известен.

— Даже слишком.

Они остановились у вестибюля метро.

— Приедете домой, согреетесь... — Денисов хотел неформально выразить извинение и приязнь, возникшую к этому спокойному немелочному человеку, давшему ему спокойно довести работу до конца. — Утром как рукой снимет.

— Пожалуй. Хотя... — Савельев как-то болезненно покривил рот, — не хочется. И, честно говоря, теперь уже не с кем... — Он погладил короткий серебристый ежик на голове.

Денисов внимательно взглянул на него.

— Евгения Винокурова любите? — Савельев помолчал. — У него есть стихотворение: разговор двух незнакомых мужчин, схожесть судеб. Неожданное прозрение в одной строчке: «*ушла?*» И я сказал: «*Ушла*»...

Времени для разговора не осталось, Денисову пора было возвращаться к тому, что оставалось незавершенным. Хирург, прощаясь, сказал:

— Порою очень важно... Понимаете? Чтобы было кому сказать: «Горло болит», «Книжку потерял». Или даже такой пустяк: «А я эти два дня провел в лесу». Согласны?

Денисов пожалел о том, что должен спешить.

— Удачи, — пожелал он.

— Вам тоже.

И снова поездное радио:

— ...Следует до станции Аэропорт со всеми остановками, кроме... — И все на одном дыхании. — Следующая остановка Москва-Товарная...

В электричке обычно ехало несколько сослуживцев, живших по этой же дороге.

Так было и в этот раз.

Инспектор службы охраны порядка с Белорусского — усаач-капитан — махнул Денисову рукой, переставил стоявший рядом портфель, освобождая место. По другую сторону прохода знакомый подполковник, тихий на вид, анемичный мужчина, заметив Денисова, поднял ладонь:

— Привет сыщикам.

Денисов сел с капитаном, они когда-то работали вместе.

— Говорили, что ты приезжал ночью в отстойный парк... — сказал усаач. — Насчет проводницы Восток — Запад — «Экспресс». Разобрались?

— Все в порядке.

«Разобрались» имело много значений, в том числе и прямо противоположных. Их объединял общий смысл: «Вопрос снят!»

— Меня в ту ночь как раз вызвали на работу. Еще бы немного — и встретились.

Капитан возвращался со службы, настроение у него было приподнятое.

— Вечером обещали детектив. Шарапов против Жеглова... — Он был рад встрече. Было с кем скоротать время. — Может, конец захватим...

Только через пару остановок до него дошло:

— Ты на службе? Что-нибудь случилось?

— Случилось...

За разговором не заметили, как осталась позади большая часть пути.

Милиционер, который вместе с младшим инспектором доставлял Долговязого, Немца и Савельева из электропоезда, появился в вагоне после Булатникова. Капитан и подполковник из профилактической службы поднялись — обоим надо было выходить. Постовой сел на освободившееся сиденье рядом с Денисовым.

— Удачи! — мигнул капитан.

Милиционер рассказал:

— На Москве-Товарной я вошел в предпоследний вагон, чтобы не дать этим пятерым уйти в голову состава.

Вошел осторожно, постарался не обратить на себя внимания. Как велел дежурный...

Молодой парень с законченным средним образованием — из недавно принятых, он приехал поступать на юрфак, а вместо этого оказался постовым в милиции — в чем был свой резон: общежитие, подготовительные курсы, новый заход на следующий год!

— ...Из последнего вагона видеть меня не могли!

Парень был серьезный, с прицелом на работу в уголовном розыске. Можно было не сомневаться в том, что он сделал все как следовало.

— Один из тех пассажиров, кто был нам нужен, — объяснил Денисов, — без видимой причины выскочил на Москве-Товарной...

— Не из-за меня, товарищ старший лейтенант! Может, ему необходимо было выйти? — Милиционера не знакомили с деталями дела. Он сразу замолчал, поняв, что не в силах помочь.

— Много людей садилось в последний вагон? Может, был еще какой-нибудь милиционер? Ехал после смены...

— Посадки в последний вагон совсем не было. Я обратил внимание.

Закончив разговор, постовой двинулся дальше по составу, Денисов остался в вагоне.

Милиционер полностью подтвердил его вывод:

«Пименов выскочил из поезда, когда убедился, что находится в компании шулеров... — Задача осталась прежней, в ее чистом виде. — А не потому, что увидел садившегося в поезд работника милиции! С другой стороны — не испугался же он Долговязого или Альтиста?!»

В тот вечер над Домодедовом была, по-видимому, низкая облачность.

Денисов в этом не разбирался.

Где-то близко — в небе? на летном поле? — сипло завывали невидимые мощные двигатели.

«АЭРОПОРТ — ДОМОДЕДОВО — AIRPORT» — светилось на фронте. Внутри от двери к стойкам тянулись бесчисленные очереди на регистрацию, упаковщики багажа в одинаковой униформе без роздыха конвертовали появлявшиеся перед ними на столах сумки, портфели. Пока Денисов выбирался из очереди, никто из них не повернул головы, не бросил взгляда вокруг. А между

тем были нужны люди, которые могли видеть интересовавшихся Денисова лиц здесь, в зале.

Он прошел к первой галерее, мимо транспаранта с прозрачным приглашением — «Место встреч», металлической лестницей спустился вниз, в дежурку. В маленьком помещении за столом дежурного не было — только помощник. Когда Денисов входил, помощник, отвернувшись, вглядывался в окно, выходившее на летное поле.

— Денисов, из уголовного розыска. — Инспектор подал удостоверение. — Вам должны были звонить. Кто сегодня дежурит?

— Алферьев... — Помощник махнул рукой в сторону летного поля. — На посадке сейчас. Ждать будете?

— Нет, — Денисов качнул головой. — Времени нет. Решим с вами. — Он не рассказал всей предыстории, назвал лишь цель своего приезда в аэропорт. — Надо заглянуть в список пассажиров одного рейса.

— За сегодняшний день?

— За вчерашний.

— Поздно. Надо было беспокоиться раньше. — Он был из людей, не могущих не указать другому на возможную его ошибку. — Еще вчера!

— А за сегодняшний?

Помощник посмотрел на часы:

— Да и за сегодняшний тоже. Поздно!

— Как же быть?

— Завтра приезжайте, с утра.

— А если проверяемый прибыл сегодня из Новосибирска?

— Запросите аэропорт отправления, Толмачево...

Чтобы получить исчерпывающую эту информацию, Денисову, конечно, не стоило приезжать: помощник Антона Сабодаша мог узнать это по телефону у помощника Валеры Алферьева.

Денисов зашел в дежурку на всякий случай. Оставалась еще возможность попытаться найти ответы на свои вопросы.

— Алферьев скоро будет?

— Трудно сказать. А какие фамилии интересуют? Может, записаны в книгу доставленных?

— Немец. Андреев. Пименов. Кроме того... — Денисов включил в перечень Альтиста и Долговязого.

При каждой новой фамилии помощник заглядывал в книгу и отрицательно дергал головой.

— Нет. Нет... Ни один не значит.

Денисову оставалось передать привет дежурному, подняться на высоту двух лестничных маршей, назад в галерею.

«Попробуем разыскать кого-нибудь из экипажа...» — подумал он.

Мимо «Места встреч» и буфетов, через зал Денисов быстро пошел к выходу. Зал выглядел переполненным — кресла заняты, многие стояли. Скоро Денисов понял причину: на поднятых к потолку экранах цветных телевизоров мелькнуло лицо безвременно скончавшегося артиста.

«Жеглов?!» — Детектив шел к концу, но у Денисова не оставалось ни минуты на фильм.

Он вышел на площадь, огляделся. За стоянкой такси, автобусами-экспрессами, позади поднятого на пьедестал крылатого пионера первых межконтинентальных рейсов Ту-104 темнели деревья. Денисов быстро направился туда к кирпичным зданиям, высившимся на краю рощи.

Обогнув гостиницу и ресторан, Денисов остановился. Надпись у входа в девятиэтажное здание выглядела знакомо-длинной: «Профилакторий летного состава Домодедовского производственного объединения гражданской авиации».

Денисову уже приходилось здесь бывать. Постояльцы профилактория прилетали и улетали. А в здании оставалась все та же сонная тишина и покой, потому что кто-нибудь всегда отдыхал, вернувшись из рейса и снова собираясь в рейс.

— Молодой человек... — окликнула дежурная при входе.

Он показал удостоверение, выкрашенными в неяркий цвет коридорами направился в регистратуру. В конце лабиринта у окошечка медсестры он снова показал удостоверение, объяснил цель визита.

Молоденькая медсестра оказалась сообразительной:

— Лучше, конечно, поговорить с бортпроводниками...

— Они здесь?

Она заглянула в книгу регистрации.

— Бортпроводники Западно-Сибирского управления... Здесь. Пятьсот четвертая... Пятый этаж!

Комната оказалась рядом с лифтом, против холла.

Пока дежурная по этажу осторожно, чтобы не разбудить остальных, ходила за старшим бортпроводником, мимо Денисова прошла к выходу группа летчиков.

Они улетали — Денисов ощутил зависть: а он возвращался на вокзал — проверять обстоятельства несчастного случая.

«Осталось немного, — подумал он. — Обстоятельства гибели ясны, в них ничего криминального... Но почему он выскочил из поезда? Что произошло? Куда в конце концов ведет обратный след?»

Дежурной не было несколько минут. Денисов ждал в холле. Вокруг лежали ковровые дорожки, заглушавшие звуки. Здание профилактория казалось пустым, полым, и неподвижная тишина была стержнем.

До ухода последнего электропоезда из аэропорта оставалось совсем мало времени.

Наконец дверь комнаты напротив негромко щелкнула. Вслед за дежурной показалась блондинка в блузе и форменной юбке. Она с трудом проснулась и жалела, что ее разбудили, но, увидев Денисова, улыбнулась дружелюбно:

— Старшая бортпроводница...

— Денисов. Извините, но действительно крайняя необходимость.

— Главное, это уже вторая ночь... — Она выглядела усталой. — За сутки второй раз в Москве. Весна... Плотность полетов увеличивается. Вот и попросили...

— И у вас так бывает? — Они нашли общий язык.

— Конечно. Двенадцать часов отдохнула, мужа и сына покормила и снова в дорогу.

— Я не задержу. Посмотрите, пожалуйста, фотографии. Никто из этих людей не летел с вами?

Старшая бортпроводница взглянула на фотографии Долговязого, Немца, покачала головой. В руке у нее оставались фотография Пименова и его паспорт.

— Позвольте я покажу девочкам.

— Их тоже разбудили?

— Выспимся. Завтра вылет в девятнадцать!

— Возьмите и остальные снимки.

Старшая ушла. Потекли быстрые минуты. Потом дверь комнаты слегка приоткрылась.

— Зайдите.

Денисов вошел.

В квадратной комнате не спали. С подушек с любопытством смотрели три женских лица. Старшая бортпроводница успела показать фотографии каждой из лежавших, они уже обменялись первыми впечатлениями.

— Сейчас удивим вас, — пообещала старшая.

— В первом салоне летел... — одна из бортпроводниц, веснушчатая, подстриженная коротко, подала паспорт Пименова. — Место «пять-Д».

— Даже место помните!

— Оно особенное... Впереди него нет кресла, рядом запасной выход. И во время еды некуда ставить поднос. Поэтому и запомнили.

— А что еще?

— Пил воду всю дорогу. Сильнейшая жажда. Только отнесешь чашку, опять просит. А на трапе не поблагодарил!

— Вас?

— На трапе всегда Первый номер, старшая.

— А теперь обещанный сюрприз, — сказала старшая. — Я этого пассажира за сутки второй раз вижу. Вчера он летел с нами из Москвы. Рейс 475, вылет в 23.50.

Денисов вбежал в последний вагон последнего электропоезда в последнюю секунду. Сзади за ним тяжело сомкнулись тяжелые двери.

«Что за челночные полеты Пименова... — думал он на бегу и теперь, войдя в вагон, проходя в середину почти пустого салона. — Как все понять?»

На передних скамейках, положив головы друг другу на плечи, спали несколько человек; Денисову были видны черные густые шапки волос, чьи-то округлые, точно яблоки, скулы. Электропоезд качало, спящие не просыпались — на мгновение выпрямляли спины и снова клонились. Вверху на полочках для багажа лежали связки тетрадей, книги.

«Студенты из Якутии, — подумал Денисов, — у них там, должно быть, самый сладкий предутренний сон...»

Впереди и сзади отсвечивали лаком пустые, залитые светом скамьи.

И снова надо было возвращаться к своему, притом к самому началу — в такую же аэропортовскую электричку, в которой он и пятеро безбилетников ехали днем в Москву:

«Почему он выскочил из поезда? Почему не доехал до вокзала?»

Мысль не шла.

Денисов вынул блокнот, полистал. В него он вписывал обычно все, что надо было запомнить или могло при-

годиться, массу важных и интересных сведений: списки специальной литературы, данные о своих — интеллектуальном, физическом и эмоциональном — циклах, даже о городах, в которых мечтал побывать: Североморск, Мургаб...

На этот раз ничего подходящего в блокноте не нашлось.

«Образ действия Пименова был жестко определен его планами. Смыслом этого двойного полета... Может, речь идет о каких-то перевозках? — Денисов спрятал блокнот, закрыл глаза. — И все-таки одно следует допустить с достаточным основанием: на Москве-Товарной он выскочил вопреки своим планам, суетливо, судорожно... Это ясно. Выскочил — поняв, что играет с шулерами...»

Денисов снова вынул блокнот: казалось, что-то важное мелькнуло перед глазами, когда он наскоро перелистывал страницы.

«Города. Цикличность биоритмов. Виды узлов: «рифовый плоский», «бегучая петля». Схема вычерчивания плана местности по способу засечек. Маленькая заштрихованная фигурка рядом с рельсами... Наверное, это!» Дальше шли признаки выстрела в упор и с близкого расстояния.

«Игра с шулерами... — Мысль тем не менее получила некоторое продолжение. — Она грозит не только проигрышем. В конце концов все, кроме выскочивших на Москве-Товарной из поезда Бухгалтера и Альтиста, оказались в отделе внутренних дел для проверки личности. В том числе и непричастный к афере онколог...»

Денисов оставил вывод и вернулся к посылкам:

«Какая-то информация дополнительно поступила к Пименову в пути следования... Когда я появился в их вагоне, ревизоры обратились ко мне как к сотруднику милиции. Пименов и другие это слышали. Чтобы не вспугнуть Долговязого, в Бирюлеве-Товарном я вышел из поезда. Подошел к кассе... Здесь и зарыта собака! Бухгалтер следил за мной из тамбура... — Денисов представил отходившую электричку, окошко кассы, хлынувших к переходному туннелю людей. — И догадался, что инспектор розыска не пойдет в кассу за билетами, а скорее всего чтобы о чем-то сообщить! Но о чем? О том, что выполнил задание, что едет домой?»

Денисов понял:

«То, что в поезде оказались шулера, открыло глаза

Пименову. Вот почему я подходил к кассе! Он догадался, что у вагона в Москве будет милиция... А это и не входило в его планы!»

Обстоятельства выяснились. Выскочив из электрички на Москве-Товарной — узком острове, возвышавшемся среди путей, ни троллейбусных, ни автобусных остановок, только вокзал впереди, за Дубниковским мостом, — Пименов побежал туда, не разбирая дороги, среди фиолетовых и красных сигнальных огней, спотыкаясь о стрелочные переводы, потому что встреча с милицией представлялась ему роковой, крайне нежелательной!

Так он и бежал, пока перед самым вокзалом вдруг круто не повернул с тропинки к платформе перед кабиной уже начавшего тормозить локомотива.

«Осталась последняя фигура — с самого начала предпочитавшая держаться в тени...» — подумал Денисов.

«Немец!...»

Личность человека, простодушно нахваливавшего в электричке дальневосточный папоротник и поминутно отиравшего пот с лысины, после выяснений всех обстоятельств показалась зловещей, не разгаданной им до конца.

«Немец знал о восьми тысячах, которые вез Бухгалтер, не потому, что Пименов показал их ему в аэропорту. — Денисов был убежден в этом. — Благодаря таинственному стечению обстоятельств Немец находился в аэропорту «Домодедово» и накануне — в день прилета Пименова из Новосибирска и его поспешного вылета из Москвы! — Констатируя это, Денисов словно перевел дух. — Еще один промежуточный финиш!»

Электричку качало, студенты на первых скамьях во сне соскальзывали вниз. Раздвижные двери тамбура то отъезжали, то со стуком устремлялись вперед, навстречу друг другу.

Денисов поднял голову: на этот раз стук был особенно резким. В дверях стоял высокий — почти во всю вышину дверей — парень в куртке, в надвинутом на лоб капюшоне.

Окинув взглядом вагон, он подошел к спящим, требовательно тронул кого-то за плечи. Денисов не слышал, что он сказал. Несколько голов поднялось. Денисов заметил, как руки парней и девушек потянулись к карманам, к сумкам, потом — к парню.

Сунув выручку в куртку, парень двинулся к Денисову.

«Вот и встретились наконец... — подумал Денисов. — Я из-за него приезжаю в аэропорт днем, весь вечер вожусь с шулерами, а он появляется ночью...»

Человек приближался к нему по проходу. Денисов раскинул руки вдоль спинки сиденья, потянулся.

С подобными людьми всегда, даже в ночном вагоне, когда ни от кого не ждешь помощи, инспектору розыска следовало вести себя абсолютно спокойно как представителю закона и хозяину положения — без страха и сомнения.

«Похоже, — подумал Денисов, — как на пари отвяжываешь от будки чужого злобного пса...»

Парень свернул к нему в проход между скамьями.

— На билет не хватает... — Он даже не особенно стремился к тому, чтобы ему поверили. Раздавшаяся в плечах куртка и толщина предплечий были основными аргументами. — Посмотри у себя...

Он осекся, неожиданно увидев усмешку Денисова.

Против него сидел работник уголовного розыска, который явно искал встречи. Усмешка и вся поза Денисова не допускали ни малейших сомнений. Денисов даже не предъявил известной красной книжечки.

— Сядь туда, — Денисов показал на свободную скамью по другую сторону прохода. Денисов мог сказать: «Иди в первый вагон к милиционеру!», или наоборот: «Иди в последний!», но он только показал на скамью:

— Сядь туда!

Не было сомнений в том, что Денисов и сидя сумел бы постоять за себя.

— Товарищ начальник! — У парня в руках сразу появились шариковая ручка и бумага. — Сначала разберитесь! Узнайте!.. Я сказал им, что деньги вышлю. Сразу верну... Пусть дадут адрес.... Все отказываются!

Стучали колеса, в такт кивали черными шапками волос студенты впереди, но Денисов видел — они не спят.

— Сядь.

Он все-таки сел, но на самый край, ближе к Денисову, продолжал объясняться.

Так они ехали некоторое время. В Калиновке в вагоне появился милиционер. Он быстро все понял, записал пассажиров — они действительно оказались студен-

тами, однако из Улан-Удэ — и попросил в Москве на несколько минут подойти к дежурному по милиции.

— ...Следующая остановка — конечная... — объявило поездное радио. Невидимо оно участвовало в вагонной жизни — предупреждало, советовало. — Не забывайте в поезде свои вещи...

На платформе подошел командир отделения, вдвоем они повели задержанного в дежурную часть.

Вокзал затихал. Ему осталось встретить еще один пригородный поезд. Последний. Все пути, кроме одного, были заняты сцепами, остававшимися ночевать у платформ.

«Немец каким-то образом был осведомлен о делах Пименова, — подумал Денисов. — Поэтому он два дня подряд приезжает в аэропорт. Отсюда и реплика, которую подслушал Музыкант: «В твоём положении не выбирают...» Воспользовавшись случаем, Пименов бежал от милиции и от Немца!»

В дежурке было шумно.

Парень, задержанный Денисовым в электропоезде, упрасивал девушек и парней из Улан-Удэ простить его, заступиться — гости столицы чувствовали себя неловко, не знали, как быть.

Денисов и Антон перешли на другую половину, к коммутатору оперативной связи. Здесь было тихо. На коммутаторе лежали подобранные аккуратно материалы — Антон готовился к утренней сдаче дежурства.

Материал о несчастном случае с Пименовым лежал на видном месте, рядом с протоколами на Немца и Долговязого. Вещественные доказательства были перенесены в сейф.

— Снова звонили из сорок пятого отделения... — сообщил Антон. — Об Александре Ефимовиче...

— Нам он больше не нужен.

— А как насчет передачи?

— Ему привезли?

Антон осторожно отогнул штору на окне, выходившем в соседнюю комнату. У окна, сурово поджав губы и высоко подняв голову, сидела уже знакомая Денисову особа.

— Теплые носки, сигареты, немного фруктов... Думаю принять.

— А материалы на Немца из приемника-распределителя? Доставили?

— Вот они.

Две папки — тонкая и чуть толще — лежали на пульте.

— Я забираю.

В дверях Антон его снова окликнул:

— Денис! — Он беспокоился еще и о другом. — С утра инспекторские стрельбы! Совсем упустил из вида. А мы после ночи!.. — Гиревик, державший пистолет, как пластмассовую игрушку, Антон на стрельбах нервничал, рвал спусковой кручок — пули летели в сторону. — Как быть?

— А вы напевайте, — выглянул из телетайпной младший техник по связи — отличный стрелок. — Чтоб не ждать выстрела! Серьезно, товарищ капитан. Помогает...

— Что напевать?

— Что-нибудь заурадное: «Под крылом самолета...» Или: «С голубого ручейка...»

Денисов снял с доски ключ от кабинета, он еще не мог всерьез думать о завтрашних стрельбах.

— Насчет Пименова больше не звонили?

— Нет. — Антон провел взглядом по книге для черновых записей. — Заказать Новосибирск?

— Я позвоню.

— Что-нибудь новое?

— Пожалуй.

— Надо внести в сводку.

Денисов поднялся наверх, но до кабинета не дошел. Раскрыл обе папки в коридоре.

В тонкой, как он сразу догадался, лежали материалы милиции Казанского вокзала: протокол, объяснение доставленного, постановление... В объяснении Немец действительно сослался на то, что он только приехал, но милиционер, доставивший его в дежурную часть, видел Немца на вокзале несколько смен подряд.

Более полной была папка с документами, собранными в приемнике-распределителе, где Немец провел около месяца, пока его личность не была установлена.

Объяснения относились к периоду годичной давности. У него не было причин направлять проверку по ложному следу, и он вряд ли думал, что спустя почти

двенадцать месяцев его ответы и реплики будут кем-то тщательно анализироваться.

Однако и тогда Немец откровениями не баловал: «не знаю», «не был», «не видел».

«Справка о судимости» — Денисов быстро ее просмотрел — была на двух страницах: на одной перечень дат и мест с указанием квалификации преступлений и сроков наказания не уместился. Где-то в середине Денисов заметил только недавно услышанное впервые наименование — «Заельцовским...».

Он внимательно прочитал:

«Судим Заельцовским райнарсудом к пяти годам...»

«Это что же? — подумал он. — Новосибирск?»

В последующих объяснениях Немец тоже все чаще прибегал к отрицаниям: «не работаю», «не приезжал», «связей не поддерживаю».

По поводу последней реплики инспектор приемника-распределителя — женщина, проводившая проверку, уточнила:

— А с сестрой? Валерией Михайловной Немец?

У Денисова исчезли последние сомнения:

«Тот самый, которым занимался Горбунов...»

«Нет, — записала инспектор ответ проверяемого. — Не поддерживаю».

«Ваша сестра на этот счет другого мнения...»

Денисов понял:

«Сестру опросили!»

Он перелистал страницы и остановился, наткнувшись на объяснение из Новосибирска. Бланк был чуть иного формата и цвета, а шрифт крупнее московского. Немец В. М. была немногословнее брата, хотя и признала, что они иногда встречаются.

Денисова поразила графа с адресом:

«Новосибирск, улица Объединения...» Сестра Немца жила в непосредственном соседстве с Пименовым.

Денисов закрыл папку.

На первом этаже громко, по-ночному хлопнула дверь, раздались голоса. Двое — видимо, постовые из последнего электропоезда — прошли в бытовку. Наступал получасовой перерыв для приема пищи и отдыха дежурной смены.

Полуосвещенным коридором Денисов прошел к себе, не зажигая света, постоял, глядя в окно.

На путях гулко перекликались уборщики. Мелькнули огни машины, доставившей завтрашние газеты.

Требовалось сгруппировать уже известные факты, выстроить логическую цепочку.

Это не было трудным. Он верил известному изречению: «В мыслях ничего нет такого, что раньше бы не присутствовало в чувствах». Но время от времени какая-нибудь яркая, хотя и не главная деталь прорывала тонкую канву построений:

«Выходит, в годы расцвета славы муровских сыщиков преступник совершил преступление в Новосибирске и был задержан в Москве!»

Или: «Пименов жил по соседству с сестрой Немца, как и тот потерпевший, о котором рассказал Горбунов...»

За окном послышался знакомый перестук. Электронное табло, установленное в начале платформы, перед тем, как заснуть до утра, негромко застучало и затихло, обозначив время отправления ближайшей электрички — «04.00».

По-прежнему, не зажигая света, он прошел к столу, на ощупь набрал номер телефона. В Новосибирске трубку снял все тот же дежурный инспектор.

— Опять вы?

Денисов успел ему основательно надоесть.

— Я снова насчет хозяина квартиры...

— Пока не вернулся.

— А вдруг?!

— Соседи бы мне позвонили.

— Сколько сейчас времени в Новосибирске?

— Четыре часа разница. Считайте...

— У вас уже утро. А его нет!

Инспектор в Новосибирске неосторожно звякнул графином, послышался звук льющейся в стакан воды.

— Где он может сейчас быть? — Заметив, что Денисов, в сущности, повторяет все те же вопросы, инспектор успокоился. — Кто знает? У нас с вами одна дорога, а у них сто. И в Москве так, правда? Когда ищешь!

Денисов позавидовал спокойной уверенности.

— Я утром съезжу еще раз. И обо всем расспрошу. Утром он обязательно явится.

Денисов усомнился.

— Между прочим... — сказал новосибирский инспектор. — Мы проверили. Билет на Москву вчера не приобретался.

— Вы проверили на фамилию Пименов? Надо было искать на Андреев. Второй раз он летел, видимо, под

этой фамилией. Пименов такой же бухгалтер Записбзолота, как вы или я!

Он жил на квартире у диковатого одинокого человека... — Наконец Денисов мог все окончательно сформулировать. — У которого, как вы знаете, водились деньги и который... Скажем так: исчез... В этом доме есть женщина, брат которой... Но это пока оставим! Вернемся к Бухгалтеру. Последние двадцать четыре часа Пименов вел себя загадочно. Хозяин квартиры днем посадил его в самолет в аэропорту «Толмачево», а Пименов, прилетев в Москву, снова вылетел в Новосибирск. А на другой день снова вернулся в Москву. С крупной суммой. При этом поспешил отделаться от паспорта, по которому летал, и носового платка...

— То есть... — Инспектор в Новосибирске колебался, но было ясно — он поступит так, как скажет Денисов. Логика событий была очевидна. — Вы подозреваете преступление в Заельцовском районе...

— Срочно на улицу Объединения. Пригласите понятых, взломайте дверь... И еще: проверьте, что у вас на человека по фамилии Немец.

Уезжать домой из-за нескольких часов не имело смысла. С утра предстояла поездка в тир «Динамо». Инспекторские стрельбы, чистка оружия.

Денисов убрал бумаги, удобнее устроился за столом.

«Что заставляет преступника, — подумал он, — ненавидеть человека, который ничего не сделал ему, — свою жертву? — Денисов много раз думал об этом. — Ненавидеть так, что даже через много лет Немец все еще желал зла тому, кого однажды обворовал... Почему именно жертву, а не себя, считают они ответственными за собственное падение?!»

Спал Денисов рывками, просыпался и снова проваливался в пустоту.

Ему приснились инспекторские стрельбы: огромный тир у пригородной платформы, далеко отстоящие друг от друга высоченные деревянные кулисы, черные мишени в глубине сцены. Голосом помощника Сабодаша кто-то объявил: «А вы напевайте — успокаивает!» Раздалась музыка. Словно зажурчал неглубокий лесной ручей, пронизанный донизу теплыми неторопливыми лучами. На дне ручья желтел песок. Отбрасывая ко-

сые тени, стремительно скользили по поверхности пла-
вунцы.

«Опус шесть», — догадался Денисов.

Телефонный звонок вернул к действительности.

— Разбудил? — спросил новосибирский инспек-
тор. — А у нас уже день...

По тону Денисов заподозрил худшее:

— Что там в квартире? Труп?!

— Мог быть, — ответил инспектор. — Если б чело-
век еще немного оставался без помощи. Два ножевых
ранения в грудь, одно в голову. Но, кажется, все обой-
дется. Сейчас он на операции.

— А что врачи? — крикнул Денисов. Ему вдруг по-
казалось, что его не услышат. — Что говорят врачи?
И как все произошло?

Голос инспектора из Новосибирска раздался совсем
близко:

— Врачи говорят: «Будет жить». Дело было так.
Пименов дождался, пока хозяин квартиры снял деньги
со счета, и вылетел в Москву, чтобы обеспечить себе
алиби. Ночью он действительно вернулся, когда считал,
что никто его не увидит. У него остались ключи... А ут-
ром улетел. Ночью все и произошло.

— Как Пименов попал на эту квартиру? Что-нибудь
известно? Ведь хозяин уже был обворован...

— Вы правы... С тех пор он всегда боялся худшего,
поэтому жил с квартирантами и был весьма щепетилен
в выборе...

Инспектор прервал разговор, чтобы что-то объяснить
там, в дежурной части в Новосибирске.

Денисов поймал себя на том, что пытается вспомнить
лицо Немца во время их последнего разговора и не мо-
жет — видит только сгорбившуюся спину, уткнутой в
ладони подбородок и глаза, устремленные в одну точку.

«Будто от ответа зависела жизнь... — подумал Де-
нисов. — Немец колебался. Взвешивал, не лучше ли
самому все рассказать. Может, он готовил квартирную
кражу, а Пименов на месте решил по-другому...»

Инспектор на том конце провода извинился, снова
заговорил в трубку:

— Только что получены интересные данные. Чело-
века по фамилии Немец, о котором вы говорили, виде-
ли в доме убитого вместе с Пименовым. Он приходил
к сестре. Сейчас Валерию Немец допрашивают. Ее бра-
та мы объявляем в розыск...

Повести и рассказы, собранные в этой книге, относятся к жанру, который принято называть детективным или просто детективом. Вокруг него сломано немало копий, кипели, да и не утихли до сих пор горячие споры, в основном продуктивные, а иногда и надуманные. Действительно, поспорить есть о чем, бесспорно только одно — постоянный читательский интерес к жанру, иногда даже с излишком снисходительности. Излишек этот и волнует прежде всего критику. Читательскую снисходительность критики нередко путают со всеядностью, что вовсе не одно и то же, проявляя в этой связи постоянную озабоченность, можно даже сказать — избыток требовательности: «Право на существование имеет детектив только высокого качества!»

Мысль экстремальная и на первый взгляд заманчивая: издавать и читать только лучшее! Однако литература, — а детектив ее неотъемлемая часть, как бы ни пытались некоторые ревнители выделить для него отдельный загончик за высоким забором, — в чем-то подобна магниту, в котором невозможно отделить один полюс от другого. Невозможно, да, я думаю, и не нужно разделять и противопоставлять классиков и смертных. Невозможно и определять качество по какой-нибудь искусственной шкале вроде: Агата Кристи — Конан Дойл — Эдгар По. И вполне естественно, что к читателю практически по разным причинам попадают книги самые разные — и хорошие, и... похуже. Конечно, когда похуже — огорчаешься, когда хорошие — радуешься.

Книги Леонида Словина хорошие. Я так считаю не только потому, что читаю их с удовольствием и пользой, и не потому, что много лет знаю автора и испытываю к нему добрые, дружеские чувства. Леонид Словин дважды был лауреатом литературных конкурсов Союза писателей СССР и МВД СССР, книги его известны и у нас в стране, и переводились за рубежом. Устойчивую литературную репутацию Словин обрел не случайно. Произведения его выделяются тем самым «лицом не общим выраженьем», творческой индивидуальностью, своеобразием, без которого нет настоящей литературы, их не спутаешь с книгами других авторов, хотя за детективы и взялись сейчас многие.

Что же, на мой взгляд, выделяет из общего ряда повести Словина? Что в них наиболее интересно? Свообразным ключом к ответу на эти вопросы могут стать, как мне кажется, названия двух

его книг — «Такая работа» и «Астраханский вокзал». Очень коротко и концентрированно в этих названиях обозначено главное — суть деятельности героев Словина и основное место их деятельности, быстротекущий людской поток, мнимо однообразный на поверхности и бурлящий всевозможными жизненными коллизиями на самом деле.

Слова «такая работа» часто встречаются в произведениях, повествующих о милицеских подвигах и буднях. Иногда их произносят с гордостью, иногда устало, бывает, что кокетливо, бывает, что и не к месту. У Леонида Словина они прозвучали двадцать лет назад. Так называлась первая его повесть, напечатанная в Ярославле. Название оказалось на редкость точным и, хотя автор вряд ли ставил перед собой такую цель, стало программным. Словин писал и пишет о работе, которую сознательно выбрал для себя в юности и которую не оставлял много лет, уже прочно утвердившись в литературе. Два с половиной десятилетия его трудовой жизни неразрывно связаны с милицией, со службой в уголовном розыске. В отставку он ушел с должности заместителя начальника уголовного розыска отдела внутренних дел Павелецкого вокзала в Москве. Казалось бы, человек с таким жизненным и профессиональным опытом должен тяготеть к документальной, очерковой прозе, писать «невыдуманные истории». Но призванием Словина оказалась литература художественная, где художественный вымысел занимает полноправное и ведущее место, его герои не слепок с реально существующих людей. И тем не менее произведений выдуманных у Словина нет. Столь важное для читателя ощущение достоверности возникает сразу, и возникает не только потому, что автор прекрасно знает и передает атмосферу «такой работы», но и потому, что герои его именно работают в самом будничном и повседневном смысле этого слова. Служебные задачи, возникающие перед ними, могут быть и таинственными, и загадочны, и почти всегда трудны, и требуют незаурядного умственного напряжения, но это не «игра ума», а именно работа, которую ведут по призванию и долгу люди, находящиеся на службе государству и обществу.

Известно, что любимый герой западного детектива — лицо частное, сыщик-одиночка, почти всегда вступающий в конфликт, а то и противопоставленный представителям официальной законности. У нас частный детектив невозможен, ибо интересы личности охраняет государство. Его представители не могут действовать в одиночку. В борьбе с преступником, особенно опасным, всегда участвует группа людей. Эта реальность жизни находит отражение и в литературе, но ставит писателя перед специфической трудностью — описать ярко и убедительно многих людей сложнее, чем одного.

Между тем образ главного героя часто определяет успех произведения. Даже у Конан Дойла немало очень простых фабульных схем, но есть Шерлок Холмс, и мы с увлечением читаем весьма незамысловатые рассказы вроде «Голубого карбункула». Читаем, принимая, разумеется, «правила игры», ведь нельзя же всерьез любоваться обжорством Ниро Вулфа или тем, как тщательно ухаживает за своими усами Эркюль Пуаро! У советского автора такие детали выглядели бы странно, они не создавали, а разрушали бы образ героя. А героя любит и наш читатель. И требуются большой писательский такт и мастерство, чтобы, убедительно показав группу единомышленников, выделить в ней подлинного лидера, за которым в первую очередь последует читательское внимание и которому автор доверит свои главные, сокровенные мысли, поручит нанести решающий удар в трудном поединке.

Такой человек у Словина — Денисов. К слову «человек» следует добавить — молодой, потому что Денисов пока не обременен ни годами, ни высокими званиями. Денисов присутствует в большинстве произведений Леонида Словина, и читатель имеет возможность проследить его не очень продолжительный, но уже насыщенный событиями жизненный и служебный путь, оценить профессиональное мастерство, хорошо узнать и полюбить.

При этом автор не «рекламирует» своего героя. Не понуждает читателя восхищаться его профессиональными откровениями, хотя ум Денисова, конечно же, проницателен, не позволяет хвастаться, не наделяет экзотической внешностью и причудами. В отличие от Холмса Денисову некогда играть на скрипке, и он знает, что опиум — зло. Он скромен, ненавязчив, деловит. Его внешняя, черновая работа удачно показана автором в сочетании с внутренней, с работой мысли. И хотя Словин доверяет читателю почти все, что знает его герой, как бы предлагая совместно поучаствовать в увлекательном поиске, он строго следует законам жанра — не проницательный читатель, а Денисов первым приходит на финиш. И это закономерно, и, я думаю, в интересах читателя.

Опережает Денисов и товарищей по работе. Среди них хочется выделить капитана Антона Сабодаша, действующего наряду с Денисовым во всех вещах нового сборника. Словин нашел очень тактичную тональность в изображении этого симпатичного, добро-совестного офицера милиции, не наделенного, однако, денисовской способностью к анализу, особым даром сыщика, что не мешает обоим выполнять успешно общее дело.

Собранные вместе повести и рассказы прочно объединяет другой «главный герой» Словина, о котором уже упоминалось, — вокзал, названный автором Астраханским. Неважно, что название это вымышленное, вокзал действительно существует, и не только на реальной железнодорожной магистрали, он живет своеобраз-

ной, во многом ни на что не похожей, многоликой жизнью, с массой постоянно и эпизодически действующих людей в сборнике «Обратный след», как и в других книгах Словина. Он умеет показать эту жизнь, казалось бы, знакомую каждому, с неожиданных сторон, в ее непрерывной динамике, разворачивая действие во времени и пространстве, в трудовой специфике, в буднях и ЧП.

Одновременно вокзал играет роль и той условной отправной точки, откуда Денисов и его товарищи уходят в сложный мир человеческих отношений, столкновений характеров и идей, ведь наряду со служебной задачей — раскрыть и задержать — и даже раньше ее писатель ставит задачи нравственные, ибо в этом смысл настоящей литературы, в том числе и детектива. Больше того, детектив дает возможность показать нравственные конфликты в самой острой, наглядной форме, в обнаженно-критической ситуации. И Леонид Словин широко использует эти возможности во имя торжества социалистических нравственных идеалов. Добро и зло сталкиваются у него непримиримо, даже когда столкновение происходит не напрямую. В одной из лучших, на мой взгляд, повестей Словина — «Пять дней и утро следующего» — не умышленное злодейство, но подлость толкает к гибели чистых душой молодых людей. То, что случилось, уже не поправишь, но глубокое проникновение Денисова в нравственную ситуацию позволяет увидеть за малопонятным вначале несчастным случаем высокие человеческие чувства, оценить их и противопоставить низости и пошлости.

Непримиримость ко злу и его носителям всегда характерна для творчества Словина. Недвусмысленную позицию занимает автор и в повести «ЧП в вагоне 7270», где преступники показаны жестко, без набившей уже оскомину псевдоромантики или попыток переложить вину на недосмотревшую общественность и недостатки воспитательной работы.

Успешно и действенно сочетая художественность и гражданственность, произведения Леонида Словина служат важнейшему делу воспитания человека социалистического общества. Новая книга открывает читателю еще одну интересную страницу творчества этого талантливого писателя.

Павел Шестаков

СОДЕРЖАНИЕ

ОДНОДНЕВНАЯ КОМАНДИРОВКА	3
ЧП В ВАГОНЕ 7270	27
СВИДЕТЕЛЬСТВО ЛАБРЮИЕРА	125
ПОДСТАВНОЕ ЛИЦО	158
ОБРАТНЫЙ СЛЕД	241
Павел Шестаков. <i>Непримиримость ко злу</i> . . .	331

Словин Л. С.

С48 Обратный след / Послесл. П. Шестакова. —
М.: Мол. гвардия, 1984. — 335 с., ил. — (Стрела).

В пер.: 1 р. 30 к. 100 000 экз.

В книгу Л. Словина вошли повести о сотрудниках транспортной милиции. Главный герой их — старший оперуполномоченный уголовного розыска Денисов, уже знакомый читателям по книгам «Астраханский вокзал» и «Пять дней и утро следующего», удостоенным дипломов на конкурсах МВД и Союза писателей СССР.

С 4702010200—322
078(02)—84 — 195—85

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 3789

Леонид Семенович Словин

ОБРАТНЫЙ СЛЕД

Редактор Т. Костина

Художник Г. Новожилов

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Г. Варыханова

Корректоры И. Тарасова, Т. Пескова, В. Назарова

Сдано в набор 23.07.84. Подписано в печать 14.11.84. А00873.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 3. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-
отт. 18,06. Учетно-изд. л. 18,8. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 30 к.
Заказ 1039.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

Леонид Семенович Словин родился в 1930 году в городе Черкассы. В 1952 году окончил юридический факультет МГУ, работал адвокатом в Костромской областной коллегии адвокатов. С 1956 года — в органах МВД СССР. Двадцать с лишним лет проработал в уголовном розыске московской транспортной милиции.

Печататься начал в 1965 году. Л. С. Словин — лауреат Всесоюзных литературных конкурсов Союза писателей и МВД СССР на лучшее произведение о советской милиции.